

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

47-том

МАҚАЛАЛАР, ТЕЗИСТЕР, СӨЗДЕР,
СТЕНОГРАММАЛАР, ПІКІРЛЕР, ПЬЕСАЛАР,
СЦЕНАРИЙЛЕР, ЗЕРТТЕУ, ЛЕКЦИЯ

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122

ББК 84 Қаз-7

Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы У. Қалижанов

Кеңес мүшелері:

Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С., Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш., Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

47-том: Мақалалар, тезистер, сөздер, стенограммалар, пікірлер, пьесалар, сценарийлер, зерттеу, лекция. – 456 б.

ISBN 978-601-294-189-0

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 47-томына бұрын еш жерде жарияланбаған “Қынаптан қылыш” пьесасы, осы пьесаның орысша нұсқасы, “Енлік – Кебек” трагедиясының автордың өзі жасаған сөзбе-сөз аудармасы, “Три желания” сценарийлері енді. Сонымен қатар “Позор торговцам судьбою и совестью народов!”, “Тагордың кемеңгерлігі”, “Неиссякаемый источник благодарной радости”, “О казахской литературе”, т.б. мақалалары, әдебиет пен өнер саласы бойынша Лениндік сыйлықтар беру комитетінде сөйлеген сөздері, тезистері мен пікірлері, абайтанудан студенттерге оқыған лекция мәтіні берілді. Томға кірген материалдардың көбі алғаш жарияланып отыр.

Кітап ғылыми қызметкерлерге, студенттерге, жалпы әдебиетті сүйетін жұртшылыққа арналған.

УДК 821.512.122

ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-189-0 (47-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

**Мақалалар,
тезистер**

ПОЗОР ТОРГОВЦАМ СУДЬБОЮ И СОВЕСТЬЮ НАРОДОВ!

Снова народы мира с глубоким осуждением и презрением следят за кровавым разбоем империалистических хищников. Английские и французские колонизаторы начали жестокую агрессию, пустив в ход на расправу с Египтом наземные, воздушные, морские силы Англии, Франции, Израиля. Несмотря на осуждение Генеральной Ассамблеей ООН их насилия, они уже несколько суток бомбардируют Египет, его густонаселенные города, районы. Вновь льется невинная кровь матерей и детей беззащитного мирного населения. Это происходит в том Египте, который многими десятилетиями терзали, эксплуатировали, поработали те же колонизаторы Англии, Франции.

Виною египетского народа явилось лишь стремление упрочить свою только недавно приобретенную независимость от английского разбойничьего, колонизаторского империализма, от алчности его монополий, кампаний, высасывавших кровь и соки бесчисленных поколений египетского народа.

Какою ценою было приобретено Египтом освобождение его от английского рабства? Ценою жизней, надежд, высоких идеалов за свободу и равноправие своего народа в семье миролюбивых, равных народов мира. Сколько лучших сынов и дочерей и не одного, а многих и многих поколений отдали все, что могли, за освобождение Египта! А разве не имел права мечтать и дерзать в самых сокровенных своих стремлениях египетский народ за независимость, за освобождение от оков колониального порабощения? Он имел эти права, как все ныне освобожденные своей героической длительной борьбой славные народы-зачинатели новой эры

антиимпериалистического, антиколониального движения — народы Азии и Африки. Только за это, что посмел Египет ныне стать еще более прочным, экономически и политически независимым в пределах только своей земли, своих же границ, обрушивают на него английские, французские бомбардировщики мстительный огонь зла, хищного нечеловеческого насилия, дьявольской ярости. Они это делают, ссылаясь на право разбойников, мировых пиратов, торговавших и торгующих судьбою народов, ссылаясь на право многовековых господ рабовладельцев.

Что им за дело до того, что Египет занимает особое место в истории многих и многих народов Среднего и Ближнего Востока, как средоточие этой восточной культуры. Что значит для них гибель, истребление под их бомбами библиотеки Александрии, знаменитого Университета Аль-Азхар в Каире — этих великих центров древней и новой арабской образованности и культуры, дорогих для всех без исключения народов Азии и Африки тем, что в них обучалось студенчество множества народов Востока. Пусть горят, гибнут, превращаясь в пепелища, эти очаги культуры... ведь там не горят дивиденды держателей акций Суэцкой компании, ради которой и начата настоящая кровавая провокация-бойня.

Сознавая подобную вопиющую несправедливость и разбойничье, унижительное попрание прав египетского народа, идут сейчас, в эти дни в армии добровольцев, армии народного ополчения мужчины, способные ношению оружия. И не только мужчины, а египтянки матери, жены, дочери тоже объявляют себя бойцами этой армии борцов за честь и спасение своей родины.

Воочию убеждаясь в насильнических актах агрессии со стороны Англии, Франции и Израиля, выражают свое единоедушное осуждение этой агрессии народы Индии, Индонезии, Китая и многих и многих других стран мира. Верный интересам всех угнетенных народов Азии и Африки советский народ ежедневно, ежечасно высказывает устами отцов, матерей всего братского содружества своих народов вечное проклятье агрессорам Западной Европы.

Английские, французские империалисты торгуют не только судьбою народов, но они оскорбляют честь и волю также своих английских и французских народов. Вместе с

мировым общественным мнением, ставшим в защиту Египта, повседневно возрастает волна общественного осуждения, возмущения поступками своих правителей в широких кругах английского и французского народов. Общественность этих стран выражает своим решительным отпором поджигателям новой бойни возмущенную совесть народа. Но и ею, и совестью своих народов продолжают торговать английские и французские колонизаторы. Потому еще больше заслуживают они презрения и беспощадного осуждения перед лицом всего передового, миролюбивого человечества. Позор английским, французским, израильским торговцам судьбою и совестью народов!

ТАГОРДЫҢ КЕМЕНГЕРЛІГІ

Үнді халқының рухани мәдениетінің даналыққа толы, әрі алуан түрлі, ұлан-ғайыр аясында Рабиндранат Тагордың¹ тамаша тұлғасы ғажайып жарқырап көрінеді. Ол шет жұрттың бұғауынан босар шақтағы жаңа Үндістанның құдіретті де қуатты бейнесіндей. Оның тұлғасы Батыс пен Шығыс мәдениетінің тұтаса тоғысқан бір әлеміндей, асқар алып шыңындай.

Өз шығармаларының бүкіл мазмұнымен, өзгеше бітімімен өзінің үнді дүниесімен етене байланысты. Оның үстіне, Тагор — қазіргі заман талабына тіл қатқан лирик-ақын; Тагор — новеллист әм романист; Тагор — драматург, публицист. Өзінің өзгеше жазушылық мәдениетінде ол қазіргі Батыстың творчестволық дәстүрлерін де мол баураған.

Бұл күндері, ұлы ақынды барша жұрт дән разы көңілмен еске алып жатқан шақта, әрқайсысымыздың да ол жайындағы ой-толғаныстарымызды аздап та болса айтпасақ лажымыз жоқ. Бұл орайда мен Рабиндранат Тагордың өзгеше әрі айрықша бақытты тағдыры жайында ең алдымен атап айтар едім.

Бағзы бір ақындар, жалпы творчество адамдары болады. Олардың мұрасы лап етіп, жарқ ете қалады да, тас қараңғы сөніп жүре береді. Тарих үшін олар бейне бір құйрықты жұлдыздай. Бірақ сөніп жоғалуы да тез. Бұлардан алуаны бөлек ақындар, суреткерлер бар. Олардың шығармалары сіздің ой-сана көгіңізде мәңгі-бақи сөнбейді, өмір бойы тап қасында болады. Олар бейне бір тарихтың шұғыла шашқан серігіндей. Тагор тағдыры да осыған меңзес. Бұл орайда бір халықтың перзенті болған Тагор бұл күнде талай-талай халықтың ұлы болып кеткенін, бір кезде екі тілде (бенгал және ағылшын) жазған ақын қазір екі жүзге тарта тілде

сөйлейтінін, бір ғана елдің – Үндістанның ғана адамы енді барша жұрттың, бүкіл бес континенттің азаматы болғанын қалайша еске түсірмессің. Бір ғана тарихи дәуірде дәурен кешсе де, ол болашақ сан-сан ғасырлар бойына да өлмей, өшпей, жасай бермек. Міне, бұл ақынның кісі қызығарлық талайы, бақытты тағдыры осындай.

Рас, бұл жайды басқа замандарда өмір сүрген, басқа жұрттардың классиктеріне орайластырып та айтуға болады. Сол жайды Тагорға тұтастай арнап айтудан оның бағасы кемімейді. Бұл – Тагор әлем әдебиетінің санаулы ғана классиктерімен терезесі тең халде, соларға барабар күйде деген сөз. Оның атақ-даңқы шартарапқа жайылуы да осыдан. Бүкіл жұмыр жер оның Отанына айналды.

Бірақ Тагор жайында сөз еткенде, біздің еліміздің – Совет Одағының жөні айрықша бөлек. 1913 жылдан бастап Тагор Россияда орыс, грузин, татар тілдерінде шығады. Ал совет дәуірінде оның шығармалары Совет Одағының 18 халқының тілінде 180 рет басылып шықты. Сол шығармалардың жалпы тиражы – 3 миллиондай.

Ал енді, яғни туғанына жүз жыл толуына байланысты Тагор Совет Одағындағы қырық халықтың тілінде аударылып шықпақ. Бұл айтылғандар Тагор өзіміздің төл әдебиеттеріміздің бір классигіндей болып кеткенін көрсетеді.

Бейбітшіліктің дүниежүзілік Советінің ұранына үн қосып, Қазақстан жұртшылығы 1961 жылы 7 майда Тагордың туғанына 100 жыл толуын молынан мерекелеуге әзірленіп жатыр. Қазақ халқына Тагор ежелден-ақ, яғни орыс тіліне аударылған шығармалары арқылы мағлұм. Тагор шығармаларының орыс тіліндегі он екі томдығы Қазақстанда да кең таралды. Қалың жұрттың Тагорға деген ықылас-пейілін ескере отырып, Тагор шығармаларын қазақ тілінде үш том етіп шығару қажет деп табылған еді. Енді Тагор шығармаларының бес томдығы қазақ тілінде шығарылмақ. Тагорды аудару ісі одан әрі де жалғаса бермек. Республикалық және облыстық газеттер Тагор күнін мерекелеп өтуге даярлық үстінде. Тагорды еске түсіруге арналған сурет көрмесі де әзірленуде.

Бір нәрсе айдан анық. Тілдік-нәсілдік және ұғымнанымдық шектен аттап өтіп, Тагор біздің еліміздің халық-

тарына келіп жетті. Ол әр семьяға ананы мейірлендіре, жастық шақты қанаттандырса, әкені даналық ойға кенелдіре келді, халықтардың, тіпті бүкіл прогресшіл адам баласының бауырластық ұлы сезімін нығайта келді. Осы орайда біз Тагордың мұрагері, мирасқоры тәріздіміз. Рас, біз оның шығармаларын түпнұсқада, ағылшын немесе бенгал тілінде оқи алмаймыз. Бірақ біз үнді классигінің прозасы мен өлеңдерін туған еліміз халықтарының өзімізге түсінікті бес-алты тілінде оқимыз. Сөйтіп, біздегі әр жазушының рухани қорында Тагор мәдениеті мен творчестволық тәжірибесінің де өзіндік орны, мән-мағынасы бар.

Өзінің творчестволық тағдырын өз халқының, өз елі-жұртының тағдырымен табыстыруды да терең, толғана ойлаған талай-талай жазушы Тагор мұрасындағы нәр мен құнардан ғажайып тағылым табады.

Өзінің әдеби творчествосы, суреттері мен публицистикасы, белсенді қоғамдық-саяси қызметі арқылы Тагор басқа жұртты өз халқының рухани өмірімен, тұрмысымен, дәстүрімен, әдет-ғұрпымен, оның қуанышымен, қайғы-қасіретімен таныстыруда ұлан-ғайыр іс тындырды.

Россиядағы Ұлы Октябрь революциясынан кейін, Рабиндранат Тагор интернационализм идеяларын әсіресе беріле насихаттады. Ал Амритсардағы бейбіт демонстрацияға оқ атылғанда, ол өзіне 1915 жылы ағылшын үкіметі сыйға тартқан баронеттік құрметті титулдан бас тартты. “Менің отандастарымды адам қатарында санамай, аяқ асты етіп жатқанда, – деп жазды ол, – менің қандай да бір артықшылық көруім мүмкін емес. Мен бұған ұяламын”.

Жас советтік республика – өзіне де, халыққа жат империализм системасына, отаршылдыққа қарсы тұратын күш екендігін Тагор көре білді.

Тагорға тұстас Үндістанның өмірі, оның езілген, қорлық көрген халқы өмірінің әлеуметтік-психологиялық, саяси-қоғамдық жақтары, тұрмысы, отаршылдардың халықты қайыршылыққа душар етуі – міне, Тагор творчествосының негізгі тақырыбы осы еді. Тагор – тек Үндістанның ғана емес, сонымен бірге бүкіл дүниежүзі халықтарының, халықаралық ынтымақ пен көктеп өсу, гуманизм идеяларын ардақ тұтатын жандардың баршасының аса ұлы мәдени жеңісі болып табылады.

Тагор әңгімелерінің феодализм мен отаршылдыққа қарсы бағытталғандығы да даусыз. Рас, бұл әңгімелер күреске ашықтан-ашық шақырмайды. Бірақ олар объективті түрде соған үндейтіні күмәнсіз. Жазушы халықтың асқақ моральдық, адамгершілік бейнесін нанымды да шынайы ашады, оның ауыр, қараңғы өмірін көрсетеді. Тагор әңгімелерінің аса құнды ерекшеліктерінің бірі де осында. Ол қарапайым жандарды мейірлене суреттейді және байлардың сарайларынан гөрі жадау лашықтарда адамгершілік мол екендігіне оқушының көзін жеткізеді (“Пәруайсыз Гамканая”, “Оңалмас бақытсыздық” және басқа да әңгімелер).

Оның “Тау” атты романы бүкіл үнді әдебиетіне зор ықпалын тигізді. Тагормен тұтас және оның мұрагерлері болған көп жазушылар сол романнан тағылым алды. Езіліп қаналған, қасірет шеккен Үндістанға деген аяулы сүйіспеншілік сезімі романның әр тарауынан-ақ байқалады және елді азат ету жолындағы күреске үндейді. Бұл – Үндістандағы сыншыл реализмнің аса ірі тұңғыш шығармаларының бірі.

Социализм еліне келіп қайтуы жазушының дүние тануының өсіп, толысуындағы ерекше бір кезең болды. Тагор мәдениет қайраткерлерімен, шаруалармен, студенттермен, пионерлермен кездеседі, СССР-дағы ағарту жүйесіне, ауыл шаруашылығын дамыту тәсіліне ықылас қойып, көңіл бөледі. Ол халық бұқарасына білім беру және мәдениет мәселесіне де зор ынта қояды.

Сол кезде сөйлеген сөздерінің бірінде ол былай дейді: “Менің қызметім – тәлім-тәрбие беру. Адам баласын толғандырған мәселелердің бәрі де өзінің түбегейлі шешімін тәрбиеден табатындығына мен сенемін”. Тагордың совет адамдарымен кездесуі жүрек тебіренерлік жағдайда өтті. 1930 жылы 17 сентябрьде Москвада Тагордың соңғы жылдары салған суреттерінің көрмесі ашылды. Соғыс атаулыға жаны қас Тагор жаңа соғыс өртін тұтандыруға даярланып жатқан империалистерге өшпенділігі өршіген сайын гуманист-жазушының Совет Одағына деген достық сезімдері, татаусыз ықыласы соншалықты өсіп, тереңдей түсті.

“Цивилизация дағдарысы” (1941 жылдың апрелі) атты мақаласы жазушының публицистік қызметінің

қорытындысы тәрізді болды. Бұл мақала Үндістанды езіп-жаншыған британ империализміне деген кекті қарсылық, айбарлы айыптау рухына толы. “Тарих дөңгелегінің жүрісі көп кешікпей ағылшындарды Үндістаннан кетуге мәжбүр етеді. Сонда олар артында не қалдырмақ? Олардың екі жүз жылға созылған өктемдігінің тасқыны суалып тартылғанда, олардың соңында балдыр басқан, кір-лайсаң жайлаған телегей ғана қалады”, – деп жазды Тагор.

Рабиндранат Тагор үнді әдебиетінің дамуына тұтас дәуір құраған шығармалар тудырды. Оның шығармалары терең лиризмге, өмірдің шұғылалы нұр шапағына толы. Тагордың өз Отаны азат болуын аңсауды мұрат етуден туған аса ірі айтулы шығармаларын мәнгі-баки ескірте алмайтын да осындай қадір-қасиеті.

ПОЭМА “АЙМАН – ШОЛПАН”

Поэма “Айман – Шолпан”, названная так по именам героинь ее – родных сестер, относится к группе народных лирико-бытовых эпических песен. Имя певца, слагателя этой песни, не дошло до нас, и поэма долгое время бытовала, как и подобные ей другие виды народного эпоса, изустно, от лица анонимного певца-сказителя.

Судя по именам таких действующих лиц поэмы, как Котибар, Есет и др., живших в середине прошлого столетия и известным по другим источникам как подлинные исторические личности, возникновение поэмы также нужно отнести ко времени не ранее середины XIX века.

Из числа народно-бытовых поэм “Айман – Шолпан” уступая по своим художественно-стилевым поэтическим качествам таким шедеврам казахского лиро-эпоса, как “Кыз Жибек” и “Козы Корпеш – Баян Слу”, все же являлась одной из самых популярных песен прошлого. Популярности ее, очевидно, способствовала реалистически бытовая, жизненно правдивая особенность ее образно-сюжетной основы.

Одним из главных действующих лиц поэмы является старый Котибар. По другим преданиям и историческим данным, Котибар известен как один из крупных участников народного восстания против царизма и ханов – ставленников его. Борьбу Котибара продолжали его сыновья (Есет) и потомки (внук Бекет). Последний в 60-х годах возглавлял огромную напряженную борьбу народа с султаном Арыстаном в пределах нынешней Актюбинской области и, победив султана, обезглавил его, за что народ сложил о нем героическую историческую песню под названием “Бекет”.

Но в поэме “Айман – Шолпан” Котибар выведен не со стороны общественно-полезной исторической роли его.

Поэма не историческая, в смысле показа, воспевания каких-нибудь исторических крупных событий, столкновений. Это бытовая поэма, в ней изложен частный бытовой эпизод из жизни Котибара. Основное содержание поэмы заключается в борьбе Котибара с баем Маманом за гегемонию в пределах родовых владений. И сам Котибар изображен здесь как яркий носитель противоречий феодально-родовой старины, феодально-родовой тяжбы за господство среди смежных родов. Его набег на аул Мамана, насильный увод дочерей Мамана Айман и Шолпан, а также попытка его, старика, жениться против ее воли на красавице Айман, наряду с замечательно тонкой и умной борьбой Айман за спасение своей личности переключают всю сюжетно-драматическую линию борьбы в план чисто бытовой драмы или, еще точнее, бытовой трагикомедии.

А Котибар со всеми своими самодурскими, в данном случае, стремлениями и поступками, начавшимися с его набегов и кончающимися беспомощным, вынужденным возвращением Айман к ее жениху Алибеку, становится в поэме иронически изображенным образом. В поэме замечательно правдиво и художественно четко очерчены характеры ее героев, их борьба и вся сложная сеть людских взаимоотношений.

Особо выделяется здесь образ Айман, так умно, последовательно и решительно борющейся за личную свободу и спасающей свою молодость и свое независимое чувство любви к своему жениху.

Мастерство сюжетной ткани поэмы заключается в утонченной борьбе и конечной победе пленницы Айман над сильным и грозным Котибаром. Среди бытовых поэм эта песня отличается таким особо оригинальным и волевым образом девушки-героини. Этой особенностью, очевидно, и объясняется популярность поэмы.

Впервые “Айман – Шолпан” напечатана Казахским издательством в 1905–6-м годах.

Сейчас на эту тему написана музыкальная комедия Ауэзовым и в последние годы это драматическое произведение легло в основу новой казахской оперы “Айман – Шолпан”.

О КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Казахи говорят на языке казахском. Он родственен языкам: татарскому, киргизскому, узбекскому, каракалпакскому, туркменскому, азербайджанскому. Эту группу языков филологическая наука именует тюркской. На казахском языке из глубины веков, приблизительно из XII–XIII столетий, дошли до нас ранние героические сказания XIV века – богатырские былины, лирические бытовые поэмы, сказки, легенды и многие другие памятники устного народного творчества. Все эти образцы далекого прошлого восполнялись дальше творениями более поздних веков – XV–XIX столетий в виде состязательных экспромтов и импровизаций: айтыса, исторических песен, героического эпоса и в виде многих форм лирических, бытовых, обрядовых, производственных (связанных с трудовыми процессами кочевников) песен, преданий, поэм и т.д.

Первоначально казахская письменность пользовалась арабским алфавитом, не приспособленным к фонетическим, грамматическим законам казахского языка. Сейчас казахи имеют свой казахский алфавит, созданный согласно особенностям казахского языка, его фонетики на основе русской графики.

С начала XVIII века наряду с богатой устной поэзией выделяются еще поэты (акыны, жырау) индивидуального личного творчества (Бухар жырау, Шал, Жанак, Марабай и др.), иные из них являются талантливыми исполнителями дошедших до них лучших образцов богатырского эпоса, лирических любовных поэм, таких как: “Кобланды батыр”, “Ер Таргын”, “Камбар батыр”, “Козы Корпеш – Баян Слук”, “Кыз Жибек” и т.д.

Состязательные песни айтыс (словесный поэтический турнир экспромтами, импровизациями) перед аудиторией

слушателей и ценителей составляют самый трудный, но любимый жанр казахского народа, высоко ценящего остроумное поэтическое песнетворчество. Образцов айтыса в истории казахской литературы имеется огромное множество. И эту форму публичных поэтических диспутов-состязаний импровизированными стихами в Казахстане почитают и сохраняют наши народные акыны (поэты) до сих пор.

В развитии казахской классической письменной литературы сыграли выдающуюся роль такие европейски образованные, просвещенные деятели культуры Казахстана, как Чокан Валиханов (1835–1865), Ибрай Алтынсарин (1841–1889), Абай Кунанбаев (1845–1904).

Все они являлись выдающимися просветителями, новаторами в истории литературы и культуры своего народа. Помимо родной литературы, еще в глубокой степени усвоили передовые гуманистические, прогрессивные традиции русской классической литературы и через нее переняли многие передовые культурные традиции мировой классической литературы Запада и Востока.

Абай, например, перевел на казахский язык не только стихи Пушкина, Лермонтова, басни Крылова, но так же талантливо, прекрасно переводил отдельные стихи Байрона и Гете.

Казахская советская литература унаследовала обе традиции дошедшего до нас литературного наследия казахов, а именно: традиции устного творчества и новой письменной классической литературы казахов. С одной стороны, начали дальше развиваться самые разнообразные формы устного песнетворчества — рождались лучшие образцы народной песни импровизации. Сохранившие передовые народные приемы и навыки, лучшие акыны из толщи казахского трудового народа начали во всех концах республики создавать песни, поэмы, айтысы, сказания о революции, о своем советском государстве, обо всем новом и отрадном, что пришло в степь, в казахский аул вместе с социалистическим преобразованием жизни края и всего народа. Так, великим, прославленным на весь Советский Союз, широко популярным народным акыном, великаном советской народной поэзии стал Джамбул Джабаев.

А казахская современная письменная литература, продолжая и широко развивая все лучшее, унаследованное от классиков XIX века, достигла за сорок два года революции небывалого роста, расцвета. Она развивается вширь и вглубь. Родились новые разнообразные культурные жанры художественной литературы. До революции и в письменной литературе господствовала лишь одна поэзия. А теперь казахская литература наших дней представлена: художественной прозой, драматургией, критикой, историей и теорией литературы, журналистикой и многообразной богатой переводной литературой на казахском языке.

Лучшие образцы казахских романов переведены на многие языки народов Советского Союза и за пределами его. А роман “Путь Абая” переведен на 28 языков, в том числе и на английский, французский, немецкий языки. Все это свидетельствует о том, что своими отдельными выдающимися произведениями современная казахская литература выходит на всесоюзную и на мировую арену. Казахские писатели имеют свою самостоятельную писательскую организацию, насчитывающую в своем составе 180 писателей. Союз писателей имеет свои периодические издания: литературную газету “Қазақ әдебиеті” (“Казахская литература”), журналы: “Жұлдыз”, “Простор”. В Алма-Ате к услугам писателей Казахстана имеется специальное издательство художественной литературы. Оно имеет свои большие издательские планы.

Переведенные на казахский язык, изданные в Алма-Ате лучшие произведения американских выдающихся писателей читаются десятками тысяч казахских читателей на своем языке. Так переведены на казахский язык произведения: Марк Твена, Бичер-Стоу, Джека Лондона, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя, Митчела Уилсона и многих других авторов.

И.В. СТАЛИН И ДРУЖБА НАРОДОВ

Непоколебима вера в сердцах советских людей в бессмертие гения, его наследия, его трудов и деяний. С таким единым, ясным чувством живут в дни своей безмерно глубокой скорби все поколения социалистических наций Советского Союза.

Не мирится сознание с понятием смерти применительно к личности товарища Сталина. Невообразимо оно, будто произошло нечто непредставимое в сфере мировой, в космических пространствах. Или дневное светило неожиданно померкло в полдень, будто полная луна в прозрачной, звездной вышине вдруг утаила свое сияние... Так не мирится всегда сыновнее сердце с потерей родного отца, матери — самого дорогого в жизни. Именно таким сыновним чувством были привязаны к И.В. Сталину народы нашей страны. Потому весть о кончине вождя воспринята как самое близкое, глубоко личное, собственное горе каждой отдельной личности. Вместе с всенародным, общим для всей страны горем, каждый из нас воспринял уход товарища Сталина из нашей среды как невозполнимую собственную утрату.

В подобных сокровенных мыслях и чувствах каждой отдельной личности сказалась та жизненно-историческая правда, которая запечатлена в каждой личной биографии наших людей — представителей разных возрастов, разных полов, разных национальностей. С именем Сталина связаны судьбы детства, юности, отцовства и материнства, связаны успехи восхождения, личные победы, достижения, связаны сокровенные надежды на ближайшее, также связана непоколебимая вера, мечты и дерзания на грядущее.

Такова незримая, навсегда закрепленная, любовно взлелеянная дружеская связь миллионов сердец с именем

и образом вождя. А из этих личностей состоят коллективы, общество, огромные массивы людские, состоят, наконец, народы, нации.

Любя своего гениального вождя, одновременно все отдельные личности, граждане, сыны своих наций в этой своей любви воплотили слияние чувств, мыслей, любящих Сталина, Родину и партию широчайших масс своего народа.

Как гений и бессмертие дел Сталина отражены в мыслях и чувствах, в трудовых достижениях — в крови и в сердце каждого советского человека, так же все эти личности в целом слагают и выражают великую дружескую сплоченность наших коллективов, обществ, народов. Это навеки скрепленная нерушимая ленинско-сталинская дружба народов Советского Союза.

Много сторон гения И.В. Сталина, много великих вкладов его в историю прогрессивного человечества. И одна из этих сторон — это новое в мировой истории человечества — решение им национальной проблемы, отношений между народами в виде ленинско-сталинской дружбы народов.

Это величайший из его вкладов в историю Советского государства, в историю народов земного шара. Вместе со всем этим, оно же означает солнечно озаренную полосу счастливой истории ранее угнетенных народов бывших российских окраин.

Неисчислимы те блага, что дала всем нашим народам сталинская дружба народов. И каждая отдельная историческая судьба любого, взятого к примеру советского народа, во всей полноте продемонстрирует миру, чего достиг он благодаря лишь сталинской дружбе народов.

Точно и исчерпывающе красноречиво сможет поведать один казахский народ о своих исторических обретениях как о результате забот и отеческого внимания Сталина. Более полувека своей многотрудной, гигантской деятельности отдал И.В. Сталин делу борьбы за коммунизм — борьбы на благо трудового человечества. И столь же времени посвятил он теоретической разработке и организационно-государственному, историческому разрешению вопроса национального, вопроса о судьбах, путях и перспективах развития многочисленных национальностей нашей Родины.

Вереницей незабвенных в веках памятных дат, неизгладимых в историях событий предстают перед нашими взорами учения, мысли-откровения, призывы, предудказания Сталина по национальному вопросу за эти полвека.

Он начинает восполнять марксизм в данной области еще со своего труда, написанного задолго до революции, “Марксизм и национальный вопрос”.

А в первые же дни октября, в день 16 ноября 1917 года ленинско-сталинская национальная политика советской власти получила свое историческое оформление в “Декларации прав народов России”, подписанной Лениным и Сталиным. На основе ее совместно с Лениным И.В. Сталин разрабатывает теоретически и одновременно повседневно практически на деле осуществляет основы национальной политики партии. Претворяет в жизнь великие, впервые поведанные миру, основы коммунистической национальной политики. В своих докладах на X, XII съездах партии он дальше расширяет историческую программу равенства народов СССР.

Его труд “Национальный вопрос и ленинизм”, его теоретические и организационно-конкретные решения множества проблем исторических сталинских пятилеток, его обобщения результатов завоеваний Октября относительно социалистических наций, также определяют собой великие вехи в решении Сталиным путей и проблем национального вопроса в Союзе.

Исторические доклады Сталина на XVI съезде партии с определением особенностей национальных культур и о “Проекте Конституции Союза ССР” становятся новыми маяками, освещающими сущность государственного строя социалистических наций в виде социалистического интернационализма, абсолютного равноправия и дружбы народов.

Далее, в гениальных трудах вождя, как: “Краткий курс истории ВКП(б)”, “Марксизм и вопросы языкознания”, “Экономические проблемы социализма в СССР” и, наконец, в мудрых решениях XX съезда партии, пронизанных гениальными предначертаниями И.В. Сталина, мы видим проходящие через годы социалистического строительства,

через горы исторических препятствий победные восхождения идеи Сталина о счастье народов. Она означает утвержденную победу ленинско-сталинской национальной политики, торжествующую победу социалистической культуры Союза, культуры социалистических наций, венцом которой является братское сотрудничество советских народов и сталинская идеология дружбы между ними.

Все упомянутое нами, являясь лишь кратким перечнем отдельных сторон величайших заслуг учителя и заступника народов, имеет свои жизненно оправданные, великие плоды в историях, в судьбах наших народов, поколений и личностей.

В конкретном применении, например, к истории казахского советского народа, все упомянутое только что этапные труды, ведущие мысли, предначертания Сталина получили свое жизненно-историческое воплощение, претворялись в действительность, и, оплодотворяясь год от году на деле, они рождали чудесное цветение жизни там, где печальным наследием пустынных веков расстилались бесплодные степи, безлюдные просторы, да беспросветная тьма и бескультурье народа.

В самом начале революции, вслед за “Декларацией прав народов”, сразу же после освобождения значительной части Казахстана от колчаковщины и контрреволюционной Алашорды, в 1920 году, в октябре, был подписан Лениным декрет о создании Казахской Советской Автономии. В ближайшие за этим годы советского строительства, неустанно и заботливо думая о задачах таких республик, как Казахстан, И.В. Сталин указал на необходимость создания там промышленных очагов, поднятия сельского хозяйства, развития национальной культуры. И уже как реальное продолжение этих программно-исторических мыслей рождается Туркестано-Сибирская железная дорога. Этот первый гигант первой сталинской пятилетки, имея всемирно-исторический резонанс о себе, являлся дорогой, соединяющей Сибирь с республиками Средней Азии, и он же, проходя целиком через территорию Казахстана, стал дорогой казахстанской.

В осуществление заветных мыслей Сталина рождались год за годом мощные очаги индустрии в Казахстане. Рас-

крылись богатейшие недра Казахстана, о которых не в шутку говорят, что здесь представлена в натуре, во всей полноте и изобилии, вся периодическая таблица Менделеева.

Новые социалистические города, центры истинно мощных очагов промышленности, как угольная Караганда, медные гиганты – Балхаш, Дзержказган, Карсакпай, город металлургов Темиртау, города сульфидных руд – Лениногорск, Ачисай, город ферросплавов – Актюбинск, центр казахской нефти – Эмба и многие-многие другие очаги промышленности, разворачиваясь гигантски, расцветая с каждой сталинской пятилеткой, превратили лицо Казахстана из республики сельскохозяйственной в республику индустриально-аграрную.

По мыслям и личным указаниям И.В. Сталина, благодаря его заботливому, настойчивому и последовательному вниманию, развилось на иной, высококультурной, оснащенной богатой техникой основе и сельское хозяйство Казахстана.

Особо тщательным и систематическим вниманием товарища Сталина пользовалось животноводство в Казахстане. Следя за проведением в жизнь его же предубаждений о превращении Казахстана в мощную базу социалистического животноводства на востоке Союза, он оказывал свою непосредственную великую помощь этой отрасли хозяйства Казахстана до самого XX съезда партии и после него.

Потому в социалистическом хозяйстве Казахстана целые районы, широкие бассейны, иные округа и огромные долины превращены в цветущие, неисчерпаемо богатые родины таких небывалых в дореволюционном Казахстане культур, как хлопок, рис, свекла, табак, лен и многочисленные плодоягодные культуры.

Таковыми же гигантскими масштабами развивалась и культура казахской социалистической нации. Эта культура, как и у всех братских народов Советского Союза, с самой первоначальной своей фазы определилась на основе учения Сталина – социалистической по содержанию и национальной по форме. Только такая культура, с широкой идейно-исторической сущностью, могла своим влиянием охватить широчайшие массы, подлинно огромные толщи народа, прозябавшего в многовековой темноте.

Народ, которому царизм не помогал открыть ни одной нормальной начальной школы, создал огромную сеть начальных, средних школ, открыл десятки высших учебных заведений, создал свою Академию наук, вырастил армию своих ученых – самых разнообразнейших специальностей.

Казахская социалистическая нация, как и все соседние братские ей народы, как киргизы, узбеки, туркмены, таджики, каракалпаки в Средней Азии, создала свое замечательное социалистическое искусство (театр, кино, музыку, живопись), свою богатую художественную литературу.

И при всех этих видах гигантских достижений, идя в своем историческом развитии по пути, намеченному гением Ленина и Сталина, казахский народ неотрывно сливался в своем росте и расцвете с другими братскими народами Союза на основе подлинно сталинской дружбы народов. И на этом пути, как и все остальные братские народы Советского Союза, казахский народ с вечной благодарностью и с искренней признательностью называет неоценимую дружескую поддержку великого русского народа.

Во всех достижениях в названных выше областях политического, экономического и культурного роста и расцвета казахской социалистической нации, первостепенная, определяющая роль принадлежала помощи великого русского народа, старшего брата в ленинско-сталинской дружбе народов.

Уже несколько поколений казахского трудового народа воспитала, сформировала и вырастила социалистическая эпоха. Молодая история наша выдвинула из числа этих поколений десятки, сотни тысяч выдающихся личностей казахов и казашек, строителей социализма, передовых борцов за коммунизм. И все эти лица, достигшие высоких вершин прославленного труда, редкостных знаний или вдохновенной, творческой славы, помнят и носят в душе чувство глубочайшей своей благодарности великой русской культуре, тому первому русскому учителю, который научил их первой букве русского алфавита, первому русскому слову. Начиная с этих детских шагов до вершин наших знаний, мы благодарны русской школе, русской науке, русской литературе и русской общественно-политической животворящей мысли,

представленных на великом русском языке в трудах гениальных учителей человечества Ленина, Сталина.

И в этом всеопределяющем историческом процессе скорейшего приобщения наших народов к мировой русской культуре, заботливая, отеческая роль И.В. Сталина также была неоценимо, неизмеримо великой.

На этой базе родственного сближения народов, на базе общей по содержанию социалистической культуры и родилось, под водительством партии Ленина—Сталина, под непосредственным воспитательным идейным воздействием Сталина, то чувство постоянного сотрудничества, содружества, сорадования в достижениях, которые мы наблюдали и наблюдаем при всех видах строительства, созидания в нашей стране. Так, еще на стройке Турксиба в двадцатые годы, участвовали наряду с казахами, русские и украинцы, белорусы, узбеки, татары и представители многих других народов. Точно так же и ныне на стройке Волго-Дона участвовали все братские республики. “Волго-Дон — творение всех народов социалистической отчизны”, — писала “Правда”. А на строительстве главного туркменского канала плечом к плечу с туркменами, каракалпаками работают представители двадцати национальностей Советского Союза. Недаром мы говорим, что великие стройки коммунизма вдохновлены сталинским гением, явились и ярчайшим осуществлением великой дружбы братского сотрудничества народов Союза.

И во всех этих явлениях нашей действительности незримо, но явственно присутствует и ведет, вдохновляет и учит побеждать в любом нашем начинании бессмертный гений И.В. Сталина.

ШАНГИРЕЙ БУКЕЕВ

Резко обособленное место в казахской поэзии 19-го и 20-го столетий занимает поэт Шангирей. Он прямой потомок малоордынского хана Букея, по имени которого назван целый округ (часть казахской степи, расположенная между нижними течениями Волги и Урала, с населенным пунктом — городком Букеевской ордой или еще по-русски именовавшейся до революции Ханской ставкой). Весь этот округ со всем своим кочевым населением из отдельных племен казахов Малой орды составлял “узел” — достояние хана Букея и его непосредственных преемников, которым неизменно покровительствовал царизм. Дед Шангирея Жангир хан “прославил” свое имя беспощадным подавлением в качестве агента царского правительства народного восстания 30-х годов прошлого столетия, возглавлявшегося Исатаем и Махамбетом.

Кукольный герой театра марионеток, созданный царизмом в начальную стадию колонизации края, Жангир хан мнил себя долговечным, всесильным властелином своих владений. Избрал своей резиденцией Нарын. Благодаря учрежденным им тяжелым повинностям и поборам с населения, построил себе нечто вроде дворца. Окружил себя родней и свитой из мулл и ходжей из родовитых феодалов, биев, представителей племен. Учинял там суд и расправу над своими подчиненными, оставаясь ревностным ставленником царского правительства, находясь в непосредственном повиновении Оренбургскому ведомству во главе с генерал-губернатором края. За все время своего призрачного существования старался оправдать доверие властей и по их заданию стремился внушить, вселить в своих подчиненных покорность и преданность воле “белого царя”. Но сколь напрасны были эти его старания, показали действия

масс трудового населения, поднявшегося в 1837 г. против царизма и против него самого как ставленника этой власти, и чуть не разгромившего его ставку в Нарыне.

Народное восстание была подавлено силой царского оружия, а проявивший во время этих событий свою верность хан оставался на прежнем своем положении. Входил в родство с татарскими феодалами, помещиками, пытался судить по шариату. Управлял народом через послушных, угодливых приближенных. Сам непосредственно не общался с населением. Создавалась некая проекция на дворцовую жизнь в стиле многочисленных мелких ханств Востока. Причем все это было ново и чуждо в сравнении с прежними формами управления казахами у других ханов – предшественников Жангира.

Так что чем больше он стремился оригинальничать, поражать подчиненных своими благоприобретенными новшествами, тем более он отдалялся от своей почвы, становился нетерпимым, ненавистным даже для некоторых из своих приближенных. Его старания показать себя полномочным ханом в то время, когда сам постоянно неизменно раболепствовал перед царскими чиновниками – делали его в глазах населения каким-то ненужным, отягощающим положение населения придатком в управлении краем. Одновременно и царское правительство убедилось в ненужности подобных учреждений в данной части казахской степи. Растущая экспансия колонизирующего эти окраины торгово-промышленного капитала России в свою очередь тоже требовала устранения всяких посредников. И правительство, соблюдая интересы этого капитала, упразднило это ханство. Так что сыновья Жангира уже не имели звания хана Букеевской орды. Но, учитывая заслуги их предков, царское правительство не оставило их без внимания. А именно ближайшие преемники Жангира были зачислены в список русского дворянства. А поэт Шангирей до революции 1917 г. числился в списке дворян Самарской губернии. Получил в пределах Самарской губернии богатое имение “Борсы”, в котором провел всю свою долгую жизнь. Лишь только в 1920 году, накануне смерти Шангирея, благодаря правам, предоставленным бедноте советской властью, хозя-

ином имения стала та безземельная, бесправная казахская беднота, которая до Октябрьской революции представляла собою подлинных крепостников Шангирея. Они и вывезены были в составе 30 семей Шангиреем из Нарына при его переезде оттуда в указанное имение. Отрывочные сведения из биографии Шангирея говорят о том, что он провел свое раннее детство в Нарыне, в резиденции своего деда, какую в одном позднейшем стихотворении — “Воспоминания детства” — воспеваает как:

Ай белгілі ақ мешіт,
Алпыс бөлме, жүз есік.
(Белая мечеть со знаком луны
И шестьдесят комнат с сотней дверей...)

Лишившись в раннюю пору детства своих родителей, по собственному свидетельству (в том же стихотворении), он остался хозяином богатого наследства при попечительстве близкой родни. Затем, получив среднее образование в русской школе, впоследствии переехал в “Борсы”. Когда состоялся этот переезд, точно нам неизвестно, но из стихотворного послания его “Одному брату”, где говорится:

Бұл күнде жиырма алтыдан інің асқан,
Ажалға жиырма алты адым жақын басқан.
(Ныне ваш брат перешагнул двадцать шестой год,
И к смерти приблизился на двадцать шесть шагов.)

и стихотворения, которое начинается со слов:

Алла жар, жаздым, аға, көл Борсыдан,
Жаз жайлап, қыс қыстаған қонысымнан.
(Наинижайший мой привет вам из Куль Борсы,
Где летние и зимние урочища мои.)

явствует, что к этим годам он жил уже хозяином “Борсы”. Эти же строки свидетельствуют о том, что Шангирей в это время был уже помещиком, владельцем усадьбы, которой, однако, пользовался, так как используют свою территорию кочевники, разбивая ее на пролеточные и призимовочные

участки. Известно, что он наряду с садоводством, хлебопашеством вел одновременно скотоводство.

Как эти годы, так и все последующие годы его жизни проходят в этом имении. Порой он выезжает только на дворянские собрания губернии.

В одном случае на непродолжительное время назначается мировым судьей. Из тяжелых случаев своей жизни считает и многократно оплакивает в своем творчестве раннюю смерть излюбленной жены, после которой он вторично не женился, оставаясь на всю жизнь холостяком и бездетным.

Постоянным длительным его развлечением являлась охота в пределах своего имения в озерах “Борсы”. Причем он не был ружейным охотником. Занимался и увлекался только охотой с соколами, ястребами и кречетами или охотой с гончими.

Ойнақы мініп атқа, ал қаршыға,
Зер қарғы сыландасып ерсін тазы.
(Сидя на гарцующем коне, имея ястреба на руке,
И пусть кокетливо вьется около гончая

с золотым ошейником.)

Вот атрибуты охоты помещика-феодала, сливавшего в одно старорусский помещичий быт с особенностями и укладом казахских феодальных верхов своего времени. Но не только быт, но и все творчество Шангирея, будучи сугубо автобиографичным, представляет собой характерное смешение стилей русской дворянской усадьбы со стилем феодала родового казахской степи конца 19 и начала 20-го столетия.

Поэт-романтик по преимуществу, Шангирей в своем творчестве дает различные виды лирики: лирику природы, настроения и лирику любви. Говорить о его творчестве — значит говорить об одном из первых образцов интимной лирики в стиле буржуазных романтиков в казахской поэзии недавнего прошлого. Причем характерна связь его творчества с общей политической классовой обстановкой его времени. История, эпоха, когда впервые выступил и продолжал действовать на литературной арене Шангирей, является

эпохой всестороннего решительного наступления промышленного капитала на окраины России.

Возникали крупные рынки (Оренбург с двором, Нижний Ирбит и множество ярмарок в пределах Сибирского и Оренбургского ведомств), где обменивались на фабрикаты промышленности “купленные товары” — различные виды сырья и скота для нужд фабрик-заводов, для нужд “отечественной промышленности”.

НАШИ ИСКАНИЯ **(К 7-летию Национального** **государственного театра)**

Последние годы являются годами усиленных исканий для Казгостеатра, когда он на передний план своей творчески созидательной работы выдвигает вопросы внутренней перестройки по линии последовательного четкого выявления своего классово-политического лица и внутреннего идейного и художественного роста в Казахстане. Казгостеатр, рожденный плодами Октябрьской революции, призванный стать одним из действенных орудий казахского пролетариата в деле художественного показа его борьбы за новую лучшую жизнь, в деле идеологического и эмоционального воспитывающего влияния на этот пролетариат, соответственно его основным и конечным устремлениям — естественно, не может быть в стороне от происходящей вокруг него ожесточенной классовой борьбы. Не может не стать одним из ее активных участников строительства социализма, создания нового бесклассового общества.

Сознанием необходимости такой перестройки проникнуто не только руководство самого театра или Казахский Наркомпрос, а также главным образом и краевой комитет партии, который в лице своих виднейших руководителей, как т. Кабулов, т. Садвокасов, т. Кулумбетов, принимают непосредственно направляющее, руководящее участие во всех жизненных вопросах театра и помогают ему при всех встреченных им затруднениях. Еще раз это большое внимание ведущей общественности подчеркнуто, зафиксировано и на последнем пленуме Краевого комитета партии, где было много внимания уделено вопросу театра, а также на

недавно закончившемся пленуме Союза советских писателей Казахстана.

Вывод везде один — Казахский государственный театр должен стать действительным носителем и значительным воплощением рожденной Октябрем большой национальной культуры, культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Вопрос о необходимости внешней и внутренней перестройки деятельности театра перед руководством Казгостеатра стал во весь рост еще в 1930 г., когда его вместе со всей передовой общественностью перестал удовлетворять питавший до того времени ежегодный репертуар.

Помимо влияния репертуара, шедшего от буржуазной алашординской литературы и определявшего лицо театра как мелкобуржуазного пореволюционного и зачастую даже антиреволюционного театра, идеологически чуждого, неприемлемого, далеко отставшего от задач революционного театра вообще. Неудовлетворительным являлся и остальной репертуар, трактовавший темы бытовые, семейные, исторические и т.д. Характерной чертой всех пьес того времени являлось стремление ухода в боковые дорожки от столбовой дороги революционного пролетариата, от его борьбы, героических усилий, побед — от злобы дня.

Вместо этого указанные пьесы охотно уводили зрителя в патриархальный, полуфеодальный, беспорывный аул, в аул, дремавший среди вековых устоев и изуродованной косности и отсталости, в мрачных красках, тонах соответственно мироощущению старались изобразить этот же самый аул.

Являясь среди такого репертуарного окружения значительным сдвигом вперед, пьеса т. Сейфуллина “Кзыл сункарлар” все же не давала нового человека, получившего оформление своей личности, своего образа в условиях советского строительства. Не смогла внести многого для определения лица театра и пьеса “Шахта”, использовавшая историко-революционную тематику, но ограничивающуюся только годами Гражданской войны.

И в результате этих разных настроений происходят организационные перемены в деятельности театра и начинается переход на советский репертуар, советскую тематику. Этот поворот начался в 1933 г., после V пленума Крайкома

партии, уделившего внимание вопросу репертуарного хозяйства театра.

И пьеса т. Майлина “Майдан” в этом отношении своим появлением создала известную эпоху в жизни театра. За ней же шла и пьеса молодого революционного драматурга т. Байсеитова “Тартыс”.

Эти же последние годы значительны для театра еще частичным переходом его на переводной русский репертуар. И постановка Казгостеатром “Подводной лодки 12” не есть только обогащение репертуара революционной пьесой, а должна оцениваться как попытка преодоления испытания, как разрешение силами театра большого, нового для них идейно-художественного задания. Сейчас театр под руководством вновь прибывшего режиссера т. Насонова готовит к постановке Киршона.

Углубление и расширение намеченного своего программного пути, всеми этими пьесами в сторону широкого революционного показа героев социалистического строительства — есть большая непреодоленная еще задача театра.

Идя только этим путем, измеряя свои достижения на этапах только этого пути, Казахский государственный театр должен определить свое классово-политическое, художественно-творческое лицо действенного, революционного национального театра Казахстана.

Необходимо отметить здесь же проделанную театром в последние годы работу в пополнении своего репертуара новыми значительными пьесами, как “Турксиб”, “За Октябрь” и “За колхозы”. Они явились результатом трудов выделенной театром бригады писателей-драматургов.

А другие явились результатом инициативы театра в создании живого, делового и продуктивного творческого соревнования среди писателей, ближайшим образом интересующихся судьбами и репертуаром театра.

Кроме того, театр в течение последних лет планомерно, систематически выращивает кадры молодых драматургов.

Всеми этими мерами театр усиленно стремится прежде всего обеспечить себя лучшим, избранным репертуаром хотя бы на ближайшие годы, и через творчески углубленную работу над ним всем своим художественным составом на-

мерен оформить и определить свой творческий путь, творческое лицо.

Но наряду с собственными исканиями в этом направлении Казгостеатр теперь же ставит вопрос и о планомерной последовательной учебе у передовых революционных театров Советского Союза. И с этой точки наметченными образцами для себя (по предварительной наметке административно-художественного руководящего состава) стали театр Вахтангова и Театр революции.

Соответственно с этим театр должен быть театром большой индустриальной техники. И так же оборудование его, как механизация декораций, свет, краски, радиофикация спектакля и всякого рода иные технические новшества, которые, между прочим, мыслимы только в будущем новом помещении театра, должны составлять необходимую базу расширения всей деятельности театра.

Кроме того, в выявлении лица театра должны занимать значительное место и вопросы выбора пьес из классического и революционного репертуара передовых русских театров и театров других прогрессивных национальностей Союза. Учеба у этих театров несомненно не должна приводить к снижению национального колорита, к утере национальной формы.

Все сказанное выше главным образом относится к организационным задачам, творческим проблемам драматического театра.

Но Казахский государственный театр, являясь единственным государственным театром Казахстана, помимо своей основной задачи стать образцовым драматическим театром, несет еще и дополнительные другие функции.

До сего дня он представлен не одной только драмой, а смешанным жанром музыкально-вокальных номеров или целых концертных постановок. Это положение в основном для драматического театра признать нормальным, конечно, нельзя.

Смешанные жанры будут задерживать рост актера, будут отрицательно отражаться на четком выявлении актерской манеры и лица всего театра. Но все же на протяжении ближайших лет театр должен взять на себя эти обязанности.

Вынужден совместить в себе эти смешанные жанры до выделения из себя еще двух других театров.

Один из них — Театр юных зрителей, а другой пока, не определяя строго его формы, можем назвать приблизительно театром “собственно смешанных жанров”. И чем скорее произойдет это выделение, тем оно должно быть лучше, желательнее для всех этих театров, и это, между прочим, настоятельное требование жизни, роста и культурных требований наших зрителей.

Но так как Казгостеатр сегодня работает над всеми этими формами, нам необходимо в числе выдвигаемых здесь проблем драматического театра остановиться также и на вопросе концертных номеров и связанных с ними других принципиальных моментах.

Как наши сегодняшние концерты, так и мыслимый в будущем театр смешанных форм, который, очевидно, будет совмещать элементы оперных, опереточных театров, музыкальных комедий с элементами театра малых форм, театра сатиры, нуждаются в выяснении, разрешении в творчески созидательном плане следующих основных вопросов.

Первый из них — вопрос подготовки, создания силами наших писателей, поэтов талантливых литературных форм и жанров. Нам нужны водевили, сатира, тексты музыкальных опереток. Здесь мы не упомянули комедию вообще, которая почти отсутствует в сегодняшнем репертуаре. Но создание ее — это задача драматического театра.

Второй вопрос — о способах использования богатого народного песенного репертуара. То, что практикуется сейчас в отдельных случаях в виде использования старого мотива на слова о новой индустриально-технической культуре, о тракторах, совхозах, колхозах, нельзя признать за принципиально верный путь использования этих запасов. Но нельзя исполнять эти старые мотивы на слова тех частушек, какими пелись они раньше.

Необходимо вернее, для каждой из избранных песен, соответственно ее музыкальной теме сложить песни, слова с фабулой, с определенным тематически развертываемым содержанием. При этом если берется прошлое аула, нужно эту тему о прошлом дать в революционном освещении. Но использование этих песен в широком музыкально-

творческом плане, этот способ остается наиболее правильным выходом из сегодняшнего, затрудняющего певцов положения.

Третий вопрос ставится в связи с концертными номерами – вопрос об учебе вокальных сил театра на классических образцах и на революционном музыкальном репертуаре европейской, фактически интернациональной музыкальной культуре.

В данном случае до создания своих опер, опереток, музкомедий необходимо ясно, решительно поставить вопрос об учебе на оперных отрывках, оперетках и т. п. той же самой европейской музыки.

Четвертый вопрос – это о пластическом искусстве, о хореографии вообще. До настоящего времени эта живая, богатая, интересная область мировой театральной культуры выпадала из поля нашего зрения по самым неосновательным поверхностным мотивам, а теперь потому только, “что казахи-де прежде не знали ни танцев, ни пляски”, а узбеки могут культивировать ее потому, мол, что у них имелась в наличии народная пляска. Разве базой для пластического искусства у узбеков является только этот народный примитив, а не факт всестороннего приобщения их к европейской культуре через Октябрьскую революцию? Ведь узбекская пляска есть только эмбрион пластического искусства и базой для развития последнего является совсем не она. Эту необходимую базу в сегодняшнем этапе своего развития имеют и казахи. Поэтому и они имеют равные права наряду с весьма плясавшими и не плясавшими ранее народами Союза культивировать, внедрять эту область искусства.

Пятый вопрос – о казахском симфоническом оркестре. Что домбра бессильна, бесцветна на европеизированной эстраде, ясно для каждого.

А искать какого-то отдаленного соответствия скрипке, виолончели в поисках какой-то особой формы, ни к чему, нет смысла. Поэтому так же нужно решительно и смело ввести симфонический оркестр полного ансамбля в обиход Казахского государственного театра.

Шестой вопрос, обеспечивающий необходимый полный поворот в деятельности театра, – это участие ведущей общественности, Союза писателей и краевых органов печат-

ти, в особенности “Социалды Қазақстан” и “Казахстанская правда”, и актива зрителей, в широком обсуждении творческого пути театра и всех выдвинутых в данной статье нарочито и выпукло поставленных проблем будущего строительства гостеатра.

Отмечая семилетие своего существования не перечислением значительных достижений, а деловым обсуждением стоящих перед ним ближайших и отдаленных задач, театр ждет откликов общественности по поводу поставленного здесь ряда дискуссионных положений.

Беков, Ауэзов

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК БЛАГОДАРНОЙ РАДОСТИ

Весть 18 января о согласии товарища Сталина баллотироваться в депутаты Верховного Совета Казахской ССР, как и во всех иных городах, областях, республиках Союза, широко всколыхнула трудящихся Казахстана, извлекая из каждой груди единодушные возгласы восторженной радости. За немногие часы все возрастающей волной обошла эта весть коллективы, семьи, лица Алма-Аты, где выпала счастливая доля Сталинскому избирательному округу №4 правомочно назвать своим избранником великого вождя.

Этот избирательный округ входит в состав центра города, где каждый избиратель, каждый житель — от малышей до старцев — на каждом своем шагу видит воздвигнутые творцом новой жизни народа великие ценности, видит все великолепие одной из новых советских столиц.

Все ново в этом сказочно перерожденном городе возрожденного народа. Все свидетельствует о щедрых вложениях сталинских пятилеток, о созидательном творческом труде советского человека, вдохновленного мыслью и самого вождя.

Достаточно лишь упомянуть и указать на то, как из самого отдаленного захолустного городка, только четверть века тому назад не имевшего железной дороги ближе, чем в радиусе тысячи километров, возник чудесный и мощный центр — рассадник социалистической культуры на далеком восточном рубеже Советского Союза.

Двадцать лет назад волей Советского государства при самом ближайшем участии самого товарища Сталина было закончено строительство нового гиганта первой сталинской пятилетки — Турксиба, этой социалистической магистрали,

которая для города Алма-Аты – будущей столицы Казахстана – символизировала сталью начертанный, четкий и уверенный путь ее социалистического преобразования.

А ныне город Алма-Ата – это колыбель широчайшей культуры, город тринадцати высших учебных заведений, Академии наук, академических театров, консерватории, огромного множества школ, техникумов, город мощных заводов тяжелого машиностроения, многочисленных фабрик, это центр политического и хозяйственного управления жизнью цветущей и богатейшей республики. Здесь также рождено солнечное и плодоносное настоящее и прочно заложено основание величественного грядущего, наступающей эры коммунизма. Об этом повествует нынешний лик казахской столицы, это несут на своем ленинско-сталинском знамени советские поколения трудящихся Казахстана, строящих под водительством товарища Сталина социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру, воплощенную в материальных и духовных ценностях наших дней.

Одним из ярких отражений этих достижений нашей истории и достижений человека сталинского поколения является преобразенный наш город, все значительное и все новое в котором ежедневно и ежечасно роднит нас в мыслях и в сердцах с заботливым отцом, мудрым другом, великим избранником народным.

Наш избиратель благодарно вспоминает его за все реально и конкретно окружающее, обуславливающее его личный быт, общественный труд, его рост и достижения. Один Сталинский район города скажет ему обо многом, где сталинский план преобразования городов внес в нашу столицу столь нового, что каждая улица, каждый квартал своими новостройками, нововведениями говорит все о новом, о небывалом в этом краю.

Ныне житель Алма-Аты гордится своим обновленным городом, где по залитым асфальтом широким и прямым улицам, щедро озелененным, как весь город и его окрестности, несутся трамваи, троллейбусы, автобусы, движутся колонны машин. Здесь в летнюю пору по улицам, с журчанием горных ключей, несут хрустальные струи арыки с гор. А все главные улицы по обе стороны сплошь на кварталы, на многие километры обсажены цветами. Многочисленные

парки, плодовые сады, перемежающиеся красивыми, все до единого рожденными лишь за годы сталинских пятилеток зданиями, приобретают особенную значительность на фоне величественных, белоснежных вершин близко, так близко придвинутых гор. Цветущая столица сосредоточивает в себе все благолепие, материально-духовное богатство и благоустройство сталинского творения в бывшей царской колониальной окраине.

Подобно благодатным горам, питающим многочисленными, обильными источниками город, поля, просторы и создающим благоприятную, естественную среду для произрастания в тенистых садах чудесных плодов и многообразных редкостных культур — на наших нивах — также близко, повседневно и непосредственно участвуя в каждой личной, счастливой судьбе казахских детей, юношей, отцов и матерей, присутствует заботливый, зовущий и ведущий к высотам духа величайший образ творца новой истории социалистических наций. Все нынешние поколения казахских государственных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, инженеров, агрономов, врачей, иначе всей советской интеллигенции и знатных рабочих, передовиков промышленности с единодушным признанием скажут о себе, что они люди без исключения обязанные Великому Октябрю, партии Ленина — Сталина и заботе гениального вождя. Жизненный путь огромного большинства этих людей, начатый рабом или рабыней у костров убогой юрты, батраком на краю овечьей отары байского стада или начатый кабальным подневольным трудом у степных правителей, с победой Октября повел их из необъятных пустынь, из бесплодных дальних степей, из необжитых суровых горных кряжей в города света, знаний, духовного раскрепощения. Этот путь отдельного советского человека, казаха или казашки, олицетворял исторический путь их народа от мрака к свету, от бесправия — к свободе, от многовекового бескультурья — к самой передовой культуре социализма. Каждый из этих личностей прошел тот путь, который мудро предначертал угнетенным, отсталым народам России гениальный Ленин, тот путь, который ускорил и осуществил на жизненной судьбе и достижениях советских поколений казахского народа великий зодчий товарищ Сталин. Переход к социализму, миную

стадию капитализма, осуществлен многими нашими отсталыми народами, в том числе и казахским народом, в лице тех социалистических поколений, которые ныне с благодарной радостью называют своим самым желанным избранником товарища Сталина.

О том, как сокращены невообразимые в прошлой истории человечества дали исторического развития, вновь ярчайшим образом свидетельствуют факты лишь одного нашего города Алма-Аты. Для того, чтобы оценить и понять значение настоящего, данного товарищем Сталиным нашей республике, народу и, в частности, нашей столице, стоит вспомнить лишь одну картину, одну деталь из недавнего прошлого этого города, что было известно каждому из нас, избирателей старшего поколения Сталинского избирательного округа. Накануне перехода Казахского республиканского центра в Алма-Ату, лишь двадцать пять лет тому назад, по тем важнейшим ныне артериям советской столицы, где сейчас высятся огромные корпуса управления Турксиба, вузов, Дома правительства, министерств, великолепных театров, школ, больниц и множества благоустроенных жилых комбинатов, где ныне раскинулись пышные сады и скверы, по главным ее улицам, весной и осенью проходили кочевые караваны окрестных аулов и бедных одиноких семей.

С навьюченным на тощую коровенку или верблюдицу домашним скарбом, дырявой войлочной юртой, перегоняя жалкую горсточку овец, проходили угрюмые номады, опасливо оглядываясь по сторонам на дома и улицы, где все пока было чуждо, непостижимо загадочно и недостижимо для него. Оседлый городской быт с самым незатейливым тогда провинциально-захолустным устройством домишек и дворов казался олицетворением неизмеримо далекого, культурного устройства народа.

Боязливо жались к горбам верблюда среди лохмотьев вьюка дети этих непоседливо бродячих семей. И вот прошли не века и не полвека даже, а только два с лишним десятилетия, как пришли те самые дети сталинским племенем возрожденного народа и при ближайшей братской помощи великого русского народа наравне со всеми трудящимися города понесли на своих плечах благодарную миссию рево-

люционного, культурного обновления, мощного преобразования своей городской и аульной среды.

В этом творческом созидании их вел, повседневно поддерживая и окрыляя, сам товарищ Сталин. Он взращивал поколения строителей новой жизни, выдвинутых из толщи народной. И росли эти строители новой жизни, олицетворяя собою новое людское цветение в социализме. А наравне со своим ростом они двигали и обеспечивали рост своего города, завода, вуза, театра, партийного советского руководства, хозяйственного предприятия и т.д. Знаменательно, что именно из этих людей, взращенных ленинско-сталинской эпохой, из людей, которые в большинстве своем начали суровое детство с неведомой участью сынов и дочерей неизвестного народа, а ныне ставших выдающимися деятелями в различных областях государственной жизни, из людей, заслуживших популярность и славу среди трудящихся столицы, республики, а в иных случаях и во всесоюзном масштабе, выдвинуты ныне наряду с товарищем Сталиным кандидатами в депутаты Верховного Совета КССР по городу Алма-Ате.

В их числе мы видим известных в нашей стране руководителей партии и правительства в Казахстане и помимо них есть такие лица, как кандидат в депутаты по Орджоникидзевскому избирательному округу № 7 директор Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения инженер т. Исалиев Мухамеджан, кандидат по городскому Андреевскому избирательному округу народная артистка СССР, дважды лауреат Сталинской премии Куляш Байсеитова, кандидат по Кировскому избирательному округу лучшая стахановка Алма-Атинской швейной фабрики № 2 швея Мамунова Марила, кандидат по Вузовскому избирательному округу № 11 председатель профсоюза начальных и средних школ педагог тов. Бультрикова Балжан, кандидат по Садовому избирательному округу № 12 аспирантка Института истории Академии наук КССР т. Куленова Жаухар и другие.

В их ряду есть и прославленный русский ученый с мировым именем член-корреспондент Всесоюзной академии наук, действительный член Казахской академии, кандидат по Привокзальному избирательному округу профессор-

астроном Тихов Гавриил Андрианович. Большой ученый-новатор, передовой общественник, учитель и воспитатель молодого поколения ученых из трудящихся Казахстана Гавриил Андрианович Тихов с честью представляет советскую науку и высокую культуру великого русского народа, которой бесконечно обязано своим ростом, формированием все молодое культурное общество казахского народа.

А биографии наших кандидатов — казахов и казашек, инженера тов. Исалиева, педагога т. Бультриковой, народной артистки Байсейтовой, Куленовой или отличной производственницы, до тонкостей овладевшей сложным процессом, изучившей машины своей фабрики всех систем и ставшей хорошим учителем, другом целой бригады молодых швейниц т. Мамуновой — ярко и красочно повествуют о том, как сталинское воспитание национальных кадров выдвинуло и вырастило людей из толщи народа для народа на благо социалистической Родины, и в тесной, неразрывной связи с ней на их собственное благо.

Каждая из этих жизней, как многих и многих тысяч иных жизней трудовых советских людей, преданных делу партии Ленина — Сталина, патриотов своей Родины, заслуживших своим честным, полезным для государства трудом любовь и признание советского народа — свидетельствует об иной счастливой судьбе, об особо качественном содержании людей сталинского поколения.

Называя нашим избранником великого вождя и готовые всем сердцем отдать наши голоса ему, как неиссякаемому источнику благодарной радости за все, что имеем в нашей общественной и личной жизни, мы, избиратели казахской столицы Алма-Аты, также единодушно поддержим кандидатуры и всех других депутатов с твердой верой в то, что они несомненно оправдают звание народных избранников сталинского племени.

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ О ЧЕХОВЕ

1. Страны, народы, поколения обращаются к памяти Чехова в эти дни. И в этом обращении есть особенное...

В интеллектуально-духовной жизни каждого культурного человека чеховские творения имеют особенное органическое значение. Это так впиталось в ваше жизнеощущение — что он повседневно близок, понятен и сопутствует вам, очень часто в большом и малом. Его творения — как составная часть воздуха, которым вы дышите, составная, определяющая часть питания, которым вы живете. Он спутник вечный.

2. Тем более знать надо народам его, тем более знать надо казахской общественности его. Знать о русском человеке, об интереснейших людях, интеллигенции, детях, женщинах, крестьянах.

3. О многом поведал Чехов: о людях своего времени, об эпохе безвременья. Поведал новеллистом, прозаиком, художником больших полотен... поведал и как драматург. Поведал о современной ему жизни с предельной правдивостью.

4. Как писал? Описывал простые случаи и средних людей, но возбуждал самые высокие порывы. О правде и смысле жизни, о настоящем и будущем русского общества — он писал.

Метод критического реализма помог раскрыть горькую правду его дней — “Хамелеон”, “Унтер Пришибеев” және “Қаскүнем”, “Құндақтаулы адам”, делал и его произведения полными социального оптимизма.

Писал только о современном и на его знамени обозначалась борьба за свободного нового человека.

Демократичность и апология труда, необыкновенно глубокая познавательная сила его произведений.

5. Говорили о сумерках, сумерки души, видели только импрессиониста... Но сумерки не вечерние, а предрассветные. Рисовал уходящих и видел зарю нового.

6. Отсюда и обаяние. Станиславский видел, что его пьесы всегда с широкой, большой идеальной мечтой о будущей жизни, “говорит всегда в своем основном, духовном лейтмотиве не о случайном, не о частном, а о Человеке с Большой буквы”.

7. Всегда он писал с предельной убедительностью. Впечатление Ленина от рассказа “Палата №6”, по свидетельству Ульяновой—Елизаровой, Ленин говорил после прочтения:

“Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел: “У меня такое ощущение, точно и я заперт в “палате №6””.

8. Об убедительности, вытекающей из правдивости Чехова, пишет Горький: “В рассказах Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта в том, что он никогда не выдумывает от себя, не избражает того, чего нет на свете, но что может быть хорошо, может быть желательно”.

Об обыденных делах обыкновенных людей пишет он... и кажется, что он, Чехов, прост...

9. Но нужно вдуматься, особенно писателю, которому нужно учиться у него...

Есть простота двоякая... прост. — как природа и мудр как она... Это простота — результат труда великого... Это не простота плоского.

10. Чехов сам вскрывает отчасти свое отношение и требование свое к труду писателя... Культура нужна писателю... и наука прежде всего...

“Не сомневаюсь, что занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять тот, кто сам врач, они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня на стороне, и я старался, где

было возможно, соотносить с научными данными, а где не возможно – предпочитал не писать вовсе”.

Ясно – писатель, приходящий в литературу из науки, обогащает ее больше и необычно. Оригинально интересно.

11. Все это дало ему возможность стать родоначальником, учителем целого писательского поколения.

а) Он учил тому, как надо писать – Куприн.

б) Он учил тому, как не следует жить, как стыдно погрязать в мещанстве и пошлости – Горький.

в) Он учитель в умении владеть собой и в чувстве личной свободы – Бунин.

12. Особенно глубоко, неповторимо оригинально сказался в драматургии.

Конгениальный его творческой природе, его порывам МХАТ, сценическая система этого театра близка эстетическим принципам Чехова...

Как понял особенности Чехова, приемы его свежие Станиславский?

Чехов силен разнообразием приемов: импрессионист, символист, реалист и натуралист...

Одинаково владеет на сцене внешней и внутренней правдой. И драма получалась социальная, повествовательная, лирическая...

Он утончил и углубил наши знания о жизни вещей, звуков, света на сцене, которые в театре, как и в жизни, имеют огромное влияние на человеческую душу...

Ошибаются те, кто играет в пьесах Чехова самую их фабулу, скользя по поверхности, наигрывая внешние образы ролей, а не создавая внутренние образы и внутреннюю жизнь...

Вот, что кроется в природе его простоты.

Учиться нужно писателю, прозаику и драматургу, театру, режиссуре, актеру.

13. Казахская литература, театр... В каком отношении они ныне к Чехову?

30 лет (1914 г.) переводился... Более 30 рассказов, повестей... С начала революции... С момента существования казахской советской школы Чехов живет в сознании поколений... Есть хорошие переводы ряда рассказов...

О его юморе — это русский юмор. Но национальное народное одновременно и общечеловеческое. Чехов понятен своим юмором на Востоке... казахи, узбеки, киргизы, татары — все переводят много... Китай — Чей-хо-фу.

Прав Исмаилов, юмор Чехова в казахском народном юморе... Это самораскрытие героя в его собственных речах... в тонкой юмористической обрисовке. Не только сходен в курьезе положения — они тоже есть — пародии, но и в тонких приемах юмора... Есть писатели, много раз переводящие. Есть казахские писатели, подражающие... Мусрепов, Токмагамбетов, Сарсеков, Сланов в истоках... в манере письма Мусрепов больше близок.

Но мало в драматургии...

Водевиль — не весь Чехов. Это очень мало дает знать о нем...

Пора театру подойти к настоящей чеховской драме...

Это будет знаменовать глубокое приобщение нашей общечеловеческой, нашего народа еще к одному чудесному источнику духовной культуры великого русского народа.

Задачи каждого из нас способствовать на деле творчески к приближению нашей социалистической культуры еще к одной из великих вершин русской классической литературы.

СЛАВНЕЙШИЙ ИЗ ЛЮДЕЙ

Вновь советский человек, гражданин своей счастливой страны социализма ныне демонстрирует свое право, предоставленное ему самым мудрым избирательным законом его Родины. На этот раз народ и Родина волей и устами каждого из нас, отдельных личностей, называет имя того, быть чьим избирателем мы считаем самым счастливым правом нашим. Называя его имя, мы воздаем наш долг творцу того закона, который установил и закрепил на незыблемых основах неразрывную нашу связь, связь личности со всем советским народом и социалистическим Отечеством, установил и закрепил заботу, условия и безграничную перспективу роста, расцвета личных дарований, способностей каждого из нас на благо Родины и на личное счастье и благо нас самих.

Нет советского человека, в мыслях и чувствах которого в эти дни, особенно когда он называет своим избранником Иосифа Виссарионовича Сталина, не возникало бы много светлых дум, мечтаний, любви и благодарности к нему за себя, и за Отчизну.

Великий вождь, в нем воплотились самые высокие достоинства гения передового человечества. Это имя, составляющее истинную гордость этого человечества. Он душевно близок всем поколениям всех наших народов, как мудрый друг, учитель, он же неизменный друг, заступник и светлая надежда всего трудового человечества на земле, ибо это самый великий гражданин мира.

Любовь и почитание к имени тов. Сталина уже воздвигли памятник ему в сердцах и сознании, в благодарном, слитном чувстве более чем половины людей, ныне живущих на земном шаре.

В веках, в историях нет иных имен борцов за счастье человечества, кроме имен великого Ленина и тов. Сталина,

которые были бы столь широко любимы и почитаемы сотнями миллионов тысяч народностей мира.

В духовной жизни любого человека есть солнечно озаренные высоты, именуемые надеждой, радостью, счастьем. И мы, советские люди, ощущаем, осознаем эти понятия по-иному, по-новому, чем люди прошлых поколений. Наш вешний день, обогащенный чем обычный день в природе, озарен светом наступающей эры коммунизма. Потому и понимание, и ощущение счастья, радостей в нашем духовном мире обогатилось, стало неизмеримо шире. Мы понимаем их не только как сугубо личные, индивидуально-обособленные явления, а рождаются и цветут они в нас в непрерывной связи с идеалами, радостями и счастьем всего нашего общества и государства. Но будь то думы, мечты и радости за Родину, за коллектив, за друзей, за семью или за себя лично, в том числе о свершенном или об ожидаемом, нет случая, когда бы образ вождя стоял вдали или в стороне от этих наших порывов. В трудовых усилиях, протекаемых денно и ношно, все мы бываем окрылены самой дорогой нашей надеждой и верой — содейть, сотворить то значительное и важное, что вызвало бы отеческое одобрение тов. Сталина.

Нет в нашей стране личности, чья жизнь, рост, достижения были бы лишь сами по себе, это было бы бесплодно, бесцельно, подобно пустоцвету.

И в учебе детворы, в строках поэта, в запевках певца, во вдохновенных поисках деятелей творческого труда — всюду образ великого гения присутствует, оплодотворяя искренние старания каждого из них. Он соучаствует в упорном труде ученого в лабораториях, в созидательном труде миллионов на полях, на заводах. Он ведет мысли и волю всех тех партийных, государственных деятелей, которым вверено организовать, руководить и осуществлять победу на всех участках нашей жизни во имя коммунизма.

За достигнутую великую мощь нашего Отечества, за счастье наших народов, наших поколений, за небывалый расцвет социалистической культуры, за личные достижения каждого из нас, мы всецело обязаны партии Ленина—Сталина и гениальному руководству государством великого вождя. Выдвигая ныне самым желанным и первым депутатом в Верховный Совет Казахской ССР тов. Сталина, желая

ему еще долгой плодотворной жизни в этой его жизни, мы осознаем огромную долю нашего личного счастья.

Нет сомнения в том, что это же повторит тысячами, миллионами уст весь трудовой советский казахский народ ибо все, неисчислимо дорогое, что обрел он под солнцем сталинской Конституции и все то безгранично величественное, что он обретет в ближайшем своем будущем, есть плоды забот, отеческого внимания и неослабного труда товарища Сталина. В братской, равноправной семье веховых товарищем Сталиным социалистических наций Союза, казахский народ в политической, экономической и культурной жизни своей стал одним из замечательно преуспевающих, активных и талантливых строителей социализма. За короткий исторический период он заложил глубокие и прочные основы своей социалистической культуры. Широчайшие пути и возможности просвещения народных масс и подрастающих поколений создали базу роста и становления подлинно высокой культуры в областях науки, литературы, искусства и в области материально-технического оснащения, обогащения всей хозяйственной жизни республики.

Трудящиеся Советского Казахстана с безграничной благодарностью сознают, как по предначертаниям великого вождя в результате осуществления сталинских пятилеток они овладели ныне всем, чем может гордиться любая передовая, культурная страна.

В ней своя цветущая столица, свои мощные, культурные областные центры, свои чудесные новые города, за сказочно короткие времена явившиеся из небытия на местах древних кочевий с незатейливыми юртами, эфемерно возникавшими и исчезающими бесследно в веках, как пены на гребнях суровых волн истории бесплодных веков.

Начиная с любой колхозной и фабрично-заводской школы до Казахского государственного университета им. С.М. Кирова, до Казахской академии наук – все очаги обучения, роста и формирования деятеля культуры, науки и государственного деятеля, все в возрожденном Казахстане создано волей великой партии Ленина, Сталина, рождено при отеческом, повседневном соучастии мысли и воли товарища Сталина.

А самым замечательным, поразительным результатом ленинско-сталинской эпохи явился советский человек, в своей психике, идеалах, в трудовом и личном быту проявляющий качества, достоинства нового людского племени, нового покроя. Век социализма может гордиться этим человеком, продуктом ленинско-сталинского, коммунистического воспитания масс. Им, этим новым людским племенем, взращенным из нынешнего партийного, советского поколения трудового казахского народа, гордится и молодая социалистическая история Советского Казахстана. Великие чувства патриотической спаянной воедино любви к Родине, единство интересов за достижения на любых участках нашей жизни на благо народа, искреннее соучастие и сорадование всех за успех и одного, и одного за всех, объединяет нас несмотря на различия родов и видов труда, несмотря на близость и дали расстояний между нами, трудящимися. А в числе многих и многих, светлых и благодарных импульсов советских людей является их беспредельная преданность знамени партии, безграничная любовь и верность своему вождю, учителю и другу тов. Сталину.

Поэтому и была воспринята всеми трудящимися Казахстана и трудящимися его солнечной столицы весть о согласии тов. Сталина баллотироваться в депутаты Верховного Совета КССР от Сталинского округа города Алма-Аты — как самое радостное, волнующее и так близко, горячо воспринимаемое каждым сердцем известие.

**Сөздөр,
стенограммалар**

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА АН КАЗССР О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АН КАЗССР

Здесь говорили о недостатках и достижениях в работе библиотеки. Я, как член библиотечного совета, хочу высказать свои соображения по части одного отдела, который у нас в здании библиотеки отсутствует и который должен быть в библиотеке — это отдел рукописей. Между прочим, не говоря о Ленинградской и Ленинской библиотеках, вот даже если обратиться к возникновению и постепенному росту библиотеки АН, есть интереснейшие факты. Раньше АН имела отдел рукописей, 2060 русских, 2800 восточных рукописей. Наша научная библиотека при своем формировании идет с недостатками и достижениями. Когда я сказал Саре Моисеевне об отделе рукописей, она в страхе говорит, а где же мы их поставим. Во всем Казахстане нет хранилища рукописей. Вот музеи Абая, Джамбула, где имеются отдельные ценнейшие рукописи, мы не знаем куда девать. В Институт языка и литературы поставлены колоссальные ценности, и они стоят в деревянных ящиках. Имеются докторские диссертации 17 века. Ведь вся колоссально ценная историческая переписка Джамбула, обращения к нему пионеров, молодежи и писателей с разных концов и все это находится в таком домишке — музее, в котором нет места для хранения. Труды наших геологов, ботаников, медиков и т.д., которые в своей области расширяют науку, дают вклад, мемуары, библиографические данные. Все это должно составлять разносторонний рукописный фонд нашей АН и библиотеке нужно было это начать. Необходимо выделить спецкадры, которые бы занялись работой и постоянным привлечением рукопи-

сей и привели бы в порядок этот отдел. В Азербайджане и Узбекистане также отделы есть, там собраны богатые рукописи. Ведь казахский народ долгие века существовал бесписьменным народом и нужно собрать исторически редкие рукописи. Вот в первую очередь я хотел, чтобы президиум обдумал этот вопрос. Все, что в дальнейшем будет рождаться в институтах и в стенах нашей Академии наук, естественно должно в своих основных экземплярах храниться в наших библиотеках. Несмотря на то, что сейчас огромная теснота в институтах, должна оставаться копия, а рукопись должна быть передана в этот отдел, это было бы сугубо необходимым мероприятием по улучшению качества работы нашей библиотеки и это шаг превращения нашей библиотеки в подлинно научную библиотеку. О недостатках работы. Недостатком работы является расхождение-отставание обработки от поступления, тут два момента, с одной стороны, инвентаризация поспевает, а обработка отстает. Сейчас стал регулярно поступать один обязательный экземпляр и нужно вести переписку, не ожидать того, что есть, а нужно проявить инициативу. Здесь библиотека главным образом страдает от полнокровия, много поступает и мы не можем культурно освоить. С одной стороны, теснота помещения, а с другой стороны, мы еще недостаточно обеспечены квалифицированными кадрами, в работе существует норма, но она немногими из них выполняется. Это потому, что недостаточно квалифицированы работники. Нужно дополнительно подыскивать квалифицированные кадры библиотечных работников. Относительно помещения. Нужно обязательно камышитовое помещение в 80 кв.м. Это самое ближайшее и необходимое мероприятие. Не совсем рационально используется само помещение. Имеются стеллажи только в 8 полок, а можно было бы сделать 12 полок и в этом же зале можно было разместить еще материалы. Нерациональное использование площади имеет место.

Большой недостаток в работе библиотеки — это огромный недостаток по восточному отделу — поступления маленькие. В любой библиотеке имеется восточный отдел и возглавляет его академик, так же как и русско-славянский отдел возглавляет академик. 700 книг имеются на персидско-арабском. Востоковедческая литература необходима была

бы нашим астрологам, ботаникам, геологам, медикам и многое-многое, что сейчас вошло в мировую науку. У нас нет научной востоковедческой литературы, а есть образцы случайной востоковедческой литературы и наши казахские издания; с начала революции, когда мы переписали латинский и арабский, изучали точно так же и казахский. Ведь сейчас за советский период многие книги трудно достать, только можно у частных лиц приобрести. У нас есть сотрудник т. Сыздыков, он владеет персидским, арабским и др. восточными языками. Необходимо приобретать восточную литературу даже через частные библиотеки.

Один из серьезнейших вопросов – это обмен. Представители Узбекской академии наук на открытии нашей АН обещали выделить нам рукописный фонд. Ведь коллекции очень богатые, которые относятся и к казахской литературе, в Ташкенте есть наша доля. Они дружественно обещали, но ничего не дают. Надо напомнить. В прошлом году от нас ездил один товарищ Коныратбаев, но он ничего там не мог получить. Может быть, нужно написать президенту АН. Повторяю, президиуму нужно подумать серьезно о создании отдела рукописей. Я бы одну единицу выделил для того, чтобы заложить отдел рукописей, тогда наша библиотека приобретет разряд как научная библиотека Академии наук.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СП СССР 3 ФЕВРАЛЯ 1950 ГОДА

Я хочу высказать свои пожелания по поводу общего вопроса для республики. Это будут некоторые пожелания и рацпредложения по поводу постановки докладов республик на пленуме. Опыт 12 и 13 пленумов показал, что, безусловно, постановка доклада на пленуме оказывает большую деловую и творческую помощь литературам братских республик. Но, вместе с тем, еще остаются отдельные мысли, которые нужно высказать на таком собрании для более рациональной постановки этих вопросов.

Если сравнить с тем, что было несколько лет тому назад, то, надо сказать, что секретариат и президиум ССП сейчас гораздо лучше руководят литературным движением в национальных республиках, потому что проявляют больший интерес и знают кадры, и знают каждую вышедшую новинку. В порядке высокой оценки улучшающегося руководства президиума надо отметить именно этот факт. Самым замечательным является то, что каждый год секретариат выделяет одного из своих ведущих членов из состава секретариата или президиума, который месяц-полтора занимается одной национальной литературой и выступает с докладом. Это метод помощи работе национальной литературы. Но когда на самом пленуме начинаем обсуждать, то делается доклад — скажем, в прошлом году доклад Армении — содоклад Симонова, доклад Казахстана — содоклад Горбатова, в этом году доклад Узбекистана — содоклад Тихонова, а когда идет обсуждение, то пленум превращается в суженное производственное совещание, где выступают те, кто случайно ездил в эту республику, или отдельные переводчики, или

сами писатели. Таким образом, огромное внимание, уделенное пленумом данной литературе, поневоле, ввиду того, что многие товарищи не высказываются и вопрос сводится к информационному докладу, не дает данного результата и вопрос не получает данного широкого обсуждения.

Одновременно с такими докладами выступают представители всех братских литератур. Где, какие на пленумах слушать доклады национальных литератур? Скажем, Рашидов сделал доклад от узбекской литературы, Тихонов сделал содоклад, несколько товарищей из Узбекистана выступили. Развитие литературы настолько значительно, что этого мало. Здесь было бы целесообразно услышать выступления товарищей по национальным литературам, послушать по общему вопросу. Каждый пленум должен выдвигать общий вопрос с докладом Симонова или Фадеева.

Стоит вопрос о драматургии — пусть все национальные республики выступают по этому докладу, сообщая о состоянии драматургии в своей республике. Стоит вопрос о критике — пусть все национальные республики выступают со своей информацией, выдвижением проблем, постановкой задач по своей литературе. И если один раз обсуждается проблема узбекской литературы, то ее надо обсуждать так, чтобы полтора дня были отданы ее обсуждению, чтобы она осмысливалась и итоги пленума были бы историческими итогами; чтобы по прозе выступали видные прозаики по драматургии — Симонов, Софронов, Погодин. Есть в Казахстане тов., который работает свыше 20-ти лет во всех жанрах, так же как крупный маститый драматург Казахстана Мусрепов. В Азербайджане, Грузии есть произведения, которые должны быть поставлены на сценах наших московских театров, или достижения поэзии. Когда это идет скопом, одним потоком, тогда все проблемы и все достижения этой литературы обсуждаются очень сужено. Нужно это рационализировать таким образом, чтобы полтора дня, уделенные узбекской литературе, были бы целиком использованы. По-моему, К.М. Симонов мог прекрасно выступить по драматургии, если заранее подготовится.

По вопросам прозы, по поводу роману Айбека, никто серьезно не высказался и получается, что каждая литература говорит о своих достижениях больших и меньших, но этот

разговор похож на разговор глухих и каждый говорит о своем и не слышит того, что говорят другие.

На следующем пленуме будет ли стоять доклад Азербайджана или Грузии, но надо чтобы были предупреждены все организации, скажем, Ростов, Узбекистан и Казахстан. Если будет обсуждаться доклад Грузии, то об этом нам надо сообщить и вынести произведения по прозе, по поэзии и драматургии, но предварительно подготовиться. Или же надо сказать о том, где можно получить перевод, или дать рекомендательный список литературы, которую следует прочесть. Тогда товарищи будут подготовленными и смогут высказать полезные мысли по поводу этой литературы. И главное это относится к ведающим этим делом товарищам в Москве, которые всеми силами хотят помочь, но не совсем рационализирована постановка этого вопроса. Если это дело будет так поставлено, то мы можем от каждого писателя получить то, что хотим получить. А то получается так, выступают критики по произведениям, которые ему известны. Смелее выступали товарищи, говоря о русских авторах, но когда говорили об узбекских или казахских, то упоминали мельком. Таким образом, данного освещения эти вопросы не получают даже при специальной постановке вопроса о национальной литературе. Я опасаясь, что узбеки узнали не столько много, как желали узнать на пленуме по интересующему их вопросу. И для того, чтобы вынести такой результат, можно было бы не проводить совещание в Москве, а провести у себя на месте. По этому вопросу говорил тов. Симонов, а остальные товарищи говорили о своих литературах. И, воспользовавшись предоставленным словом, я решил высказать такую общую мысль и на будущее.

Что же касается пожеланий Казахстана, то предоставляю это сделать секретарю нашей писательской организации.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО КОМИССИИ ПО ЛИТЕРАТУРАМ НАРОДОВ СССР ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАШКИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Я очень мало знаком с башкирской поэзией, особенно с творчеством новых поэтов, которые приехали сюда на декаду. Я слушал оригиналы в их чтении, слушал переводы и, кроме того, я взял слово для того, чтобы высказаться по поводу книги Мустая Карима.

Я прочел его в оригинале — перевода я не знаю. Может быть, сами переводчики друг друга покритикуют, но очень интересно послушать самих авторов — почему их перевод на русский язык не удовлетворяет?

Прочсть в оригинале надо было бы представителям братских литератур или товарищам, которые читают на башкирском языке, большинство тех произведений, которые переведены на русский язык. Однако в отношении Мустая я должен сказать, что получил удовольствие познакомиться с молодым человеком — Мустаем, а эта книжка, которую я здесь получил, мне представляет его еще совсем юным, потому что сборник стихов вышел в 1948 году, а последние стихи этого сборника датированы 1946 годом.

Однако я получил очень много приятных, радостных ощущений и наряду с этим огорчительных. Скажу сначала о положительном. Во-первых, книга сама по себе представляет очень интересный путь становления поэта за эти годы, причем это становление падает на годы Великой Отечественной войны, где формирование личности и становление поэта проходило в очень суровых условиях. Особенно выделяется в этой книге большой энтузиазм, хорошее ви-

дение и чувствование всего того, что происходит перед его взорами. Постепенно поэт достигает зрелости. В сборнике он представлен довоенными стихами, читая которые я потревожился — слишком созерцательное, бесстрастное наблюдение картин природы. Он любит свой Урал, красоту природы своей родины, иногда мы видим в стихах красоту природы даже без личного отношения поэта к этой природе, просто дуновение ветра. Очень созерцательное отношение к природе.

Но дальше эта природа в войне начинает постепенно с ним жить и в этой природе начинает жить он сам и это постепенно перерастает в зрелое чувство поэта-патриота, который, находясь на рубеже Смоленщины, вспоминает свой Урал, который он защищает на этом рубеже. Каждое стихотворение все более и более раскрывает в нем поэта нашего молодого поколения, который несмотря на суровости и жестокости войны, даже окоп, который он защищает, как последний рубеж, любит, как свой дом, свою родину.

Через всю эту лирику происходит постепенное раскрытие хорошей души поэта-оптимиста, видящего, чувствующего мир светло, радостно. Каждое движение чувствуется в его произведениях очень правдиво, верно и люди, о которых он пишет, они воспеты не штампованно.

Меня очень интересуют его образы. В каждом отдельном случае это — поэт, мыслящий другими образами. Хотя в своем предисловии Чанышев пишет, что у него есть элементы фольклорности, но я элементов фольклорности видел значительно меньше. В этих образах есть мысль, настоящая логика образа, пронизывающая стих, а кроме того, постепенно зреющая культура пишущего хорошего поэта.

Вот то хорошее, что я воспринял. Должен сделать еще раз оговорку, что все это — Мустай раннего периода. Что же касается последнего периода, то я этого не знаю и о дальнейшем мне трудно что-нибудь сказать.

Любовная лирика бесспорно преобладает. Лирика природы преобладает. И суровые условия войны — все это дано чувствованием, видением, переживанием поэта светлой души. Вы не найдете мотивы грусти, разочарования. Все чувства даны точно, убедительно, через самостоятельные оригинальные образы. Это раскрытие поэта меня очень обрадовало.

Но я уже сказал, что есть элементы огорчительные. Это то, что он прошел войну, но ни разу не чувствуется его ненависть к врагу, нет в нем гнева. Сталкиваясь с таким врагом, движения чувства должны получить одинаковое выражение. И это светлое, что он несет в себе, как патриот, который любит своего родину, любит Украину и вся Россия для него – Родина и постепенно расширяется понятие Родины в его творческом воссоздании, однако вторая сторона – ненависть к врагу, она очень мало еще выражена. Нет таких стихов или, вероятно, они падают на вторую половину его творчества.

Поэтому он мне кажется несколько однопланово нежным поэтом, что несколько неожиданно для молодого советского поэта, прошедшего суровые годы Великой Отечественной войны.

Я уже сказал, что последнее стихотворение датировано 1946 годом. И несколько стихотворений заканчивают книгу послевоенных.

В послевоенных стихах у меня тревога возобновилась, потому что снова он вернулся к лирике природы, к лирике любовной. Нет у него строек, нет реальных людей, нет настоящей реальности самой Советской Башкирии, которая должна была бы выступить более ярко. Поэт-лирик мог бы писать о людях предприятий, которые сейчас позволяют называть Башкирию вторым Баку. Вообще творческая историческая реальность Башкирии в творчестве Мустая мало выступает, он еще обращенный в себя поэт. Вот – в пределах этой книги. Извините, если я даю несколько одностороннюю характеристику, но впечатление именно такое.

Что можно пожелать Мустаю? Во-первых, в воспоминаниях войны он должен выполнить цикл стихов ранних лет тем, что воспитательно для нашего молодого поколения. Такие темы должны способствовать большему раскрытию Мустая. Лицо врага и ненависть к нему поэта должна быть выражена с тем, чтобы идейно-воспитательное значение поэзии было повышено. И, кроме того, реальная Башкирия с ее строительством, с ее новыми людьми, – это должно занимать еще большое место у поэта-лирика. Поэт-лирик, но реалист, он будет еще более полнозвучен для читателя, выявится его талант.

Вот все, что я хотел сказать.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ЗАСЕДАНИИ СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН КАЗССР ПО ВЫДВИЖЕНИЮ КАНДИДАТОВ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АН КАЗССР

Я с огромным удовольствием беру на себя инициативу дать характеристику Н.С. Смирновой¹ как общественного деятеля и педагога. Вся ее деятельность проходила на глазах у нас, работников культурного фронта. Я не могу, к сожалению, остановиться подробно на характеристике каждого из написанных ею трудов, вкратце скажу, что многие научные исследования ее по отдельным вопросам, опубликованы в трудах нашей Академии наук. Надеюсь на то, что выступающие после меня товарищи дополняют характеристику Н.С. Смирновой, я же главным образом остановлюсь на последнем ее труде, который является вкладом в советскую казахскую науку, признанным большим вкладом в советское востоковедение, признанным тем ученым советом, где Нина Сергеевна в нынешнем году защищала свою докторскую диссертацию.

Я остановлюсь на ее труде, на очерках казахской литературы XVIII—XIX вв., прежде всего факты: она защитила диссертацию в Институте востоковедения в Москве, в одном из самых требовательных и авторитетных учреждений по востоковедению в Советском Союзе. Ее защита прошла с результатом голосования — единогласно и на долю этой диссертации выпала характеристика, какие бывают редко.

Ученый совет Института востоковедения решил издать от имени самого института диссертацию Н.С. Смирновой.

Эта диссертация является результатом большой длительной работы. Н.С. Смирнова в качестве исследователя фоль-

клора русской литературоведческой работы сделала очень много и, кроме того, в составе небольшого количества наших казахских ученых накрепко связала свою деятельность, жизнь, общественные, научные труды с Казахстаном, с Казахской академией наук, с казахскими высшими учебными заведениями, и она в этом отношении явила редко примерные качества для многих наших научных работников.

Хорошо изучив казахский язык, она к своей основной специальности – словиста русского фольклора – добавила глубоко расширенные знания казахской литературы, она изучила вопросы казахской литературы и это помогло ей создать ряд исследовательских работ. В своей последней работе она применила впервые изучение вопросов этого периода марксистско-ленинским методом, она исходила из положений Ленина, что в каждой культуре существуют две культуры. Ее диалектические противопоставления, научная убедительность, противопоставление творчества народа, феодально зависимых масс в научном смысле, в идейно-политическом, является вкладом, исправляющим многие ошибки, отмеченные в трудах по языку и литературе, в учебных программах, отдельных монографиях ее предшественников – исследователей казахского языка.

Н.С. Смирнова, имея большой опыт исследовательской работы на почве изучения вопросов русской литературы, пришла к изучению вопросов казахской литературы, а знание казахского языка дало также результаты, что для большинства будущих исследователей, для тех, кто будет составлять многотомник “Истории казахской литературы”, будет хорошим примером того, что Нина Сергеевна увязала изучение вопросов литературы с историей.

Нина Сергеевна подняла огромное количество архивных материалов, исторических материалов. Изучение вопросов казахской литературы обратила в доказательный, убедительный пример исторически обоснованного изучения.

Таким образом, труды Н.С. Смирновой, посвященные истории казахской литературы, дают яркий пример того, как надо осваивать, как надо исправлять идейные ошибки в освещении вопросов казахской литературы.

Она в этом смысле проложила дорогу довольно самостоятельному, потому добросовестному, трудолюбивому

изучению и “правильному изучению” фактов казахской литературы. Это может послужить примером не только для казахской литературы, но и для многих народов Средней Азии. В Институте востоковедения единогласно присвоили ей ученую степень, одновременно признали, что эта работа является подлинно научным вкладом в советское востоковедение.

Научно-педагогическая деятельность Нины Сергеевны проходила на глазах большинства из нас. Это есть пример представителя русского народа, вооруженного фактами русской литературы, — помогать растущим кадрам среди казахского народа.

Нина Сергеевна за годы своей педагогической деятельности пропустила не мало казахских научных работников через свои руки, которые имели в ее лице взыскательного товарища, заботливого и требовательного друга. Я надеюсь, что она будет в ведущем руководящем составе АН одним из деятельных и плодотворных работников Академии, тем более, что если учесть, что в Казахстане имеются много гуманитарных вузов, таких как университет имени Кирова, Женский педагогический институт и целый ряд других гуманитарных вузов, где представлены кафедры русской литературы, а в Казахстане нет ни одного доктора филологических наук, сочетающего в себе знатока русской филологии и знающего казахскую литературу.

Это также является ценным свойством, ценной особенностью этой кандидатуры, которая в составе АН будет представлять русскую филологическую науку, сочетая в своей работе изучение фактов казахской литературы.

Я думаю, что кандидатура эта вполне подходящая, что ученый совет поддержит то предложение, которое было внесено нашей экспертной комиссией.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СП СССР
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ДОКЛАДА
Н.С. ТИХОНОВА “СОВРЕМЕННАЯ
ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА МИРА”
И ДОКЛАДА А.Е. КОРНЕЙЧУКА
“О ДРАМАТУРГИИ”**

У меня впечатление от доклада совпадает с впечатлениями высказавшихся товарищей. Доклад очень хороший, интересный, разносторонний, хотя он очень трудный по охвату материала.

О некоторых авторах, как в зоологическом саду, фигурируют только справочные данные, но есть и хорошие характеристики и авторов, и произведений.

Разные групповые характеристики писателей стран народной демократии, Востока, капиталистических стран помогли более организованно построить доклад. Есть упоминание о социалистическом реализме. Зачем обходить то, что является самым главным в наших оценках. Об этом говорится и также говорится о критическом реализме.

Об отсутствии характеристики состояния поэзии. Сказано о Пабло Неруде¹, сирийских поэтах, но кое-что нужно добавить.

Я очень одобряю этот доклад, это один из серьезных, хороших, на материалах высокого уровня построенный доклад.

В отношении отдельных деталей. Может быть, нашим гостям, с которыми так хорошо обращается Николай Семенович, интересно было бы узнать, на какие языки и сколько их переводят. На стр. 67 есть только упоминание о француз-

ских писателях, что они изданы в Советском Союзе в 71550 тыс. экз. на 50 языках; а дальше это не продолжается. Сказать Жоржу Амаду², Г. Фасту³, что они переведены на такие-то языки не только автономных республик, но, может быть, и на язык чукчей. Для них это будет интересно – освоение нашими народами их произведений на своем языке. Этим мы можем показать им уважительное и дифференцированное отношение наших народов к ним.

Это надо дополнить какими-то деталями. И Говард Фаст, и Мартин Андерсен Нексе⁴ очень популярны и переведены на языки наших народностей.

Это – единственное пожелание, а вообще могу присоединиться к тому, что было сказано; что вообще колоссальная разница между тезисами и тем, что сделано в докладе.

(Обсуждение доклада Корнейчука)

Во время обсуждения тезисов доклада Александра Евдокимовича я высказал мысль. В прошлом году на пленуме Союза мы говорили об этом относительно других теорий – творческих и театральных течений и направлениях их. Это одно дело. Но так как это доклад о драматургии, то нужно ставить вопрос и задачу об установлении ряда элементов марксистско-ленинской эстетики и марксистско-ленинской теории драмы, на основе 37-летнего опыта развития советской драматургии. Об этом тоже нужно говорить или, по крайней мере, поставить задачу. Как существует поэтика в отношении поэзии, как теория литературы, так же как существует теория и история музыки и теория драматургии – была такая буржуазная наука, так должна быть теория драматургии.

Если посмотреть учебники средней школы и высших учебных заведений, там образцы драматургии рассматривают так же, как повести и романы: с точки зрения образов, сюжета и идей, а это все нужно рассматривать с точки зрения специфики самой этой формы – драматургии. Я говорю не о театральной критике и теории театрального искусства, а о теории драматургии, которая в нашей критике и теории литературы отсутствует.

В учебниках средней школы (Тимофеева) и вузовских учебниках всюду и везде “На дне” и “Фома Гордеев” отмыкаются одним и тем же ключом. Они рассматриваются с

точки зрения изображения событий и образов, а что теория драмы имеет свои особые задачи, так как это одна из самых строгих форм, из всех жанров, потому что лирическому стихотворению не предугазаны границы — оно может быть и в двадцать, и в двенадцать или пятьдесят строк, роману и повести никакой листаж не указан, а для драматургии есть прокрустово ложе (чтобы пьеса была постановочной и пошла в театре, она должна иметь не больше 75 страниц, в 150 страниц драм не бывает, если это не средневековая драма), — эти вопросы в учебниках не затрагиваются.

Сам жанр очень строго определен самой природой драматургии. И исходя из этих особенностей жанра драматургии и надо говорить в пределах требований к созданию теории. А у нас на ряде пленумов, когда обсуждали вопросы драматургии, шли обычные обсуждения, подобные анализу повестей или романов.

Видимо, раздел по теории драмы не может входить в доклад по критике, так как у него без того большая нагрузка. А если Б.Н. Полевой согласится, что некоторые вопросы критики детской литературы будут включены в его доклад, то, может быть, постановку вопроса и ряд вопросов по теории драмы можно будет включить в доклад по критике. Сейчас в докладах эта сторона упущена. Это надо учесть.

И еще одно обстоятельство надо отметить. В братских республиках есть большой резонанс по вопросу о том, что желательно, чтобы был обсужден вопрос о создании Театра дружбы в Москве. Корнейчук хотел это включить в свой доклад. Мы в данном случае имели в виду театр на русском языке, во главе которого стоял бы большой мастер. И чтобы здесь показывались лучшие образцы национальной драматургии в переводе на русский язык.

Для московского зрителя также будет представлять интерес иметь представление об уровне театра и драматургии отдельных республик. Учились бы на этом и местные работники. Например, ставится узбекская пьеса, приглашают узбекского режиссера. Он приезжает и, с одной стороны, он будет ставить национальную пьесу, а с другой стороны, будет иметь возможность учиться у больших мастеров.

Мы мало помогаем нашим театрам и драматургии братских республик. Образцы национальной прозы и поэзии

выходят в переводах в печать, а драматургия, может быть только наиболее талантливых ведущих драматургов, как, например, Якобсон⁵ или Корнейчук, не идет в печать и живет только на сцене местных театров. Будучи подготовленными на центральной сцене, такие пьесы несомненно смогут получить и критику, и тем самым это поможет нашим драматургам. Иначе получается такое положение, что такой массовый жанр литературы, каким является драматургия, остается только в пределах республики. Я считаю, что это мероприятие необходимо для развития драматургических кадров и искусства национальных республик.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СП СССР ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ЭПОСА 26 МАЯ 1953 ГОДА

Информация тов. Климовича отметила довольно верно то положение, которое выявилось на дискуссии о казахском эпосе, и в общем сообщении его соответствует действительности. Но в его информации отсутствуют моменты нашей полемики. Правда, он сказал, что может высказаться дальше.

У нас была серьезная полемика с докладчиками, в частности, у меня доклады первый и второй, я считал построенными не на достаточно высоком научном уровне.

У Габдуллина были поставлены отдельные проблемы. С одной стороны, критикуя всех и критикуя себя, правда, он не всегда был объективным. Например, решение отдельных проблем, по которым высказывались положительные или отрицательные определения. В зависимости от личных отношений, он этим ошибкам давал определения, не совсем объективные, он оценивал их по-разному. Он жонглировал ошибками. При одном отношении эти ошибки превращаются в политические преступления и по ним выносятся суровый приговор и соответствующая оценка деятельности писателя или исследования, а при другом отношении к автору и исследователю, совершившему те же ошибки, он переходит на тот “бархатный” тон, о котором говорилось в статье “Правды”. Я его упрекал за то, что он занимается нетоварищеской критикой, что он перебарщивает, что преступает пределы дозволенного определенными этическими нормами поведения советских людей. В отношении меня

он давал очень суровые, необоснованные выводы, в отношении меня он допускал такую несправедливость.

Почему вопрос об эпосе в таких республиках, как Казахстан, Киргизия, стоит очень остро? Потому что большинство этих народов не имело письменности, классики у них не было и классика заменялась устным творчеством (один-два человека, как Абай). Такая фольклорная традиция дошла до наших дней, и не случайно эта историческая почва вырастила такого гиганта, как Джамбул, великан-певец сталинской эпохи.

Устное народное творчество нас всегда интересовало, к чему обращались не только исследователи, но и писатели. У меня есть несколько пьес, у Мустафина есть несколько пьес. Эти пьесы служили основным репертуаром Казахского театра. Как мы осветили эту тему эпоса? С одной стороны, как писатели, и, с другой стороны, как исследователи. Я ставил вопрос, что они эту сторону моей деятельности как писателя, обратившегося к этой теме, не затрагивали, они обошли это совершенно, как будто бы в моем лице существуют две личности, две души. В одном случае он пишет как исследователь, а в другом случае он пишет художественное произведение на эту тему, и это произведение становится в сто раз популярнее, чем его ошибочная статья. “Я ничего не говорю о писателе Ауэзове, а говорю об исследователе Ауэзове”. (Как если бы был химик-писатель или философ-писатель.) Тогда, когда один Ауэзов является и исследователем, и писателем, и на темы эпоса пишет произведения, пьесы, то как можно обойти эти пьесы (они очень популярны). Докладчику делались такого рода справедливые упреки, и отдельные товарищи упрекали его в недостаточно объективной оценке наших исследований.

Трудно сказать, что вопрос эпоса в этой дискуссии получит окончательное или широкое точное решение. Вопрос эпоса будет обсуждаться долго. Мы ставим вопрос о том, чтобы изучить казахский эпос в связи с достижениями русских фольклористов и нужно положить конец существующей практике изучения казахской литературы как изолированного процесса, нужно изучать ее в сопоставлении с русским фольклором и в сопоставлении с поисками, которые делаются у соседних народов и в других республиках,

как Монголия, которая на основе долгой взаимосвязи, может быть, внесет ряд сходных черт.

Проблема была поставлена довольно широко, а решение пока в докладах и в выступлениях каждого у нас недостаточно глубоко обосновано. Но все сошлись в едином стремлении пронизать наши исследования марксистско-ленинской идеологией, особенно учитывая опыт изучения русского героического эпоса и фольклора. До этого изучение было одиночным, кустарным, и каждый из нас 15–20 лет тому назад высказывался как любитель в области литературоведения и выступал в условиях, когда гражданская история казахского народа, история общественная еще не оформилась.

История народа Казахстана в окончательном виде, в апробированном виде не написана. В течение последних десяти лет создается эта история большим коллективом ученых, при содействии ведущих ученых главных институтов Академии наук СССР, как А.М. Панкратова и др. Первые две редакции “Истории Казахстана” были забракованы и сейчас делается третья редакция.

В тех условиях, когда история не изучена и личные ценности переоцениваются в течение десятилетия и двадцатилетия, эта неустойчивость отдельных мнений, неустановившихся мнений ведет к отдельным ошибкам. Это не есть предпосылка или условия для того, чтобы создать подлинно историко-литературную науку в вопросе изучения фольклора и историко-литературного процесса.

В наших республиках существуют трудные условия, которые наша республика и заинтересованная в этом общественность старается преодолеть, критикуя наши недостатки, невзирая на лица. В этом смысле работа, проводимая писателями в Казахстане, начатая с критики отдельных неправильных положений, начатая на страницах “Правды” в 1951, 1952–53 гг., поможет тому, что мы выявим все неясное, все спорное, и благодаря такой коллективной работе выйдем в полосу яркого света в изучении нашего литературного наследия. Тот момент, на котором останавливаются члены секретариата и Алексей Александрович, вопрос группировок. Мы с Мукановым объяснились, говорили много и на обсуждении статьи “Правды” в Союзе писателей тоже говорили. Как оценивает партийная организация Казахста-

на и литературная общественность ту беспринципную групповую борьбу, которая возникает вокруг произведений? Пишет произведение Ауэзов и пишет Муканов, и иногда прямые высказывания самых честных, правильных своих откровенных дум вызывают реакцию у другой стороны, подозрительное, мнительное отношение, что он это делает кривя душой. Вы счастливы, что у вас нет этого.

Группировки вокруг художественных произведений возникают на почве трудно определимых психологических черт. Обсуждаются два романа Ауэзова или роман Муканова. Ауэзов бывает доволен, когда положительное мнение других писателей, и вдруг от Муканова резкая критика... и они думают, что Муканов, критикуя, правильные суждения оставил при себе, а больше указывает на отрицательную сторону.

И также вокруг романа “Сыр-Дарья”: иные не высказываются, какие там неясности, чтобы не навлечь обиду, иные иногда уклоняются от высказываний, не читают это произведение. Пять-десять-пятнадцать лет висит над организацией это облачко беспринципной борьбы между ведущими писателями Казахстана, а осталось всего 10–15 лет творческой деятельности. Почему бы не работать на основе свободного вдохновенного творчества и творческого соревнования, не мешая друг другу, потому что на литературном поприще путь для людей очень широкий. Это не стул заведующего или директора, здесь кресел бесчисленное множество, и все они параллельно могут существовать: хороший роман рядом с хорошей драмой, поэмой и т.д. Но эта болезнь у нас осталась. Не хватает резкого вмешательства со стороны писательской общественности.

Сами писатели в силу самых обыкновенных человеческих прав одни предпочитают больше как писателя Ауэзова, а другим больше нравится творчество Муканова и его индивидуальная сущность. Но когда другие писатели начинают критиковать произведения Муканова, тот скажет, что это Ауэзовым подстроено.

Когда люди стали на такую ногу, это и смешно, и трагично, и очень серьезно. Люди, чувствующие себя ответственными за свою эпоху, одновременно видят себя и в положении Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Такого

рода беспринципные неприязненные отношения доходят до смешного и жалкого.

Это начинает влиять на нашу мораль и мораль людей вокруг нас. В результате этой беспринципной борьбы начинают развиваться жизненные страсти, что ведет к зависти, ненависти и всякой иной мерзости. Вы, писатели, поймете, что это такое. В наших условиях при недостатке той культуры нашей среды, активное участие в этой борьбе принимают люди, которые идут к литературе не прямым путем творчества, а путем приспособленчества, а в тех сферах, где должны следить за этим, очень строго требовать справедливости, иногда теряют эту правильную линию и дают крен в ту или другую сторону, иногда создают повторение этих рецидивов.

На дискуссии этот рецидив и повторился. Выступления Габдуллина и Ахинжанова наряду с тем, что они поставили проблему в отношении очень строгого критического анализа ошибок, вместе с тем в определении этих ошибок были тенденциозные выводы и выступавшие об этом говорили. Итоги по дискуссии, которые вынесены по дискуссии, какие были? Они навязывали такую вещь, что Ауэзова нужно рассматривать как неисправимого буржуазного националиста; на основе его ошибок 20–25 годов, нужно считать его ошибки систематическими, а ошибки Муканова, повторявшиеся не один раз, а пять–двадцать раз, считать несистематическими, в отношении же Ауэзова записать такой смертный приговор. Предлагали так, а руководство ЦК партии Казахстана не позволило этого, оно не дало так каждого называть, ни одно имя не было названо, а было сказано: одни ошибались раньше, другие позже, а почему ошибавшиеся позже не поправили первых.

Все люди взрослые, люди, решавшие проблемы искусства. Почему одни должны сваливать на других и находить себе дорожку для утечки?

А доклад – разве не предложение? Читайте место, где Ауэзова называют “неисправимым буржуазным националистом”.

Ауэзов написал на тему эпоса крупные произведения, никакой идеализации там нет, он осмеял феодалов в исторической комедии и в пьесе.

Таким образом, ошибки первых отдельных теоретических статей я исправил в художественном произведении.

Товарищ Климович был в Алма-Ате, мы встретились как друзья, но ни единого слова о неправильном отношении ко мне я не говорил. Я полагался на его собственное объективное отношение. Но, зная обстановку в республике, я ждал этого вопроса. Почему бы не сказать ему, что это неестественно делить Ауэзова на две стороны: взять только его ошибки в исследовании эпоса и ничего не говорить об Ауэзове-писателе?

На 12 пленуме Союза писателей сказали, никто из исследователей и национальных писателей Казахстана не поставил вопрос о дружбе русского и казахского народов. Это были ваши слова. Вы могли сказать, когда на ваших глазах такие тенденциозные выводы делаются. Вы должны были сказать, что так нельзя ударить человека. У одного человека-писателя и литературоведа, пишущего художественные произведения, не может быть двух жизней. Это два метода познания: в одном случае в образном ряду, а в другом — в логическом ряду. Меня удивило, почему Климович решил умолчать о явной тенденциозности и ошибке.

От своего имени и имени Муканова я с благодарностью могу принять такое стремление и приветствовать создание такой комиссии. Наша организация заинтересована в том, чтобы выяснить, каленым железом выжечь и ликвидировать эти отношения.

Но у меня вопрос в данном случае об открытом письме. Я его поставил как повод для обсуждения вопросов, связанных со мной. Я не знал, какую форму примет секретариат. Я не настаивал на открытом письме, может быть, другое что-нибудь. Сейчас у меня вопрос об одном сборнике, который издан Институтом языка и литературы (“Вестник Академии наук Казахской ССР”), где помещена статья Нурушева. Вся моя писательская и исследовательская деятельность освещается так, что так не разговаривают с живыми людьми.

Я ставлю вопрос не о писательских взаимоотношениях и взаимоотношениях с Мукановым — это вопрос частный и частное решение по нему может быть принято, а этот я просил бы сохранить в повестке дня на закрытом секретариате.

Этот материал совершенно особо выделяется, и чтобы поднять этот вопрос, не нужно быть вооруженным никакими знаниями, а только посмотреть этот сборник, с какими заявлениями выступают в отношении советского писателя Ауэзова.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СП СССР,
ПОСВЯЩЕННОМ ОБСУЖДЕНИЮ
ДОКЛАДОВ С.А. ГЕРАСИМОВА,
Б.Н. ПОЛЕВОГО, САМЕДА ВУРГУНА,
Б.С. РЮРИКОВА 14 НОЯБРЯ 1954 ГОДА**

Обсуждение тезисов С.А. Герасимова¹.

...Там упоминается “Амангельды”. Это относится к двадцатым годам. Кроме того, это очень слабая картина. Не повезло Казахстану в этом отношении и нельзя ставить такую картину, а рядом “Петра Первого”. Это совершенно не годится и просто вызывает смех.

“Джамбул” тоже очень плохая картина. Может быть, упомянуть про картину “Навои” – это картина хорошая, и она гораздо сильнее, получила даже Сталинскую премию.

Из самих картин можно упомянуть о картине Пудовкина о Монголии.

Это отличная картина.

Обсуждение тезисов Б.С. Рюрикова².

Мне кажутся тезисы глубоко продуманными и разносторонними, очень интересными. Многое из того, что вообще трудно охватить, в них охвачено, правда, т. Рюриков взял себе простор, у него плотных 15 страниц. Тут и нумерация существует и это напоминает тезисный порядок изложения работы. Но, вместе с тем, по стилю изложения это носит характер статьи.

Но поскольку тема серьезная и имеет много теоретических положений, то можно было бы сказать, что такая манера неизбежна.

Чего, по-моему, несколько недостает этим тезисам (но что, может быть, есть в докладе).

Об этом я хотел бы сейчас сказать, потому что доклад о критике — это доклад, который имеет колоссальное значение и который должен быть очень серьезным отражением процессов, происходящих в литературе. В этом докладе будут заинтересованы все участники съезда, и будут ждать в одних случаях упоминания, а в других случаях ответа на отдельные вопросы, возникающие на местах.

На стр. 6 к тезису 2, где указано, что существуют отдельные труды и отдельные литературы и указывается о выходе I-го тома “Истории украинской литературы” и “Истории белорусской литературы”, можно добавить, что и по многим другим литературам, правда, не на русском языке, существуют учебники советской литературы 10-х классов. Во всех республиках советскую литературу изучают в вузах и педтехникумах и т.д. Это тоже совершенно новое явление.

Это — совершенно новое явление на том месте, где не было ни критики, ни истории литературы. Создана база для зарождения монографий. Украина накопила здесь многое и такие поколения есть в каждой республике. Есть даже учебник каракалпакской литературы для 10-х классов местной школы. Я считаю, что это следует отразить в докладе.

С другой стороны, изучение наших литератур в плане создания истории литературы народов СССР — об этом вопрос не поставлен. Русские критические исследователи изучают отдельные литературы, но только во время декад.

Как относиться к декадам? У А.А. Сурикова очень широко этот процесс отражен и ни одна литература не может быть обижена, но вместе с тем вопрос о декадах вам придется поднять (или, может быть, это надо сделать в докладе Б.С. Рюрикова). Ведь вопросом об истории литератур народов СССР мы занимаемся только во время декад. Когда идут декады — всюду высказывания писателей и критиков о данной литературе, а в итоге все эти высказывания забываются. Этот интерес и это внимание к национальным литературам неравномерны. А необходим постоянный приток исследовательской мысли о литературе. И в данном случае съездовская трибуна должна быть использована Б.С. Рюриковым, чтобы сказать об этом наиболее требовательным голосом.

Нам необходимо изучать историю национальных литератур в их взаимодействии и взаимосвязи. Наши литературы многонациональны и многоязычны, но вместе с тем они не едины.

И надо в плане больших проблем поставить этот вопрос об изучении истории литератур народов СССР — пусть изучают это университеты, Институт мировой литературы и т.д.

Затем на той же 6-й странице имеется вопрос об эпосе. Наши народности, особенно бесписьменные народности, — у них запасы их творчества выражены в устном эпосе, где социальные верхи и эксплуатируемый народ одинаково испытывали отдельные классовые влияния. Это сказалось в отдельных вариантах произведений. Но следует ли в результате всего этого поступать с эпосом так, как поступили у нас в некоторые годы? В Монголии заступились за эпос “Гесэр” или взять хотя бы вопрос о “Манасе”.

Помните, наша центральная печать — “Дружба народов” — в статье Боровкова почти опровергала “Манас”, который представляет духовное богатство народа. И интеллигенция выступила с протестом в газете. То же можно сказать по литературе Казахстана и Каракалпакии.

Совершенно правильно говорится об едином потоке и направленной оценке, и любовании эпосом. Это все верно, что были ошибки, но то, что принадлежит народу — надо вернуть народу, и в этом отношении надо консультироваться в ЦК.

Давно назревает мысль, чтобы у тех народностей, у которых не было письменности, отметить ценность представленного вида устного творчества, а такие отмены его легкими наскоками должны пересматриваться. Это также должно получить отражение в разделе об эпосе.

Теперь другой вопрос: на стр. 11 указано о том, что у нас недостает, что нет уверенности у критиков в отдельных выступлениях и т.д.

В этом смысле я бы сказал, что можно было бы проявить товарищескую критику по отношению к ведущим критикам, таким как Ермилов, Рюриков, Тарасенков и другие, которые должны выступать и по проблемным вопросам национальных литератур.

Статьи Ермилова и Тарасенкова можно вспомнить. Но Ермилов стоит во главе “Литературной газеты”. Надо очень тщательно брать явления братских литератур.

Тов. Симонов и тов. Сурков выступают с докладами и отражают литературные процессы всего Советского Союза. В их докладах и проза, и поэзия, и литература всех республик присутствует. А почему у критиков это не получает отражения? Ведь такие ведущие критики — критики всесоюзные. Ермилов, Тарасенков, Рюриков — это критики общесоюзного значения и они сидят во главе органов печати, периодических изданий, которые являются не только органами, отражающими литературные процессы в одной русской советской литературе, а в литературах всего Советского Союза. Это — большая осторожность.

По переводам можно судить, за исключением, может быть отдельных, очень тонких проблем — о понимании стиля и языка, обо всех других вопросах. Кроме того, мы по переводам считаем, как представители реалистического метода перевода, — мы считаем, что непереводимых вещей нет, вопреки утверждению буржуазных переводчиков: и по переводам можно судить о пьесе, и о романе и повести.

Почему же в этом отношении очень осторожно обходят явления братских литератур наши ведущие критики? Об этом надо было бы сказать.

Очень интересная мысль на 11-й странице: жизнь и наша действительность, наши внутренние потребности подсказывают нам мысль о коллективном Горьком. Конечно, многими головами продумать легче и лучше, что сказал А.М. Горький по поводу того, что у нас происходит и что должно произойти.

Ведь если бы наш съезд дал такой заряд, как первый съезд, еще на 10-15 лет, это было бы огромно. Первый съезд дал такой заряд на полвека тем, что появился метод соцреализма в понимании вопросов литературы.

А что мы ждем от этого съезда в смысле обогащения теоретической мысли нашего понимания метода соцреализма и накопленного теоретического опыта? Что мы должны нести от 2-го съезда писательской мысли? Это следовало бы предугадывать и об этом следовало бы сказать.

Нам надо сказать, что наша действительность воспитывала народ и воспитывала наших художников, которые помогли добиться нынешнего расцвета литературы. Раньше были бесписьменные народы, а сейчас здесь появились труднейшие литературные журналы, что является свидетельством высокой литературной культуры.

Минуя стадию капитализма, мы пришли к социализму, и наши художники руководствовались здесь методом социализма. Это дало колоссальный расцвет всей нашей культуры.

И надо исходить из крупных достижений русской литературы в смысле прозы и поэзии.

И надо было обобщающей мыслью сказать, — если говорить о коллективном Горьком. Надо не только упомянуть что “желательно”.

На стр. 14 у вас говорится, что нужен журнал, хотя отдели критики есть у нас во всех журналах, но очень мало место отводится для критики. К.М. Симонов говорил, что в “Современнике” и “Отечественных записках” отводилось 200 страниц для критики, а у нас 200 страниц, может быть, во всех журналах будет, так что журнал литературной критики нам необходимо иметь.

Потом вы говорите, что с критикой плохое положение в республиках и упоминаете Белоруссию, Украину.

Вы говорите, что отдельные критики в республиках отходят от теоретического фронта, что все меньше становится выступлений критиков, и приводите в пример Украину и Грузию. Там гораздо хуже, чем в других республиках, потому что там кадров больше и они сильнее. А у нас бывает, что критики выступают с такими статьями и потом их ругают так, что им приходится уходить на педагогическую работу или в другую область деятельности.

Тов. Юриков, тебе надо в тезисах сделать отдельный абзац, и это не так сложно. Но если в докладе не остановиться на отдельных вопросах развития критики и литературоведения и на некоторых острых вопросах, то доклад не отвечает на то, что принесут наши делегаты из 30-ти с лишним остальных литератур Советского Союза, кроме русской. Надо отметить, какие же там интенсивные процессы протекают.

С другой стороны, тема на счет вульгарного социологизма тоже живет. А то, что делалось в Киргизии? Это типичное левацкое заезжательство. А что было в Казахстане вокруг ЦК насчет эпоса и т.д.? Разве здесь, кроме правильной критики, не было “плясания на трупах” типичных вульгаризаторов?

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА СОВЕЩАНИИ ПО ПОДГОТОВКЕ
ДОКЛАДА К ПЛЕНУМУ СП СССР НА
ПРАВЛЕНИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
8 ФЕВРАЛЯ 1957 ГОДА**

К тому, что сказал Николай Семенович, я бы хотел добавить, что порознь взять отдельные факты, различные межлитературные встречи, нельзя, требуется не перечисление этих фактов самих по себе, потому что тогда мы можем оказаться в потоке фактов. Надо сделать какие-то выводы. А фактов очень много: в одних случаях возврат к старой форме дает хорошие произведения, в других случаях обращение к новым формам дает хорошее произведение и т.д. Разве можно выступить с докладом, в котором будет только перечисление фактов?

Очень правильно Николай Семенович говорит об интересных явлениях в жизни, но из них надо выделить группу фактов и их обобщить и сделать вывод.

В тех положениях, в том что Петр Георгиевич сам набрал, есть очень много свежего и интересного в теоретической части. В отношении определения “социалистическое содержание при национальной форме” он много интересного дает. Он критически начал анализировать, различать нашу формулу. Он говорит, что социалистическое содержание и национальная форма как будто порознь существуют, тогда как порознь не должно быть. Вообще всякое социалистическое содержание предполагает свою форму, в любом виде искусства, но всегда ли это национальная форма, а не есть ли это тогда интернациональная форма?

Откуда же драма или роман появились? Романисты раньше появились в Европе и еще раньше в античном мире,

а русская культура восприняла. А о романе и драме надо говорить как о форме. Жанр – ведь это форма.

Очень правильно Николай Семенович предупреждает, что мы можем в некоторых моментах запутаться. Но, не боясь запутаться, надо все-таки идти смело на разъяснение каких-то вещей.

Например, вы говорите, что роман “Абай” в переводе на русский язык – это все-таки казахская форма: он о Казахстане пишет, поэтому это казахская литература.

Но вот романы писателя, который пишет о Казахстане на русском языке, – какое это будет произведение?

Пушкин и Лермонтов на казахском языке так прозвучали, что мы знали, что принадлежит Абаю, что принадлежит Лермонтову. Мы любили Лермонтова больше всего на свете.

Если язык – это национальная форма, то с этой точки зрения можно говорить, что Ауэзов пишет на казахском языке, поэтому его романы в основе казахские. Но в переводе на русский язык эти романы остаются произведениями казахской литературы?

А Низами! А Гоголь! В одном случае мы говорили, что язык определяет, а в другом случае мы говорим, что определяет содержание. Гоголь в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” пишет об украинской действительности на русском языке. Мы говорим, что это русский писатель, потому что он пишет на русском языке. А когда мы Низами сделали азербайджанским писателем, мы говорили: пусть он пишет на персидском языке, но он пишет об азербайджанской действительности – значит, он азербайджанский писатель. Значит, если так подходить, “Миргород” и “Вечера на хуторе близ Диканьки” – это произведения украинского писателя. Получается, что мы одно время очень легко этот вопрос решали, а именно решили так, как нам выгодно: мы говорили, что Низами – азербайджанский писатель, и все!

Вот над этим вопросом надо подумать. Вы правильно говорите, что национальная форма не есть раз и навсегда определенное данное. Национальная форма в отдельных видах искусства – это категория историческая, следовательно, изменчивая, а в других видах она очень устойчивая и здесь консервативная форма видоизменяется.

Например, у всех советских народов Казахстана существовал с давних времен вид песни — это песня-плач об умерших. В одном случае это завешание, в другом случае это плач и т.д. Потом это перешло в эпос. Так это было до революции. А затем Джамбулом и Сулейманом были посвящены песни Ленину, Кирову. Они взяли консервативную форму, но эта форма пригодилась для другого случая. Так что иные консервативные формы могут в наших условиях по-другому быть использованы. И это относится не только к какому-то жанру — бытовому, песенному, а это относится и к форме стихов, к размеру, метру и т.д. Форма лирики — газели тоже может быть использована очень интересно и т.д.

Мы должны прежде всего говорить об обогащении формы через плодотворное влияние передовых братских литератур. У нас ничего теперь не происходит насильственно, путем навязывания, мы добровольно идем на братское сближение. Туркменская, казахская литература не имели прозу, а теперь они имеют прозу.

Вместе с тем, наряду с этим обогащением жанрами, внутри самой литературы, в литературных движениях XVIII, XIX, XX вв. само по себе создавалось много нового. Язык — национальная форма, это бесспорно. Но когда Сталин говорил о психическом складе как об элементе национальной формы, то надо отметить, что это вещь изменчивая, потому что национальная психика может изменяться в результате изменения жизни личности, семьи, общества, народа. Но есть формы, которые наиболее устойчивы. Это например, силлабический стих у тюркских народностей. А Абай ввел 16 новых форм. Он ввел и шестистишие, и восьмистишие, и четверостишие, и пятисложную строчку. Он позаимствовал и ввел перекрестную форму у Пушкина.

Мы наших поэтов обвиняем: почему Абай мог о лирике, природе, с одной стороны, и о философии, с другой стороны — писать разными стихами, и на совершенно новый размер создавал свои мелодии, и они привились, а вот наши поэты до сих пор пишут четверостишием. По содержанию они на сто лет впереди Абая, однако с точки зрения формы Абай остается непревзойденным новатором. И переводчик Абай остается непревзойденным. До сих пор у нас все любят переводы Абая, который вольно переводил.

Не все, что сегодня родилось, ново: не все, что под нашим содержанием идет, по форме прогрессивно.

В иных случаях, могут быть, удачные опыты, которые мы не продолжаем. Вот об этих удачных опытах надо говорить

Прямо надо советовать нашим отдельным братским литературам, советовать писателям-киргизам, писателям-казахам и т.д., что еще много новых форм нужно воспринять. Не только Маяковского. Например, жанр баллады — это очень интересная форма стихотворения. Сейчас поэты каждый сюжет называют балладой. Они не понимают, что надо называть балладой.

У всех обращение только к Маяковскому и получается, что графика похожа на графику Маяковского, а на самом деле это не форма Маяковского.

Надо иметь другие формы, как искала их русская поэзия.

На свое прошлое надо посмотреть. В иных случаях для баллады может пригодиться какая-то форма газели. Я, например, когда делаю либретто, использую абаевскую форму. 6—7-сложная строка для композиторов — это прямо хлеб.

О переводчиках и переводах очень сильно надо говорить. В условиях развития наших литератур, переводчик — это великий деятель литературы.

Это первый посланец от литературы к литературе, от народу к народу, от истории к истории. Если поедет в Индию русский хороший переводчик, он привезет для всех наших народов индийскую поэзию и т.д. Переводчик — первый разведчик, первый устроитель мостов между разными народами.

Поэтому мы должны принудительно отвергать непереводаемость. Есть отдельные случаи, когда трудно перевести, но принципиально, программно мы должны говорить, что наше теоретическое понимание и творческая практика Советского Союза говорят, что все переводимо, а если есть что-то непереводаемое, то это во всякой литературе есть, но ведь это на все произведение каких-то десятков фраз, каламбуров и т.д.

Так что на переводе мы должны сделать большой упор.

Относительно организационных вопросов.

У нас братских литератур очень много — 117 националь-

ностей, 60 литературных языков. 50% населения в Советском Союзе – это братские народности. По статистическим данным, в Китае только 6% – не китайцы.

В рабочем порядке не надо ли подумать о том, чтобы Союз, писательское объединение было действительно общесоюзным, куда входила бы и русская литература. Я считаю, что литература РСФСР, русская литература, сама по себе как старинная литература, должна иметь не только Московский, Воронежский союзы и т.д., а иметь свое большое объединение. Русская литература должна иметь свой отдельный союз писателей РСФСР, который входил бы в общесоюзное объединение. Должен быть создан общесоюзный центр союзов писателей, куда бы входила русская литература, узбекская, украинская и т.д.

Чем больше растут наши литературы, чем больше нужды их, тем больше потребность в таком общесоюзном центре.

Вот если устроить такой центр общесоюзный, тогда нам легче можно было бы придумать, как заниматься литературами. Многие руководящие писатели Союза совершенно не занимаются братскими литературами. Когда мы выезжаем за границу, мы говорим о дружбе, а когда мы домой приезжаем, когда надо было бы показать дружбу, то многие наши писатели, когда домой возвращаются, об этом не говорят. И надо было бы заставить их заниматься, чтобы один писатель занимался одной литературой, другой писатель – другой литературой или двумя другими литературами и т.д., надо, чтобы наши большие писатели занимались удмуртской, башкирской литературой и т.д.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ СОВЕЩАНИИ ПО ВОПРОСАМ СОСТАВЛЕНИЯ “ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА”

Товарищи, я не выступаю здесь ни с докладом, ни со специальным сообщением, потому что не мог подготовить таковые к настоящему совещанию. Я хочу высказать свои отдельные мысли, соображения, может быть, конкретные предложения, возникшие в результате прослушивания нами докладов, сообщений, выступлений. Сообщить о своих отдельных мыслях, возникших по ходу совещания.

Но прежде, чем перейти к ним, очень кратко я хочу остановиться на самом нашем региональном совещании. Региональное совещание, посвященное исключительно разработке проблем, задач изучения литератур наших среднеазиатских республик и Казахстана, — это большое историческое начало в изучении литературных процессов в нашей стране. Впервые, по-моему, созывается такое совещание, специально поставившее на повестке дня обсуждение задач литературоведческой науки, стоящих перед нашими республиками.

В этом смысле, я думаю, не ошибусь, если выскажу мнение мое и также всех представителей научной, литературной общественности среднеазиатских республик и Казахстана и прежде всего выражу чувство глубокой благодарности тем инициаторам этого совещания, которые задумали это совещание и сейчас осуществляют его в Алма-Ате. Инициаторами явились прежде всего: Институт востоковедения, филологический факультет Московского государственного университета и Институт мировой литературы.

Я прежде всего хочу выразить мою признательность всех научных работников и писателей именно этим нашим родным научным учреждениям и научным центрам Советского Союза, которые уделяют такое большое и своевременное внимание нашей литературной жизни.

Будучи последовательным, нужно от имени казахских научных работников, казахской писательской общественности выразить благодарность представителям наших братских республик – Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, Киргизии, Татарстану, Азербайджану, которые принимают активное участие своими докладами и сообщениями на этом совещании.

Только такого рода совещание разряжает существовавшее до сих пор состояние изолированного изучения литературных явлений по параллельным рядам...

Вы имеете дело сегодня с живыми авторами, с живыми писателями и разговор от имени марксистско-ленинского литературоведения надо вести с живыми героями. Надо исходить из того, что ваши высказывания, ваши критические замечания и т.д., они не только фиксируются и не только анализируются, они подытоживаются, все то, что завершено в тех или иных произведениях, на той или иной литературной почве, и дальше все эти ваши высказывания и суждения должны способствовать жизненному строительству, литературному строительству и наши высказывания должны быть на том идейно-научном уровне, чтобы на основе идей марксизма-ленинизма способствовать литературному движению теоретической мысли. Процессом закономерности в известной мере можно организованно руководить.

Хорошо составленный очерк, хорошо проработанный, глубоко проработанный научно-исторический очерк, монографии об отдельных писателях, прежде всего, должны помогать этим писателям. При этом не для того изучаются произведения того или иного писателя, чтобы, скажем, воздвигнуть памятник живым людям. Я в данном случае хочу говорить от имени моих дорогих друзей, товарищей по перу – через писателей таджикских, туркменских, узбекских, киргизских, татарских, каракалпакских и казахских. Я хочу говорить о том, что мы не нуждаемся, чтобы какое-то славословие, чтобы апологетика в какой-то мере присутство-

вали в оценке роли характеристики наших произведений и т.п. Но обязательно необходимы элементы принципиального подхода к анализу изучения произведений советских писателей. Изучается казахская литература в Казахстане, узбекская – в Узбекистане, туркменская – в Туркмении и т.д., а это братские литературы, которые даже без критического обобщения опыта, как отдельные советские литературы, как явление литературы существуют, и, существуя, воздействуют по своей линии, соприкасаются в своих воздействиях, потому что все литературы являются продуктами жизни, нашей реальной жизни наших республик, наших народов, строящих социализм.

И путь каждого отдельного писателя, скажем, узбека, казах, туркмена и т.д., – это характерный путь как для туркменских, так и для киргизских литераторов, так и для других.

И вот в этом плане я прежде всего хочу высказать свои отдельные положения и соображения, прежде всего хочу высказаться в качестве писателя о тех задачах, которые стоят перед таким региональным совещанием, перед людьми, двигающими литературную науку в нашей стране, – будь он узбек, будь он туркмен, таджик, казах и т.д. В качестве писателя я вначале хочу высказаться в качестве автора того объекта, который исследуют наши ученые-литературоведы. Затем я хотел бы высказаться и в качестве историка и литературоведа.

В качестве писателя я считаю, что изучение того объекта, того периода развития нашей литературы, которым является советская литература, требует несколько иного, обособленного подхода, чем подход к изучению литератур прошлого века, в изучении литературного процесса, литературных явлений и фактов, которые оказались в исторической перспективе.

Это должно помочь нам не только идти и двигаться вперед при создании новых произведений, но и должно помогать прежде всего для того, чтобы мы были глубоко заинтересованы, вооружены всеми новыми достижениями, мыслями, высказываниями.

3-й вопрос – проблема наследия классических произведений для одной литературы, фольклорного наследия для

другой литературы. Проблема состояния поэтики, доклады интересны — тов. Брагинского¹, интересный доклад Султанова² относительно специфики развития узбекской литературы, доклад Лизуновой о некоторой борьбе и путях развития казахской прозы — это законные вещи, но они идут не по основному руслу основных задач. У нас есть более крупные задачи. Для всех наших литератур, исходя из моего заявления, сказанного раньше, мы, писатели, авторы, ожидаем высказываний дружеских, принципиально справедливых, требовательных, ждем критического слова, помогающего живому автору до конца его жизни исправлять совершенное и создавать новое на основе новых желаний.

Для всех наших литератур, литературоведов, изучающих литературу по республикам или изучающим при Московском университете, при Институте мировой литературы, комплексное изучение или изучение отдельных литератур в республиках, где идет изучение литературы на одном языке, очень важно.

Мне кажется, что нужно изучать в комплексе, шире, это имеет широкие перспективы, потому что изучение процессов, происходящих в наших братских литературах, должно подготовить зарождение идей изучения истории советской литературы всего Советского Союза. Конечно, и отдельное изучение литератур — оно нужно. Мне кажется, что все региональные совещания сводятся к тому, чтобы изучение шло комплексно. В этом смысле есть общая обязательная задача для всех литератур.

Я возвращаюсь к положению, которое я выдвинул в начале — об овладении методом социалистического реализма.

Реализм в данном случае нужно понимать не как выражение стиля, а реализм я понимаю гораздо шире. Реализм — это верность жизненной правды в художественную правду. Каждый художник должен осознать комплекс чувства, правду мышления, правду душевного движения, которые порождают тот или иной поступок, из чего складывается характер людей.

То, что многие называют высокохудожественным произведением в области прозы и драматургии, в наших братских республиках совершенства не достигается.

Иногда жизнь ставит перед нами бесспорные, актуальные темы, идейно-правильные, но все это сказано, как об этом отмечается в решениях нашей партии, серо, скучно, малоувлекательно. А ведь с искусства никогда не снимается его задача — очаровать слушателя, заставить его помогать, разжечь его эмоциональные чувства. Иногда наши произведения, правильные с точки зрения идейного содержания, правильные с точки зрения правдивости, но они могут быть натуралистическими, схематическими, подойти к материалу и в результате всего этого получают антиреалистическими произведениями. За реализм в искусстве надо бороться и опираться на высокие требования метода социалистического реализма. Вот с точки зрения этих требований и нужно подходить к оценке произведений писателей и Туркменистана, и Киргизии, и Казахстана и т.д.

Как общую задачу я бы назвал в целом ряде других научных проблем эту проблему как особо важную. Может быть, сюда включил бы вопрос проблемы мастерства, включил бы вопрос учебы, освоения традиций своей национальной почвы, традиций передовой русской классической и современной литературы.

Вот такие проблемы должны стоять перед нами, посредством которых должна проверяться зрелость тех или иных произведений, зрелость мастерства того или иного писателя. Дальше в работе регионального совещания не могу не отметить, наряду с многими положительными моментами, что вместо обсуждения проблемных вопросов, делали обзоры, приводили библиографический перечень, имели место информации или разбор отдельных произведений, творений XX века, XIX века и т.д. А ведь задача была конкретная, задача была о создании очерков советской литературы. Конечно, надо говорить об истоках, но надо ли было говорить с азов, когда мы поставили задачу говорить о советской литературе народов Средней Азии и Казахстана.

Я хочу вспомнить одно свое выступление, которое имело место недавно на заседании президиума Союза советских писателей СССР, которое было созвано в середине мая, первый президиум после Второго съезда писателей. Там обсуждался вопрос об издательствах художественной литературы — московских, ленинградских, киевских, тбилисском и т.д.

Обсуждая работы этих издательств, очень много теоретических проблем затрагивалось выступающими товарищами. Там я поставил вопрос об изучении литератур в наших братских республиках. Существуют художественные произведения, переведенные на русский язык. До сих пор издательства художественной литературы проделали колоссальную работу — перевели на русский язык и тем самым сделали наши произведения достоянием общесоюзного читателя...

В литературе каракалпакской, узбекской, казахской, таджикской, туркменской и т.д., в университетах Москвы, в университетах Сталинабада, Ташкента, в университетах Киргизии, Туркмении защищено огромное количество докторских и кандидатских диссертаций, эти диссертации я, конечно, не рассматриваю все, как самородки, я совершенно в данном случае не утверждаю, что их все можно брать и печатать, но никто не сомневается в том, что в то время и в отдельных монографиях имеется глубокое обоснование тех или иных проблем, — эти диссертационные работы, кандидатские и докторские, должны быть учтены, безусловно, теми нашими учеными, которые берут на себя благородную задачу изучения наших литератур.

И, кроме того, я считаю, что наши институты, головные институты, научная общественность, собравшаяся вокруг Академии наук и университетов, а также и пресса, должны прежде всего думать о чем — о нашей литературе, о наших писателях. Не только мы сами должны об этом думать, не только казахскую литературу должен изучать казах или узбекскую — узбек, побольше надо привлекать критиков, скажем, русскую советскую литературу, украинскую советскую литературу. Масса критиков, масса писателей высказывают очень интересные замечания и мысли, мысли ведущих русских писателей — Фадеева, Тихонова, Суркова, Симонова, Горбатова и многих других о наших отдельных писателях, о наших отдельных достижениях в области того или иного жанра, о наших классиках — мысли этих писателей должны быть учтены. Надо, чтобы в центральной прессе, на страницах “Правды” и толстых литературных журналов, в партийной печати о нашей литературе были суждения, чтобы она изучалась.

Общесоюзный читатель — это не только русский читатель, это читатель русского языка всех братских республик. Ауэзова читает таджик на русском языке, Гафура Гуляма читает грузин на русском языке, Сабита Муканова читает латыш на русском языке, поэтому выход на русском языке наших произведений — это выход наших литератур.

Вместе с тем созданию наших больших предпосылок объективного изучения отдельных литератур на основе национально-критической мысли — этому издательство “Советский писатель” внимание не уделяет, в смысле создания отдельных монографий, критических сборников и т.п. За все 16 лет существования издательства “Советский писатель”, им выпущено только 12 книжонок по поводу литератур, которые переведены с 33 языков. Естественно, что такой довольно жесткой и требовательной критике подвергалась работа издательства в этом плане, и мы как раз говорили о том, что надо издавать эти литературы, но, с другой стороны, считаем, издавая новые вещи, надо помнить о том, что уже издано многое.

Поэтому надо региональному совещанию, руководству Института мировой литературы и Институту востоковедения, а также филологическим факультетам университетов и, в первую очередь МГУ, признаться, что много трудов лежит где-то не так далеко — не в недрах, не в дебрях, а есть материалы, которые лежат, так сказать, на поверхности жизни, рядом.

Тот же МГУ — сколько там защищено кандидатских и докторских о творчестве каждого отдельного писателя или по каким-нибудь групповым характеристикам каких-нибудь литературных явлений.

Поэтому беря на себя благородную задачу создания очерков истории литератур наших народностей, вы не упускайте, товарищи, того, что лежит рядом с вами, что должно быть вами обязательно изучено и учтено.

И дальше ввиду ограниченности времени я не буду задерживаться на других вопросах, но хочу на минуту остановиться на вопросах влияния учебы.

Вопрос, который занял внимание совещания, и отдельными содержательными докладами, отдельными острыми, продуманными выступлениями, я считаю, что вопрос о вли-

янии заимствования и влиянии учебы — это вопрос глубоко серьезный, научный вопрос, к нему нужно подходить, учитывая комплекс сопутствующих моментов, и в каждом индивидуальном случае придется этими вопросами заниматься, специально углубляясь, ибо учеба учебе — рознь, влияние влиянию — рознь. Нельзя говорить об этом, что абсолютно прав был тов. Муқанов, который говорил, что все, что ни есть положительного в произведениях наших братских писателей, объясняется влиянием Горького и влиянием Маяковского. Это ведет к отдельным крайностям. Те товарищи, которые сделали сообщения по этому поводу, абсолютно не думают, что все, что ни есть у Айни, есть только от Горького, что все, что ни есть у того или у другого поэта, — только от Маяковского. Нет. На такой крайней позиции никто не стоит, но как бы в результате таких многократных повторений и одностороннего исследования этого вопроса о влиянии не получилось бы таким образом, чтобы через некоторое время будет нивелирована литература. Если все учатся у Горького, то, следовательно, все ученики в известной мере повторяют своего учителя, и все ученики с голоса одного учителя должны повторять. А наша литература чем отличается? Она революционна, народна, интернациональна по своей форме и содержанию. У нас делается очень многое в смысле выявления индивидуальных особенностей ее многообразия. А это может вести к нивелировке и, с другой стороны, если о каждом серьезном таланте говорить, об его учебе, то нужно говорить об отдельных этапах его жизни, начальном этапе, этапе становления характера.

И дальше наступает период, когда он ни у кого не учится конкретно, т.е. в смысле повторения чьих-то пройденных путей, но в нем сказывается уже сумма полученных знаний, сумма благотворительных влияний и отдача идет через большую переработку, через индивидуальное дарование, индивидуальные способности переживаемого мироощущения этого писателя, и вопрос влияния в каждом отдельном случае, настолько индивидуален в отношении каждого ставшего самостоятельным художника, писателя, поэта, прозаика, драматурга и т.д., и этот вопрос, наряду с общетеоретическим положением, имеет много таких частных моментов и

весьма важных определяющих в том или ином случае характер и степень влияния.

С другой стороны, справедлив Сабит, когда говорит, учился у партии, а все, что он получил от жизни своего народа, идя со своим народом к зрелости, строя социализм, учился у Ленина, но, с другой стороны, правы и товарищи, которые ему сейчас справедливо указывают, что наряду с этой учебой есть еще учеба писательскому мастерству. Архитектор, кроме идейной закалки, кроме исторического познания, глубоко заинтересован в том, чтобы его строения процветали и были бы созданы непреходящей важности ценности, ему нужно учиться искусству архитектора и в данном случае даже сапожник, для того чтобы стать сапожником, должен научиться тачать сапоги, потому что в каждом человеке заложены возможности и можно сказать с уверенностью, что в каждом человеке заложены дремлющие возможности сапожника, но для того, чтобы он стал сапожником, надо ему научиться, как братья за шило, как братья за дратву.

Когда мы говорим о Маяковском, о Горьком, надо помнить, что Горький, Маяковский воплощали наиболее полно ленинские идеи, идеи партии. Эту сторону надо будет учитывать. Я думаю, что Сабит так именно и понимает. Он говорил без записок и в отдельных случаях некоторые его формулировки были доведены до конца, но ход мысли, позиции в данном вопросе я абсолютно разделяю. Не только от него мы слышали жалобы, и от других братских литератур, поэтов-прозаиков, которые говорят, что все это Маяковского, Горького снижает, когда Маяковского превращают в какой-то аршин, по которому надо мерить — подтянет или недотянет. Это неверно.

С другой стороны, необходимо учесть 2-ю половину этого вопроса. Когда мы говорим, учатся у Горького, Маяковского, мы часто преувеличиваем и в данном случае обижаем не авторов братских республик, а Маяковского и Горького. Часто говорим — учатся у Горького, Маяковского, Толстого и очень часто бывает гораздо ниже того, что было выражено в творчестве Толстого, Пушкина, Горького, Маяковского. У нас опять-таки превратилось в ходячую, некритическую распространенную мысль, что ни есть положительного,

более выдающегося на сегодняшний день в области поэзии, прозы, драматургии, сейчас же начинаем объяснять это именем великанов нашей русской литературы. Это же ущерб, это уже неверно исторически и не справедливо в отношении наследия Горького, Маяковского.

Благородная задача — учиться у русских мастеров, но, учаь, надо понимать при этом и предъявлять огромную требовательность..

Эта мысль выявляет очень большую обоснованную тревожную заботу о том, как бы не облегчило эту задачу ныне живущим писателям. Если первые два романа, будем говорить, что они походят на Горького, Маяковского, то это в известной мере затрудняет дальнейший путь автора. Если он при первом взмахе крыльев достигает вершин мировой литературы, то куда дальше идти?

Ранее писатель, написавший 10 стихов, 2 поэмы, входил в члены Союза писателей. Написавший 2 повести, получал признание в республике, в виду отсутствия крупных художественных произведений, в виду отсутствия настоящей критической мысли. Признание приходило очень легко. Надо помнить, что нужна учеба, учеба, учеба. Поэтому нужно скорее поднять этот вопрос и учиться.

Ты создал хорошее произведение, но не довел до конца, потому что нет еще мастерства и надо над мастерством работать. Этот момент должен заслужить серьезное внимание и обсуждение и не лично по этому поводу на нашем региональном совещании.

Вот на чем я хотел остановиться.

*(Архив АН КазССР, фонд 80, опись 5, дело 152 (б),
связка 15, л. 335–350)*

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ ЖЮРИ ПО ПРОСМОТРУ
ДЕКАДНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ
8 ИЮНЯ 1958 ГОДА**

“Укрощение строптивой”

Я – переводчик спектакля, и поэтому позволю себе высказать несколько возникших у меня замечаний. Один говорит, что Петруччио – циник, другой говорит, что Петруччио очень человечен и в нем горячее любящее сердце. Мое мнение, что Петруччио – молодой повеса, жизнелюб. Именно последним и располагает к себе Катарину. Не следует забывать, что Шекспир наделил Петруччио и Катарину чертами английского характера, в первую очередь, вложил в их уста английский юмор и вместе с тем наделил их итальянским темпераментом. В спектакле это ощущается. Необходимо уровень спектакля поднять выше. Нужно искать возможности замены ряда актеров творческой молодежью. У Айманова плоскостная трактовка образа, а внешние данные его позволяют утверждать, что молодая девушка влюбляется в человека, по возрасту годного ей в отцы. Айманова нужно подстегнуть, он идет по спектаклю с апломбом без оснований.

“Назугум”

Мне музыка нравится. Увертюра, хоры, партия Назугум – все это приятно звучит и ласкает слух. Явное сомнение вызывает во мне персонаж Лоя – китайского сатрапа. Мне кажется, в связи с этим, что в либретто спектакля, а следовательно, и в самой постановке имеется несколько скольз-

ских и вместе с тем острых обстоятельств, к которым наши китайские друзья относятся весьма щепетильно. Персонаж Лоя не в духе времени. Надо помнить, что маньчжуры ассимилировались с китайцами, и это может поставить театр в неловкое положение. Мужчины-солисты не звучат, видимо, так написаны партии. Артисту Абжанову вообще не место в театре. Танцы спектакля весьма спорные как по своему рисунку, так и по тому, что во дворце танцуют голые женщины. Констатирую серьезный разрыв между хорошей музыкой и слабыми либретто и сюжетом, видимо, потребуется коренная переработка либретто.

“Наследники”

Тема, несомненно, очень важная, и пьеса, и спектакль новые, недостаточно апробированные, поэтому жюри должно вернуться к этому произведению еще неоднократно. В пьесе в наличии очень остроумные реплики, хорошие диалоги, есть много живого и яркого в языке, иными словами, в пьесе много хороших сдвигов. Досадно то, что ведущая идея спектакля излагается сухим, газетным языком, порочного в спектакле ничего нет. Борьба по центральной линии требует большого, сильного драматургического костяка. Сами наследники “сбоку-припеку”, они скорее могли быть гротесковыми образами. Вообще персонажи-англичане весьма бледны и малоубедительны. Отвернуться от этой пьесы нельзя, тема чрезвычайно нужная, театр должен совершенствовать спектакль, дотянуть его до уровня декады и показать в Москве.

“Наследников” в спектакле много, но драматургической связи между ними нет. Персонажи-англичане притянуты за уши, надо ведь помнить, что действие происходит не в 20-е годы. Русский театр радуется молодыми кадрами, в частности, надо отметить талантливого Померанцева. Мне кажется, что персонажи-англичане должны быть из спектакля убраны, надо все строить на деятельности настоящих наследников. Целиком согласен с тем, что казахские типажи не удались, в самом Николае Ермекове заложено смешение различных черт образа, в результате этого образ не получился. Взаимоотношения Райхан и англичанина неправдоподобны.

Комсорг несет недостаточную нагрузку в спектакле, ее линия прерывается и не оправдана, ей нужно дать большую нагрузку. Хорошо решена концовка соперничества Райхан и Маруси, но перед этим они должны по-настоящему соперничать. Это сценически не развито. Мне кажется, что главная задача театра в этом спектакле – показать театральными средствами, что “социализм надо строить чистыми руками”. То, что заложено в спектакле, уже сегодня дает положительную перспективу. Подчеркиваю, спектакль нужно дорабатывать с твердой перспективой показа его в Москве.

Считаю необходимым сделать образ казаха более полноценным и ввести этот персонаж в спектакль.

Предлагаю название “Наследники” снять.

“Платонов”

Я высказывался один раз в министерстве в узком кругу и я тогда ставил этот вопрос. Не рисковал ли ваш коллектив в выборе этой вещи? Это не Чехов и не половина Чехова. Не все в классике классическое, тем более, что Чехов сам не признавал эту вещь как значительную. Кое-что есть от Горького, кое-что от Чехова. У Горького, если есть разложение буржуазии, то чувствуется рабочий человек, его душа, его высокие устремления. Вот плененный орел. А все остальное уравнивает. У Чехова такие вещи с тонким юмором. Иногда говорят, что у Чехова есть доля импрессионизма, явления светотеней, дополнительных ассоциаций. А здесь не Чехов, потому что открыто, явно и самое главное – это две сцены массового опьянения различных людей. Со времен Чехова и до наших дней это стало настолько затасканной темой, что в достаточной степени сама сцена опущена. Это дешевая вещь: с одной стороны, на первый план выступает пьянка, с другой стороны, три женщины любят одного человека. И сам актер не располагает, не убеждает своими внешними данными. Поэтому не знаю, как теперь надо делать. Мне кажется, что это очень хороший режиссер, высококультурный, ему присущи искания нового, он вдохнул новую жизнь в театр, открыл коллектив этого театра.

И он мог бы поставить какую-то другую вещь, если бы вовремя это сделать.

Москва нам скидок не даст, и скидки были бы для нас оскорбительны. Москва – это не только культурный центр Советского Союза, это мировая сцена, т.к. там бывает очень много гостей из всех стран мира.

Если мы хотим быть оригинальными, то эта вещь, конечно, оригинальна, но хорошо, когда эта новизна оправдана.

Русскому театру выступать в Москве приходится в трудных условиях. Московский зритель знает Чехова очень хорошо, а эту вещь московский зритель не примет как чеховскую. Наш большой критик Ермилов, когда я ему сказал, что у нас идет “Платонов” Чехова, ответил, что это не Чехов. Зачем же мы везем эту вещь? Разве можно так поступать с именем Чехова?

Я за “Платонова” голосовать не буду. А замена молодым актером, конечно, нужна.

Я хочу уточнить вопрос о “Руслане и Людмиле”. Это не идентичные, а различные вещи. Здесь все говорили о самой пьесе. Пьеса кажется не чеховской, она в этом смысле может быть спорной, но так как она сделана из трех пьес, у нас могут быть все возможности показать пьесу блестяще. Может быть, наше решение несколько жесткое. Нам нечего спешить сейчас с этой вещью. Мы высказывали очень много критических замечаний. Я семь месяцев тому назад в узком кругу высказывал все эти мысли и сейчас, высказывая свою точку зрения, останавливаюсь на той же позиции. Считаю, что с этой вещью жюри сразу категорически решать не должно, так как на сегодня замены не видим. И главный герой может быть заменен. Надо еще подумать режиссеру над этим.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ОЧЕРКА УСТНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА КАЗАХСКОГО НАРОДА 19 ИЮНЯ 1952 ГОДА

М. Ауэзов. Рецензия на главу М. Габдуллина “Героический эпос”.

В целом написано благоприятно. Много свежих мыслей, особенно во вводной теоретической части. Хорошо, что дано научное обоснование и даны необходимые методологические, установочные положения. Ценно, что здесь основной принцип исследователя — историчность анализа. Кроме того, хороший язык. Оценка “Кобланды” правильная.

Отдельные недочеты. В “Правде” статья без подписи не принадлежит ли Керженцену, надо это проверить (стр. 14) и устранить, если его.

Страница 22-я — выпали “Шора” и “Алпамыс”. Надо дать отношение к ним. К “Шоре” отношение должно быть отрицательное.

Страница 33-я — убрать сведения о детях Марабая.

Непропорционально много о “Кобланды”. Очень много о сказителях и очень много об образах. Сократить историографическую часть о “Кобланды”, сократить справки.

“Ер-Саин” — народность надо доказывать во второй части его деятельности. Слово “Саин” — “хороший” по-монгольски.

Чего не хватает, эпических текстов, надо из них использовать ценные, чтобы не обеднить. Дать общую характеристику и родного эпоса во всей его полноте. Пополнить это. По этому разделу наслоения должны быть вскрыты. Почему

появились антинародные элементы: консервативная идеология фольклорно-клерикальная XIX века, их народные наслоения должны быть объяснены и вскрыто влияние , мулл. От них проникают идеи агрессии и газавата. Это и вызывало отход от народного понимания эпоса. Это обеспечит большую верность методологии. Надо это раскрыть на конкретном материале.

Наконец, необходимо коснуться роли эпоса в формировании литературного языка, в обогащении языка в свете учения И.В. Сталина. Поэтому язык и поэтическая культура эпоса должны быть

Надо писать о моментах исторической ограниченности в сознании самого народа. Эпоха возникновения генезиса должна быть поставлена, но надо дать этому вопросу разные мнения. Но еще более важно установить, что превносится в эпос в последующие эпохи под воздействием новых исторических условий – слои, но не стадийность (мифологический слой и т.д. нам не нужны).

Частные замечания. Надо установить историческую связь происходящих изменений в составе эпоса, особенно во второй половине 19-го века. В каждой новой эпохе новое бытование эпоса. Возможно, в 17-м веке “Кобланды” вообще не был мусульманином, а в 18-м веке он был мусульманином, а в 19-м веке он может превратиться в правоверного. Мы теперь приходим к правильному освещению произведения, которое бытовало до последнего времени. Записи произведены только недавно. Проходя через изменения представителей многих поколений, бытуя на устах в течение многих веков, они на себя наслаивали очень многое. Мы не будем исходить из того, что наслоено, наклеплено.

Мне кажется, что такая группа проблем, каждая в отдельности очень много места и дальнейшей доработке не должна занимать, но ответ на них должен быть, и он должен обеспечивать научное исследование.

Несколько мелких замечаний в отношении отдельных выражений. Я иногда возмущался нелогичностью или ошибочностью высказываний того или другого человека. Это на 11 и 16 стр. говорит ... (выдержка), а в другом месте Абдрах. говорит

По “Камбару” у меня замечаний нет. По размеру хоро-

шо, но надо ли в эпосе выделять образы, как, например, в романе? Вначале должна быть общая характеристика эпоса определенного периода. Должна быть общая общественность и производить анализ только центральных образов, остальных называть в общих чертах. А теоретически ничего не надо убирать, именно здесь нужна большая синтетичность.

Тов. Габдуллин. Большое спасибо за сделанные замечания, я их все учту. Историографическую часть я до минимума сокращу, переход к “Кобланды” тоже сокращу. Придется посоветоваться, как это сделать. В рабочем порядке это разрешим.

Тов. Искаков. Раздел, посвященный “Камбару”, занимает 17 стр., “Кобланды” – 70 стр. Я считаю, что этот раздел надо значительно сократить, чтобы не лишиться себя права публикации не в ущерб будущей работе...

Второе замечание – у него есть некоторые хорошие мысли Байганина и архаизмы. Вообще на язык эпических произведений должно быть обращено некоторое внимание. Наши просветители основали казахский литературный язык, а был ли литературный язык до наших просветителей. У казахов был раньше литературный язык, но в какой форме в народном творчестве проявилась эта форма, это не совсем отточенный, отработанный литературный язык, и Мусабаетев считает, что это литературный язык старшей эры. Нельзя ли несколько увеличить раздел, посвященный “Ер-Саину”? Вы запишите, что нужно разработать этот раздел. Вот два замечания.

Если нужно будет обязательно сказать наше отношение к монографиям “Ер-Таргына”, “Ер-Саина”, мне кажется, в некоторых местах недостаточно убедительно показывается их народность. Нужно ли в связи с этим сказать о положительном эпосе “Кобланды” и других эпосах?

Тов. Смирнова. Это придется дать мне в советском периоде, во вводной части. Мы будем давать ответ на этот вопрос, когда будем говорить о наследстве.

Последний вопрос... – мне кажется, что они тоже были в народе популярны. Правда, они не были в советский период опубликованы, так как публиковались другие вещи, но оттуда надо выбрать общенародные вещи и

показать. Показать не только с отрицательной стороны. Не знаю, где лучше, может быть, в вводной части пару слов сказать, что некоторые формы эпоса не исследованы, следовательно, стоит большая задача исследовать такие-то вещи, определить их как народные или антинародные.

И последнее замечание насчет газетных фраз. Этот научный труд пишет научный работник, поэтому, мне кажется, надо избегать таких фраз. Параграф 5-й насчет Ш..... это 10 с чем-то страниц, он воздет в эпос, но в какой-то другой период, так как “Камбар” относится к другому периоду. “Камбар” относится к концу этого периода. “Кобланды” — более ранний период.

И, наконец, последнее несущественное замечание, но я хочу послушать мнение специалистов. Вы говорите о распространителях, сказителях. О распространяемости среди населения этих народных вариантов хотя бы вкратце надо сказать.

А может быть, во второй части это сказать, где они говорят о 19-м веке?

Хотелось бы знать, когда вы дадите окончательный материал на основании сделанных замечаний? Я беспокоюсь об этом потому, что вы, как член редколлегии, перегружены.

У меня замечания следующие: по вопросу методологии. Общие методологические установки правильны и ценны, с этим надо согласиться. Вступительная часть удачна в методологическом отношении. Структура нуждается в ряде аспектов, но об этом я буду говорить дальше. В основном, мне кажется... работа построена правильно. Но, мне кажется, что необходимо учесть вам следующее: во-первых, вопрос о двух культурах и о народности эпоса поставить еще более диалектически, чем он у вас поставлен. То, что говорил т. Исаков относительно того, что нужно обратить внимание и на народную версию “Кобланды” и “Камбара” с точки зрения борьбы, с точки зрения распространения противоречий и показа, какие противоречия побеждают. Это необходимо. Причем, мне кажется, это удобнее будет сделать тогда, когда возьмете такую последовательность — “Кобланды”, “Камбар”, у вас будет видно, какие были противоречия в начале

ногайлинского периода и как они развивались дальше. Мне кажется, именно так надо сделать.

Дальше – второй момент, который надо тоже отметить, это вопрос о том, что эпос является системой взглядов людей, такой стороной человеческого, народного мировоззрения, которая выражает взгляды общественные и показывает, какие именно общественные представления заключены в эпосе. Это общественные представления, рисующие отношение народа к народу, это общественные отношения, рисующие внутринародные отношения, внутригосударственные. Совершенно необходимо поставить вопрос о государстве, потому что эпос связан не только с представлениями о народе, но и с представлениями о государстве. Обычно эпос связан с какими-то событиями феодализма, поэтому связан с государственной стороной, вот эту сторону вам необходимо отметить, как тут идет борьба, как тут раскрываются противоречия, как народ от более примитивных родовых идей идет к более сложным феодальным идеям и подчеркнуть, что для того периода это было прогрессивным. В разделе “Кобланды” говорится вами о союзе племен, а “Камбар” еще больше ставит вопрос в родовом плане, а XVIII-й век уже ставит вопрос в плане народности, но вам надо подготавливать, какая была борьба и какая была преемственность, чтобы не было впечатления, что государство меняется на разных периодах В отношении патриотизма, надо чтобы у вас не получилось того, что было в прежних работах, где берется патриотизм, как патриотизм общества, а надо брать как категорию классовой борьбы, между прочим, он тоже должен быть отражен в эпосе, то есть это будет выявляться в столкновениях отдельных племен с иноземными ханами. Это уже какая-то форма классовой борьбы, еще неразделенная с родовой борьбой, как она будет отпочковываться от родовой борьбы надо показать... Надо показать развитие ... в связи с тем, что более примитивные исторические отношения становятся более сложными.

Теперь дальше, у меня больше методологических наблюдений нет к вашей работе, а есть целый ряд структурных пожеланий, касающихся структуры работы и ее оформления. Первое... .. по структуре историографической части я хотела бы сделать такое предложение – историографиче-

ские справки, которые касаются “Кобланды”, “Камбара” и вообще эпоса, свести в одно место, что касается историографических моментов, которые нужны в “Кобланды” или “Камбаре”, их нужно дать в сноске, сказать, что такая-то постановка вопроса является ошибочной, такая-то позиция правильна, а что касается самого историографического описания, оно здесь не должно быть.

Там, где вы говорите о Радлове и....., надо не только отрицательные, но и положительные стороны показать и показать в комплексе, потому что мы не можем умалять их заслуг. Вы правы, когда указываете о них, но я бы наряду с этим отметила и то, что есть положительного. Я бы сказала не так, что сделали Радлов и другие, а так, что русские ученые, казахские просветители (назвали бы их имена) внесли в область изучения следующее, поставили такие-то научные проблемы. Тогда я не буду говорить об этом и мы с вами не повторимся. Изучение советского периода – в таком-то состоянии такие-то проблемы были решены, были такие-то ошибки и в каком-то направлении идет перестройка. Сказать очень сжато без особых примеров, а прямо по пунктам. Тогда студентам было бы легче и изучение не заняло бы много времени. Обязательно сказать о решениях ЦК, вкратце о решениях 8-го пленума и 5-го съезда и какие задачи стоят в связи с этим в настоящее время.

Здесь надо идти не по именам, а по проблемам, по вопросам, а имена прилагать в сносках, в ссылках. Их даже можно не упоминать в основном тексте, а сказать в сносках, потому что много имен – очень тяжело с точки зрения восприятия. Это не рекомендуется. Я тоже все постараюсь перенести в сноски. В макете “Истории советской русской литературы” столько имен, что их трудно запомнить. Основные имена можно дать в тексте.

Относительно того, как рассматривать основные теоретические положения в отношении эпоса, которые у нас в настоящее время складываются на основе работ классиков марксизма, выступления тов. Жданова и т. д... Вы их сократите, где можно. Теперь цитату о Соколове можно безболезненно убрать. Это уже техническая работа. Я хочу внести другое предложение, мне кажется, что здесь возможно раскрыть этот вопрос более специфично в отношении эпоса,

потому что многие вещи, которые вы здесь сказали, сказали совершенно правильно, методологически верно, они высказаны в других случаях. Предположим, Калинин говорил об эпосе, что касается эпического наследства — Жданов говорил. Маркс говорил об эпосе то, что вы говорите в отношении его конкретного, исторического значения. Может быть, вам дать Маркса, а высказывания Ленина перенести в общую вступительную часть, чтобы вам дважды одно и то же не говорить? Лучше взять то, что сказано Марксом, Калининным и дальше, что сказано Горьким по вопросу эпоса. У Горького очень много положений, которые еще не использованы. Возьмите третий номер архива Горького, возьмите его высказывания по фольклору. Там есть две статьи, касающиеся эпоса. Мне кажется, что таким образом ваша работа украсится. Мысли там очень хорошие, их надо сохранить, но сжать, специализировать.

Дальше, мне кажется, совершенно правильно вы даете вопрос о народности. Что такое эпос? Надо на этот вопрос отвечать, дать определение эпоса, очертить его границы, что он собой представляет. Когда будет дано определение эпоса и указаны будут его разновидности, после этого перейти уже к тому, что именно эпос — это такой вид народного творчества, который проходит от глубочайшей древности до современности, и в соответствии с этим в развитии эпоса надо наблюдать различные периоды, в которых обусловлены конкретные исторические условия в жизни народов, повороты в народной истории, которые и являются предметом эпоса. Надо дать даже историческую справку после этого, какие периоды в развитии казахского народа с того момента, как он стал народностью, и до того, как наступил период присоединения к России. Мы наблюдаем, какие этапы исторического развития, какие этапы внутреннего развития патриархально-феодальных отношений здесь происходят. Здесь придется проконсультироваться с историками. Первый этап — застой орг..., второй этап — установление самостоятельного Казахского государства и это второй этап... второй этап, связанный с борьбой с джунгарами, и третий этап, связанный с началом присоединения Казахстана к России. Конечно, тут не надо говорить, что не нужно механически переносить даты, сказать, что эпос создается не

сразу, а в веках, что он является обобщением, что тут дается обобщение. Отсюда перейти к вопросу об истории, причем не ставить каждый раз “Камбар”, “Кобланды”, а поставить один раз и тут же поставить конкретные примеры. Эпос создается веками и надо исходить из этого и так ставить формулировки, тогда вы избежите многих нападок, которые будут на вас сыпаться. И методически будет правильно. Эпос исходит из более ранней стадии, когда не было казахского народа. Какие-то истоки идут из периода племенных отношений, могут быть, сказания, могут быть, песни, может быть, то и другое, а сроком, решающим поворотный момент в судьбе образующейся народности, считать распад Золотой Орды, второй решающий момент – борьба с джунгарами и третий решающий момент – присоединение Казахстана к России.

Какая эпоха наиболее широко отражена в эпосе? В данном случае я бы сказала, что в таких вещах, как “Камбар” и “Кобланды”, наиболее широко отражен момент распада Золотой Орды. В этот период эпос подвергался большому творческому развитию.

Дальше я бы поставила вопрос о двух культурах, как вы правильно ставите. Вопрос о народности я бы поставила более широко, причем увеличить объем привлекаемого материала. Надо подумать, что включить, чтобы эпос не выглядел бедным.

Дальше я бы поставила вопрос о народном эпосе не отдельным монографическим разбором “Кобланды” и “Камбара”, а целиком, выяснив, прежде всего, особенности народного эпоса, идейное тематическое содержание в целом для данного периода, потом основные его образы, связав с проблемой положительного героя. Как решается проблема положительного героя, какие идеи развиваются через положительный образ героя, что осуждается через положительного героя, что собой положительный герой представляет важного и ценного для той эпохи и чем он является для нас?

Все эти вещи, идейно-тематический состав, затем образы, историческая природа в целом – это было бы очень хорошим анализом образа Кобланды. Усилия противоречий как у того образа Кобланды, так и у Камбара. На остальных

образах я не стала бы останавливаться. Первый вариант в настоящее время дает возможность до конца решить этот вопрос. Складывается на основе имеющихся материалов такая концепция, что была народная версия, а данная вещь уже не является записанной с народных уст, а является некоей обработкой.

В общей части, где я говорила о духе народности, я поставила бы вопрос, что эта народность должна решаться в соответствии с борьбой феодальной и народной, борьбой прогрессивного и отсталого в самом народном сознании, то есть борьбой старого и нового в народном сознании. Таким образом, я бы перестроила структуру этой работы и она была бы у вас гораздо сильнее. Вообще тексты надо жать без потери качества.

Тов. Габдуллин. Как быть с “Алпамысом”? И как обращаться к писателям древности?

Тов. Смирнова. В отношении “Алпамыса” я бы не пренебрегала сказочной версией, обязательно бы ее использовала, показала бы, что если это вышло не от народа, то в глубоких истоках это все же народное сказание. Насчет писателей... ..теперь насчет писателей советских, это вам не нужно. Это мы поставим в советском отделе. У меня есть еще одно предложение: я бы поставила шире вопрос о других народных версиях “Кобланды” — каракалпакской, крымской, тобольской потому, что они показывали, что есть я все. А нам важно показать, что не только есть, но что имеющиеся версии обнаруживают какую-то связь, которая нарушает кипчакскую теорию, одновременно с этим обнаруживают или показывают, что каждый народ имел свою культуру, развивался своими путями. Это придется сделать для того, чтобы “Кобланды” от других версий не казался настолько изолированным.

Я бы не стала употреблять термин “ногайлинский период”. Мне кажется, что здесь надо ставить вопрос таким образом, как он правильно ставится. Он ставит правильно, что эпос, так же как и народность, есть возрождение первоначально различных племен, но процесс образования народности закончился после распада Золотой Орды. Наши историки теперь пришли к выводу, что было два периода в образовании казахской народности и это соответствует

тому, что он говорит. Здесь надо еще сказать, что народность для этого периода еще недостаточно определена. Здесь надо как-то ограничить ногайлинский период, ограничить тем, что не все эпические произведения создавались в ногайлинский период. Обратит внимание на то, что у “Кобланды” есть целый ряд каракипчаков. Это надо подчеркнуть.

Тов. Искаков. У нас близкие соседи могли друг на друга повлиять, могло ли случиться, что тут есть и каракалпакское влияние?

Тов. Смирнова. Конечно, не могло случиться, что и у крымских татар, и у казахов, и у тобольских возник “Кобланды”. Это этногенез. Крымские татары написали “Кобланды” еще до возникновения пантюркизма и панисламизма.

Вам нужно избежать того, чтобы у вас был только один этногенез, а дальнейшее существо не устанавливается. А вы скажите, что это устанавливалось в процессе этногенеза и дальше устанавливалось. Возьмите взаимодействие соседних народов уже не по признаку семейственности и какой-то экономической общностью обуславливается этот процесс... Вообще, я бы считала, вторую часть нужно построить по тому проспекту, который есть в Ленинграде. Нам важен, например, “Алпамыс”, он распространен на юге. “Кобланды” повсеместно распространен.

Тов. Искаков. Еще было бы интересно... .. они будут говорить здесь о связи.

Тов. Смирнова. У меня есть в отношении Амирхана и я это включу в работу. Поэтому ему надо посмотреть на такие вещи, как “Ер-Саин”, тогда у меня не будет этой кипчакской ограниченности. А в общем методологическое направление очень хорошее, правильное. Надо сократить за счет устранения монографического разбора отдельных произведений.

Тов. Ахметова. Это будет один из разделов книги и исходя из этого все мои высказывания и замечания.

Работа Малика состоит из вступления – 1,5 страницы, историография – 15 стр., дальше историческая обстановка, когда родилось это произведение – 5 стр., маленькая глава феодальный эпос – всего одна страница, народный эпос – 5 стр. Разбору “Кобланды” посвящено 70 стр., “Ер-Саину”

– 3 стр. О структуре работы – вступительная часть достаточная, там полторы страницы, в историографии даются все методологические положения. Показываются русские дореволюционные ученые. Можно согласиться, что там даются только отрицательные стороны, но это дается с точки зрения сегодняшнего дня, что они не могли раскрыть тех сторон. Это правильно. Затем идет критика работ казахских литературоведов об эпосе, в установочной части даются все высказывания классиков марксизма-ленинизма. Наверное, все же высказываний слишком много, они разбросаны. У меня такое замечание – эти высказывания большей частью даются в общей части, они должны быть даны в анализирующей части.

В разборе “Кобланды”, когда вы даете конкретную оценку, может быть, лишний раз сослаться здесь... подобный разбор второстепенных и третьестепенных образов. Это надо убрать. В работе есть, с моей точки зрения, моменты, которые можно заменить. Такие выражения, как ... (*говорит по-казахски*). Все это только загружает. Особенности эпоса... сослаться здесь. Это будет куда конкретнее, чем там ссылаться. И сам анализ провести в свете этих идей.

Из рассмотрения структуры произведения мы видим, что очень много посвящено “Кобланды”, это показывает, что этот вопрос наиболее разработан. “Кобланды” занимает 70 страниц, а “Ер-Таргын” всего 7 страниц. Мне кажется, для этого дано слишком мало.

На первой странице говорится о феодальных отношениях, этому предшествует раздел народных произведений. Может быть, об этом нужно лишь...

Тов. Смирнова. Надо сначала поставить проблему народности. Надо сказать, что есть такое-то несоответствие, потому-то и потому-то. Сказать в общей форме. Хотя вы их назвали, но проблему народности ставите после. Скажите, что соответствует народности и что не соответствует.

Тов. Ахметова. Мне кажется несколько неоправданным то, что в конце нет обобщения. Общие теоретические рассуждения правильны. После того, как дается серьезный разбор, надо сделать какие-то серьезные выводы и общие положения конкретизировать.

Где дается историческая часть, говорится много и о трех искусствах, об исторических моментах. Очень мало о классовых отношениях.

О достоинствах работы я не буду говорить, поскольку работа вполне выдержанная. Широко ставится вопрос о народности, история берется. Все это достоинство работы.

Я буду говорить о том, какие, на мой взгляд, недостатки имеются, которые следовало бы как-то исправить. Текст работы слишком большой, объем книги этого не выдерживает – 102 страницы, этим работа носит монографический характер, даются очень ... особенности эпоса вообще. Об этом я потом буду говорить. Больше говорится как изучать эпос, а само положение об эпосе – вопрос поставлен проблемно. Дальше идет глава советского эпоса. Она носит новый характер. Там надо больше выяснить существо казахского эпоса – какие представления тогда были, какими особенностями наделялись женщины.

Вопрос миропонимания в казахском эпосе. Здесь очень много дается материала и надо еще раз подвергнуть материал анализу – какие взгляды казахов, какие отношения нашли отражение в эпосе, уровень деятельности, жизненные отношения.

Тов. Искаков. От экономики не оторвитесь.

– О “Кобланды”, может быть, общие положения сократить. Что касается племенных и народных моментов в эпосе, у меня такое впечатление, что во многих произведениях есть племенные отражения племенных исторических моментов. В разную эпоху создавались произведения и соответственно устанавливались взгляды. Все эти варианты как-то совместились, оформились в феодальную эпоху. В отдельных случаях такое определение вариантов нужно ли? Может быть, это сократить или сказать во второй части. Кроме того, монографические сведения о сказателях, певцах.

Тов. Смирнова. Это нужно указать в сноске.

Совершенно правильно, что художественное творчество и история разграничены. Художественное творчество и история – это разные вещи. Мы не можем “Кобланды” относить к событиям такого-то года, но но вопрос можно поставить об отношениях феодального характера, воз-

рождение этих отношений мы можем искать. В советский период будет свой эпос. Надо использовать то, что требуется, это героиню Отечественной войны. То, что здесь трудно, до конца будет разработано. Многие положения можно давать смело, как постановку вопроса.

“Кобланды” находится в центре, а “Камбар” мало упоминается. (С места: вам не передали этот раздел.)

Тов. Смирнова. После “Кобланды” идет 17 страниц о “Камбаре”.

— Тогда другое дело. А я хотел сказать, почему о “Камбаре” не даете анализа.

Теперь, каким образом давать обобщения, что такие-то моменты являются эпическими.

Вопросы художественной формы, языка и литературы. Вы это даете в связи с произведениями, а надо дать в конце, в общей форме, как отражение сознания. А поскольку у вас будет история советского периода, новая история, новый язык, новые понятия. Например, произведения о Гастелло.

Надо сказать, что в основу эпических произведений легли местные материалы. Когда будет идти разговор об исторических вещах, какие-то общие моменты надо взять, а детальный анализ не нужен.

Тов. Смирнова. По вопросу обсуждения “Ер-Саина”, по-моему, это дано мало и не совсем убедительно. Мысль такая, что это народное произведение. Лучше писать, что в основе лежал народный вариант. А этот вариант едва ли народный. Сам Ер-Саин по сюжету выглядит как отрицательный герой, а здесь о нем даются такие высказывания, что он выглядит как положительный герой. А герой в конце концов сам погибает, он преступник, грабит трудовой народ, служит ханам и в конце концов его судьба нехорошо кончается. В этом произведении герой всячески превозносится, хотя сам наказан. Вот все по разделу народного варианта. В целом работа грандиозная, большая. Но для книги материал надо несколько сократить и переработать. Очень много историографии: Очень детально говорите об ошибках наших литературоведов, слишком многовато. В монографии это, может быть, оправдывается, в докладе о них тоже можно говорить много, а здесь надо говорить короче.

Еще раз повторяю мысль, что народные традиции эпоса надо дать обобщенно, поскольку вопрос стоит исторически. Дальше будет современный эпос с присущим ему своеобразием.

Тов. Габдуллин. Я, конечно, учту ваши замечания и, очевидно, некоторые разделы придется переработать, некоторые части основательно переделать.

Тов. Смирнова. У меня такой вопрос – на сколько мне рассчитывать, чтобы не было диспропорции. Мне придется писать 18-й век.

– Печатный лист у вас должен быть.

Тов. Искаков. В ущерб содержанию нельзя сокращать.

Тов. Смирнова. В ущерб теории и обоснованию вопрос не надо снимать. Надо только все это обобщить, не делать монографического типа. Если рассматривать “Кобланды” как более ранний период, “Камбара” – как более поздний и раскрыть внутреннюю связь, это будет лучше.

Тов. Габдуллин. Я подсчитал, если из этого сделать 2 печатных листа, то страниц 75 надо оставить, из расчета 40 тысяч знаков.

Тов. Смирнова. Значит, мне остается всего печатный лист, а Вы будете писать примерно два листа.

Тов. Габдуллин. Ваши замечания, товарищи, я учту, спасибо, что их высказали.

Тов. Смирнова. Вынесем такое решение – принять этот вариант за основу, признать, что он методологически правилен, но целый ряд замечаний просить Малика Габдуллина учесть и переработать, установить ему для этого срок до 1-го июля.

**СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
I ТОМА “КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”
ПРИ ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР**

17 января 1953 года

г. Алма-Ата

Присутствуют гг. Смирнова Н.С., Исаков А.И., Ауэзов М.О., Сильченко М.С., Габдуллин М.

Председательствует Смирнова Н.С.

Повестка дня:

Глава “Эпос” М. Габдуллина.

Тов. Смирнова. Сегодня у нас стоит на повестке дня обсуждение главы “Эпос” М. Габдуллина. Прошу высказаться.

Тов. Ауэзов.

Вначале несколько общих замечаний и соображений.

Во-первых, эта работа Малика в оригинале составлена на казахском языке, сейчас она возвращается к нам в подстрочном переводе. Обсуждение по подстрочному переводу научно-исследовательской работы представляет эту работу в очень невыгодном свете. Мы можем говорить только об основных тезисах, здесь изложение мыслей автора дано упрощенно, разжижено, бесцветно, даже логические связи отдельных положений явственно не представлены, и в таком виде всякая рукопись предстает перед редколлегией в невыгодном свете. Анализ образов, идей, сюжета дан примитивно, как толмачом, который переводит с оригинала. В редколлегии нельзя обсуждать подстрочник.

Тов. Смирнова. Подстрочник мы не должны ни в коем случае обсуждать, поэтому поручили т. Габдуллину переработать, сделать русскую редакцию.

Тов. Сильченко. Мы спорим напрасно. Давайте решим – можно или нельзя обсуждать.

Тов. Ауэзов. Постановку вопроса можно обсуждать.

Тов. Исаков. Основные тезисы, основные мотивы по существу – чего не хватает, какие пожелания будут – вот в этом разрезе надо обсуждать.

Тов. Ауэзов. Снимать с обсуждения не надо, но начну с большой оговоркой.

Автор пишет на казахском языке, и все его работы редакция должна принимать в казахской редакции, на том языке, на котором автор пишет. Потом даем литературный перевод, тогда пусть редакция еще раз рассмотрит. В этой же стадии мне представляется работа в очень невыгодном свете.

Тов. Сильченко. Как сам автор смотрит, если это полезно, будем рассматривать, если нет – надо снять.

Тов. Габдуллин. Учитывая первое и второе замечания, итоги краткого обсуждения, я внес некоторые изменения в казахский текст. Мне советовали некоторые товарищи, поскольку обсуждение будет на русском языке, передать этот текст переводчику Галих. Потом я просмотрел этот перевод и сказал, что сделано недоброкачественно, затем я передал переводчику, потом сделал свои дополнения, но он поставил каждое слово так, как ему было удобно, поэтому эта работа не является литературной. Я сам видел топорный язык, много погрешностей и необходимо ее отшлифовать. Дал ее я отнюдь не для обсуждения. Где находится подстрочный перевод, я не знаю.

Тов. Сильченко М.С. Хотелось бы знать, удовлетворяют ли вас основные принципиальные научные положения в статье?

Тов. Габдуллин М. Было высказано пожелание, чтобы первую часть этой работы закрепить.

Тов. Сильченко М.С. Вы согласны, как изложено в русском варианте, или критические замечания имеются?

Тов. Габдуллин М. Я с содержанием согласен.

Тов. Ауэзов М.О. Здесь очень примитивный перевод, много формулировок наивно-примитивного характера. Что мы можем сегодня сделать?

Так как Малик присутствует, мы заинтересованы, чтобы был научный подход обеспечен в основных тезисах, поэтому можно высказаться, но прежде всего нужно сделать оговорку.

Тов. Габдуллин М. Некоторые места перевода мне и самому непонятны.

Тов. Ауэзов М. Большой раздел литературного анализа об образах, о действующих лицах “Кобланды” настолько разжижен, что просто обидно. Но не будем обращать внимание на стиль, на внешнее словесное оформление работы, будем обращать внимание на метод освещения материалов, на то, что учтено из основных положений марксистско-ленинского литературоведения об эпосе и что упущено.

Вначале я хочу остановиться на некоторых общих положениях. Правильно ли, что Малик рассматривает эпос исходя из параллельного рассмотрения истории...

...как будто эпос начинает свое существование с момента ясной полосы исторического развития казахского народа, тогда получается, что мы охаиваем марксово положение, что существует две стадии и что первоначальной стадией эпического творчества является бессознательная художественная переработка словесного или всякого материала, как сказал Маркс.

Почему в отношении казахского эпоса мы не ставим так вопрос? Так вопрос ставили и Энгельс, и Горький. У Горького говорится о племенах, родах. Горький говорил – роды объединяются в племена. Он ссылался на Геркулеса, 12 союзников составляют союз 12 племен. Так идет объединение до образования самого народа. У Энгельса так же говорится. Две стадии разработки эпоса по Марксу есть. Нельзя не считаться с этими положениями.

Получается, эпос начинается с полосы самого яркого света, когда история вся ясна, тогда как наши отдельные высказывания говорят, “Кобланды” – кзилбашский эпос, “Алпамыс” – кипчакский эпос. С этой стороны ясное, безотчетное исследование казахского эпоса, исключительно

связанного с какими-то историческими периодами в более категорической форме, мне кажется спорным. Надо обобщить положения марксистско-ленинского литературоведения в отношении эпоса. Тут надо сослаться на Маркса, Горького. Вот общее положение и нужно говорить, в какой степени присутствуют элементы в народной категории эпоса, элементы родового, племенного характера, как указывал в свое время Маркс, Энгельс и позднее Горький и в соответствии с таким развитием эпоса образы разрабатываются по-другому.

Мы имеем в виду позднейшие варианты. В отношении русского эпоса имеются только позднейшие варианты, которые собраны только в XVII веке. Но по этим вариантам советские русские ученые считают для себя возможным допускать исследования, ставят вопрос об энтогенезе эпоса и о первоначальных этапах состояния эпоса, когда отражают данный период истории...

Вот на эти элементы сказок, элементы мифологии, элементы бессознательной художественной переработки нужно обратить внимание.

На 2-й странице перечисляются собиратели и издатели казахского эпоса: Березин, Васильев, Алекторов. Я думаю, что их не надо упоминать. Какой же эпос у Березина? У него сказочный материал, этнографический материал, то же и у Васильева. А когда вы говорите о Потанине, что он не собирал эпос, а вот батырлар-жыры у него есть. Отдельные исследования у него из былинного эпоса сопоставляются с “Эдыге”. Это нужно указать как отрицательное явление.

В отношении Чокана здесь абсолютно нет критики, очевидно, в предисловии будет сказано, но здесь мы не можем не упомянуть, потому что Чокан в данном случае допустил ошибку, считая “Эдыге” народным вариантом.

Затем на 4-й странице, когда говорится об ошибках в освещении вопросов казахского эпоса, упоминаются фамилии Маргулана, Муканова, Кенжебаева, Габдуллина. Мне кажется, не надо фамилии упоминать.

На 8-й стр. сказано: “...отдельные мелкие элементы эпических произведений, быть может, складывались еще в эпоху родоплеменного союза”.

Почему “мелкие элементы”, когда нужно развить мысль, что родоплеменные союзы занимали большое место в эпосе.

На 9–12-й стр. о “Кобланды” Малик утверждает, как будто “Кобланды” не относится к родоплеменному эпосу. Здесь надо сказать, что каракипчаки и каракалпаки не случайно упоминаются, сам “Кобланды” возникает на этой основе, в составе родоплеменного эпоса есть элементы народно-демократического характера. На этом надо строить высказывания.

На 15 странице, излагая о варианте Марабая, Малик почему-то не упоминает, что там тоже есть двоеженство. Говоря о народных вариантах, не нужно скрывать, что так называемые народные варианты в значительной степени не только народные, в них много элементов противоречий, объясняющих отсталось в сознании и господствующем тогда быте, который тогда давлел над сознанием народа. И вот ряд родоплеменных понятий, как остальных понятий, довлели над сознанием героев. Двоеженство есть и это надо осуждать. Это не только у Мергембая. Правда, у Мергембая герой женится девять лет спустя. Кобланды не возражает, когда хочет взять, как трофей победы, женщину, которая пожертвовала отцом, родиной, он подчиняется родоплеменным обычаям.

Такие элементы в сознании самого героя должны вскрываться. Когда Малик устанавливает антифеодальный вариант, признак берет правильный. Отличительный признак, антинародный признак в том, что он совершает набеги, а в другом – защищает Родину. Это идет от орхонских памятников. Там феодальный эпос настоящий, с чего начинается? В 17 лет Культегин сел на коня и в 46 лет умер, все время завоевывает племена, народы. Это явный феодальный эпос.

Поэтому Кобланды в феодальной среде превращается в завоевателя, в агрессора, но даже в “Кобланды” народном есть элементы отсталости, элементы наслоений противоречий и об этом нужно будет говорить, а то получается слишком приглажено. Надо снять эту лакировку.

Сейчас так ставится вопрос – любой народный эпос будет рассматриваться с точки зрения относительного включения в него народности. Во многих случаях вариант

народный, но в народном сознании много еще элементов отсталого реакционного быта.

Теперь я ставлю общий, важный вопрос в отношении “Манаса”. Существует такое разграничение. У Малика проходит красной нитью. Он знает варианты Мергембая, Биржана, Марабая. Они разграниченно существуют. Как эти исполнители – являются авторами?

...на 16-й странице написано: “В их произведениях Кобланды, прежде всего, защитник и опора народа...” Как будто “Кобланды” – это произведение Марабая и Мергембая.

Правильно ли прикрепление к какому-то имени того или иного варианта эпоса в целом? Если исходить из этого положения, мы можем впасть в ошибку. В варианте Марабая много взято из многовековых древних традиций, что проходило через устное творчество народных акынов, много интересных художественных мест, которые сам Марабай заучивал.

Поэтому неправильно прикреплять к одному имени тот или иной вариант, не говоря о том, что у него было коллективное мышление. Горький интересно говорит об этом... народы, от которых эпическая запись продолжалась в XIX веке и начале XX века, мы должны встать на такую точку зрения, чтобы не передавать целиком какому-нибудь автору эти варианты. Нужно сделать оговорку, что есть такие-то места, которые переходили из поколения в поколение из самых древних текстов. Вот такая постановка должна быть. Здесь должно быть отражение целостности коллективного труда, нельзя так механически, схематически решать вопрос.

На 17 странице категорически утверждается, что вариант Мергембая и Биржана “Кобланды” народный. Я считаю это неправильным, этот вариант противоречит народному.

На 18 стр. упоминается столица Татарской Республики Казань. Здесь имеется в виду древняя Казань, поэтому объяснять, уточнять не нужно. На 21 стр. Малик правильно рассуждает, что в эпосе “Эдыге” встречается имя Кобланды. Имя батыра Кобланды нужно было эксплуататорскому классу для того, чтобы показать, что Кобланды был человеком, воспевающим ханов и феодалов, другую верхушку.

В поэме имя древнего батыра Кобланды использовалось, чтобы сделать более веским воспевание своих новых народных героев. Эту оговорку надо сделать.

На 22 стр. надо сказать, что имеются элементы религии, как давал благословение, ночевка на могиле, у Марабая было более ярко.

...Наш эпос в середине XIX века начал распространяться, приобретает элементы религиозности, как это было со всякими вариантами всех эпосов, всех времен. Об этом надо говорить. Это конкретные места, где будут вскрываться противоречия народного варианта.

Женщин Кобланды высоко ценит, как это мы видим на стр. 32 и 33.

На 35 странице “Кобланды” заканчивается. Я говорю — неужели конец?

Нет критики этих вариантов, вскрытия их противоречий.

Говоря о варианте Марабая, нужно сказать, что до сих пор были ошибки. Ошибки заключаются не только в том, что мы издали Марабая, но в учебниках, в вузовских программах, пособиях всегда популяризовали.

Для того, чтобы в дальнейшем очистить наше изучение от последствий прежних ошибок, в таком труде нужно будет сказать, что эти ошибки были и такие-то факты до нашей молодежи, до наших учителей доходили. Умалчивать об этом нельзя. Заканчивая исследование “Кобланды”, надо бы было об этом указать на 35–36 страницах.

В отношении перевода. “Медвежье белое зелье” переводится как “медвежий жир”.

На 35 странице начинается об “Ер-Саине”. “Саин” — феодальный эпос, чуждый народу. Если так, то для чего мы “Саина” разбираем. Почему не отбрасываем такую вещь? Если мы к такому выводу приходим, то как мы должны поступить в отношении “Эдыге”? С одной стороны — такой анализируем, а с другой — делаем такой вывод.

В отношении эпоса мы подошли к такому моменту, когда должны отбор, делать строгий отбор из отобранного, заодно мы должны изучать, а то, что кажется не народным, феодальным, — мы должны сдать в архив. Половинчатое отношение здесь нетерпимо. Так надо в отношении “Саина”

поступить. По моему мнению, поэма “Саин” есть феодальный эпос. Его личная слава, личная отвага, заносчивость — все это походит на поступки заносчивого байского сына. Во всех его поступках он проявляется, как агрессор.

Вот возьмите встречу с Кобланды. Кобланды не пошел, а Саин в силу своей заносчивости начал издеваться над Кобланды: “тебя батыром считали, я без тебя пойду, завоюю”. И сразу же его убивают и 40 дней лежит. После воскрешения его, когда...

...после его воскрешения его невестой, он избавляется от своих грехов и тогда его дорога становится более понятной народу. Такие противоречия есть во второй половине работы. В первой половине дается феодальный отвратительный образ, во второй половине его воскрешает невеста и он становится более понятен народу.

Во всяком случае мы должны подумать, как отнестись к этому образу. В отношении “Ер-Саина” Малик как будто стоял на той точке зрения, что “Ер-Саин” поэма народная, а герой антинародный, а теперь он выравнивает, что и образ антинародный, и поэма антинародная. Он говорит, что феодальный эпос, чуждый народу.

В отношении Ер-Таргына он сделал поправки, что сам образ Ер-Таргына народный, а окружение его антинародное, ханское — это правильно. Редкий случай, когда мы видим батыра только среди трудового народа, и с трудовым народом в союзе воюющего против феодалов, ханов. Это только в отношении Камбара можно сказать, а так батыры были в окружении или феодалов, или ханов.

Тов. Смирнова Н.С. А вы знаете, что Камбар царского рода?

Тов. Ауэзов М. Если он служит у князя или хана, это не значит, что он антинародный батыр.

Тов. Смирнова Н. Илья тоже служил у князя, Добрыня служит у князя.

Тов. Ауэзов М. А Ролланд? Так что, из-за того, что он был в ханской Орде, называть его космополитом нельзя.

Тов. Смирнова Н.С. Здесь, по-видимому, все дело в том, это восходит к каким-то племенным отношениям, здесь идет какой-то процесс образования племен, который и от-

разился на этом. Здесь сложный вопрос исторического приурочения, тут противоречия...

...**Тов. Смирнова.** Эпоса нет вообще, есть эпос разной формации.

Тов. Ауэзов. На 45 странице Малик немножко добавляет от себя к образу Таргына. Он убил хана, он в своем племени убил бия.

Тов. Габдуллин. Он родом был князь.

Тов. Ауэзов. Мотив прихода в чужую среду настолько ясен, что может не обратить вашего внимания. Убив бия, он должен быть изгнан. В этом вопросе надо очень хорошо разбираться. В рукописи Академии есть место, где рассказывается о происхождении родителей.

Тов. Габдуллин. По поэме – убивают. Он изгнан из своего племени, потому что убил.

Тов. Ауэзов. Не хана же убил. Ты немножко преувеличиваешь. Поэма в основном не народная.

В отношении Таргына – мы должны принять, не все же вещи выбрасывать. В отношении Таргына нужно сказать – не находит себе места для приложения сил, заблуждение в известной мере, но к которому предательски относится и ханская среда. Это то время, когда в племени нет возможности для проявления богатырской силы.

Тов. Искаков. Он выходец из народа, но у него нет опоры в этом же народе.

Тов. Ауэзов. Девушка Каргожа – это верная, преданная его подруга, это есть отношение народа, а сам он носитель коллективной народной мощи, его друзья – то же самое. В 2–3 лицах представляются сложные отношения эпохи. Ер-Таргын к Каргоже идет не для того, чтобы жениться на ней, а для того, чтобы испытать – верна ли будет эта ханская дочь. И когда она доказывает, что верна, предана Таргыну, он возвращается. Это отношение старшего батыра к старшему батыру, отношение верной преданной подруги. Это показывает отношение к этому народу.

А предательское отношение к хану, который возмущен – как он смел попросить его дочь в жены. Потом устраивают погоню и хан объявляет – кто отобьет дочь, пусть женится, кто бы он не был...

...когда он бежал, за ним наряжают погоню и к нему настолько оскорбительное отношение, что хан объявляет: кто мою дочь у Таргына отобьет, пусть на ней женится. Здесь симпатии народа на стороне Таргына и Таргын был народный образ, его противопоставляют ханскому образу. В отношении Камбара здесь ясно.

Тов. Искаков А.И. Образ самого Камбара надо было ярче выпятить.

Тов. Ауэзов М.О. Здесь нет о композиции, о стиле, надо исходить в этом вопросе из труда И.В. Сталина “О языке-знании”. Нам, языковедам, предъявят счет: как вы можете в своей октябрьской истории, имея Абая, не обращать внимания на язык? Язык должен быть построен с позиций труда тов. Сталина. Здесь расширить поэтику, вопросы рифмы, строфики, тирадного объединения, надо расширить все это. Переложение содержания и аннотацию нужно несколько улучшить.

Тов. Искаков А.И. ...она несколько снижается, она разрабатывается, как сказка, она вообще народная?

Тов. Ауэзов М. Народная, XIX века.

Тов. Искаков А.И. Где будет разбираться?

Тов. Смирнова Н.С. Она будет разбираться в сказках.

Тов. Искаков А.И. “Алпамыс” в каком варианте освещаете?

Тов. Смирнова Н.С. В той редакции, которую вы дали, он не может быть одновременно феодальным и дофеодальным.

Тов. Искаков А.И. Он говорит...

Тов. Искаков А.И. А охота?

Тов. Габдуллин. Это по сей день есть.

Тов. Искаков А.И. Значит, земледелия не было, скотоводство есть, лошади есть, а бедняки занимались охотой? Какая экономическая основа к концу 17 и началу 18 века?

Тов. Смирнова Н.С. В 18 веке другие отношения.

Тов. Сильченко М.С. Есть сведения, что охота, в частности в Семипалатинской области, очень древнее явление, промысловая охота и в 17-м веке раз упоминается.

Тов. Искаков А.И. Тогда историко-экономическое обоснование должно быть.

Тов. Смирнова Н.С. Вы совершенно правильно ставите вопрос – какая база?

Тов. Искаков А.И. Это не первобытная охота, раз баи занимались скотоводством, а беднейшая часть, очевидно, охотой.

Тов. Сильченко М.С. Это верно.

У меня осталось сказать немного после исчерпывающего выступления тов. Ауэзова.

Позвольте очень коротко, чтобы не повторять тех замечаний тов. Ауэзова, с которыми я почти со всеми в основном согласен.

Мне кажется, одна общая позиция, на которой стоит Малик, помешала ему до конца раскрыть все имеющиеся по этому поводу богатые материалы, все его соображения. Это позиция такая – он и принимает горьковское положение об эпосе, сопутствующем истории, но понимает не до конца правильно. Эпос сопутствует истории, и верно говорил тов. Ауэзов, как художественная идеология. В ряде случаев Малику просто хочется видеть племенное отражение войн, набегов, отношения между племенами, отношения между классами в эпосе, тогда как эти отношения классов не даны под углом обобщения и народных отношений...

Отсюда и надо было подойти к анализу варианта “Кобланды”. Варианты даны и по существу они описаны, на этом Малик и остановился, тогда как следовало бы несколько глубже исследовать и раскрыть. Как это следовало сделать?

Я не специалист, но мне думается, что нужно было бы сам анализ этих вариантов приурочивать не только к именам, а к тем этапам, когда они возникали, и по возможности найти какую-то генетическую линию, которая пройдет все варианты, в одном случае усиливаясь, в другом ослабляясь, и потом дойдут до варианта Марабая.

Я целиком согласен, что всякое противоречие народного варианта не дало возможности представить этот вариант как эпическое произведение, получилось несколько публицистическое восприятие, а в эпическом произведении народный вариант имел противоречия.

Я согласен с тем, что “Камбара” надо усилить в том, что делает основу этого эпоса народной идеей от положений,

которые могли образ Кобланды, возникший вне народа, сделать народным.

Несколько слов о предложении Мухтара Омархановича – установить отношения “Ер-Саина” и “Ер-Таргына”. Все-таки, “Ер-Саин” не народный эпос, вероятно, нужно где-то раньше, в начальной стадии дать цель абзаца, что многое еще не изучено, что мы ограничили источники, что по отношению к эпосу мы просто говорим о данном варианте и что наша задача в дальнейшем изучать, разыскивать эти источники, тогда мы будем иметь более полную картину.

“Ер-Таргын” в последнем варианте меня подкупает, в самом деле, возьмите отношение Алтынсарина, оно не без оснований. Конечно, то, что взято, этого мало, это только один эпизод, но все-таки он приветствует народ. Если бы уж он был такой махровый черносотенец, едва ли бы он приветствовал народ, он даже говорил о таргынском роде. Это заставляет задуматься, может быть, этот вариант подвергся усиленному анализу, тогда придется его глубже исследовать и глубже обосновать эти моменты.

Несколько слов по поводу подачи материала. Я не собираюсь полемизировать в отношении отдельных формулировок, изложения, у меня предложение такое – я тоже не за особое выпячивание имен, в частности Алекторова, он вообще ничего не собирал. Он жил в центре таких связей и широко использовал газеты, публиковал. Об этом не стоит говорить.

Теперь по поводу нашего собственного отношения к нашим трудам. В первом томе “Казахской литературы” вопрос истории казахского эпоса рассматривается как вопрос ведущего жанра.

На четвертой странице говорится, что в неправильном, немарксистском освещении истории повинны такие-то. М.А. предлагает к виновным еще две фамилии отнести. Если об этом говорит, тогда надо обстоятельно останавливаться на разоблачении их вины – в каких работах и что. А это сейчас неуместно. Если просто имена назвать, то какая необходимость. Вот в отношении Кенжибаева люди будут думать, что-то серьезное сделал, а он был просто компилятором.

Здесь, конечно, вопрос не дискуссионный, это не решение научного вопроса, это учебная книга, руководящая книга и поэтому в ней надо идти другими путями.

Малик правильно ставит вопрос об основных ошибках и здесь лишний раз упоминает о постановлении 1947 года, хотя это имеется в историографической части, но поскольку здесь вопрос был затронут газетой “Правдой”, поскольку это касалось кенесарыйского вопроса, то это стоило сделать. Я думаю, этим можно ограничиться, не обязательно упоминать имена без произведений. То, что Малик дает право заимствовать от былин, это полезно, это воспитывает нашу молодежь.

У меня есть некоторые пожелания уточнить следующие положения, на 20 стр. говорится: “Город, построенный Казан-ханом, крепостные укрепления, изображенные в поэме, нам кажется, являются отображением исторических фактов...” Что за исторические факты, надо уточнить.

На этой же странице сказано: “По летописи казахского народа у кипчаков были племена: сары, торы, коныр, узын, колденен и др...” Что это за летописи?

Тов. Смирнова Н.С. Были и письменные, и устные летописи.

Тов. Сильченко М.С. Надо это уточнить. Я думаю так, если нет источников, на которые можно сослаться, их можно не упоминать, эти летописи, а сказать, что это народное бытование и перечислить их. Я не против упоминания этих родов, если есть источники, есть летописи, объяснить, что это за летописи, если нет, просто сказать, что это народное бытование. Если нет источников, можно слово “летописи” убрать, но племена не убирать. Вот и все мои замечания.

Тов. Искаков А.И. Упомянуть ли лиц, которые допустили ошибку в этом вопросе? Я лично считаю, что не нужно упоминать, на дискуссии можно упомянуть и не только этих лиц, но и врагов народа, но... ..но здесь не нужно говорить. Это первое замечание.

Второе замечание. Мне не понятно, почему Малик избегает “Алпамыса”. Я думаю, “Алпамыс” более древний, чем “Кобланды”. Древность его можно мотивировать. Это значит, эпос был создан, когда не было еще народов, были племенные отношения.

Разберем в общих чертах. Я согласен с М.А., это в эпосе должно получить отражение. Когда переходите к непосредственному разбору или когда будете упоминать об ошибках в исследовании эпоса, нужно уже начинать говорить о тех вещах, которые не будут объективно исследованы в “Эдыге”. И когда будет сказано о народности или ненародности некоторых эпических произведений, нужно говорить – нет сравнений. Здесь слишком прямолинейно сказано – не народный. В том и другом должен быть момент, где больше народность превалирует, где феодальность больше. Общественный, неколлективный труд, исправления со стороны исполнителей, которые изменяли, прибавляли, включали свое со своей классовой точки зрения, в отношении этой стороны нужно сказать. В этом плане не только нужно сравнивать эти варианты, но нужно сравнивать и упоминать и о вариантах у других народов. Надо это как задачу ставить. В связи с этим надо не с “Кобланды” начинать, а с “Алпамыса”, затем перейти к “Кобланды”.

“Ер-Саин”. Когда говорится о феодальных вещах, нужно упоминуть об “Ер-Саине”. Разбора об “Ер-Саине” не делать, но сказать, что вариант, который имеется, не народный.

Наша задача заключается в том, что нужно собрать, если есть варианты, но по этим вариантам разбора делать не нужно.

Таким образом, остаются “Алпамыс”, “Кобланды”, “Камбар” и вокруг этих трех вещей должны разбор и анализ делать. Про “Камбара” говорили. Это охотническая вещь. Может быть, у историков, экономистов есть какие-нибудь основания говорить, что бедная часть народа занималась охотой.

Тов. Смирнова Н.С. Это факт. Нет ли этого у исследователей?

Тов. Сильченко М.С. Пантусова, Потапова. На многих памятниках очень заметны следы изображения охоты.

Тов. Искаков А.И. Короче говоря, история опиралась на этнографический эпос.

Последнее мое замечание по части языка и стиля. Мне кажется, Мухтар Омарханович прав, что язык Абая не сле-

дует применять. Мы говорим об языке эпоса, значит, нужно говорить языком эпоса.

Учсть эти замечания, все эти моменты нужно не только для самого Малика, но и для других товарищей.

Что касается Камбара, нужно выбросить, в смысле самого образа надо сделать, как и в отношении Кобланды. В отношении “Кобланды” – поскольку написана научная книга, этой книгой будут пользоваться ученые, аспиранты, студенты, нужно больше дать содержания.

Тов. Сильченко М.С. В этой главе будет рассказано, а в следующей не будет, эпического жанра не будет.

Тов. Искаков А.И. Сейчас это трудная проблема для Малика, ему остается поработать над эпосом.

Тов. Смирнова Н.С. Мне очень хотелось бы, чтобы книга была написана в едином методологическом плане по структуре, поэтому я остановлюсь на вопросах, которые мешают составить книгу в едином методологическом плане.

Во-первых, самое главное, что должно быть решено, – это отношение к истории, оно остается, на мой взгляд, формалистическим. Я могу доказать, в каком смысле формалистическим, хотя все время он говорит, что оно связано с историей, но в чем это своеобразие, как оно преломилось в эпосе, он не говорит. Без этого не может быть, эпос не есть история, он не тождественен истории, а здесь получается так, что в силу каких-то моментов устанавливается тождество с историей. Это миллеровский подход, от него нужно отойти.

Так что нужно поставить задачу исследовать, что это за эпоха и как она своеобразно соответствует этому эпосу. Такие стадии, как “Алпамыс” и “Камбар”, вы говорите о них, как о пореформенной эпохе, но это было 60 с лишним лет, а до этого были разные эпохи...

...Если возьмете патриархально-феодальный строй в Казахстане, он проходил через свои стадии, эпос с нами связан. Надо показать, что было в такую-то стадию, что в другую стадию.

Правильно товарищи говорят – материал позволяет вам так сделать, есть более древний “Алпамыс”, позднее “Ер-Таргын”, “Кобланды”. Вы можете установить, что и для какой эпохи свойственно. В этом задача. Изучение эпоса

анализируется не вообще. Всякий жанр имеет свои законы. В чем особенности поэтические в героическом эпосе по сравнению с другими жанрами — без этого вопроса не осветить эпос. У эпоса есть своя специфика, которую нужно осветить. Без этого — главного не будет. Необходимо дать теорию эпоса, как делали классики марксизма, не только истоки ее, надо действовать дальше.

Совершенно необходимо дать эти мысли Маркса, Энгельса, Горького, но вообще сказать, что есть такие мысли, а как правильно сказал М.А., как систему марксистского понимания эпоса. То, что товарищи вам предлагали, — эта часть выкинется, а вместо этого должна быть поставлена марксистская теория эпоса. С этого надо начать. Скажем, эта марксистская теория эпоса неправильно понималась в Казахстане, были такие-то искажения ее. Дальше показать, как это на материале раскрывается.

Причем, марксистская теория эпоса должна быть представлена работами самих основоположников марксизма по эпосу. Зачем тут высказывания Ленина о двух культурах, постановление Центрального Комитета, это будет выше сказано, это вам здесь не нужно. Вы даете другие высказывания Маркса, их много не только в “Критике политической экономии”, но даже у Энгельса в “Происхождении семьи и частной собственности”, там сколько угодно полезного материала, разобрать нужно. Как Чичеров хорошо показал роль этой работы для теории эпоса.

За последние годы 1950–51–52 сколько статей было об эпосе в связи с разоблачением национализма или возьмите передовую статью в “Литературной газете”.

Тов. Сильченко М.С. Почему не коснуться выступлений многих крупных делегатов 19 съезда партии по эпосу?

Тов. Смирнова Н.С. Почему не взяли выступления на партийном съезде Багирова, Гафурова? Это необходимо взять и надо кончать 19-м съездом. Таким образом надо расширить.

В отношении имен ученых, которые в прошлом собирали эпос. Я думаю, тут будет в основном Диваев. Надо ли его популяризировать с его образцами, надо его упомянуть, но с критическим отношением.

Тов. Ауэзов М.О. Тут допущена большая ошибка в отношении “Ер-Таргына”, он пишет, что переиздал.

Тов. Смирнова Н.С. Здесь нужно сказать, кто первый издал, потому что “Ер-Таргын” публиковался целым рядом авторов, это повлияло на его современный вариант. Это одна из первых вещей, которая публикуется в казахском издании, это очень повлияло на современный вариант. Значит, нужно выделить больше людей, которые занимались эпосом. Здесь будет Валиханов, целый ряд публикаций, в основном диваевских. Критику надо дать, Чокана надо критиковать.

Что касается Потанина, у него прозаический вариант об “Эдыге”. Надо раскрыть, как дальше пойдет методика эпоса. Мне кажется, правильно предлагает Ахмеди Искакович, нужно брать произведения последовательно в историческом эпосе. Нужно продумать, что “Кобланды” тоже родоплеменного союза. Так и надо распределить их в зависимости от этого.

Когда говорят о таких-то вариантах, надо иметь в виду элементы традиции, это принадлежит не одному человеку и даже когда касается стадии индивидуального мышления, все равно остается коллективный процесс.

Поэтому говорить, что только этому творцу принадлежит, нельзя.

Некоторая часть принадлежит ему, часть принадлежит предшествующим творцам, т.е. индивидуальное находится внутри коллектива. Так что здесь сама методика не та.

Дальше. Народный вариант и феодальный. Феодальный вариант, например, Марабай, он не встречает возражения. Что касается вариантов “Камбара”, они не все народные и потом...

...и там есть разная степень народности этих вариантов. Нужно выделять не просто народные, а с другой стороны, выделять более демократические от менее демократических, потому что народному сознанию присущи противоречия, идет борьба старого с новым, эту борьбу надо видеть, учитывать. Надо видеть слабые и сильные стороны народного сознания и то и другое указывать. Чтобы обобщить идеологию прошлого, так надо подходить. Поэтому совершенно естественно, когда будете брать, а вариантов не мало, у вас

10 вариантов “Кобланды”, надо выделить самые народные и на них ориентироваться.

То же самое надо сделать с “Кобланды”. Я не согласна, что этот вариант Бактемира самый народный. Надо выделить и самый народный. Надо брать самый демократический вариант и сказать, что наряду с этим есть другие варианты, содержащие элементы народности, но меньше.

В отношении феодальных вариантов надо поставить вопрос — как они возникают. Феодалы — это класс потребителей, они сами не творят, они обкрадывают народ, они воруют народные сюжеты и эти сюжеты соответствующим образом препарировывают. Там есть кое-какие элементы задушенной народности, возможно. Надо учесть этот процесс создания феодальных вариантов.

Конечно, бывают случаи, когда какой-нибудь феодальный поэт творит, творит в другом стиле и здесь надо учесть элементы языка, тут ясно будет — кому что принадлежит. У народа свой стиль, что принадлежит народу, что принадлежит феодалам, элементы жаргона, большое количество слов, которые народ никогда не говорил. Есть такие метафоры, посмотрите, что за жаргон, что создано на общенародном языке. Тогда будет убедительно до конца.

В отношении оформления работы, это не касается перевода. Во-первых, надо учесть распределение материала, о чем я уже сказала.

Во-вторых, нельзя давать пересказы, их надо убрать. Нужно везде дать анализ, причем анализ образа. Его пока нет. Образ — это есть характер и стиль, есть форма. Вы проблему героического характера не поставили. Как решается вопрос о героическом характере на том или другом этапе. У вас в одном случае идут цитаты в “Камбаре”, а в “Кобланды” вы убираете эти цитаты, “Кобланды” идет без цитат и без выдержек, без иллюстраций. Надо давать одинаково, должно быть какое-то равномерное распределение примеров, если иллюстрируете, цитируете, а иллюстрировать надо...

...если не иллюстрировать, то нигде не надо, а то одна вещь в одном стиле, другая в другом оформлена.

О стилистике я не говорю, нет паспорта. Например, идет цитата, а сноски нет, нет паспорта. Всякая сноска должна

иметь паспорт. Бактемир о Камбаре у вас идет, а где паспорт? Гораздо лучше будет, если возьмете Шушабая.

Тов. Ауэзов М.О. Я думаю, в результате анализа таких произведений эпоса, как “Кобланды”, “Козы Корпеш”, в пределах нашего эпоса будет поставлен так вопрос, как в Советском Союзе. Нужно создать народный сводный вариант, он будет бытовать. Этот сводный вариант мы должны создать. Я результатом дискуссии хочу поставить этот вопрос.

В отношении вариантов “Кобланды” и “Козы Корпеш” я тоже хочу поставить вопрос.

Тов. Искаков А.И. “Алпамыс” какой вариант?

Тов. Смирнова Н.С. У нас есть в отношении “Алпамыса” диваевский вариант, есть Казанское издание. Кроме того, в архиве есть вариант, где эпизод доводится до женитьбы на Гульбаршын и на этом кончается, он очень хороший вариант, там байга хорошо показана, хорошо выдерживает байгу лошадь.

Тов. Габдуллин М. ...Замечания выступивших товарищей считаю совершенно правильными, скажу по ним несколько слов. М.А. Ауэзов правильно высказал пожелание и это было поддержано другими товарищами относительно того, чтобы указать на две стороны развития эпоса. Это должно подтверждаться высказываниями Маркса, Энгельса, Горького. Я считаю это совершенно нужным и правильным.

Говорили о монографических элементах. Я встретил ряд трудностей — отсутствие письменных источников, отсутствие записей. Причем многие поэмы этого периода подвергались переработкам и это не дает возможности конкретно говорить. Поэма “Ер-Саин” возникла в эпоху родоплеменного союза.

Затем относительно имен Березина, Васильева, Алекторова — стоит ли упоминать? Коротко работу Потанина упомянуть, стоит упомянуть фамилии наших исследователей. Правильно, поскольку о них говорится в историографической части этого тома. Это замечание правильно.

Говоря о народных вариантах, следует вскрыть недостатки, ошибки в этих народных вариантах. Это совершенно уместное замечание. Прав М.О. Ауэзов, что вначале надо

говорить об очниках, сказать, что мы ограничены существующими вариантами. Это тоже нужно сказать.

Замечания Нины Сергеевны в отношении истории, с какой историей эпос связан и как развивался. Это следует пересмотреть, учитывая специфическую особенность эпоса.

Главный для меня вопрос о языке и поэтике. Я этот вопрос не включил в этот раздел, а разбираю во втором разделе.

Тов. Смирнова. Немножко нужно и сюда, композицию, например. Радлов у меня есть, можете анализировать.

Тов. Габдуллин. Если будет необходимость, то и в этом разделе кое-что придется сказать.

Видимо, допустил оплошность, говоря, что эпос сопутствует истории. Возможно, я неправильно понял Панкратову и Грекова, они говорят о русском эпосе. Это придется пересмотреть.

Об “Алпамысе”. В этой работе на 9 странице упомянут “Алпамыс” и на 6 страницах был анализ. Куда этот анализ делся? Я его давал.

Тов. Смирнова Н.С. Если это — тот, придется переработать опять в свете исторической конкретизации.

Тов. Габдуллин М. Да, придется.

М.О. Ауэзов предлагает на 35–36 страницах... в связи с исследованием “Кобланды”, указывается на ошибки отдельных авторов учебника. Мне кажется, не стоит этого показывать.

Тов. Сильченко М.С. Мы их совсем уберем.

Тов. Габдуллин М. В основном я учту замечания, но у меня будет просьба. Я сейчас свободный человек и надеюсь, что не задержу работу, только просьба к Нине Сергеевне, чтобы помогла мне научными советами, консультациями. Работу сдам к пятому февраля.

Тов. Смирнова Н.С. Если вы хотите у меня консультироваться, пожалуйста, я всегда помогу.

Теперь у меня есть еще один вопрос. Рукопись по советскому разделу должна быть послана в Москву рецензентам, она и будет послана, но есть два вопроса, которые я прошу редколлегию обсудить и вынести решение.

Первый вопрос. Судя из того, что произошло во время обсуждения редколлегии, когда я подводила итоги работы, внесла ряд предложений, все члены редколлегии высказали пожелание, чтобы было выяснено более глубокое литературное отношение к фольклору. Я поручила тов. Обетову дополнительно разработать этот вопрос, он разрабатывал его конец октября, ноябрь, декабрь и почти весь январь, до сих пор еще с работой не справился, она у него не готова.

Возникает вопрос, будем ли мы ждать эту работу тов. Обетова или пошлем книгу без его работы рецензентам. Он говорит, что к концу января закончит...

Тов. Сильченко М.С. Как это мыслится?

Тов. Смирнова Н.С. Это отдельные разделы в общей вступительной части, к разделу “Народное творчество во время завершения строительства социализма”. Там есть еще глава. Один раздел примерно страниц на 10 на машинке. Второй – то же самое идет, как раздел в общей главе, и третий – Садыкова. Он не справился с этой работой, к макету подготовит, а сейчас не подготовит. Как быть?

Тов. Ауэзов М.О. В Казахской Республике, где народное творчество играет колоссальную роль, освещение этого вопроса очень важно, надо будет немного подождать.

Тов. Смирнова Н.С. Он дает вступительный раздел, где говорится о развитии советского фольклора. Можно просто указать, что не доделал раздел и послать.

Тов. Искаков А.И. Без этого раздела послать, в письме упомянуть.

Тов. Сильченко М.С. Я лично это предложение поддерживаю.

Тов. Габдуллин М. Я тоже согласен.

Тов. Ауэзов М.О. Согласен.

Тов. Смирнова. Второй аналогичный вопрос. Это касается тов. Гумаровой. Я предложила внести вопрос о патриотизме акынов, поставить глубже вопрос о наследственном эпосе и конкретно поставить вопрос о воздействии решений партии на народное творчество. Все товарищи сделали, за исключением тов. Гумаровой, которая говорила о пятимесячном, о трехмесячном сроке, а вчера сказала – будет это делать по своей диссертации, а для книги не сказала – когда. Как быть? Тов. Гумарова оказывается в невыгодном

положении. Мы вынуждены послать в незавершенном виде, как смотрит на это редколлегия?

Тов. Искаков А.С. Послать, не дожидаясь.

Тов. Смирнова Н.С. Ее раздел попадет под обстрел, она окажется в невыгодном положении по сравнению с другими авторами. Может быть, ее пригласить?

Тов. Смирнова Н.С. Как решит редколлегия, будем посылать работу без доработки тов. Гумаровой? Если пошлем без доработки, это поставит ее в невыгодное положение.

Тов. Ауэзов М.О. Если работа с вашей точки зрения без этого материала будет с большим изъяном, то нельзя посылать.

Тов. Смирнова Н.С. Ей нужно сделать портрет Джамбула, который она может исполнить в короткое время. Как смотрят члены редколлегии?

Тов. Ауэзов М.О. Можно отправить не дожидаясь.

Тов. Смирнова Н.С. Следовательно, редколлегия считает, что указанную работу на рецензию в Москву отправить не дожидаясь ни работы тов. Обетова, ни тов. Гумаровой.

На этом заседание редколлегия заканчивается.

**ӘДЕБИЕТ ПЕН ӨНЕР САЛАСЫ
БОЙЫНША ЛЕНИНДІК СЫЙЛЫҚТАР БЕРУ
КОМИТЕТІНДЕ СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕРІ**

**ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ
СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ
(2 февраля 1957 г.)**

М.О. Ауэзов.

Я начну, с вашего разрешения, с Муса Джалиля, потому что в прошлый раз мне поручили познакомиться с оригиналом. Вообще перевод стихотворений часто совпадает с оригиналом, но, бывает, что и не совпадает. Это не то, что перевод пьесы или прозы. И перевод поэзии Джалиля тоже оказался плохим. Например, он говорит: “И жизнь моя была грустной песней, и смерть моя превратится в песню”, а перевод такой, что ... жизнь моя была светлой песней, а смерть моя прервет ее. Такое “причесывание”.

А сам по себе оригинал интересен, я прочитал и его, и целую серию работ на татарском языке, и есть большая монография в 400 стр. в Институте мировой литературы на русском языке об его творчестве, и значительное число диссертаций, которые относятся к исследованию “Моабитской тетради”. Но он разносторонний поэт. Его наследие сейчас составляет два больших тома. Первый и второй том — казанское издание на татарском языке. Он был и драматургом, он писал и стихи, и поэмы, он лирик. Когда вы читаете “Моабитскую тетрадь”, то чувствуете, что какие-то побочные ассоциации все время следуют за ним, и всегда вы чувствуете, что это написано в тюрьме, что это “с петлей на шее”. Большое количество стихотворений написано уже после того, как он получил смертный приговор, он получил его

в июле месяце, а казнен был в январе. В первом стихотворении “Судьба” – там есть тон естественной человеческой грусти. Он ведь вырос в детдоме, рано лишившись родителей, жизнь его была полна скитаний, потом он вступил в комсомол, было в его жизни много срывов, а под конец он стал настолько крупным общественным деятелем, что возглавлял писательскую организацию Татарии.

Так что когда вы читаете его вещи, вы слышите, что вначале он выступал так, как все, попавшие в тюрьму, как все, у которых жизнь попала в тупик. Он все время очень правдив и искренен. Все строки его стихов написаны кровью сердца. Но дальше он мужает и создает такие аллегорические вещи, которых он раньше не создавал, как “Буран” и несколько стихотворений, обращенных к легионеру-бельгийцу, с которым он вместе сидел. И это тоже тема дружбы, которая проходит через все. Все время, когда вы читаете, вам трудно освободиться от этого второго момента – чувства, что это написано уже после того, как он приговорен. Иногда просто слезы навертываются, когда вы читаете. И этот человек мне представляется с сердцем-факелом, это Данко, который пронес через все ужасы войны свое горящее сердце. И в этом смысле песни его мужества – человека, приговоренного к смерти, не только у нас сегодня, у тех, которые судят его произведения, но у всякого, кто будет читать, всегда будут вызывать эти благородные ассоциации. Этот человек писал, как и Фучик, “с петлей на шее”.

Он лирик. И в таком состоянии быть лириком! Он пишет все в грустных тонах, но мужество его никогда не покидает, говоря о дочери, он говорит о Родине, говоря о возлюбленной, говорит о Родине. И о том, что и под топором палача он будет думать о Родине. Он все мужает и становится великим патриотом, человеком подлинно высокого назначения. Думаю, что словами его песен запела Зоя, его песней говорили уста Матросова. Так мне представляется. Извините, что я так эмоционален, но все это соответствует истине. Если в этом году мы какие-то произведения выделим, которые, по нашему убеждению, будут достойны Ленинской премии, а эта премия будет иная и иной подход совершенно должен быть к ней. И если даже достойным премии окажется только одно имя, то это должно быть имя Мусы Джалиля. Это

неважно, что он умер, он живой и, как и все другие герои войны, будет жить с нами. Он большой поэт, мы знаем имена Тукая, Тахбаша и других, и он абсолютно не снижает, а поднимает постепенно культуру татарского стиха и воспринимает передовые традиции классической литературы. Это поэт, который идет рядом с вами по литературной культуре и насыщенности эмоциональной, и все уравновешено в должных дозах. Он немногословен, он не риторичен, он искренний и пламенный, он все творит на острие меча и правда сквозит во всем, как дымящаяся алая кровь на белом снегу. Я даже не все переводы читал, чтобы не сбавить впечатления, а читал в оригинале.

Верно: референт отдела литературы

Р. Буров

**ИЗ СТЕНОГРАММЫ СОВМЕСТНОГО
ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА КОМИТЕТА
(5 апреля 1957 г.)**

М.О. Ауэзов.

Константин Александрович, по-моему, представил очень веские, продуманные соображения и правильны его предположения. Но в отношении Корнея Чуковского я должен сказать следующее. Я основательно проштудировал его работу. Его колоссальная заслуга в том, что он работает не только как историк литературы и исследователь фактов прошлого. У него много нового. Критика, литературоведение — это большая отрасль, сопутствующая литературной деятельности всех народов. У него очень много поучительного в каком отношении? Коли есть опыт, накопленный человечеством, и историческое исследование играет огромную роль, то не всегда это историческое исследование определяется исследовательской работой наших литературоведов.

У Корнея Чуковского есть замечательное, до сих пор не существовавшее качество такого порядка, что он связал узлы истории нескольких концов, он связал Некрасова с предшественниками — Пушкин — Гончаров — Некрасов, связал с предыдущим и очень хорошо связал с фольклором. Народное значение этой связи он настолько углубленно, убедительно вскрывает, что Некрасов повернут теми настоящими гранями, которыми он должен светить в нашей современности, полемизируя с Плехановым, основываясь на ленинской характеристике Некрасова, хотя имя Ленина он не так часто называет, Чуковский для советской науки о литературе создал очень ценную вещь.

Он очень хорошо связал Некрасова и с нашей современностью, что было, от чего было и что за тем последовало. Вот три основных вопроса в историческом исследовании: предыдущее, настоящее и последующее, как Некрасов для нашего потомства сегодня повернут. В этом смысле работа Чуковского колоссальное значение имеет.

“Мастерство Некрасова” — это труд очень давних исследований. В 1923–24 гг. я учился в Ленинградском университете и тогда еще из лекций Евгеньева-Максимова я слышал об интересных находках Чуковского в наследии Некрасова. Что ни положение, то открытие. Такое проникновение в изучение творчества Некрасова и истории связей достойно очень высокой оценки.

Учитывая многолетний труд К. Чуковского на пользу советской литературы, его работу в области детской литературы, с одной стороны, и учитывая, что список по другим секциям не так велик (мы тут насчитали шесть кандидатур), я считаю, что мы можем дать три имени и третьим пусть будет Чуковский.

Верно: референт отдела литературы

Р. Буров

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ (5 января 1959 г.)

М.О. Ауэзов.

Это произведение напечатано в журнале “Октябрь”, затем в последние дни вышло в “Роман-газете”. По объему — небольшая повесть, в 115 страниц, которая повествует о чукчах. Сам автор — представитель этого народа. Можно сделать одобряющий вывод, что народ, который не создал на своем языке письменных памятников, выдвигает молодого талантливого прозаика, и он начал печататься на страницах “Нового мира” и других московских журналов. Он сейчас печатает вторую повесть.

В повести “Время таяния снегов” много своеобразия. Здесь представлен большой национальный фронт, не освещенный ни в одной художественной литературе, жизни и быта северных звероловов, больший, чем в “Алитет уходит в горы”. Автор описывает такие факты, что звероловы иногда на своих быстроходных лодках охотятся на китов, другой кит вмерз во льды, в стойбище врываются белые медведи. Здесь живут настолько своеобразные люди, что понятие о кошке для них не существует. Когда одна русская семья привезла котенка, они долго присматривались, что это за зверь, и затем прозвали его “тигренок”. На этом фоне воспроизводится жизнь мальчика, который покинут своей матерью.

Все это воспроизводит картину, неведомую для большого круга юных читателей.

Постепенно происходят большие перемены: из яранг люди переходят в дома, строится школа. События происходят в канун и в начале войны.

В целом эта повесть для юношества, замечательно отражающая этнографические особенности жизни этого народа в рамках одного стойбища. Но сказать, что она достойна Ленинской премии — нельзя.

Верно: референт отдела литературы

Р. Буров

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ (от 13 февраля 1960 г.)

...Ауззов М.О. Я прочел в переводе Хелемского “В горах мое сердце” и поэму “Горянка”. В этом году вышла большая книга его стихов.

Я считаю, что из всех поэтов советского Востока Расул Гамзатов наиболее одаренный, имеет мысли, образное мышление. Это тот художник, который имеет, что сказать, и располагает достаточно богатыми средствами, чтобы воплотить то, что хочет сказать. У него горячее, искреннее чувство. Он оригинален. Хотя в поэме “Горянка” есть уже известные мотивы. Еще Демьян Бедный писал об узбечке. Вообще тема о восточной женщине, которая вышла из затворничества и идет искать счастье, повторяется во всей восточной литературе.

Но он очень интересно, захватывающе сумел изобразить этот роман в стихах.

А вот произведение совершенно другого характера: это поэма “В горах мое сердце”. Здесь горячее чувство, пронизанное глубоким размышлением. Это произведение о народе, который представляет незначительное меньшинство среди братских народов. У этого поэта большая спаянность с народом, который имел печальную историческую судьбу в недавнем прошлом. В этой поэме он говорит о горячем сердце поэта, художника. Здесь каждая строка волнует читателя искренними мыслями и образами.

Расул Гамзатов достоин того, чтобы его отметить.

Верно: референт отдела литературы
Комитета по Ленинским премиям

Р. Буров
20.II.65 г.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ (6 апреля 1961 г.)

...Вы, верно, помните то, что сказал очень ответственно мыслящий товарищ Мирза Ибрагимов: “Давайте Ленинскую премию не за то, что мы национальные авторы, а за то, что мы создаем равноценные с передовыми русскими писателями произведения”. Я думаю, что это было заявлено от всех нас, писателей братских литератур. И сказать, что нужно исходить от уровня национальной литературы, это значит полагать, что есть один уровень для русской литературы, другой — для украинской литературы, третий уровень — для узбекской литературы, а четвертый, скажем, для якутской литературы.

Так нельзя говорить. Мы ответственно заявляем, что требования у нас одинаковые: только за хорошие произведения, только за равноценные с лучшими произведениями русской литературы нужно давать Ленинскую премию.

Высказав все это, я хочу закончить еще и тем, что тут существует один деликатный момент: это отношение братских литератур. В этом отношении есть такое положение, когда многие писатели, члены Комитета, высказываются по другим произведениям, а когда речь идет о братской литературе, то здесь считают, что отношение к ней должно выражаться в каком-то молчаливом внутреннем согласии или несогласии.

По-моему, братство (я думаю, что товарищи узбеки поймут меня правильно) требует, прежде всего, искренности и правдивости в наших взаимоотношениях друг с дру-

гом. Мы в своих литературных взаимоотношениях, как и вообще в людских взаимоотношениях, должны говорить, как брат брату, всю правду.

Верно: референт отдела литературы

Р. Буров

Πικίρλερ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ
о диссертационной работе тов. Маловичко А.Л.
на тему “Историко-биографическая пьеса
в казахской советской драматургии”

Настоящая диссертационная работа является результатом длительного, обстоятельного и самостоятельного критического изучения диссертантом фактов казахской литературы. Как объем работы (в 326 стр.), так и, главным образом, обилие изученного материала, детальный анализ исследуемых драматургических произведений, убедительное, обоснованное раскрытие достоинств и недостатков отдельных пьес на основе марксистско-ленинской оценки явлений — все это свидетельствует о серьезной, вполне зрелой научной подготовке диссертанта.

Особо следует отметить, как весьма благоприятный в нашей действительности факт, обращение молодого русского научного работника-литературоведа к изучению фактов казахской советской литературы на основе хорошего знания им языка оригинала исследуемых произведений.

Рекомендуя ученому совету Института языка и литературы АН КазССР допустить к защите диссертацию тов. Маловичко на основе разбираемой нами диссертационной работы, в настоящем предварительном, кратком отзыве, я считаю необходимым посоветовать диссертанту внести исправления, изменения в свою работу по нижеследующим пунктам:

1. Желательно сократить первую главу, в которой освещаются предпосылки появления казахской историко-биографической драматургии. В данной работе с определенным и достаточно емким тематическим заданием едва ли нужно делать столь далекий и широкий экскурс. Неудачно название этой главы — “Рождение казахской советской литературы”.

2. Необходимо изменить также название второй главы, где неудачно слово “появление” (“Появление казахской историко-биографической драматургии”).

3. На стр. 14 касательно пьесы М. Ауэзова “Хан Кене” сказано мягко, надо оценивать этот факт как результат буржуазно-националистических ошибок автора.

4. Диссертант на стр. 44 утверждает, что первой историко-биографической пьесой в казахской драматургии была пьеса “Исатай-Махамбет” М. Ахинжанова. Справедливость требует указать, что первой пьесой в этом жанре была пьеса Г. Мусрепова “Амангельды”.

5. При анализе пьесы “Абай” в разделе “Старый и новый мир” недостаточно сказано о Долгополове. В издании пьесы на казахском языке в 1950 г. авторы назвали его Долговым. Но и при этом нужно сделать более критические замечания авторам пьесы в духе оценки Долгополова в последней редакции “Истории Казахской ССР”.

6. В отношении Ахана-сере надо подчеркнуть, что не столько, может быть, виновна пьеса, сколько непригодна для положительного героя советской историко-биографической пьесы личность Ахана-сере — личность, никак не являющаяся исторически прогрессивной. Панисламист и консерватор, он в музыкальном искусстве являлся индивидуалистом-эстетом феодально-байского пошиба.

7. Говоря о пьесе С. Муканова “Нить Ариадны”, необходимо указать, что автор сейчас, после длительной подготовки, собирания материалов и изучения жизни и деятельности Чокана Валиханова, пишет новую пьесу по иной канве.

8. Необходима тщательная редакторская работа над текстом диссертации, в котором есть стилистические шероховатости.

9. Вся работа в целом, почти во всех разделах, особенно в справочно-исторических и общетеоретических экскурсах, нуждается в значительных сокращениях.

С исправлением указанных легко устранимых недочетов работа тов. Маловичко вполне заслуживает присвоения ее автору искомой степени кандидата филологических наук.

*Профессор М.О. Ауэзов
Алма-Ата, 20 мая 1952 г.*

ОТЗЫВ

о диссертационной работе тов. Конратбаева Ауельбека на тему “Казахский лиро-эпос”

Цикл сюжетных лиро-эпических песен представлен в казахском фольклоре значительным количеством популярных, самобытных поэм. В их же число входят такие общеизвестные шедевры восточного эпоса, как “Козы Корпеш и Баян-сулу”, “Кыз Жибек”. Все эти поэмы, именуемые сейчас малоупотребительным еще жанровым обозначением “лиро-эпос”, несут в своих разнообразных широких руслах, с первоначального момента их зарождения и в дальнейшем своем развитии их через наслоения многих эпох и веков, много ценного, оригинального историко-литературного материала для серьезного, научного исследования. А между тем, они изучены еще очень мало и даже не завершен научно-критический отбор наиболее полноценных из них для первоочередного исследовательского внимания к ним. Большинство имеющихся доньше работ по лиро-эпосу страдало односторонностью описательного, популярного толкования лишь только тематики содержания этих поэм.

Характерное для известной стадии развития тюркологической науки отсутствие методов анализа литературного факта на основе данных литературоведческой науки, было присуще и этим немногим работам по казахскому лиро-эпосу. Было много любования, ненаучного эстетизирования, отсутствовало углубленное, конкретное и на основе их проблемно-обобщающее изучение данного вида изустного творчества казахского народа.

В рецензируемой нами работе тов. Конратбаева, прежде всего обращает на себя внимание ряд принципиально-научных серьезных моментов самостоятельного оригиналь-

ного значения, пронизывающих всю его работу на всем ее протяжении. Но прежде чем сказать о них, необходимо подчеркнуть еще об одном благоприятном обстоятельстве, предшествовавшем настоящей работе тов. Конратбаева. Дело в том, что диссертант т. Конратбаев обращается к теме своей настоящей диссертации не впервые в настоящем труде. Он, как автор, участник составления первого тома “Истории каз. литературы” (раздела фольклора), в течение многого времени изучал этот цикл поэм и написал большую главу “Истории каз. литературы” именно о казахском лиро-эпосе. Примененные им общеметодологические принципы и избранная совместно с редколлегией “Истории каз. литературы” методика изучения указанных образцов фольклора, помогли тов. Конратбаеву в настоящем расширенном, самостоятельном труде широко использовать свой предыдущий научный опыт и довести отдельные важные моменты исследования до оригинальных, зрелых положений. И это составляет действительно оригинальные, самостоятельные и принципиальные центральные моменты настоящего исследования.

Причем первый из них — это достаточно широко примененный автором метод сравнительного изучения данных образцов фольклора с подобными фактами восточной и европейской средневековой народной поэзии. Анализ, ограниченный только фактами на почве казахской истории, всегда неизменно будет страдать некоей изолированной замкнутостью. А сравнительное изучение литературных произведений выводит и само исследование, в данном случае, казахскую литературоведческую науку, на более широкую перспективу взаимообогащения, взаимосвязи, с такою же отраслью науки у прочих народностей Советского Союза.

Второй ценный момент в диссертации — это конкретное, убедительное раскрытие первоначальных связей данных эпических песен сюжетно повествовательного типа с бытовой, обрядовой, лирической песней (примером могут служить общие высказывания во введении и конкретный разбор поэм “Козы Корпеш — Баян-сулу”, “Кыз Жибек”, “Наурызбай — Каншайым”, “Айман — Шолпан”).

Третий значительный и сугубо важный для настоящей стадии развития литературоведческой науки в Казахстане

ценный момент — это примененный автором метод анализа содержания и формы произведений во взаимообуславливающем единстве на основе марксистско-ленинского понимания задач и целей литературоведения.

Четвертый, выгодно отличающий настоящую работу диссертанта от многих подобных начинающих исследователей момент — это настоящая эрудированность автора, обнаруживающаяся в его широком обращении к трудам и высказываниям европейских и русских авторов по данному предмету.

Так же диссертант обнаружил в своем труде серьезное знание образцов арабской, персидской и чагатайской поэзии подобного жанра. А на казахской почве он на много расширил количество исследуемых лиро-эпических поэм, подвергая своему анализу ряд неопубликованных малоизвестных, но имеющихся в записи, в рукописных фондах Института языка и литературы КФАН и также обнаруженных у частных лиц самим диссертантом во время его специальных поездок по Казахстану.

Такие поэмы, как “Кул мен кыз”, “Макпал кыз”, “Кулше кыз — Назымбек”, “Есим серэ”, разбираемые и изучаемые автором в настоящем его труде в ряде вариантов Северного и Южного Казахстана, станут для казахской читательской общественности, для учительства, для исследователей-литературоведов подлинной находкой. А раздел казахского фольклора по лиро-эпосу обогащается новыми ценными образцами и также новым анализом всего этого расширенного цикла песен.

Наконец, еще одним ценным качеством настоящей работы является выразительное богатство, стройность, стилистическая отточенность языка исследования.

К недостаткам работы тов. Конратбаева, могут быть отнесены: во-первых, имеющиеся досадные повторения одних и тех же, однажды удачно высказанных общих мыслей. Этим недостатком страдает растянутая вводная часть книги, отсюда неизбежно вытекает другой недостаток — чрезмерная, порой многословная, излишняя распространенность отдельных мест книги. Небрежность подобного порядка иногда вводит автора в противоречия. Это можно наблюдать в объяснениях трагического конфликта в любовной исто-

рии персонажей, когда причиной драматической борьбы называются то родовые пережитки, то религиозные представления, то мотивы, подобные мотивам средневековой провансальской поэзии.

Другой существенный недостаток заключается в чрезмерном увлечении сопоставлениями, сравнениями, порой не сходных, отдаленно отстоящих друг от друга фактов. В этом смысле можно установить ряд излишних примеров обращения за сравнениями к “Тристану – Изольде”, к “Лейле – Меджнун” при анализе второстепенных поэм, как “Кулше кыз – Назымбек”.

Еще одним и наиболее существенным недостатком в применении сравнительного метода является отсутствие объяснения исторических причин, обуславливающих сходство сюжетных положений в сопоставляемых поэмах.

Понятно, что эти последние требования весьма трудные и не легко разрешимые на данном этапе наших знаний законов формирования эпоса, на них не берется дать ответ и академик Орлов в своем последнем труде “Казахский героический эпос”. Но несмотря на это, остается законным наше требование необходимости хотя бы в порядке постановки вопроса, в порядке намечания проблемы дальнейшего анализа, и, наконец, в порядке хотя бы осторожных первоначальных попыток объяснения, коснуться этой стороны научно-исследовательских, общелитературных задач.

Наряду с указаниями на эти недостатки работы тов. Конратбаева, необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящий труд является безусловно интересным и весьма ценным вкладом в разработку проблем истории казахской литературы, на основании чего и ходатайствую перед ученым советом о присвоении степени кандидата филологических наук тов. Конратбаеву Ауельбеку, как одному из достойных молодых ученых Казахстана.

*12 декабря 1945 г.
г. Алма-Ата*

ОТЗЫВ

(предварительный)

**о диссертации старшего научного сотрудника Казахского филиала ИМЭЛ тов. Джангалина М.О.
на тему “К истории организации перевода
и изданий произведений классиков марксизма-ленинизма в Казахской ССР”**

Я ознакомился с диссертацией тов. Джангалина М.О.¹ — она посвящена одной из актуальных тем: истории деятельности партийной организации Казахстана по созданию марксистско-ленинской литературы на казахском языке, каким является перевод и издание произведений классиков марксизма-ленинизма.

Диссертант обосновывает необходимость этого мероприятия, как одного из важнейших средств быстрого преодоления идейно-теоретической слабости партийной организации Казахстана, создание там действительно боевой марксистской организации.

С привлечением большого количества материалов, в диссертации показано, как при постоянной и повседневной заботе нашей партии практически осуществлялось в республике это, огромной государственной важности, мероприятие. Ныне осуществленный перевод и издание сочинений В.И. Ленина, 1—13 томов сочинений И.В. Сталина и ряда работ К. Маркса и Ф. Энгельса, является ценнейшим приобретением социалистической культуры казахского народа.

Успешно выполненный перевод этих произведений на язык ранее экономически и культурно отсталого казахского народа, одновременно является творческим успехом культурно-исторического порядка.

Поэтому, наряду с историко-партийной стороной вопроса, диссертант в своей работе поставил задачу предварительного обобщения богатейшего опыта в деле разработки и практического применения научных принципов перевода, обеспечивающих полноценное воспроизведение оригинала на языке перевода. Большое место в диссертации отведено также вопросам разработки казахской общественно-политической терминологии и перевода образных выражений, обильно встречающихся в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Попытка обобщения опыта в этой области и сама постановка этих проблем утверждает значение диссертации и для соответствующих кадров других национальных республик, ведущих аналогичную работу.

Методологии, общий теоретический уровень, а также язык диссертации отвечают предъявляемым к ней требованиям.

На этом основании я и рекомендую поставить диссертацию на защиту.

Имею отдельные замечания к диссертации и пожелания ее автору, которые изложу позже.

Профессор М. Ауэзов
16 ноября 1954 г.

ОТЗЫВ
о диссертационной работе И. Султанова на тему
“Из истории социалистического реализма
в узбекской литературе”
(Представлена на соискание ученой степени
доктора филологических наук)

Общее впечатление от работы, в целом, весьма благоприятное. Автор тщательно, серьезно проанализировал литературные памятники почти полувекового периода. Затратив огромный труд, он сумел в своем широком охвате историко-литературных фактов отразить литературные процессы движения самых сложных, напряженных периодов исторического развития узбекского общества.

И. Султанов проделал большую самостоятельную работу, независимую от каких-либо предшествовавших его труду исследований, обобщений, определений и т.д.

Да и не было на почве узбекского литературоведения крупных монографических исследований, специально посвященных развитию, становлению художественной прозы. Потому особо ценен настоящий труд, являющийся подлинным вкладом в советскую науку об узбекской литературе социалистического реализма.

В освещении особенностей произведений дореволюционного периода и первых десятилетий после Октября автор совершенно справедливо указывает на многие недостатки молодой прозы – еще только идущей и формирующейся с многими досадными примерами незрелости схематизма, недостаточной обрисовки и выявления типических характеров положительных и отрицательных персонажей.

Эти недостатки действительно были присущи произведениям Хамзы, Айни и других начинающих прозаиков.

Автор ни в одном разделе своего исследования не становится на путь апологетики, ненужных преувеличений, любуваний. Наоборот, он в своих оценках, анализах, многих и многих фактах являет примеры взыскательного, заботливо требовательного отношения к писателям и основоположникам нового, для всей истории узбекской литературы, жанра большой художественной прозы.

Подобным освещением пройденного пути и настоящего в узбекской литературе т. Султанов активно-творчески, полезно-действенно включается в литературный процесс и действительно помогает развитию узбекской художественной прозы.

Ярко, повсеместно и последовательно представлена в данном исследовании марксистско-ленинская эстетика, как руководящая, сквозная и основная идея всего труда. Этой научно-теоретической концепцией объяснены, охвачены все элементы или решающие компоненты всех ранних и поздних произведений.

Романы Айни, Айбека, А. Каххара, П. Турсуна, Ш. Рашидова взяты диссертантом, как исторические вехи на длинном плодотворном пути развития литературы социалистического реализма. Правда, при этом имеются в виду только наиболее зрелые, художественно ценные произведения ведущих авторов. На таких произведениях, как, например, “Рабы Айни”, “Священная кровь”, “Навои” – Айбека, “Сароб”, “Огни Кушчинара” – А. Каххара, “Учитель” – Парда Турсуна, “Победители” – Рашидова, диссертант останавливается подробным, развернутым анализом и на основе выявленной многообразной сути этих произведений делает свои обобщающие для каждой отдельной части монографии выводы, т.е. определяет, устанавливает этап за этапом пути развития, становления литературы социалистического реализма. В этой последовательной, аргументированной историчности освещаемых процессов – и убедительность всего объемистого, по-настоящему серьезного исследования.

Одно только обстоятельство нельзя не упомянуть лишь при всем упомянутом выше. Дело в том, что на сегодня наиболее выдающимся произведением узбекской художественной прозы остается исторический роман Айбека “Навои”. А романы, посвященные современной тематике, у А. Каххара,

П. Турсуна, Ш. Рашидова да и у самого Айбека (“Ветер золотой долины”) намного уступают по широте художественного диапазона, по литературной культуре в целом историческому роману “Навои”.

Поэтому концепция автора, доказывающего, якобы, все большее, все лучшее развитие узбекской художественной прозы с приближением тематики романов к современности, остается, в ряде моментов, спорной.

Несмотря на наличие таких сторон исследования, исходя из перечисленных выше многих достоинств диссертации, считаю справедливым присвоение ее автору искомой степени доктора филологических наук.

*1956 г., сентябрь
Алма-Ата, Абая, 157*

ОТЗЫВ

о диссертационной работе тов. Саманчина Тазобека на тему “Молдо Клыч – первый акын- писменник”, представленной на соискание уче- ной степени кандидата филологических наук

Диссертант тов. Саманчин Тазабек известен в Киргизии своей двусторонней творческой деятельностью. С одной стороны, он известен как историк литературы, критик, с другой, как писатель-прозаик и драматург. В качестве историка киргизской литературы до настоящей своей защиты диссертации тов. Саманчин проделал значительную работу по изучению ряда неисследованных, незатронутых до него разделов истории киргизской литературы. Если исследователи киргизской литературы, начиная с Чокана Валиханова, Радлова и кончая большинством современных советских исследователей, занимались по преимуществу собиранием, изучением изустного творчества у киргиз, то тов. Саманчин Тазабек избрал объектом своего изучения акынов индивидуальных (второй половины 19 столетия, начала 20 века) и также он изучает творчество революционных поэтов, писателей Советской Киргизии. Он проделал огромную работу по собиранию, редактированию и изданию поэтического наследия замечательной плеяды киргизских акынов, поэтов, как-то: Токтогула, Тоголок Молдо, Молдо Клыча, Калыгула, Арыстанбека.

В каждом из сборников указанных поэтов имеются обстоятельные критико-биографические очерки исследования тов. Саманчина, впервые в систематизированном виде приводящие данные об этих акынах-поэтах и тем самым закладывающие основу начального научного изучения состояния и путей развития киргизской литературы дооктябрьского периода.

Кроме отдельных собственных исследований, тов. Саманчин выступил как соавтор в коллективе составителей “Очерков по истории киргизской литературы” и также в коллективном труде под названием “Некоторые данные классификации киргизского фольклора”. На страницах периодической печати (в журналах “Литература и искусство”, “Советский Киргизстан” и в газете “Кзыл Киргизстан”) опубликован ряд критических статей тов. Саманчина также и о творчестве киргизских советских писателей-драматургов и романистов Жантошева, Сыдыкбекова, Шукурбекова и др.

Таким образом, к своей диссертационной работе об одном из крупнейших акынов в истории киргизской литературы – о Молдо Клыче, диссертант подошел после длительной подготовки, накопив солидные знания об эпохе поэта, о литературных современниках его, и сейчас, в данной стадии изучения киргизской литературы, тов. Саманчин выступает перед нами как единственный крупный знаток известного раздела этой истории литературы.

Настоящий труд тов. Саманчина во вступительной части его отражает проделанную самим диссертантом серьезную работу по собиранию утерянных в записях и сохранившихся лишь на устах на родине поэта в Чолпонском районе большого количества стихов поэта. Также им собраны ценные воспоминания, многочисленные факты к биографии акына. Сейчас его личными записями восполнены тексты Молдо Клыча, утерянные, не включенные в рукописные сборники прежними собирателями наследия поэта (Качкэновым, Белеком Солтоноевым, Каюмом Мифтиаковым и др.).

Данное исследование диссертанта освещает не одну, узко взятую проблему в изучении наследия Молдо Клыча. По широте охвата богатого материала, по объему изученных тем, по разностороннему разбору почти всех образцов творчества поэта настоящая работа представляется нам обширным исследованием. Отсюда вытекают и серьезные положительные качества работы, обнаруживающие широкие и глубокие знания автора по данной теме, но отсюда же могут возникнуть порой и сомнения, и спорные, с нашей точки зрения, моменты исследования ввиду их многоплановости и неизбежной при этом сжатости, схематичности в освеще-

нии конкретных фактов, деталей отдельных произведений поэта.

Книга тов. Саманчина Тазабека о Молдо Клыче состоит из четырех основных глав, к ним еще предпослано введение, сжато, но внятно поясняющее состояние изученности киргизской литературы до настоящего времени.

Основные главы книги разрабатывают темы: 1) О возникновении киргизской письменной литературы в конце XIX и в начале XX вв.; 2) О творческом пути Молдо Клыча; 3) Самая распространенная и специально литературоведческая глава распадается на подтемы: а) ранний этап творчества Молдо Клыча, б) познавательная поэзия и басни, в) “Зарзаман” и “Зилзала”, г) сатирические и юмористические произведения поэта и, наконец, 4) Также специфически-литературоведческая глава о некоторых особенностях поэтики Молдо Клыча.

Во введении своей книги, кроме обстоятельного перечня и краткой характеристики трудов прежних исследователей киргизской литературы, диссертант также ставит проблему для нового этапа развития науки, когда задачи литературоведения расширяются и включают в себя изучение киргизской литературы как по отдельным этапам ее развития, так и в целом для выявления художественных новоформобразований, как средств выражения нового идеологического содержания (стр. 9). Также он отмечает другую серьезную параллельную задачу в виде необходимого сравнительного изучения фактов киргизской литературы со сходными параллельными явлениями на почве литературы народностей Советского Союза (стр. 9).

Первая глава книги тов. Саманчина привлекает к себе большое внимание тем, что она познавательно интересна своими обоснованными разграничениями изустного творчества и творчества индивидуальных поэтов-акынов. Не только письменность, но жанры, как айтыш, моктоо, кордоо, арман, кошек и др., отличают репертуар изустного певца “Ырчи” от творчества акынов-письменников, именующих свои стихи, сборники “Казал” (21 стр.).

Если исключить ошибочное сопоставление автора этих “казал” с казахскими “киса” (эпическими жанрами), в основном данные ими определения типа первых письмен-

ников или книжников акынов, нужно считать оригинальными и бесспорно удачными.

Так же верно определены автором процессы обогащения идейно-художественного содержания письменных образцов поэзии включением в них гражданских мотивов. Особо положительным качеством данной главы является то, что здесь нет односторонне положительной, апологетической характеристики акынов-письменников. Наоборот, тов. Саманчин убедительно раскрывает и их противоречия, обнаруживает моменты влияния отсталого религиозно-фанатического сознания на творчество акынов. Автор высказывает плодотворную, ценную для исследователей литературы народностей Средней Азии мысль о том, что у акынов-письменников отдельные афоризмы, наставления отражают догмы ислама, предписания шариата, проникшие через устную проповедь и “получившие осмысление в духе, понятном и близком для киргизов-кочевников” (33–34 стр.).

С исчерпывающей полнотой охарактеризованы идейно-творческие особенности в наследии поэта во второй главе, где сказано: “В его (Молдо Клыча) воззрениях сочеталась идеология, присущая отсталому патриархально-феодальному обществу, и культурно-прогрессивные влияния, зародившиеся на российских окраинах в тот период. Кроме того, в сознании Клыча крепко укоренились мусульманские мистические идеи, воспринятые им от религиозно-схоластических учений и догматической литературы. “Сочетание этих противоречивых идейных начал крайне своеобразно отразилось в его творчестве”, говорит тов. Саманчин.

Исходя из этих, безусловно, верных положений, автор в третьей, наиболее серьезной и в настоящем смысле научно-критически разработанной главе, точно, убедительно раскрывает на примере поэм “Чуй баяны”, “Зарзаман” реалистические черты и сознательную целеустремленность в творческом методе поэта. Диссертант в своем анализе правильно определяет главенствующие социальные мотивы огромной поэмы Молдо Клыча “Зарзаман” (в 3500 строк), выделив в ней темы: “угнетенный народ”, “царская власть”, “байско-манапская верхушка”. Правильна также и та мысль

автора, что Клыч тему угнетенного народа излагает в виде “арман”, в виде глубокой и скорбной социальной лирики. (На фактах творчества самого поэта в “Чуй баяны” и “Зарзамане” т. Саманчин верно подметил и то, как во многих местах своей поэмы акын положительно отзывается о русских, как восхищается он умом русских.) Так же правильно подчеркнуты исследователем особенности обличительных высказываний поэта в “Зарзамане”, со всей язвительной остротой направленных против местной бай-манапской верхушки, против мулл ханжей, против правителей стяжателей.

Устанавливая все подобные реалистические и социально-значительные черты поэзии Молдо Клыча, автор, одновременно со строгой разборчивостью, указывает также на моменты социально-классовой ограниченности, на наличие элементов мистики, идеализации прошлого в творчестве поэта. Он же дает исторически правильное объяснение этим явлениям. “Элементы мистики в “Зарзаманах” усугублялись пропорционально с ухудшением социально-экономических условий народных масс” (116 стр.).

На протяжении страниц от 94 до 108 диссертации автор подвергает критическому анализу оригинальные две поэмы Клыча “Канаттулар” (“Пернатые”) и “Буркуттун тою” (“Пир Орла”) – названные, правда, неуверенно, как басни, с другой стороны, автором они отнесены к группе так называемой познавательной поэзии”.

(Правильным в оценке данных поэм, в частности, поэмы “Канаттулар”, является то, что, как у поэта-книжника, у Молдо Клыча здесь явствует влияние книжно-восточных традиций, идущих от средневековых восточных классиков Фаридадин Атгара и Навои, написавших поэмы о пернатых.)

При этом первая поэма Клыча “Канаттулар”, по определению диссертанта, нося в себе элементы заимствований, одновременно обозначает собой переход в дальнейшем к самостоятельной разработке данной темы в оригинальнейшей и высоко талантливой, аллегорически-сатирической поэме “Пир Орла” (“Буркуттун тою”).

При переходе к анализу этой поэмы автор пронизательно и глубоко раскрывает сокровенный смысл, необличительно сатирический и заостренный социально-классовый

смысл данной поэмы. “Пир Орла”, где в байгу скачут кровожадные, когтистые хищники – сокол, ястреб, стервятник и др., где мясником становится волк, сторожит мясо – ворон, где муэдзин – петух, знаменосец – журавль, где в призы хищникам раздаются лебедь, дрофа, гусь и дальше до мыши, является одним из острейших саркастических произведений своего времени, произведений актуальных и доходчивых до народных масс. Здесь параллели из дореволюционного социального быта киргизского аила и казахского столь явственны, что всем своим слушателям этой поэмы сейчас же вспоминались расточительные и тягостные для народа “ашы” (поминки), “тои” (пиры), устраиваемые манапами, баями, старейшинами родов за счет народа. Поэтому правильно заключает диссертант: “в результате таких тоев или аша манапы получали славу и обогащение, а его букара (подчиненные) лишалась последнего своего достоинства” (104 стр.). Так же верно его определение о том, что популярность данного произведения обеспечивалась из-за острой критики и сатиры, направленной против угнетателей народных масс” (108 стр.).

Помимо упомянутых выше значительных поэм Клыча, как “Зарзаман”, “Чуй баяны” и еще “Зилзала”, обстоятельно и оригинально проанализированных автором, – в последней главе книги приводится характеристика особенностей поэтики Молдо Клыча. В этой части, хотя и отсутствует необходимый, существенный момент разбора обусловленной связи формы с содержанием творчества, однако непосредственное установление отдельных элементов поэтики приводит диссертанта к правильным, метким наблюдениям. И в этом ряду особенно оригинально объяснено внутреннее свойство строфического членения стиха у Молдо Клыча. По анализу т. Саманчина строфа поэта порой как бы образует собою своеобразную, философско-моралистическую миниатюру, имеющую самостоятельную ценность. Никакой трехчастной рифмы в виде вступления – тезиса и заключения соответствует контрастному противопоставлению добра и зла и на основе чего выведенной морали (197–198 стр.).

Преобладающий прием изобразительных средств у поэта диссертант видит в метких сравнениях, афористически замкнутых в двустушиях, как-то:

Жакшисы жок калайык
Кадимки кара каргадай...

или

Айыл бузар азамат
Уй качырган сайгактай...

или еще:

Созу суук адамдар
Шамал кирген жиртиктай...

и наконец еще:

Жаман адат курусун
Жунге кирган уйгактай...

Безусловно прав диссертант на основе указанных и им подобных многих примеров из “Зарзаман”, утверждающий, что: “Самые абстрактные понятия вырисовываются выпукло, становятся как бы зримыми (ощутимыми и эмоционально действенными) (201 стр.).

Касаюсь замеченных нами недостатков, необходимо указать на спорное, по нашему мнению, категорическое утверждение автора (стр. 21) о том, что “если киргизские акыны (вернее, ырчи), творившие устно, не выходили в большинстве за рамки родовой идеологии, то акыны-письменники, освобождаясь от идеи родовой ограниченности, становились подлинно народными поэтами”. Как известно, факт освобождения от идей родовой ограниченности еще не освобождает от классовой ограниченности и не каждый поэт-письменник мог стать народным поэтом, он мог, будучи пишущим поэтом одновременно стать идеологом антинародной, аристократической манапской верхушки киргизского общества.

На 95 странице, касаясь поэмы “Канаттулар”, автор дает характеристику: “в поэме “Канаттулар” наблюдается переход от прямого изображения к символическому”. Здесь тоже надо было бы упомянуть “аллегорию”, что не равноценно символическому.

На страницах 100, 101, как и в названии главы, “Пир Орла” относится к басенному жанру. А это произведение представляет собою занимательную, сюжетно развернутую,

большую поэму и ее форма не совместима с малой формой басенного жанра, поэтому вернее было определить и характеризовать ее на всем протяжении исследования как “сатирическую аллегорическую поэму”.

Кроме того, существенным недостатком в анализе данной поэмы является то, что не раскрыто пародийное значение этого произведения, как некоей “лебединой песни” всем хвалебно одическим воспеваниям ашей, манапов, ханов, начиная со знаменитого цикла песен с “Кокотайдын аши” из “Манаса”. Между тем эта классическая литературная пародия знаменовала своим появлением исторически и социально-обусловленную смену стилей, ставила межразграничивающую феодально-родовую поэзию от поэзии, насыщенной общественно-политическими идеями, идеями гражданского долга.

Еще одним замеченным нами недостатком в работе является некоторая шероховатость изложения материала и встречающиеся местами, особенно в первой половине книги, погрешности против русского языка.

И, наконец, последнее наше замечание относится, вернее, не к существу работы, а к расположению отдельных частей в ней. По-нашему, следовало разбор элементов поэтики Молдо Кыпча не выделять отдельной главой, а все зафиксированные особенности отдельных поэмов и казал Кыпча целесообразнее было бы приводить непосредственно при анализе каждого произведения в отдельности.

Но, указывая на все эти недочеты в работе диссертанта, я подчеркиваю одновременно и то, что эти недочеты не умаляют большого достоинства настоящей книги тов. Саманчина.

Подводя итоги своей оценке диссертационной работы тов. Саманчина Тазабека в целом, я считаю данный труд серьезным, ценным вкладом в историко-литературную науку по киргизской литературе, а диссертанта вполне зрелым к самостоятельной научной деятельности исследователем. На основе чего я ходатайствую перед ученым советом Каз. гос. университета им. С.М. Кирова присвоить ему ученую степень кандидата филологических наук.

*Профессор Ауэзов
Алма-Ата, 9 января 1947 г.*

**В КОМИССИЮ ПО ПРОВЕРКЕ
ВЫПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ ЦК КП(Б)
КАЗАХСТАНА “О ГРУБЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОШИБКАХ В РАБОТЕ
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК КАЗССР”**

По отделу фольклора

В числе грубых политических ошибок, допущенных в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, в решении ЦК КП(б)К было указано на первый том “Истории казахской литературы” (раздел фольклора), составленный коллективом авторов (т.т. Джумалиевым, Исмаиловым, Кенжебаевым, Шалабаевым, Маметовой, Конратбаевым и Нуртазиным) при соавторстве и редакции т. Ауэзова.

Любование многими фактами дореволюционного фольклора без выявления их социально-классового смысла и отсюда некритическое отношение к анализу памятников прошлого, идеализация значения отдельных образцов (как изречений биев, лиро-эпических песен, некоторых видов айтыса — состязательных песен), и в результате всего сказанного отход от принципов марксистско-ленинского метода исследования казахского фольклора — были отмечены в решении ЦК КП(б)К как грубейшие идейно-политические ошибки составителей первого тома.

Коллектив авторов в том же составе, за исключением уволенного с работы в институте Нуртазина, в течение трех с половиной месяцев (февраль, март, апрель и до половины мая с.г.) работал над исправлением допущенных ими оши-

бок и подготовил к указанному президиумом Казахской академии наук сроку, т.е. к 15 мая, новую, основательно переработанную редакцию указанного тома.

Причем как в решении ЦК КП(б)К, так и в заключении комиссии ЦК, предварительно проверявшей работу института, были особо подчеркнуты ошибки и недостатки трех глав, а именно главы об ораторской речи, изречениях, главы о лиро-эпических произведениях и главы об айтысах.

Эти главы в последней редакции тома переработаны в духе указаний ЦК КП(б)К заново, от начала до конца. Главу об ораторской речи с выявлением социально-классовой сущности и исторически обусловленной природы памятников этого жанра написала заново т. Маметова.

Существенная переработка главы о лиро-эпических поэмах и также составление заново главы об айтысах выполнены редактором тома т. Ауэзовым.

Кроме этих трех глав заново написана первая глава тома, – вводная часть – идейно-политически и методологически ориентирующая задачу исследования в духе указаний, решений ЦК КП(б)К. Эту часть работы выполнил т. Кенжебаев.

В последней редакции тома также серьезной обработке подвергнуты главы о сказках, о богатырском эпосе тт. Ауэзовым, Джумалиевым. Большим изменениям подвергнута еще глава об исторических песнях. Наряду со всеми этими работами особо выделено значение главы о казахском советском фольклоре. Последние две главы тома в значительной доле составлены тов. Исмаиловым.

Как явствует из краткого перечня глав первого тома, после решения ЦК КП(б)К пересмотрены или пересоставлены почти все части книги.

С 15 мая по 15 июля было организовано президиумом Академии и руководством института тщательное рецензирование подготовленной новой редакции тома. Главные рецензенты этой работы тт. Баишев и Дюсенбаев на заседаниях ученого совета Института языка и литературы отметили существенную разницу в смысле повышения идейно-политического и научного качества книги в последней редакции – в сравнении с ее первой редакцией. Наряду с этим рецензентами было указано на ряд еще имеющих недостатков в некоторых главах этой первой капитальной

работы по изучению ранее мало исследованной истории казахской литературы. Авторы тома, принимая во внимание решение ученого совета, в основе одобряющего последнюю редакцию книг, взяли на себя обязательство внести еще дополнительные поправки по указанию рецензентов, и таким образом подготовить для печати окончательную редакцию книги к 30-й годовщине Октябрьской революции. Сейчас коллектив авторов выполняет эту последнюю свою задачу по окончательной отделке тома, составляющего собою объемистое исследование в 45 п.л.

По отделу фольклора значительным фактом за отчетный период явилось составление монографического труда о казахском героическом эпосе “Кобланды”. Работа выполнена Героем Советского Союза т. Габдуллиным, длительный труд которого завершился защитой кандидатской диссертации им на эту тему. Исходя из решения ЦК КП(б)К, отметившего недопустимо одностороннее увлечение темами прошлого в исследовательской работе, отдел фольклора института перестроил свой тематический план исследовательско-собирательской работы на 1947 и последующие годы. С целью приблизить исследовательскую работу по фольклору к задачам нашей современности, социалистического строительства, отдел фольклора выключил из своего плана ближайших лет издание:

“Речей и афоризмов биев”, третьего тома “Айтыс”, а также “Исследование жизни и деятельности А. Диваева”.

Вместо них выделена наша самая первоочередная, актуальная задача отдела — изучение творчества современных советских акынов и всего фольклора социалистической революции в Казахстане. В этом смысле отдел придает особое значение готовящейся докторской диссертации т. Исмаилова на эту тему. А в первом томе “Истории казахской литературы” в его последней редакции особо выделено значение главы о советском фольклоре, по объему исследовательского материала составляющей четвертую часть всего первого тома.

Как рецензенты первого тома, особо подвергшие справедливо требовательной критике этот раздел первого тома и в последней его редакции, так и отдел фольклора и институт в целом сейчас придают особое значение качественно-

му выполнению идейно-политических задач исследования, главным образом по части советского фольклора.

В порядке последовательной, систематической заинтересованности отдела в наиболее полном охвате жанров, фактов казахского советского фольклора, не в пример предыдущим годам, в настоящем году сосредоточено главное внимание на собрание современного фольклора: фабрично-заводского, колхозной деревни и фольклора Великой Отечественной войны. В осуществление этой задачи руководством института и отделом фольклора даны особые задания научным экспедициям, направленным в Центральный Казахстан, в Гурьевскую, Северо-Казахстанскую и Восточно-Казахстанскую области, собирать и записывать образцы народного творчества, возникшие после Октябрьской революции.

Из числа исследовательских работ по прежнему тематическому плану сейчас выполняется отделом фольклора составление библиографического указателя по казахскому фольклору.

Также готовится к сдаче в печать 2-й том образцов казахского героического эпоса.

*(Архив АН КазССР,
фонд 80, дело 25, опись 1, связка 2, л. 75 (102–106))*

Х. ЖҰМАЛИЕВТІҢ 8-КЛАСҚА АРНАЛҒАН “ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІ” ОҚУ КІТАБЫ ТУРАЛЫ РЕЦЕНЗИЯ

Бұл кітаптың екі бөлімі (I б. – фольклор, II б. – ақындар шығармасы) екі түрлі сапада жазылған. Бірінші бөлімнің жазылуында көп кемшілік бар. Ғылымдық дәлді білім беру жағынан, методикалық құрылыс жағынан, қазақ фольклорын мектеп баласына арнап нақтылы, қысқа, нәрлі түрде жіктеп, талдап, орнықты әдіс-дерек беру жағынан қарағанда көп жері көп түзетуді керек етеді. Екінші бөлім бұл бөлімнен тәуір. Оның кемшіліктері оңай түзелетін кемшіліктер. Жалпы кітап жайында айтылатын бір қорытынды (бұл екі бөліміне де ортақ) – бұл қалпында кітап өте көп сөзді, шұбалаң жазылған. Мектеп баласының ұғымын алуына ауыр және жалпылама, мақал түрінде кеткен көлденең жайылма сөздері көп. Әсіресе үлкен олқылығы – әдебиеттік мазмұны мен түрдің екеуі бірігіп, бір көркемдік бітім жасайтынын көп жерінде түгел таныта алмайды. Тексерудің көбін тек мазмұнға құрып, ақыннан ақынның, фольклор шығармасының біреуінен біреуінің түрі, құрылыстағы композициясын нақтылап талдамайды. Көктен өтіп, аттамалап, шашылма түрде айтады.

Шығарманың қоғамдық, таптық идеясын мазмұнмен қатар түрде, заңды жолмен анықтап алып, бере алатынын ұғындыра алмайды.

Әр жерде түрлі тексеруі құр “тілі жақсы”, композициялық құрылысы “өте шебер” деген үстірт, сылдырама сөзбен өте шығады. Сондықтан бар батырлар жыры уақиға айырмасынан басқа ерекше өзгешеліктері жоқ ұдайы ұқсас, тұтас бір ғана ағым сияқты боп кетеді.

Ондай тексерме әдебиеттегі даму, жылжу, өзгере өсу дегенді таныта алмай қалады. “Жылжудын өзі өзгеру” (“Движение есть изменение” деген Энгельс) деген материалистік көзқарас әдебиет тарихын тексеруде әдебиет мәдениетінің дамуына құрылып, түлеп (мазмұн түрімен бірдей) өсуін таныту қажет. Бұхармен бастап, Сүйімбаймен тынған оқу кітабында (қазақ халқының жүз жылдық әдебиет тірлігінде) қаншалық әдебиеттік, көркемдік жаңалық енгенін білу қиын. Ол бірбеткей, сыңаржақ түрде мазмұнды ғана жалпылаған сөзбен, өте сырттан тексергеннен туған олқылық, тегі, осы кемшілік біздің әдебиет жайындағы көп кітабымызда жүр. Сәбит Мұқанов жазған “XVIII, XIX ғасырдағы әдебиеттің очеркі” түгелімен солай. Кітаптағы тағы бір жарамсыздық тілінің шұбарлығында, керекті-керексіз жерде, түсінік те бермей, орысша сөздерді жауапсыз қолдана береді. “Сюжеттік роль, новелла, аудитория” деген сияқты қазақ тілінде төлеуі бар сөздердің бәрінен кітапты тазарту қажет. Енді, жеке-жеке нақтылы кемшіліктерге көшейік.

1. Кірісу сөзде Ақтабан шұбырынды алдындағы дәуірлерді айту керек емес. Алтын Орда хандығы ие болған, орыс халқынан Шыңғыс тұсында тартып алған Еділді (ежелгі орыс халқының жерін) қазақ жоқтады деп айту теріс, керек емес. Ол Алтын Орда ісіне қазақ тарихын жауапты ету теріс бағытқа соғады. Осы қатарда кіріспеде Иван Грозный жайындағы Астрахан хандығы жәйі, ондағы сөздің бәрі де орынсыз.

2. Фольклор туралы кіріспе ұзақ. 15-бетте коллективтік поэзия деп неден аталатынын дәл аша алмаған. Ғасырлар бойында әлденеше ата, бала, немере, нәсіл ақындар қатар, тең еңбек етіп фольклор шығармасын бізге жеткізіп келгенін ашу керек еді. Сол кіріспеде а/ б /г деген бөлімшенің бәрі қысқартылып, тұжырылып жазылу керек.

3. Еңбек-кәсіп жырындағы кіріспе де ұзақ және сол бөлімше кіретін түрдің бәрін осы кіріспеде алдын ала санап, атап бермеген, ол қажет.

4. Қостасу (қоштасу емес) 33, 34-бб. әр түріне бөлініп, жіктеліп берілу керек еді. Кемпірбай қостасуы сияқты үлгілер айрықша талқылану керек еді. Сол мүлдем ұмытылған.

5. Жоқтау қысқа тексерілген, түрлері түгел емес. Ленинді жоқтау неге кірмеген? Жастықты жоқтау, жиырма бесті

жоктау қайда? Үй іші зары, ел зары жоктаумен айтылатыны бар, ол талданбаған (36–37-бб.).

6. Естірту, көңіл айту деген өлең мүлде жок. Жалпы бұл түрдегі салт өлеңдерін үйлену үстіндегі сауық өлеңдерінен бөліп, “шер өлеңдері” деп бір топ қып тексеру қажет еді. Бәрі қосылып кеткен, қате.

7. Айтыс қысқа айтылған, тек жұмбақ айтысты жекелеп талдау жетпейді. Салт айтысы жар-жар, бәдіктер қайда? Бүгінгі айтыс қайда? Қазақ фольклорының дүниеге айтарлық қызық, жандылығы қайда? Ру айтысында белі жуанды әдейі әшкерелеп, шенеу әдісі барлығы аталмаған. Бұл бөлімде (35-б.) айтысты талдаймын деп шахмат ойынын мысал етеді: арзан – 38, 39, 40, 41-бб.

8. Ертегі кіріспесі ұзақ. Жіктеуді алдымен бермейді, ол кемшілік. Тілінде орысша сөз көп (44-б.). Ертекті романмен ұқсату дұрыс емес. Болғанда кейін шыққан ерекше, сирек бір, салт ертегісін ғана, үлкен сақтықпен, дәлдікпен айтса бір сәрі. Бірақ мектеп кітабына о да қажет емес сияқты. Ертеkte аса дұрыс емес нәрсе – адамдарын образға бөліп тексеруде (47, 48, 49-бб.). Ертегі адамдары батыр жырындағы сияқты жекеленген, үнемі бір кісіге бір іс, бір мінез, бір уақиғаға байланған адамдар емес. Көп ертеkte адам аты өзгеріп, сол іс, сол мінез, сол уақиға өзге адамда да болып отырады. Бұл дүниежүзінің ертегісінің бәріне ортақ. Ертегі адамы уақиғалық функцияны ғана атқарады. Ол жекеленген тип емес. Қорыта айтқан үлкен обобщение. Бұл ғылымдық зор, негізгі мәселе. Мектеп баласына мынадай талқылау үстірт, шалағай білім береді. Дұрыс емес.

9. “Аяз би” “Ер Төстіктен” немен айрылады? Жанр қайда?

10. “Құламерген” ертегі. Оны ертегі деп қана тексеру керек. Қиссаға түсіп кеткені теріс. Автор қисса деп те кетеді (57-б.). Қисса өзінше бөлек бір жанр, оны араластыру орынсыз, кітап методикадан айрылады, бала нақтылы білім дегенінен адасады.

11. Асанқайғы жерүйекті өз өмірінде тапты деген дұрыс емес. Ол бұл легенданың барлық қоғамдық, поэзиялық қасиетін түсіреді. Ленин айтқан көп ғасырлық “чаяния” осы Асан легендасында аса терең айтылған еді. Ол заманы-

на ырза болмай, алдағы күннен игілік күткен қалың елдің оптимистік арманын танытушы еді. Сол ашылмаған.

12. Қорқыт (64-б.). Медицина ғылымы тіпті орынсыз. Әшейін жайылма сөз, мектеп кітабына жанаспайтын құрғақ долбар.

13. 68-бетте “автордың көзқарасы” деп эпосты авторлы етеді. Жауапсыздық. Сонда кейде “оқушылар” деп те қояды, бұ да керек емес. Жалпы кіріспеде атсыз ақындардың коллективтік ақындық еңбектері жете айтылмаған. Едіге жайын алып тастау керек 69–80-бетке шейін.

14. Қобыландыны (80-б.) Иван Грозныймен байланыстырудың бәрі керек емес. 92-бетте композицияны тексеруі жеткіліксіз.

15. Алпамыс туралы композициясында (104) драмалық поэма деу дұрыс емес. Диалог бар эпосқа тән сипат.

16. 108-бетте кіріспеде қате бар. Орақ, Қарасай, Наурызбай, Бекет бірдей деген қате. Орақ, Қарасайларды эпосқа кіргізу керек.

Орақ, Мамай образдарын аса ұзақ жазған, қысқарту керек. Мамай “саясатшыл” дегенді эпосқа қонатын басқа тілмен атау керек.

17. 126-бетте “Қарасай-Қазиды” Мұрат шығарған деп кесіп айтады, қате. Мұрат көп айтушының бірі, таланттысы десе бір сәрі. Эпос халықтікі, арыдан келе жатқан деп тексерілу керек. Образдарын қысқарта талқылау керек.

18. (142-б.) “Қаншайым” деп поэмаға ат қою қате. “Наурызбай – Қаншайым” – шындығы, дәлі болатын.

19. (133-б.) Лиро-эпос кітапта тарихи жырдан бұрын келу керек, ол жырдың көбі өте ескі жырлар. Орақ, Қарасай эпосқа қосылғанда, әсіресе солай кезектеу қажет болады.

20. “Қозы Көрпеш” жалпы тексеруге махаббат жыры есебінде аз танытылған. “Қыз Жібек” туралы (152-б.) “Төлегеннің жар іздеуі жаналық, прогрестік іс” дейді, жеңіл, ұшқары айта салған сөз. 157-бетте “Сансызбайдың күйініш, сүйініштен басқа жағынан өсуі өте аз көрінеді” дейді – бекер. 149-бетте Ғабит Мүсірепов “Қыз Жібекті” халық жыры желісімен жазды деп жолай айта кетеді. Түгел желісімен жазған жоқ, жырдың екінші үлкен бөлімін әдейі алмаған. Тегінде, ол сияқты бүгінгі әдебиет фактісін атаудың қажеті жоқ.

21. “Айман-Шолпанда” “автордың көрсетейін дегені” деп, фольклор екенін ұмытып кетеді. Шығарма атсыз ақын атынан келеді, оған апарып жазба әдебиет ұғымындағы “автор” деген сөзді жамай салу орынсыз.

22. 175-бетте жыраулар бәрі лирик. Бұхар да сол дейді. Қате. Жыраулар сөзі мен лирика екі басқа жанр. 178-бетте Бұхар мен Лермонтовты ұқсастырады, қонбайды, орынсыз.

23. Махамбет туралы жалаң кіріспе 188–194-бетке шейін қысқартылып айталу керек, орасан ұзақ.

24. (267-б.) Біржанды Сарадан бөліп, “Біржан” деген бөлім етіп кітапқа кіргізу дұрыс емес, тарихи әділеттік емес. Сараның қатар кірмейтін жөні жоқ.

Олай болғанда, бұл бөлімнің орны кітапта осы тұрған жер емес, “Айтыс” бөлімінің ең көркем үлгісі боп талқылану қажет.

25. 276-бетте “Сүйімбай Жамбыл ауданында туған” деген сөйлем тіпті өрескел.

“Пушкин Ленинградта тұрған, Детское селода оқыған” десе, біздің автордың өзі де күлмес пе еді?

**Пьесапар,
сценарийпер**

М. Әуезов, Ғ. Мүсіреп

ҚЫНАПТАН ҚЫЛЫШ

6 суретті, 4 перделі пьеса.

Алматы, 1945

Қатынасушылар

- Әзімхан Шалқаров – батальон командирі.
Александр Белов – батальон политругі, шығыс әдебиетінің
маманы, жас оқымысты.
Рокотов – полковник, кейін генерал.
Зорин – дивизия комиссары.
Юровский – полк командирі, майор.
Сырым Бекетов – рота командирі.
Ерғара Тоғышаров – ода капитан.
Бойко, Шұбақ, Өтеген – жауынгерлер.
Өтешев – сержант.
Айдынғали Асқаров – кіші командир.
Әсия Асқарова – штаб қызметкері, Айдынғалидың
қарындасы.
Асубай – ақын.
Фон-Крюгер.
Берг.
Шультс.

Бірінші сурет

Ипподромда халық мейрамы, ұлт ойындары жүріп жатыр. Ұлт киіміндегі еркек-әйел топтары. Көпшілік ары қарап тұр. У-шу...
Көпшілік ішінде өз киімдерінде Ерғара (капитан), Айдынғали (қызметкер), Асубай (ақын), Сырым (қызметкер).

Д а у ы с т а р.
Ақбоз ат, ақбоз ат!
Ақ желек, ақ желек!
Ал қыз шықты сытылып!
Ақ қоян, ақ қоян!
Ақ марал, ақ марал!

Уай, жаббар құдай, жаббар құдай, ақ атты қызды! Анаң кара, алдырар емес! Па, орап кетті, орап кетті!

А с у б а й. Жоқ, жоқ! Мына біреу түйғындай түйіліп барады, қап.

А й д ы н ғ а л и. Біреу емес, екеуі шықты бұлқынып.

Е р ғ а р а. Ой, біреуі әлгі біздің командир ме? Ол болса не теңім, что, далиып далада қалады. Ана біреуі орыс, ол қыз қуа алмайды.

С ы р ы м. Орыс болғанда ол Саша. Қыз кумақ түгіл, қазақша құран оқи алатын қуың.

Д а у ы с т а р. Ойбай, анаң кара, қызы құрғыр ұзап алып... Кідіріс қып барады.

– Ағып бара жатқан ат үстінде қарлығаштай қанатын керіп шаншылып барады.

А с у б а й. А, жігіттерім де жарайды. Біреуі аттың екі бүйіріне онды-солды қарсы түсіп, қайта құйғытып, қарқынын жазбай-ақ барады емес пе?

Д а у ы с т а р. Е, мына жігітің оңай емес екен! Жатыр ғой жамбастап атының жаясында.

– Ойбай, жетті, жетті алдыңғы воянной жігіт!
– Жоқ-жок! Қыз орамалын тастап жібереді.
– Қап, қағып ала алса жарар еді!
– Алды, алды! Қырғидай қағып әкетті!
– Бірақ қыз да ұзап кетті-ау...
– Ойбой, бұл жолы да дарытпай кетті...
– Міне, міне! Таянып қалды, далаға шық!
– Ана кара, тұра келіп құйғытып келеді.
– Сашаны кара, аттын екі жағына кезек түседі.
– Екіншіні кара, аттың артына қарап мініп шауып келеді, тамаша!
– Тамаша!

(Жұрт алдынан, әріден ақбоз аттың үстінде екі қолын қанатындай керген, қынай буынған, тақия киген Әсия өтеді. Оның артынан жаңағы жұрт айтқан қалыптарында Әзімхан шаба өтеді. Аттың жалы, қыз-жігіттер кеудесі ғана көрінеді. Жұрт гүл атады.)

Е р ғ а р а. Ой, ақ атты қыз сенің қарындасың ба?

А й д ы н ғ а л и. Ой, сен оны күнде сұрайсың... білуші ең ғой.

Е р ғ а р а. Бүгін танымай қалдым.

Ж ұ р т. Ақ коян, ақ марал! Жеткіз, қайта орал!

А с у б а й. Ақ марал, шалдырма! Қос тұйғын алмай түспе! Жетіп өл, жетпесен жолында өл! Айында бір түлеген ақиықтарым, алып түс, алып түс!

Ж ұ р т. Ақ марал алдырмас! Қос тұйғын да кояр ма екен.

А с у б а й. О, анық өнер, әсем ырғасу күйі ғой! Түйіл, тұйғыным, түйіл! Ойдайт, түйіл!

А й д ы н ғ а л и. Уай, қай жері тұйғын болушы еді! Қазақтың ұя басатынын қосыпты әрі.

Е р ғ а р а. Ой, сен чудақ не сөйлеп тұрсың өзің? Сол ма екен қазақтың дүние ісі?

А й д ы н ғ а л и. Е, анау алдыңғы жігіт командир емес пе?

Е р ғ а р а. Командир! Сол ма екен командир? Мен оны күнде ойыма алмас ем! Біз ана жылы ағасымен алысқанда, қызы құмды қалай ескенді көрсен, бұл сөзді айтпас ең.

С ы р ы м. Токтаңыздар, тоқтаңыздар... Әне келеді, әне келеді. Бұл кім, кім еді?

Ерғара (*тізімін қарап*). Әртеске, әртеске! (*Жұрт алдынан жаңағыларды сықақтағанмен екі жігіт ақырын сырғып өтіп барады. Ән салып барады екі жігіт. Қанаты талғандықты, жете алмай далпылдағандықты көрсетеді*).

Ей, қалка, сен ақ қоян қырдан секеңдеген,

Артында екі ақ қоян жетем деген...

Жетпесе жығыларын білер бар ма,

Күлкі боп жұрт алдында секемдеген. (*Бұл топ та өтіп кетеді*.)

Ж ұ р т. Қайта оралды, қайта оралды! Алдырмай оралды! Апырау, алдырар емес!

А с у б а й. Түйіл, түйғындарым, түйіл! Төтелей соқ, төтелей! Жарқ еткіз! Уа, жарқ еткіз! Алып түс, жарып таста! Бүріп түс, бүкте! Жанбауыр шөгелдей, мұзбалақ шағырдай, Тінейдің сырасындай сорғала! Ал ақ маралды! “Алшағырдың ащы күйі”. Тәтіқара, Тәттімбет, Бұлаң жігіт, Бозұлаң, Ұлы жүзде Төле би, Орта жүзде Қазыбек, Шақшақұлы Жәнібек, Кіші жүзде Махамбет, Жеде, Жебе. Жер қылма жігіт жігерін! Қолда, қолда!

Ж ұ р т. Қу тілді қыз жеңеді! Сипатпады! Тосып алды, алды тұсап.

А с у б а й. Қап, құрыған дүние-ай!

С ы р ы м. Бәрін шақырғанда Әз Жәнібек пен Абылайды ұмытады. Қап, болмағанда қайтсін, жігіт егесінде арғы-бергі қазақтың аузына алатыны Абылай есімі еді, айып сенде қалды.

А с у б а й. Қап, қу бала, менің ісімді сен құрттың-ау!

Ж ұ р т. Ал алдын тұсап, ақ маралдың! Енді сипатпалық!

– Сипату түгіл, көздеріне көрсетпе.

– Кел, кел, асыл қыз Әсия! Кел.

(*Жұрт қақ жарыла береді. Ақбоз аттан Әсия қарғып түседі. Жұрт қолға алып, гүлге орап қызды бәрі әкетеді. Сәлім мен Әзімхан еріне ергенде, жастар олардың алдын бөген қалады*.)

Ж а с т а р. Сабыр! Сабыр! Аптықпа! Айрылғасын алқынба! (*Бүгіле береді*.)

Ә з і м х а н. Уай, тым болмаса бір көрсетіндерші өзін.

Ж а с т а р. Көрсін, ол бұйырса игі еді! Көргің келсе, өнерінді аямасаң едің!

С ы р ы м. Уай, бәйгесін беріндер, қыздар... енбеккүн деген қайда?

Қыз. Ендеше, бұйырдык, міне, енді қуатын біз. Қашатын сіздер боласыз, бәйге бар, бастарына кигізіндер. *(Әзімхан мен Сананың бастарына қыз бөркін кигізіп, шуласып жатады. Әсияны Асубайдың алдына әкеледі.)*

Сырым *(Асубайға)*. Ал, ақсақал, айт кесімді? Бүйрегін қайда бұрады, бұйрығың қалай тартады?

Асубай. Ұлымды ұлардай шулатсаң қайтейін, қызым қызығып шықса, маған ұл мен қыздың аласы мен торысы болатын ба еді. Сенікі бас бәйге, сенікі ақ марал! Атаң сенің тонын жапты. Мәз-мерекесін тапсын, ел-жұртыңның игілігіне жаса! *(Жастар Әзімхан мен Сәлімді де осы жерге алып келе жатады. Асубай Әсияға шапан жабады.)*

Әсия. Атақ балуандыкі, бәйгесі сіздікі болат та! *(Шананды Асубайға жабады.)*

Асубай. Уа, мен атаңмын, ақ бүркіттей Асубаймын. Ұлым озбай, қызым жеңді, жасырмаймын, өркеуде өрмін, тарт ақ маралды. Басымнан жат мерейін асырмаймын. Алдырма, армандай боп аға бар алдарыңда, жетсе алсын, жетпесе қалсын. Ер туса жетпей қалмасын, қанаты талмас ақ бүркіттей қызым, бұлдыраған сағымдай, бел астынан көрініс бер де, ұзай бер! Ақ атты қыз, арман болып алысқа тарт! Амин, алла акбар! *(Әсияны жұрт қоршап әкетеді. Әзімхан, Саша шығады.)*

Әзімхан. Ой, екеуіміз-ақ қалыппыз ғой? Сен кімсің осы?

Саша. Өзің қай бойжеткенсің?

Әзімхан *(басындағы бөрікті алып ұрып)*. Сенің қуғаның атты қыз еді. Сенің қуғаның мен екем ғой.

Саша. Ақ атты қыз арман да, сағым да, бірақ... *(Соңынан екеуі жалдың екі жағынан қарсы шығып, жотада түйіседі.)*

Саша. Сен көтермесен, халықтың салты көтереді. Бұл үзіп алып айтатын сөзің. Өзіңе өзің қалай бұйыртып тұрғаныңды ұқсамшы мен! Әлі екеуіміз талай белге барысатын болармыз...

Әзімхан. Мен болсам, осы қызды арбап қойдым. Сен қазақтың салтын қуғансың ғой, сірә! Екеуіміздің біріміз арам тер болып жүрмейік?

Саша. Қыз қызыққандікі емес, қылығы асқандыкі болатын. Ассаң аларсың, түскен жалғыз сен бе едің?

Әзімхан. Егізімнің сыңары, екі туып бір қалғаным екесің ғой!

С а ш а. Жарыссақ бірге жарысайық, қалсақ бірге қалайық, сен өзің ненді бұлдағалы тұрған жігітсің? Осыны қазақ қарағым сен де арманда, мен де арманда демейтін бе еді? Егізіннің сыңары болмай-ақ қойдым. Бірақ қос шерменде деп осыны айтады. *(Зорин, Сырым, Ерғара келе жатады.)*

Ә з і м х а н. Жок, бұл колхоздасуды мен көтермеймін.

С ы р ы м. Қолға түскен бәйгенің таласы ма деп ем. Түспей кеткенінің таласы екен ғой. Екеуің бөлісіп болғасын, маған да хабарларсындар. Оған дейін озған ала ма, бұйырған ала ма, біз де көре тұрайық.

Ә з і м х а н. Ой, мынау не айтып кетті?

С а ш а. Бәсе, өзің не айтты деп қалдың?

С ы р ы м. Болмас, ара ағайыннан біреу басалқы айтсын да.

С а ш а. Жок, бұндай таластарға кесім айтқан ешбір данышпан болған емес. Махмуд Ғазнауидың заманында жұмбақты қызға данышпан уәзір Ғаяз айтқан мақшар таразысы құрылған жоқ. Сен арызыңды айтар уақыт жеткен жоқ деген, оны екеуің де жақсы білесіндер.

Ә з і м х а н. Ендеше, сол данышпан Ғаяз осындай арманның кімге бұйыратынын айта ма екен?

С а ш а. Оған жауапты Ғаяз айтқан жоқ, қазақ айтқан. Күн астында Күнікей сұлуды алып қашқан алып қарақұсты қазақтың бір батыры атып түсіргенде, бір батыры жерге түсірмей қағып алған еді ғой. Сол қызды атаң қазақ екі батырдың біреуіне бұйырғандарын естігендерің бар ма, сірә? Жок! Сол алып қарақұстан Күнікей сұлуды бірге айырып алған екі батырдың арманы да осы күнге дейін аяқталмай, әлі күнге шешусіз қатар жарысып келе жатқан жоқ па?

Ә з і м х а н. Алып қарақұсты атып түсіруге жараған батыр қызды қағып алуға неге жарамады? *(Гүлге ораған Әсияны жастар тобы әкетіп бара жатады.)*

С ы р ы м. Мынауыңыз ұзақтау екен. Әзірше бұйырғаны біз бола тұрайық. *(Әсияны іліп әкете береді.)*

С а ш а. Ендеше, әнім сол алып қарақұс, әкетті сол Күнікейді! *(Әсия енді өз киімінде, интеллигентка.)*

Ә з і м х а н. Қап, мына қорлықты-ай!

Ә с и я *(тоқтап)*. Жұртты орынсыз күйдірмейік.

С ы р ы м. Аға, орала кетейік. *(Әзімхан мен Сашаға келеді.)*

Әзімхан. Жеңіс жеңіске ұлассын!

Саша. Жеңілгендер көбейсін!

Әсия. Мен жеңіс бірге болсын деймін. Мен өз өнеріммен ғана озғаным жоқ. Мені оздырған сіздердің өзара бәс-бәс келеріңіз деп білем. Бәйгені де бөлісейік. *(Екеуіне екі топ гүл береді.)*

Саша. Рақмет, қарындас.

Әзімхан. Бір сені екеулеп жеңгенді мақтан да, жұбаныш та көрмес ем. Әділі осы болады.

Саша. Екеулеп жеңген намыс болса, екеулеп жеңілгеніңе қалай шыдап тұрмыз?

Әсия. Ендеше, өріс ұзақ, жеңіс кезек болсын.

Әзімхан. Құп! Әзімхан Шалқаров тосты сол кезекті.

Саша. Құп болса құп! Александр Белов та түсті. *(Екеуі қол алысады.)*

Әсия. Біз – Әсия Шалқарова білдік, оған куә болдық! *(Қолын екеуінің қолының үстіне салады.)*

Ш ы м ы л д ы қ

ЕКІНШІ ПЕРДЕ

Түн... Айнала қар басқан қалың орман, алып ағаштар. Блиндаж қабырғасы көрініп тұр. Іште Әсия телефон жастығын жастанып, қуыршақтай боп бұйығып жатыр. Саша келеді. Әсия тұруға ыңғайланады.

Саша. Жата бер, Әсия. Шүйкедей оралған ақ иықтай боп, әдемі бұйығып жатыр екен, жата бер.

Әсия. Ендеше, өзіңіз де бері отырыңыз.

Саша. Мұнды көңілім сырласар, сұрқыл тартқан бейуақта дейтін бе еді Абай? Халің дәл соған ұқсайды екен.

Әсия. Осы күні ұзақ бір жабырқау кештерге қалдық кой. Сағыныш дейтін мұңым да жоқ емес. Дәл таптыңыз.

Саша. Ие, кештер ұзақ та, жабырқау да... Осы орнымыз ойсырап, құлазыған бір құдықтай болып барады. Әзімханды мен де қатты сағынам..

Әсия *(күліп)*. Сіз сағыныш бетін бұрынқырап барасыз ба, қалай... мен бәрімізге ортақ бір шақты, сонау көл басын сағынып ем. Барымен жайнаған біздің есіл Алматы қандай еді? Әнің де, сәнің де сонда... жалын атқан жастар ше?

С а ш а. Ұлына қызы сай де.

Ә с и я. Ел мерейі шалқып тасығандай ерекше бір күн еді-ау сол... тап біздің “тоқымқағарымызға” арналған тойдай, мен қолым босап кетсе-ақ сол күнді сағынам. “Отан” деген сөз айтылғанда, мен ылғи сол күнді есіме алам дейтін өздеріңізді тап сол күнгі қалыптарыңызды көрем. Әндей сағынышты, әсем бір шақ екен-ау, Саша.

С а ш а. Сол күні өзің қандай ұмытпастай едің! Осы күнгі қалпына біздің кезде үйрене қойдық па екен! Сол бір күнмен, сол күнгі Әсия Әзімхан екеуіміздің таусылмайтын жырымыз болған еді ғой...

Ә с и я. Саша-ау, ондай ғаламат сіздерде де болушы ма еді, рас па? Сұрама, қиял деген біздің маңдайымызға жазылған қарыз емес еді?

С а ш а. Жоқ, Әсия... Үшбу қиял келсе, басқарыс сөз емес – сөз үшін демеп пе еді. Татьяна Әзімхан қиялдаса, тіпті тамаша шарықтап кетеді. Мен танысам, ол ондағыдан ары түсіп жататын, терең сыр, тұнық сезімнің адамы. Сүйсінсе, сүйсіндіре біледі, күйінсе, жиренте біледі. Жағаласса, жалындай біледі. Әр қасиеті шашыранды емес, жиын, ерге ғана бітер кесек түр емес пе? Сол сымбат, сол сыр сыртына бір шыға ма екен, сірә! Таныған ғана көрмес, басқа көп байқай да алмайды. Ол күнде жаңарып, тереңдеп бойлатпай, күн санап бір бел асып жатады ғой!

Ә с и я. “Өзі жоқтың сөзін сөйле” деген. Бірақ жақсы мақам, Саша аға. Ер сыры сіз айтқандай болғанда еріксіз қызықтырады ғой. Бірақ соны өздері сезбей жүре береді, сезбейді. Рас екен-ау! Бұлт ар жағында бірталай көңіл түйіні болады ғой. Мен соны аңғармаппын-ау. *(Сырым келеді.)*

С ы р ы м. Жолдас политрук, сіз бармаңыз, жаңа комбат ана жақта басты жарып, көзді шығарып жатыр.

С а ш а. Осында келмек еді ғой?

С ы р ы м. Жоқ, ренжіп, екеуі қосылып алып қолма-қол бүлдіріп жатыр.

С а ш а. Әрбір жаңа қожаның қожаннан бастайтын әдеті ғой... Қайырлы кеш, Әсия... *(Кетіп қалады.)*

С ы р ы м. Әсиятай, жатуың қалай жақсы еді... бара-бара өзім қызығып кетіп жүрмейін осы... Жаным күйініп келді, шіркін. Мынау қоңыр кеште шалбар киген қыздың қиялы қайда шарықтап жүр екен десеңші...

Ә с и я. Орынға ортақ еткенге қиялыма ортақ етеді деп пе ең?

С ы р ы м. Ортақ етпей-ақ кой, өзім де білем, ойың батпай, аузың бармай жүргенді мен айтып берсем, қайтер ең?

Ә с и я. Төбесі көрінгенмен тау жеткізбейді, түбі көрінгенмен су өткізбей жүрмесін.

С ы р ы м. А, төбесі биік тау десеңші. Ол жотан, өзім жетпесем, одан да жоғарыға екі ақиығымды ұшырам. Ал, сен де жоғары қара... Әне, екі мұзбалақ қанатпен қаққансып, шапшып шарпысып, қара бұлтты қақ тіліп аспан бетінде сайыс салып жүр. Өзіннің айтқан биігіннің бір қиясында аласұрып ақ марал тұр. Бір сезімнің бір құйыны алдаған екі ақиық ақ маралдың үстінде қайырғандай жаркылдасады: ақ марал алдында балуанға түскен биікте сынасады. Бірақ жас марал бұл сайыстың кім үшін екенін аңдамайды да... Қызығына құр танданып, құр аңырып тұр. Үстіне бірі дәл түйілсе, қанат-құйрық суылдап түсуге қалса, ақ марал жөнеледі. Арбасып көрер ме... әзір ол жоқ... Екі қыран сайыс сап қызық көрсетіп жүр, жас маралым. Сен қарай бер бойың талса. Бүк түсіп, бұйығып жатып қана қара...

Ә с и я. Ой, кетші өзін... *(Сырымды құлатып жібереді.)*

С ы р ы м *(күліп)*. Түү! Қалбырап кетіп ем, сергіп қалдым ғой... *(Ерғара, Саша келеді.)*

Е р ғ а р а *(Әсияға)*. Қарағым, сен әлгі шалыңның қасына бара тұршы. Қайдағы жоқты сұрап, жүде, басымды қатырды. *(Әсия кетеді.)*

С а ш а. Ал батальонымыз не жайда осы, жолдас комбат?

Е р ғ а р а. Не жайды сұрайсың? Сенің тынышың неден кетіп жүр осы?

С а ш а. Батальонның осы тұрысы қауіпсіз ба өзі? Шолғыншылар ылғи ғана күдік әкеліп тұрған жоқ па?

Е р ғ а р а. Қаша жөнелейін деп тұрған қоянға “қық” десе де құбыжық. Болмаса батальонды алайын деп тұрған әзірейіл жоқ.

С ы р ы м. Әзірейіл келе қоймас, бірақ батальон тынысы тарылып барады.

Е р ғ а р а. Разведка менің қолымда, бәрі алақанымда отыр. *(Өтешев келеді.)*

С а ш а. Қоршауда қалудан аманбыз ба осы?

Ө т е ш е в. Лұқсат етіңіз, жолдас комбат.

Е р ғ а р а. Шыдай тұр! *(Сашаға.)* Қоршатпаймын. Оған мен жауаптымын! Полк командирі осы араны берме деп айтқан екен. Мен бермеймін!

С а ш а. Бермейім деген жақсы-ақ, тек шын бермеуге жарасан.

Ө т е ш е в. Жолдас комбат, мен ақырын қарап келіп тұрмын.

Е р ғ а р а. Мен шыдай тұр дедім ғой саған! *(Сашаға.)* Бермейім дедім, бермейім, қоршатпайым дедім, қоршатпаймын. Мен соқыр емеспін, көріп отырмын жауды.

Ө т е ш е в. Ойбай, енді шыдар жайым жоқ. Батальон қоршауда қалып барады... Жау екі бүйірден орап кеткелі келеді.

Е р ғ а р а. Е, қалай қоршап кетеді? Бұл араны бос жатқан жер деп жүр ме?

Ө т е ш е в. Қауіп жақын деп ойлаймын.

Е р ғ а р а. Кет, қорқақ! *(Өтешев кетеді.)* Ойлаймын! Комбат ойлан, политрук ойлан, солдат ойлан, соғысатын кім сонда? *(Саша атып тұрады.)*

С а ш а. Жолдас комбат, тап комбат ойланбай тұр кезекті жерде. Енді міне, қоршауға түсірдің батальонды. Не істемексің, байлауынды айт!

Е р ғ а р а. Байлауым – қоршауда қалғанда тапжылмаймын.

С а ш а. Жаңа ғана қоршауда қалмаймын деп ең, енді оған мойындап та қойдыңыз ба?

Е р ғ а р а. Сен енді өзін, мені үйітіп жегің келе ме? Кел ойласайық... *(Асубай мен Әсия келеді.)* Тап... мына кісі.

С а ш а. Келсін... тек халді сезбесің... қамалға бірге шапқандаймын, төбеден бірге түскендеймін?

Е р қ а р а. Сол айтқаның да біз, Әсеке...

Ә с и я. Отырыңыз... отырыңыз, аға...

А с у б а й *(отырып)*. Әлгі Әзімхан шырағым қайда жүр осы? Сендер соның қолы емес пе едіңдер? Өзің бір төбе де, ол бір төбе деген, даңқы деген бір сұмдық сынайдың ызғары болушы еді ғой. Осымен мүлт кетіп отырсың ба, сірә!

Ә с и я. Жоқ, ана өзгелер болмаса, сіз мүлт кеткен жоқсыз.

Е р ғ а р а. Жә, қоясың, біреу бас десе, біреу сақал дейді.

А с у б а й. Ой, адастырып кеттіңдер ме? Қалай өзі, таба алар емеспін ғой... Тек мен-ақ адасайын... Шырағым, пендені әлгі қуысыма апарып салшы. *(Әсия мен Сырым алып кетеді.)*

Е р қ а р а. О, келіңіз, келіңіз, Асеке!

А с у б а й. Уай, тұмағайын Алатаудың басынан тартып

ұшырған ақиығым, кең канат түлектерім... Алтайда тұрып Бегіреудің қарағанына бұққан қабанына сілтегемін сені! Алмалы бақ саясынан ақбұлақ дүлейге, ақтүтек аязға Ресей жұрты шіркін шыдаған.

С а ш а. Пәлі, пәлі.

А с у б а й. Үскірген аяз – үстінде, қарыс азу қабан қак қысың – қарсы алдында жатыр. Қылт еткенін бағып, қия қылышын сілтегелі қияндасып тұрсың. Ерім, ұлым, сен іздеп келген елің – ағаңмен қаржасып жатқан қарсы алаң үстіне кеп тұрмын. Арғы атаң Қобыланды, Қаракерей Қабанбай, Қанжығалы Бөгенбай, Көкжал Барак, Абылай, кешегі атаң Амангелді жебейді де сынайды сені, түгелмісін. Бірмісін, бір ұядан ұшқандаймысың. Осынау алыстан сонау елге жетіп жатыр еді ғой.

Е р ғ а р а (*Сырымға*). Сен бара берші. (*Сырым тұра береді.*) Жоқ, тоқта.

А с у б а й. Жанарал Рокотов оттың аузына жақындама, өзім алдырып сәлем бергізем деп еді, дәтім шыдамады. “Уай, сен жанарал, сөз тыңда, мен алыстан айналып, жақыннан толғанып, кәрі сүйегін неге сүйреп келеді деп отырсың. Не Асубайдың ажалы өзінен қалмай осында келсе, жаназамды кім шығарады?” дедім. Айналып кетейін, өзі бір жақсы жігіт екен, Бүркітов деген аты да, өзі де қазағымның баласы ғой өзі. Қасыма адъютант беріп, мәшинесімен жеткізіп салды. Сол Әзімханым қайда жүр? Шырағым, сен соны бір көрсетудің жайын тапшы.

Е р ғ а р а. Ақсақал, бұл жер елдегідей кең жайылым емес, қылыш үсті, соғыс... мұнда кейбір жоқтың жоғын сұрай беруге де болмайды.

А с у б а й (*Әсіяға*). Шырағым-ау, жөнін сұрауға болмайды ма?

Е р ғ а р а (*Сашаға*). Сенің қоршаудан қорқа бастаған түрің бар ғой?

С а ш а. Е, сен қоршауға қуанбақпысың?

Е р ғ а р а. Мен қуанбасам да торықпаймын. Генерал не айтып еді? Қоршауда қалып ұрысу соғыстың жаңа түрі деген, саламын айналсоқ ұрысты, берейін орнымды!

С а ш а. Ол қолынан келетін кісі бар, келмейтіні де кісі бар. Орыстың мақамы “Сыпырып түсер тұйғын бар, түскеніне түсер құзғын бар” дейді.

Е р ғ а р а. А... білдім, тұйғының Шалқаров кой.

С а ш а. Не десең де, сен емес екенін сезерсің.

Е р ғ а р а. Ішін, міне, ашылды. Сен ылғи менімен жағаласып келесің. Енді мен сені полк командирінің алдына салам. (*Юровский, Зорин келеді. Үйдегілер қарсы алады.*)

З о р и н. Жә, батальон неліктен қоршауда қалғалы тұр?

Ю р о в с к и й. Ескі бағынан арыла алмағандықтан қалат та.

Е р ғ а р а. Шалқаровтың ботқасын пышақтаудан қол босамай жатыр.

З о р и н. Күні кеше найзаның болат жебесіндей қадалатын батальон бүгін не деп майрылып қалады?

Е р ғ а р а. Абыройдан айырған да, болат жебені майырған да Шалқаров.

С а ш а. Сандырақ! Сен Шалқаровтың батальонға бітірген абыройын, жеңісін бойға сіңіре алмай, былығып, бытығып, езіп отырсың! Сол абыройдың үстінде күнге түскен қара бура боп көлденең түсіп жатқан жоқпысың? Соны жамандап, күндіз-түні күйіс қайырғаннан басқа не қостың?

З о р и н. Сен немене, Марстан түсіппең? Не бар, не жоққа жауапты емеспісің.

С а ш а. Жауапты кезеңде батальонды өзім басқарам деп, бар тізгінді қолға алған тап сіз жауапты. Ырық бердініз бе, маңайлаттыңыз ба? Енді мынау батальонды әкеп қамаған нағыз тығырық. Және қайда апарасындар, қайда бұрасындар? Ал осы саған екінің бірі-ақ деп тұр!

З о р и н. Жауапты кезеңде алда тұрған батальонды өз қолыма алсам, сендер деп қалған былығынан аршуға алдым, қырағы политрук жолдас, сенің тап өз иегіңнің астынан талай қатпар табылып жатыр.

С а ш а. Е, не таптың, айт ашып, Юровский!

Ю р о в с к и й. Ондайымызды елемей өт, шұқыма дейтін шығарсың? (*Столды ұрып қалып.*) Жоқ! Сен аузыңа ие бол! Ұмытшақ болма! Шынына келгенде Шалқаровтың бар ісіне сен де ортақсың.

С а ш а. Ортақсың? Ерғара екеуіңнің ездiгiне ортақ болғанша, Шалқаровтың отына-ақ күйейiн... Бар абырой сонымен едi, бар абыройымыз нақ сендермен кетiп отыр.

Е р ғ а р а. Е, бар абырой Шалқаровтыкі екен ғой! Орны толмайтын адам жоқ деп жүрсiң, тапқан екенсiң ғой сен!

С а ш а. Шалқаровтың жөнiн толтырғаным сенбiсiң.

Ю р о в с к и й. А, ондай өжет болсаң, бүгiн саған он екiде трибуналға барып, Шалқаровпен қатар тұрып жауап бер! Бар да, үлесiңдi ал!

З о р и н. Жә, жетер енді! Мына қысылшанның камын айтады десе, ішек-қарның ақтарылып, неменені құттықтап барасындар? Жолдас майор, сіз осы батальон шабуыл найзасының өткір ұшы – болат жебесі болғасын келгенсіз. Сол батальон қысылған үстінен шығып отырмыз. Қане, байлауың не? Бұрын шығу ма?

Ю р о в с к и й. Болмас.

З о р и н (*Тоғышаровқа*). Сен ше, қалай?

Е р ғ а р а. Болмас. Батальонның ішкі аударыспағы біткен жоқ әлі... Маған бір жиырма төрт сағат уақыт керек.

З о р и н. Оны кім бергелі тұр? Немістен сұраймыз ба әлде?..

Е р ғ а р а. Әшейін сырағысын айтқаным ғой...

З о р и н. Ендеше, шегіну ме?

Е р ғ а р а. Шегіну? Жоқ, ол тіпті болмайды. Онда сіленді генерал қатырады.

З о р и н. Енді сонда?

Е р ғ а р а. Шабуыл да емес, шегіну де емес. Батальон табан аудармай жұлқынып өледі.

З о р и н. Өледі? Ол немене, ерлік болмақ па? Қырылу ерлік пе? Жоқ, бұның аты батальонды босқа арандату болады. Басқа айтарларың бар ма, жоқ па өзі?

Р о к о т о в. Жөн таба алмай, не байлау жасай алмай отырған команданың аты не? Туар ой, тұл ой бар. Мұның аты – мешеулік. Қорқудан туған азғындықтан кейін екен? Әшейінде қоразданып қысылсаң да, ой таппастық әкеліп жығар жері осы болмағанда не болмақ еді. (*Әзімхан мен Рокотов келе жатыр.*)

Ә з і м х а н. Устав (*бәрі атып тұрады*), генерал... (*Юровскийге бұрылып.*) Жолдас полк командирі, генералдың әмірі бойынша батальонды қолыма алуға сіздің қарамағыңызға келдім.

Ю р о в с к и й (*сасқалақтан*). Алыңыз, кірісіңіз...

Р о к о т о в. Майор Юровский, сіз мұнда полкіңіздің ең берік жері деп келіп отырсыз ба?

Ю р о в с к и й. Ғафу етіңіз, генерал-майор, күдікті жер деп келіп едім. Біздің полкке кім кіргізді, білмеп ем.

Р о к о т о в (*Зоринге*). Жайларың мәлім. Байлау не болды? (*Юровский мен Ерғара абыржиды.*)

З о р и н. Байлау жоқ әлі. Қоршауда батальон, камалуда команда отыр.

Р о к о т о в. Құйрықты мұзға қатырып алып отырмыз

де шоңайып! Танертең суға келген қатындар шелекпен-ақ ұрып ала береді ғой онда? Болмаса бұ кемдікті болдырған құтылатын болмасын. Жақсы екен! Оның атын өле көреміз, ерлікпен өлеміз деп те отырған шығарсындар! Қапсыра қысқаны ғой Крюгердің қышқашы.

С а ш а. Бұл бізге шын жаңа ой екен, жолдас генерал-майор.

Ә з і м х а н. Ие, тапқырлық пен батылдықты керек ететін ой.

Р о к о т о в. Ойсыз офицер менің офицерім емес деп жолдас болған сағаттан бастап айтқанмын. Осындай сынды кезен, қиын сәтте туар ой жоқ. Бұл ойға қалсақ, оның аты — мешеулік, міне, алдың жаюлы жатқан қанды қақпан, фон-Крюгер айлар бойы алысып, алдырмай келеді. Ол құдай да, қарақшы да емес. Сен түгіл, дивизияның өзін де таңнан талай тартып қан-жоса қылған, сенің үлесіне тиген неміс фашизмі деген сол. Бүгін ол аузын басып, дәл қасыңа келіп шапқалы шөге түсіп жатыр. Қимылды тағы да ол бастамақ, комбат, Крюгерге берер жаңа жауабың бар ма сенің!

Ә з і м х а н. Мен бұл шапқалы жатқан Крюгерді артына келеді, ілгері аттауға мойнымды бұрғызам деп қорқасың. Шегінейін десең, артында мен тұрмын. Осы ғой байларың?

З о р и н. Жасыратыны да, жалтаратыны да жоқ, дәл таптыңыз.

Р о к о т о в. Сендерді осы қинап отыр ма, мен одан да қиынын әкеп отырмын. Табыс дейміз, жеңіс дейміз, бұл күнге дейін біз бұны немен өлшеп келдік.

Ю р о в с к и й. Тойтарылған шабуыл, жойылған техника — қырылған жау әскерінің саны деп келдік.

Р о к о т о в. Рас, сүйтіп келдік, бірақ қимыл тізгіні кімнің қолында болды? Сендер бұл күнге дейін фон-Крюгер қашан тиер екен, қалай тиер екенге жауап іздеумен болдындар. Сен қашан тиер екен, сен қалай тиер екен дегенді оған бір ойлаттың ба? Жоқ. Жеңісіннің басы — Крюгермен арадағы қимыл тізгінін сенің қолыңа алу. Менің әкелгенім осы. Не айтасындар осыған?

Ә з і м х а н. Мен сол алдына қарай шапқалы жатқан фон-Крюгерді есебін тауып, еріксіз артына алақтатуды ойлап отырмын.

Р о к о т о в. А, міне, бұл ой. Жалғыз кеңесім — жыланды өлтіру үшін ұзын денесін баспайды, басын жанышады, осыны ұмытпа! Ойында, ісінде бір-ақ түйін бар. Дивизияның не

істейтінін мен саған айттым. Жә, байлауыңа қанша уақыт керек?

Ә з і м х а н. Бес минут берсеңіз, үлкен кеңшілік болар еді, жолдас генерал-майор.

Р о к о т о в. Бердім. Ойлансын қолбасы. *(Басқаларға.)* Жүріндер, батальонды шолып қайтайық. *(Әзімхан мен Әсиядан басқасы кетеді.)*

Ә з і м х а н *(Әсияға)*. Жә, екеуіміз ғана қалыппыз ғой, Әсия. Жайың қандай, айта отыр.

Ә с и я. Бізге ойлану керек емес пе...

Ә з і м х а н. Әсия, жүректі сынға салып, шынын ашар қан майдан деуші ме еді осы? Сол дұрыс қағида ма екен?

Ә с и я. Әзімхан аға, оның жанын мен қанша білуші ем, Сашаны шақырып келсем қайтер? Сізге ойласатын кісі керек қой...

Ә з і м х а н. А, Сашаны айтамысың, жүрегі бар кісіні таниды екесің. Ие, ол орнықты жүрек. Азбайтын, орнынан табылатын болар, солай емес пе?

Ә с и я *(қысылып)*. Солай дейін десем, сізді өзім ұға алмай тұрмын ба, қалай...

Ә з і м х а н. Жоқ, солай. Қатер-қастық сыртыңнан түйілсе, дағдарытпас қалқаныңдай, алдына ұстасаң найзаңдай, қатарыңда қанжарыңдай бір жүрек бар. Сол жүрек кімде бар, Әсия?

Ә с и я. Ағау, сізге ойлану керек еді ғой...

Ә з і м х а н. Сол жүрек қасында болса, тәуекел түнінде арман бар ма? Мегзескен жерден дәл табылады! Қара тонды сара тілер жарқылдай. Сол түннің алай-түлей бораны болса — оранып өтеді... Күн.

А с у б а й. Алыстан аңсап Асубай келгенде, уа, сен қайда жүрсің? Осы бой тасалау...

Ә з і м х а н. Ассалаумағалейкум, Асеке!

А с у б а й. Көтер қолыңды, тіз алдыма сарбазыңды...

Ә з і м х а н. Көтердім қолымды, тағзым еттім, тізем сарбазымды.

А с у б а й. Уай, айналайын шалқарым. *(Сүйеді.)* Қынапта жатқан қылышым кекті қолмен сүйреп шығып қия сілтегем. Қинай түсші өзін. Бар ашуың бойында, қанқұмар жауың жолыңда, тұнық күшті сырттаным, таңдамай қапшы, көрейін. Қай майданда болса да жеңбей тынбас майталман. Қай қамалды болса да бұзбай тынбас сайыпқыран, даналардың данасы Сталиннің қолысын, сарбазысын

самсаған, сол нұсқаған асқарды алмай қойшы, көрейін. Кәні, маған рапортыңды бер.

Ә з і м х а н. Осы айтқаның ішінде орындамасым жоқ, бас үстіне. *(Генерал, басқалар кіреді.)* Қалай өзі, желдете бастаған ба? Ағаш басының да қыбыры бар, боран келеді екен... Және бүгін ғой Жаңа жыл?

Ә с и я. Ие, боран болғалы тұр, бәсе!..

Ә з і м х а н. Ие, түн қараңғы, күн бұлт... Жүрек пен жүрек танысар, қасиетпен табысар.

Ә с и я. Апырау, сізге ойлау керек емес пе еді?

Ә з і м х а н. Ал сол жүрек кімде бар деңі! Ол Сырымнан да табылады.

Ә с и я. Уығы...

Ә з і м х а н *(жымып)*. Шын сенімді жүрек Сашадан табылады. Сен жаңа Сашаны дұрыс атадың. Мен болсам соған тоқтаған болармын... *(Саша келеді.)*

С а ш а. Ие, қолбасы, толғанып болдыңыз ба, байлауың бекіді ме?

Ә з і м х а н. Байлау әзір не екенін сен аташы.

С а ш а. Шабуыл!

Ә з і м х а н. Ендеше, бекіді!

Р о к о т о в. Ал таңдаймыз ба? Байлауың?

Ә з і м х а н. Жолдас генерал-майор, байлау болды: шегіну де емес, бұл жерде жатып өле кету де емес... Жаюлы жатқан қанды қақпанға тура шабу да емес, борандай борап, қақпанды айналып барып, өзіңіз айтқан көкжал Крюгерді желкесінен басуға байладық. Батальонды қақ бөліп алып, лейтенант Белов екеуміз қос бүйірінен бір сәтте қатар қадаламыз...

З о р и н. Бәсе, шын Шалқаров осылай еді ғой. *(Қолын қысады.)*

Р о к о т о в. Өте дұрыс, ой дұрыс... Желкеден ұрып, артынан қадаласың... бір... қоршаудан шығып, құрсау саласың. Екі... ар жағын мен ойлауым керек болды! *(Әзімханның қолын қысады.)* Батальон өлімге жұмсағандай қатерге кетіп барады. Майрылған болат жебем ең. Қайта ұштап, қайта шаншылдырғалы тұрсың! Сау қал, тірі бол! Уәде ғой?

Ә з і м х а н. Лұқсат етсеңіз, мен уәдемді айтар ем.

Р о к о т о в. Айт.

Ә з і м х а н. Менің есіме шығыстың бір нақыл аңызы келіп тұр, жолдас генерал-майор... Ұя басар ақиық балапанын ұшырарда ең биік құздың басынан құлата ұшырып

жіберіп, өзі іле артынан ұшады дейді. Балапан алдында жар-тас тұрса, ақиық өзі алдына түседі екен. Балапан туған құзар қалыңға ұрар болса — қыран ата өзі балапанның астын ала ұшады екен. Ал балапан қарлы, боранды бұлтқа ұрынса, ақиық қанатын жайып, қалқалап балапанның үстінде ұшады екен. Бізді сіз осылай ұшырып келесіз. Менің уәдем соны ақтау болсын.

Р о к о т о в. Аңыздың жақсы-ақ екен, комбатым. Бірақ бұл бәрімізді баулып ұшырған ақиықтардың ақиығы, бас қолбасшымызға ғана лайық аңыз. Мен осы уәдеңді жадымда тұттым, ал әзірлен, біз кеттік. *(Бәрін алып кетеді.)*

Ә з і м х а н *(сыртқа шығып).* Боран! Құтыра соқ, ақ боран! Командирлер, бері келіндер! Орнынды суытпай өз ротана бар, менімен боласың, Сырым, ротанды әзірле! Әсия, сен штабпен шегініп кейін қайтасын... *(Бәрі кетеді. Жел ызғырып, боран үдей бастайды. Ақ түтек боран, биіктен ойға қарай шаңғымен сырғып ағып бара жатқан ақ киінген қызыл әскерлер, арқаннан ұстасып, бір ізбен сырғып барады. Сол алай-түлейде аласұрып жүрген Әсия...)*

Ә с и я. Орындамаймын бұл бұйрықты, қалмаймын, бірге көрем. Жалғыз мен шегінемін? Мен комбаттың қасында болуға міндеттімін... қалмаймын... *(Мылтығын иығына салып, сырғып бара жатқан бір тізбек қызыл әскердің арқанынан ұстап алып, бұ да сырғып келеді.)* Серт, сертім — серт!

Ш ы м ы л д ы қ

.....
Ю р о в с к и й. Мен несіне барам әлі, бұл қуанышқа мен ортақ емес сияқтымын ғой. Бәрін былғап кеткен құрғыр, осы өткен күн ғой, болмаса дивизия абыройының қақ жарымы менікі болатын емес пе еді! Абырой мен ары ашылудың арасы бір-ақ адым екен ғой, шіркін... Тапалдығын да осындайды айтқан ғой. *(Ерғара келеді.)*

Е р ғ а р а. Ойбай, Марк Михайлович!.. Михаил Маркович, Шалқаров мені құртыпты біржола

Ю р о в с к и й. Е, неғыпты?

Е р ғ а р а. Ротамды сыпырып алды. Әлгі Бойко дегенге беріпті. Сіз білмеуші ме едіңіз мұны?

Ю р о в с к и й. Жок, білгем жок.

Е р ғ а р а. Бәсе, өзінің зорлығы екенін біліп келіп ем. Ал енді сіз бұзасыз ғой оның бұйрығын.

Ю р о в с к и й. Жок, бұза алмаймын.

Е р ғ а р а. Қалай? Осылай түсіп қала берем бе?

Ю р о в с к и й. Е, түсіп қала бересің де. Менің жайым сол.

Е р ғ а р а. Сіз де түсіп қалыпсыз ба? Онда Алексей Сергеевичке, а, Сергей Алексеевичке бірге жолығайық та.

Ю р о в с к и й. А, қойшы Сергей Сергеич...

Е р ғ а р а. Жок, жолығу керек. Мен басқа да көп нәрсе айтам. Мені как офицер қорлағанын да айтам. Как офицер не за что таяк жегенімді де айтам, сіз де айтуыңыз керек.

Ю р о в с к и й. Менің де айтарым көп. Генералға мен де сөйлесем.

Е р ғ а р а. Ендеше, бірге де айтамыз (*Рокотов, Асубай, Бойко, Әсия, Өтеген, Шұбақ, Өтешев келе жатыр.*)

Р о к о т о в (*тоқтан*). Командирдің деген жерінен шыққан солдатты жақсы дейміз. Ал командирдің ойынан асып түскен солдатты кім дейміз? Мысалы, күнде кездесетін, кездескен сайын шошына келетін мынадай жағдай бар: ойда жоқта тобыңмен оқ астында қалдың. Балта көтергенше дөңбек жал табу керек. Тегіс жата қалдық. Бұл арада селтиіп тұрып қалған солдат — есуас! Оқ түтеп, ажал бұқтырып тұр... Енді жалтарған бас қорғау емес, жағаласқан бас қорғау... Командир ұмтыл деді, ешкім тұра алмай жатыр. Оқ үстінде арадай тулап, бас көтерсең-ақ жұлып кеткелі тұр. Сонда біреу, бір ғана солдат тәуекел деп тап берді. Оның артынан бесеу тұрды, он тұрды, жүз кетті. Ажал енді жаудың өзіне ауды... Әне, сол бірінші солдаттың аты ер!

А с у б а й. Әне, әне... Жүзден — жүйрік, мыңнан — тұлпар!

Р о к о т о в. Ерлік бірден бітеді, мыңнан туады. Біз бұл соғыстың алғашқы асуларынан астық. Бұл күнде үдере шабуылдың үстіндеміз, алдымыз жау жері. Женіс туын Берлин төбесіне берік орнатпай тоқтамаймыз. Мысалы, міне, дивизиямызға гвардия атағын берді. Бәрімізге орден беріліпті. Лейтенант Өтешев, сен орденді не үшін алдым деп ойлайсың?

Ө т е ш е в. Генерал жолдас, мен ойымды қысқа айта алмайтын адам едім, енді қайтсем екен...

Г е н е р а л. Онда не амал, жақсы, еркінше айт... отырайық... (*Бәрі отырады.*)

Ө т е ш е в. Е, бәрекелді... Мен өзім жылқышы болатұғынмын. Жалғыз бір аңыз білетінмін. О да болса жылқышы жайында... Баяғыда бір жылқышы молтақ құлақты шұбар атын қаңтара тастап, тастай қараңғы түнде қалғып кетсе, жылқысы шұр ете түсіпті. Атып тұра келсе, молтақ шұбар көлденең тұр екен. Қарғып мініп кеп алғанда, құдай көрсетпесін, ала-ақ жөнеліпті. Жер қайда? Жекен қайда? Біліп болмайды, қу дала, құла түзге алыпты да кетіпті. Ол кезде жұрт компасты білмейтін қара кезі. Тек жалғыз темірқазық. Біресе алдынан, біресе артынан. Біресе оңынан, біресе солынан шығады, төрт құбыладан да адасты. Таң қылаңда енді аңғарса, астындағы өзінің молтақ шұбары емес. Әлгі тарғыл тағы — жолбарыс екен!

Р о к о т о в. Қызық, қызық...

Ө т е ш е в. Танығанда жүрегі тас төбесіне шықты. Қорқып кетті. Енді қайтпек? Түсейін десе — жеп қоятын, түспейін десе — әкетіп барады. Сонда жанағы өзіңіз айтқан “жалынғанмен жан қалмайды, жағаласқанмен жан қалады” деген есіне түсе қалып, ай, енді не болса да деп, тарғылдың арандай ашылған аузына беліндегі қыл шылбырды салып жіберіп, ауыздықтап алып, екі езуін кергілей жыртып, қос өкпеге тепкілепті келіп... Қанша айтқанмен адам жеңбейтін айуан бар ма, танертең пұшпағынан терін сорғалатып, тілін салактатып, ит қып айдап әкеп, қосының қасында соғып алыпты.

Р о к о т о в. Соғып алыпты?

Ө т е ш е в. Тап солай соғып алыпты, жолдас генерал-майор. Мен де сол жағындамын. Басында соғыс деген тағы тарғылыңыздан мен қорқуыма да әлей болатын. Сталин жолдас техниканы меңгер деді ғой. Маған ол кезде (*қалтасынан екі-үш компас суырып алып*) осы компас құдың өзі машинаның сайтаны көрінетін. Қолыма алсам-ақ адасып қала беретінмін... Ал енді осы күні сол тарғыл тағыны Берлин түбінде қара тұмсықтан қағып тастауға алдымызға салып айдап келеміз ғой, әйтеуір... Менің ұраным осы шығар деймін, жолдас генерал-майор.

Р о к о т о в (*күліп*). Ой, жігіт!.. Сол тарғыл тағыны Берлин түбінде қара тұмсықтан сен сілейтетін бол... отыр... Ал, қырғыз ұлы, сен орденді не үшін алдым деп ойлайсың?

Ш ұ б а қ. Біздің қырғыз ыршы, жомокшы тұрбайбы, жолдыш генерал-майор. Мен “Манасты” көп оқығанмын. Ошондо батыр кім десе, өзі үнгірдей, мұрны көрдей, шокысы төмпешіктей деп атад, емеле, көрсем мұрынғы батырлық білекте боптыр. Бүгінкі батырлық жүректе боптыр... Ленин, Сталин бізге бітірген жүрек бен башта боптыр... менің орденім ошол жүректің үстінде орнын тауып тұрып атады ко деймін. Жолдош генерал-майор...

Р о к о т о в. О, сенікі де көптің сыры! Жақсы-ақ. Қырғыз ұлы, жақсы-ақ! Ал, командир Бойко, сенің жаңағы сөзін орыс, украин баласының қайнар жүрек шыны ғой, әр октын біздікімен бірге, ар жақта қырылған атаның ыңырануы құлағына келеді дедің ғой. Саған Берлин көшесінде жеңістің соңғы оғын атқызатын әмір де сол... Ал, қызым Әсия, сен кеше түнде ерлік істеймін деп өліп қала жаздапсың. Сен өлмеуің керек. Бұл арада менің ұлым көп те, қызым сен жалғызсың, ерлік те істе, аман да қал.

Ә с и я. Қазақ жаным – арым садағасы дейді. Ар әмірі бойынша ерлік қарызым болсын!.. Ал өлу, өлу... Өлуде бұлайша бола алатын болса, өлмеймін дейін.

Р о к о т о в. Жә, қырандар, қолбасы келе жатыр, тарайық осымен. Ол қатал адам, жайбарақатты көтермей жүрер... *(Қолдарын қысады, жауынгерлер кетеді.)*

Ә з і м х а н. Жолдас генерал-майор, әміріңіз бойынша ерекше батальонға командир етіп капитан Сырым Бекетовті ұсынамыз.

Р о к о т о в. Дұрыс. Капитан Бекетов, бүгін штабқа келіндер.

С ы р ы м. Құп жолдас, генерал-майор. *(Юровский, Тоғышаров шығады.)*

Ю р о в с к и й. Жолдас генерал-майор, мүмкін бе?

Р о к о т о в. Мүмкін, мүмкін... *(Қасындағыларға қарайды. Олар бөлініп шегінеді. Асубай ілгері кетеді. Зорин, Әсия, Әзімхан, Сәлім бір бөлек қалады.)*

Ю р о в с к и й. Жолдас генерал-майор, капитан Тоғышаровтың сізге жазған арызы бар екен.

Р о к о т о в. Беріңіз, капитан... *(Тоғышаров қағазын береді. Рокотов қағазды оқып тұрып қалады.)*

З о р и н. Айтпақшы, Әсия қайда қалады? Полкке ауыса ма? Батальонда қала ма?

Ә з і м х а н. Мен өзі шешсін дер едім...

С ә л і м. Полк командирі ерік беретін болса, мен де өзі шешсін дер едім.

Ә с и я. Жауынгер қайда барам десе де ерікті болушы ма еді?

З о р и н. Жок, бұл айрықша жағдай... Бұл жерде тандау беріледі. Командирің полкке кетіп барады, комиссарың қалып барады. Сен өзін шешесің, Сырым...

С а ш а. Мұнда үйренген тобың...

Ә с и я (*күліп*). Анда командирің жалғыз кетіп барады.

З о р и н. Бәсе, бәсе... Бұл жерде так Сүлейменнің әділдігі керек болар.

Ә с и я. Ендеше, билік айтар өзім болсам, мені штаб атаулыдан түгел босатып, жауынгерлер қатарына жібер деп өтінер ем.

Ә з і м х а н. А?

С ә л і м. Не?

Ә с и я. Менің байлауым осы, жолдас полк командирі. (*Асығыс Сырым келеді.*)

С ы р ы м. Жолдас генерал-лейтенант, жаудың қанғырған бір самолеті бомба тастап келеді. Ішке, сыртқа, ағаш түбінде Өтешев Шұбақ пен Өтегенге компасты үйретіп жатыр. Қолында компас.

Ө т е ш е в. Ал қазір жөнелеміз. Компасты түсіндіңдер ғой, менде игерілді. Айттым, үшеуміз үш бөлек кетеміз. Тек адасып кетіп жүрмеңдер. Бұл жер сенің Алатауың емес. Жотаға шығып алып, жадысын барлап алатын, бұғып жүріп, компаспен барып, компаспен қайтасың. (*Екеуіне екі компас беріп.*) Ал енді бұл бір қу. Бар бәле мына құйтындаған құйрықта дедім ғой. Бұл иттің қыпылықтамай тұрар күні жок. Бұл бір сайтан, кейде жауға, кейде өзіне әкеп ұрындырады.

Ш ұ б а қ. Атаң көрі, коки, өзіңізді бір ұрындырған-ау, сірә? (*Күледі.*)

Ө т е ш е в. Қайдағыны айтып қалжырап отырғанын... Аузыңды бұзып жіберейін бе!..

Ө т е г е н. Тек әшейін, содан үйренерсің, он екі сағат карауыл астында қолыңа ұстап тұрсаң...

Ш ұ б а қ. Апырау, бізді көп қинаған екен-ау бұл қу...

Ө т е ш е в. Енді қайтті деп тұрсың? Бір құйрығын германға бұрып, бір құйрығын маған тіреп тұрып алмады ма!

Ө т е г е н. Онда комбат оңтүстікте, сіз солтүстікте тұрған екенсіз ғой?..

Ө т е ш е в. Міне, міне, дәл таптың, енді үйрендім де... Ал кеттік. *(Бұлар кетеді, блиндажға Сәлім келеді, Әсия тұруға ыңғайланады.)* Кіріңіз.

Ә з і м х а н. Тараңдар! *(Зорин, Сәлімдер ішке кіреді. Әзімхан Рокотовқа барады.)* Жолдас генерал-лейтенант, тез бекініске жүріңіз!

Р о к о т о в *(қасындағыларға)*. Жақсы, штабта шешейік.

Ю р о в с к и й. Тағы бір ауыз... *(Әзімхан мен Рокотов көтеріле береді. Самолет үні жақын.)*

Е р ғ а р а. Жолдас генерал-лейтенант, полк командиріне айтып кетсеңіз екен...

Ә з і м х а н. Жолдас генерал, тезірек.

Е р ғ а р а. Алексей Сергеевич, а, Сергей Алексеич бір ауыз. Сергей Сергеич... *(Бомбы түседі. Генерал мен Әзімхан құлайды, Зорин мен Сәлім генералды құшақтай алады. Сырым Әзімханды құшақтай алады...)*

С ы р ы м *(атып тұрып Ерғараға)*. Сенен езіп-созып тұрған! *(Ерғараның погондарын жұлып-жұлып келіп.)* Под караул! *(Әсия келіп, Әзімханның үстіне шырылдап кеп құлайды.)*

Ә с и я. Әзімхан жаным, жаным!..

ҮШІНШІ ПЕРДЕ

Бірінші сурет

Қала сыртындағы балалар санаторийі. Колонналы кең зал. Екі жағында баспалдақтар, терраса. Айнала ағаш, қалың қар. Залда Толстой, Жамбыл, Некрасов, Салтыков, Достоевскийдің мүсіндері. Колонналарда топ-топ лампалардан құрылған люстралар. Залдың арғы қабырғасы тұтас айна. Ортада жасалып болып келе жатқан елка. Елка қасында Берг, Шульц, басқа офицерлер сыртына күзет...

Ш у л ь т с. Жақсы-ақ болды білем... енді бір келіскен Аяз бабай табылса, шығып көр...

Б е р г. Тезірек, тезірек, генерал қазір келемін деді. Қысында қырау...

Ш у л ь т с. Қырау неге ерте келіп қалды екен?

Б е р г. Біз полк жасап көрген жанбыз ба, сене алмай, көруге келет те.

Ш у л ь т с. Ендеше, офицер, полк ісінің қандай болатынын біз көрсетейік.

Б е р г. Әне келе жатыр. Жап аузынды. *(Бәрі әдеппен тізіліп тұрып қалады. Крюгер келеді.)* Асыл фрау құрметіне әзір болады. Елтифатыңызға міне. *(Елқаны айналдырады.)*

К р ю г е р. Мен мұндайға орашолақпын ғой, ханум не дер? Мен фантазия аздау екен дер ем. Аяз бабай қайда?

Б е р г. Аяз бабай әлі табылған жоқ. Салып жатыр, генерал мырза!

К р ю г е р. Мұжықты Ресейден сақал да табылмады ма? Тұр ғой, міне, тізіліп бар ғасырдың сақалы.

Б е р г. Бұларыңызды біз танымадық, генерал мырза!.. Колхоздың арандары ма, болмаса орыстың шын ақсүйектері ме. Әйтеуір таныс емес екенбіз.

К р ю г е р. Жоқ, бұлар нағыз жауларың: орыс жазушылары, мынау – атақты Лев Толстой. Бұл орыс тарихында жекедара, бірден-бір дана адам. Жер жүзінің жазушыларында Наполеонның бет пердесін ашуға жүрегі тұрған осы ғана. Мұның сонау кездегі орыс мұжығының отаншылдығын оятқан жүздері бүгін бізге қарсы соғысып жатыр. Ұлы Наполеонға бұдан басқа кімнің тісі батқан еді? Біздің Краузе үшін бұл Ресейді еш уақытта, ешбір батальон ала алмайды деп, орыс мұжығын мәнгі-баки сендіріп кетті ғой. Орыс мұжығының басына мықтап орнаған ойды айдап шығу да оңай емес. Бұл тап біздің келерімізді бір ғасыр бұрын сезгендей. Орыс мұжығына қара балтанды қайраулы ұста деп кетті. Сондықтан бұл бас біздің қонағымыз да бола алмауы керек, солай ма, майор...

Б е р г. Кешіріңіздер, генерал, әкетеміз, жоямыз. *(Жамбылды көрсетіп.)* Ал, мынау азиат та колхоз торайы емес пе?

К р ю г е р. Жоқ, қымбаттым... Бұ да бір зиянды шал.

Б е р г. Сіз мұның кім екенін де білесіз бе?

К р ю г е р. Мұны сіздің де білуіңіз шарт дер ем. Жамбыл дейтін қазақ. Ақын деп аталады, осы азиат шал “Отан бұйрығы” деп, бүкіл Ресей атынан сөйлейді. Танданарлық емес пе? Бізбен ең алғаш Мәскеу түбінде айқасып еді, қазір осы арада соғысып жатыр. Қарсы тұрған Қазақстан дивизиясымен қатар тұрып алып, күнде бір оқ атады. Петрбордың

халқына “Балаларым!” деп жазады қазақ! Азиаттың да азияты!

Б е р г. Орыс халқы осылардан жирену санасына да жеткен жоқ па!?

К р ю г е р. Жоқ, олар мұны ең жоғарғы адамшылық деп санайды. Олардың күші де осында деп санайды. (*Крюгердің адъютанты келеді.*)

А д ъ ю т а н т. Соңғы сағаттың халін баян етуге лұқсат етіңіз, генерал-майор!

К р ю г е р. Ие, құлағым сенде.

А д ъ ю т а н т. Екі бүйірден сезікті белгілер бар. Саны белгісіз жау қолы Н. қаласының екі жағын орап, екі бүйірден ілгері басқысы келгендей. Түн қатты боранды болғандықтан, дәл мақсұт еткен беті аңғарылмайды. Жеңіл қақтығыстардан қаймықпай да келеді. Мүмкін партизандар болар деген жорамал бар штабта.

К р ю г е р. Жоқ, бұл партизандар емес. Рокотовтан қандай қимыл байқалады?

А д ъ ю т а н т. Күн бойы тырп еткен жоқ еді, кешке жақын күшін жия түсті.

К р ю г е р. А... ойландырарлық хал екен. Машинаны әзірле... (*Адъютант кетеді. Майорға.*) Майор мырза, Рокотов бұдан, мен білсем, қасқырша шабуды ойлаған сияқты. Одан оны күтуге болады. Оның көкейін тескен Н. қаласы. Құп, мен оны дәмелендірем. Қалаға тұмсығын тигізіп барып қарсы алам. Ол бұрынғы қысқашты сындырып-ақ келсін... Сіз полковник Тиц пен полковник Кохқа менің атымнан бұйрық етіңіз: екі бригада үнсіз қозғалып, ілгері барып, қала шетінде айқас басталған кезде Рокотовты сыртынан қаусыратын болсын. Қасқыр қапқалы келе жатса, қапқан шапқалы тұрсын!

Б е р г. Құп!

К р ю г е р. Мен сізді фрау үшін бүгінгі соғыстан азат етем. Бұл жерге соғыстың өзі түгіл, үні де келмес. Сіз елқаны келістіріп жасаңыз. Фантазия, тапқырлық молырақ болсын. Мен сауықтарыңа адал еңбекпен келем. Кәрі қасқыр бұл түнде қақпанды баса қоймаса да, қамаудан шыға да алмайтын болар. Біз дәл сағатына келеміз. Фрау сіздің фантазияңызға мін таға алмас деп сендім, майор. Бәріңізге де тілек сол, офицерлер... (*Кетеді, басқалар тұрып қалады.*)

Ш у л ь т с. Қысқасы, мынаның бәрін де жою керек болды ғой.

Б е р г. Ие, тазарт! Содан соң осындағы барлық полк байталдарын айдап әкел, мен қазір келем... *(Шулатып бір жаққа жүгіріп кетеді. Басқалары мүсіндерді әкетеді. Берг бұрыш бөлмедегі телефонға барады.)* Полковник кім? Жаңа жыл құтты болсын... қайыр, қайыр... *(Сөйлесе береді. Бір топ әдемі киінген әйелдерді ертіп шулатып келеді.)*

Ә й е л д е р. Капитан мырза! Жаңа жылды қарсылауға әлі ерте емес пе?... Мен тіпті киінуге де әзірленген жоқ едім...

– Түу, әсем елка болғалы тұр екен.

– Мен бүгінгі елкада балалар болмайтын болғасын, он екі жасар қызша киінсем деп отыр ем.

Ш у л ь т с. Ол сізге келіссе игі еді...

Ә й е л д е р. Ал бізді неге ерте алып келдіңіздер? Кімге керек болдық?

– Не үшін? Бақал үшін бе?

Ш у л ь т с. Майордың айту-шаптауына қарағанда, басқа бірдене үшін...

Ә й е л д е р. Рас-ай, келіндер, жас қыздарша киінейік бүгін. *(Берг келеді.)*

Б е р г. Осындағы ең жас бала капитан Шульцс екеуіміз болсақ. Оның не керегі бар? Киінейік десе, шешінейік дендер...

Ә й е л д е р. Немене? Немене?

– Шешінейік? Бәріміз де?

– Не үшін? *(Бәрі анталасады.)*

Б е р г *(команда беріп)*. Қатарлан! Тыныш! *(Әйелдер қатарланып қатып қалады.)* Бүгін офицер елкасы, ешбір бала-шаға болмайды... Мына бұрышқа Германия тұрады, мына бұрышқа Венера! Аяз бабаның алдында Психея жатсын. Оның қасында Дит, мына жерге асқан сұлу Елена... Қысқасы, жаңа заман империясының офицерлері мен ескі дүниенің сұлулары ғана болады.

Ш у л ь т с. Дит деген ең табылған нәрсе! Ол енді әзір бізді...

Б е р г. Түсінікті ғой! *(Әйелдер тағзым етеді.)*

Ш у л ь т с. Міне, бұл фантазия!..

Б е р г. Әкет, әзірлеп әкел. Енді саған Аяз бабайды табу да қиын болмас?

Ш у л ь т с. Ойымда сайрап тұр!.. *(Әйелдерге.)* Жүріңдер,

өңшен шолпандарым... *(Әйелдер жүгіріп кетеді. Берг жалғыз.)*

Б е р г. Фон-Крюгер менің бұл шағыма ылғи ортақтасып отырады. Мен оның Жаңа жылдық елкаға армия штабына шақырылғанын да білем. Бірақ маған келді!.. Қосалқы штабым дегенімен, осы сарайды, осы бір қалын ағашты құйкалы шұрайды маған бейімдеп жүр. Жақсылыққа жақсылық дегенді мен де білем ғой... А, көзі жайнап тұр екен...

Ш у л ь т с. Нағыз Тәңірі, көр! *(Басқалары әр жерге әртүрлі станоктар қояды, онда кейін әртүрлі сымбатты әйелдер тұратын болады. Қасына тіпті “Исимея” келіп, Аяз бабайдың алдына жатады... Елка айналып кетеді... Музыка... Жарты жалаңаш, кілең сұлулардың киіміндегі әйелдермен парласқан офицерлер елканы айнала жүріп хор айтады! Хордан кейін әйелдерді мүсін орнына қойып, бокал көтеріседі... Қайта іліп әкетіп, билеседі. Биден кейін әйелдер ойны тағы да орындарына тұрғызып, тағы да бокал көтере бергенде, осы қызыққа елеуреп қарап тұрған сырттағы үш күзетші жалп-жалп құлап түседі. Ақ киімді әскерлердің сыртынан салған қанжары жарқылдасады. Ақ киімділер немісше киінген бұрынғы күзетшілердің орнына тұра қалады. Бұлар Бойко, Өтеген, Шұбақ.)*

Ө т е г е н. Ой, мыналар қатын алып жатыр ма?

Ш ұ б а қ. Ма, бос тіркеу тұрбайбы, бұт құдайына шоқынып атад...

Ө т е г е н. Тап кіндігіне шоқынады екен...

Б о й к о. Ой, екі оңбаған басурман... Қатынды құдайдан айыра алмай тұрғандарын қарашы!

Ш ұ б а қ. Е, қатын баш болып ба?

Б о й к о. Сен екеуіңнің қолына түссе, шыдай берсін деп неміс қыштан жасап әкепті. Тас болса, тымау тимейді... Мына бір мысықты құрту керек болар... *(Қанжарын оңтайлап, солай қарай жылжиды.)*

Ө т е г е н. Ой, Әсия! *(Бойконың аяғынан тартады.)*

Ш ұ б а қ. Ойбай, сол! *(Артына бұрылып.)* Әсия! *(Арғы жақтан Сәлім басын көтереді.)* Өлді, өлді!

Б о й к о. Ие, сол екен. *(Әсияның тықырын сезіп қалған Шультс өзгелерге сездірмей атқып терезеге барып, Әсияны жонынан көтеріп ала бергенде, Саша Шультсті атып түсіреді. Әсия да құлайды.)*

Ш ұ б а қ. Қоқи! Намаздары оң бопты... Қара-қара, қатындардың бұты козғалады.

Ө т е г е н. Оңбаған қоқи, саны десенші, ойбай-ай, не деген аппақ еді!

Ш ұ б а қ. Атаң көрі қазақ, өлгелі тұрсың-ау неміс қатынға.

Б о й к о. Екі қаражалақ, сендер шығарсың. *(Екінші жақтан ақ киініп, мысықша жылжыған Әсия шығады. Мыналар абыржып қалады. Әсия анда-санда артына бұрылып, кейінгі жолдастарына белгі беріп, баспалдаққа шығып, залдың ішіне қарайды.)*

С а ш а. Қапта! Ал ауызға қанжарды! *(Бәрі қанжарларын көлденең тістеп, ішке ұмтылады. Офицерлер мылтық суыра алмай қалады.)* Сал қазақша күреске! Салдым түбі бір-бір офицермен. *(Алыса түседі. Әсия жүгіріп келіп шегінгенде, аз ғана әскер мен Ерғара қарсы ұшырайды. Екі бағанадағы люстраның шамдары бір-бірлеп сөніп тұрады... Екеуі де мерген... Аяғында Әзімхан етпетінен түседі.)*

Б е р г. Сол сыбағаң! *(Бағанадан шығып, Әзімханға қарай баса бергенде, Әзімхан атып құлатады.)*

Ә з і м х а н. Қойыңыз мынау шығар? *(Бұл кезде өлгені өліп, байланғаны байланып, күрес тоқтайды. Әзімхан да тұрады.)* Бұл штаб! Барды басып, жайды білейік, жүр, Сәлім! Сырым, Өтешев, осында болыңдар. *(Сәлім екеуі жүгіріп әрі кетеді.)*

С ы р ы м *(Өтешевке құлап жатқан “Психеяны” нұсқан).* Мына бір өлген қатынын сүйреп тасташы ары.

Ө т е ш е в *(“Психеяны” сүйрей беріп).* Ойбай-ау, борбайы жып-жылы екен. Мынауың тірі болар. *(Полктің артынан қарғысымен сүйретіле “Дит” шыға береді.)* Ойбай, мына жерде, мына жерде бар білем!

“Д и т”. Ақырын жолдас... Тірі кісіні өлтіріп алып жүрерсің.

Ө т е ш е в. Ой, мынау жолдас деп тұрған неткен ит.

Д а у ы с т а р *(залда).* Ал жамбасқа! Шал қырқадан! Арқалай сок! Матай көсілт! *(Залда алып соғып, ұшып кетіп, қайта ұштасқан алай-түлей күрес.)*

Е р ғ а р а. Немістер... Жат! *(Әскерлері жата қалады.)* Немістер... граната! Граната!..

Ә с и я. Жатпа! Ұмтыл! Міне, Сәлім!

Е р ғ а р а. Мен Сәлім мен немісті айыра алмайды деп тұрмысың? Жат әрі! Граната, граната!

Ә с и я (*Ерғараның гранатасына жармасып*). Өз кісінді, Сәлімдерді қырасың, тоқта! Ішке ұмтыл!

Е р ғ а р а. Ай, осы бір қыз-қатын деген... ары кет, ары. (*Қолында шаңгі таяғы, Әзімхан шығады.*)

Ә с и я. Іште қырғын... Сәлімдер қатерде, құтқарындар.

Ә з і м х а н (*Ерғараға*). Сен неғып жатсың?

Е р ғ а р а. Гранатамен жайпайын деп жатырмын да...

Ә з і м х а н. Мә, саған жайғау! (*Таяқпен бастан періп жіберіп, ішке жүгіреді.*) Әсия, кейін бар! Қоршандар үйді! (*Әзімханның артынан Ерғара да ішке жүгіріп, қарсы келіп қалған әйелдерді қуа жөнеледі. Бір жауынгерді өлтіріп тұрған Берг Әзімханды көре сала атып қалып, бағанаға тасалайды.*)

Б е р г. А, арланы екенсің ғой!

Ә з і м х а н. А, текесі екенсің ғой! (*Екеуі екі бағананы тасаланады. Атысады, қызу жекпе-жек.*) Бұлар оқ шығарған сайын мыналарды өлтіріп, сені осындай қорлықтары үшін ұстап жүр.

С ы р ы м. Ал мынау тисе ше?

В а л я. Ол шын ит!

Ө т е ш е в. Онда бұл оқыған ит болғаны ма?

В а л я. Оқыған ит. Ескі Ресей алпауыты граф неміске еріп келіп, бұрынғы жер-мүлкін алып, бек болмақ. Әзірше немістің қарғыл қара төбеті болып жүр.

Ө т е ш е в. Онда апарып байлай тұрамыз да. (*Әйелмен екеуін алып кетеді. Валяға.*) Сен де бері жүр! (*Бәрін әкетеді. Әзімхан, Бойколар келеді.*)

Е р ғ а р а. Жеңіс, жеңіс, жолдас комбат!

Ә з і м х а н. Атаңның басы жеңіс! Әкетіндер қатындарды. (*Әскерлер қатындарды әкетеді.*) Сынға түссең — сасасың, құтылсаң — тасасың. Не жының бар осы сенің.

Е р ғ а р а. Жолдас комбат, қорлай беруді қашан қоясың осы? Әлгі таяғыңды ұмытты деп тұрмысың?

Ә з і м х а н. Көзіңе айтайын, ол жерде сені атып тастауымыз керек қой. “Психея”. Ойы граф.

Ө т е ш е в. Ой, мынаның бәрі тіл қатады, сығыр ма өзі, немене?

А я з б а б а й. Сығыр емес, қорлық...

Ө т е ш е в. Мына неміс иттің Аяз бабайына дейін сөйлей ме?

А я з б а б а й. Сөйлейді.

Ө т е ш е в. А, салаумаликем, ендеше... Уай, Сырым, бері

кел! *(Сырым келеді.)* Нағыз бәле енді шықты! *(Мылтығын ыңғайлайды.)*

А я з б а б а й. Мен бәле емес, өзінсің.

Ө т е ш е в. Ой, шал, өзің бері шықшы!

А я з б а б а й. Мен жылжи алмаймын, танулы тұрмын.

С ы р ы м. Босатшы өзін.

Ө т е ш е в *(босатып жатып)*. Ой, бұл тегін шал болмас.

А я з б а б а й. Әуелі сақал-шашты бір...

Ө т е ш е в *(сақалын сытырып алып)*. Ойбай, мынау бала *(шашын сытырып алып)* енді қыз болғалы келеді. *(Шешіндініп, бері алып шығады.)* Әукесін өзінің?

А я з б а б а й. Шешім осы, сарайдың иденін сыпыратын... шешімді...

.....

ҮШІНШІ ПЕРДЕ

ЕКІНШІ АКТ

Оқиға сол сарайда. Бойко, Өтеген, Шұбак. Залды жинастырып жүр. Мүсіндер орындарына қайта орнаған.

Б о й к о. Болындар, комбат қазір келіп қалады.

Ө т е г е н. Түнде тап осы жерде әппақ бір қатын тұрды. А, Шұбак.

Ш ұ б а қ. Қазақ атамның айғырындай орнын иіскеп тұрмысың. Болсаңшы.

Ө т е г е н. Қатынды құдайдан айыра алмайтын сен деймісің. Бұт құдай, бұт құдай деп, шұлғып қалған сен емес пе едің...

Б о й к о. Қойыңдар деймін оттауды. Екеуің құдайды да құбыжықтай шошындырып алып, енді не көкіп тұрсындар?

Ө т е г е н. Тас құдай тапжылмайды дегенің қайда? Тым болмаса өзің бізден көрі жақын емес пе едің, сенен неге қашты?

Б о й к о. Қашпас, сен екеуіңмен жүргенде құдай түгіл, шайтан тұрар ма екен... Енді олар сен екеуіңді өмір бойы түстеріңе кіріп, шошып оятатын болады. *(Стол көтертіп Өтешев, қағаздарын алып Әсия келе жатыр.)*

Ө т е г е н. Қарағым Әсия, түндегі жорық бір оң сапар болды. Оу, қалай алдадық, немісті де ілгері қарай айдап тастадық. Кешкі орнымызға тағы қайтып келдік.

Ә с и я. Ие, боранды түн, сәтті түн болды. Жетісіп жатқан жерінен жалмауыздай жауынды желкелеп айдап шыққан күн дегендей, бірін Манастай, бірін Қобыландыдай кимылдамадыңдар ма!

Ш ұ б а қ. Уа, Әсияң айтқылар, айтқылар!..

Ә с и я. Өзің, өзің айтып жіберші, Шұбақ аға.

Ш ұ б а қ.

Уа, жауды сайсақ біз сайдық,

Ертегі өткен Манастың

Қай жерінен кем сайдық!

Құсып жатқан арақты,

Ештен шыққан манапты,

Өтеген, Бойко, Өтешев –

Туған жері Таластан,

Түп атасы Манастан,

Қасында қабылан ер Шұбақ

Қан құштыра қанапты!..

Содан соң қарық боп жатыппыз, міне...

Ө т е г е н. Шұбақ пен Бойко түндегі құдай қыздарының орнына намаз оқығалы тұр, Әсия.

Ә с и я. Е... Лай суға май бітпес қой өткенге, күлеміз қасқыр жалап дәметкенгенің кері келіп тұр екен ғой.

Б о й к о (Әсияға). Өзің де аз-ақ құдай қыз болмай қалдың ғой.

Ш ұ б а қ. Қарық болған біз емес, Өтешев аға ғой, түндегі төбелесте құдай қыздың екеуін бір-ақ қармап алыпты.

Ө т е ш е в. Тәйт, аузыңды бұзып жіберейін бе... қомысты білсеңші одан да... Екеуі түгіл, жетеуін қармамайтынына жаудың... (Сырым келе жатыр.)

С ы р ы м. Болды, жөнеліндер. Командирлер келіп қалады. барыңдар, тырп етпей демалыңдар. (Жігіттер кетеді.) Жә, Әсия, сені түнде алып қарақұс алып кете жаздаған да осы.

Ә с и я. Алып кетсе, тұрар ма едім осы жерде?

С ы р ы м. Сені қайдан алып кете қойсын-ау... Баяғы Зорин айтқандай, қасыңда екі бірдей батырың бар, бірі қарақұсты атып түсірсе, бірі қызды қағып алады.

Ә с и я. Кім қағып алыпты?

С ы р ы м. Бәсе, сол сырынды өзің айтшы.

Ә с и я. Жок, сен біз айтатын адам емес. Аузың жаман – алтын сақинаны түсіріп аласың.

С ы р ы м. Ойбой, сырың шынға айналған екен ғой. Бірақ Күнікей сұлу атқанға бұйырып па еді? Қаққанға бұйырып па еді? Шешуі қалай еді соның?

Ә с и я. Соның шешуін мен де әлі тапқаным жоқ.

С ы р ы м. Ие, мұның шешуін аласұрып жүріп шешіп ең, бірдеме қылмаса, ақыл таба алмайды. Тек Отан соғысының жағдайына көшкені болмаса, бұл өзі кәрі жарыс.

Ә с и я. Сен қалжыңға сайып жүрме, бұл қасиет жарысы.

С ы р ы м. Алда бақыр-ай, онда саған тіпті қиын болған екен-ау... Екеуінің аты да қасиет болса, қайсысын тандарсың... Екі қасиет ортасында тең тарта жүріп қасірет құшағында!..

Ә с и я. Сен түк түсінбейсің, сенімен сырласуға да болмайды. Өз аузыңның дәмі кетіп болғанда, біреудің жүрегінің тұнығын лайлайсың. Бірақ сенен басқа сырласарым да жоқ.

С ы р ы м. Айт енді, сол жүрегің қайсысына тартады?

Ә с и я. Екеуіне бірдей жан тартсам қайтесің?

С ы р ы м. Алда, көп қатын алып үйренген қазекемнің қызы-ай. Бірақ бұл қазақтың әйелінің мінезі емес, еркегінің мінезі де.

Ә с и я. Әлі түсінген жоқсың, бұларда жарыс барда талас бар ма? Өзіне тартқан өзімшіл қызғаныш бар ма? Қайта бірін-бірі ұсынып жүргендей емес пе. Бірінің жақсылығына бірінің қуанышы қандай! “Өсер елдің баласы бірін-бірі батыр дер” дегендей, осы екеуіндегі айқын көрсетіп жүрген қайсың бар? Осы Отан соғысы азаматтық қасиеттерді әрі тереңдетіп, әрі көтеріп биікке әпкетті ғой деп ойлаймын, сол екеуі Айдынғалиды әділ жазаға бұйырғанда, сен екеуіміздегі туысқандық арасын азамат қарызы жауып жіберген жоқ па? *(Әзімхан мен Саша келе жатып, бірдемеге айналып тұрып қалады.)* Сен әлденені айтасың, мен болсам, осы екеуінің арасында соғыстың суық күні – қатал тағдырын сезбей, күншуақта жүргендеймін. Осы екеуінің адамшылық, жігіттік қасиеттері көңілімді күн санап өсіріп, күн санап жаңа бір бел биікке шығарғандай болады. Сен таласты айтасың, мен екеуі түгіл, біреуінің жартысына татымаймын ғой деймін...

С ы р ы м. Қалжың өз алдына, сенде бұдан басқа сыр бар деп мен де ойлаған емеспін. Ширықтырып жүріп жатқандаймын.

Ә с и я (*шыңғырып*). Ой, босат, жібер деймін, жынды Сырым... (*Әзімхан мен Саша келіп бері шығады.*)

С а ш а. Ой, өлтірдің, жібер.

Ә з і м х а н. Атыста үйт! (*Сырым тұра қалады, Әсия қашып кетеді.*) Сырым! Сырым Бекетов. Штабта істеген жезделік тәртіпсіздігің үшін, қазіргі командирлер мәжілісіне қатынаспайсың.

С ы р ы м. Құп! (*Кетеді.*)

Ә з і м х а н (*Сашаға*). Ал командирлер мәжілісі ашық: мәселе Әзімхан, Әсия, Саша деген ғашық уа мағшұқ, яғни от айналасындағы үш таған жайында. Сөз политрук Александр Беловқа беріледі.

С а ш а. Бұл баяндамадан мен бас тартамын. Комбат Әзімхан Шалқаров жолдасқа берем.

Ә з і м х а н. Қалжырама, айт шыныңды, ғашықпысың?

С а ш а. Сүйемін, өзің ше?

Ә з і м х а н. Мен одан да арғымын.

С а ш а. Қашаннан бері?

Ә з і м х а н. Баяғы көл басынан... Өзің ше? Сен де сонан ба?

С а ш а. Енді қайдан болушы еді?

Ә з і м х а н. Тап осы жерде бір-бірімізге тартпай-ақ койсақ нетуші еді. Жығылатын жер таба алмағандай, осы жерге келіп жалпасынан түскені несі?

С а ш а. Бәсе, өзіңдікі не? Басымыз сүзісіп, мүйізіміз айқаса құлағанымызды қайтерсің!.. Бейшара Бопшинский тым болмаса жалғыз құлайтын еді ғой.

Ә з і м х а н. Е, тапқан екем егізімнің сыңарын!

С а ш а. Сенімен біргемін. Ал ақ, ақ атты қызға келгенде фафу етесің...

Ә з і м х а н. Мен сенен өтіл сұрап тұр деп пе едің?

С а ш а. Мен де сұрамаймын. Ақ атты қыз әлі алдымызда. Сал барыңды, қамшыла деймін.

Ә з і м х а н. Оныға дауым жоқ, Саша. Ақбоз ат әлі жеткізер емес. Құлағының салынғаны қак. Күн санап жаңа бір бел, биікке шығып бара жатқаны рас. Айдынғали туған ағасы еді. Сол жараны да елемей кетті ғой. Мен қамшыласам, сен де біраз тепеңдерсің.

С а ш а. Е, нартәуекел. Құдайдан. (*Зорин мен Әсия келеді.*)

З о р и н. Ал, қызым, жанағы қағазың қайда, бері әкел.
Ә с и я. Міне, Сергей Алексеев... *(Қағазын Зоринге береді. Зорин бір-бір данасын Әзімхан мен Сашаға береді.)*

Ә з і м х а н. Бұл не?

З о р и н. Бұл Н. қаласы, осы сарай жөңкіле қашқан неміс әскері жеңілісі. Ерлік! Ұсынатын батырлар.

Ә з і м х а н. Ерлігің – ерлік. Шалқаровтың мұнда не қақысы бар. Ерлік Сәлімдікі, не Бойконыкі, сол ротаныкі. *(Өшіреді.)* Шалқаров далой.

З о р и н. Тізім сенікі емес, полктікі, өшіретін не ақын бар?

С а ш а. Сен Әзімхан Шалқаровты өшірсең, мен Александр Беловты өшірем. Сен басшымын деп бас тартсаң, мен кім едім? *(Бұ да өшіреді.)*

З о р и н *(қағазды екеуінен де сытырып алып)*. Қой, немене өздерін? Бұл дивизияның тізімінен өшіретін не ақыларың бар?

Ә з і м х а н. Сергей Алексеев... бұл тізімнің басы.

С а ш а. Найза боп кеп қадалған да сол.

С ә л і м. Орындау менікі болса, ой сенікі емес пе еді?

Ә з і м х а н. Тап осы араны оқ шығартпай, үркітпей басу менің қолымнан өмірде келмес еді. Мен тұпа-тура айқасқалы келе жатқанмын, сен менен бұрын келіп қалмасаң, мен мылтық атып, осы маңайды түгел оятып алатын едім.

С а ш а. Сенсіз істеген батальонның қай ерлігі бар еді? Абырой тізіміне сен кірмей, мен кірсем, түсінуің керек, мен оны жаза деп білем.

З о р и н. Жә, тоқтатындар, жоқты бар деп өсіру қылмыс. Барды жоқ деп өшіру қылмыс, әсіресе соңғысы қылмыстың да қылмысы, еңбегі жанбаған ері тұл, ерін танымаған елі тұл. Солай емес пе, қызым.

Ә с и я. Мен болсам жыға жеңуіңіз дер ем, Сергей Алексеевич.

З о р и н. Ендеше, осымен талас та бітіс. Қызым, мұның бәрі секірет! *(Қағаздарын жинап алады. Юровский келеді. Үйдегілер тұрып шешіне береді. Әсия кетеді.)*

Ю р о в с к и й. Мен ерекше батальон бұйрығын алып қозғалғалы жатқан шығар деп келіп ем.

Ә з і м х а н. Жоқ, жолдас майор, біз полк маңынан ұзама деген бұйрық алдық.

З о р и н. Бұдан былай полк тастүйін, бір жерде болатын сияктанады ғой.

Ю р о в с к и й. Өз қарамағына алған батальонды генерал маған береді деймісің? Полк осы араға орнайтын болды. Жолдас майор, батальон артқа шығам демесе, ілгері басатын болар. Сонда менің штабым орнайды.

Ә з і м х а н. Онда бізге не бұйырасыз, жолдас майор?

Ю р о в с к и й. Түсініксіз болса, өтініш жазып берейін. *(Мысқылдап, честь беріп.)* Жолдас майор, өтінішіміз – жарты сағаттың ішінде үйді босатсаңыз екен.

Ә з і м х а н. Құп, жолдас майор, орындаймын, одан басқа бұйрығыңыз жоқ па?

Ю р о в с к и й. Оны көшіп болып, жалпы тәртіп бойынша сол жерде тосыңыз.

З о р и н. Бұл үйге дивизия штабы орнамасына көзіңіз жете ме, сірә! Генерал осында бір қонып аттануға ғана келмеген сияқты.

Ю р о в с к и й. Біздің комиссар лекторлық ауруынан бір жазыла алмай-ақ қойды. Мен мектеп жасынан өткен адам емеспін бе? Ылғи сабақ беруді қойсаңшы...

З о р и н. Ай, сабақ жастан қайсымыз шығып кете қойдық екен...

Ю р о в с к и й. Өткен түннің партизандығы бітті енді! Полк командирінің әмірін тез орындауды тосам.

Ә з і м х а н. Құп, жолдас майор. *(Осы үйдің жоғарғы қатарынан жарқырап киінген генерал-лейтенант Рокотов түсіп келе жатады.)*

Р о к о т о в. Амансыздар ма, жеңіс ерлері!

Ю р о в с к и й. Смирно!.. *(Бәрі честь беріп тұрып қалады.)* Жолдас генерал-лейтенант, әміріңіз бойынша ерекше батальон алға шығарылып, полк осы араға орнағалы жатыр.

Р о к о т о в. Жә, комбат фон Крюгерің не жайда екен, білдің бе?

Ә з і м х а н. Фон әзір жай таба алмай, пәтер іздеуде көрінеді.

Р о к о т о в. Оның үстіне сен тағы қай жағынан келіп қалар екен деп алақтайтын да көрінеді ғой. Қимыл тізгіні қолға ауысты деген осы. Енді ол капитан Шалқаровтың да кім екенін тәптіштеуге кіріскен сияқты. Соғыстың жана белі деп осыны айтамыз. Сол жеңіс жолындағы үшінші бел.

Ю р о в с к и й. Дәл айтасыз, жолдас генерал-лейтенант.

Р о к о т о в. Әуелгі бел – шабуыл, үшінші белге біздің армия енді шықты. Қимыл тізгінін берік қармап, қолға алдық.

Ю р о в с к и й. Дәл айтасыз, жолдас генерал-лейтенант.

Р о к о т о в. Жеңіс туын Берлин төбесіне берік орнатқанша, енді бұл жай ауыспак емес. Бірақ бар командир, бар жауынгер осы жаңа белдің жаңа сыны мен жаңа сырын түгел ұғып болды ма?

Ю р о в с к и й. Әңгіме осында ғой, жолдас генерал-лейтенант.

Р о к о т о в. Ие, осында, бірақ осы белге шығарда сөзі бір жақта, өзі бір жақта болған командир – ол оқапта омбылап қалған командир. Шабуыл үстінде полк қырғында, өзі біреудің ығында қалған командир – ол бұл белдің қарасын да көрген жоқ. Сіз, майор Юровский, полк жайы емес, полк командирінің лауазымын көбірек ойлап кеттіңіз. Сондықтан осы сағаттан бастап полк командирлігінен босатылып, дивизияның қарамағында боласыз.

Ю р о в с к и й. Мақұл, жолдас генерал-лейтенант.

Р о к о т о в (*Әзімханға*). Майор Шалқаров, осы сағаттан бастап полк командирісіз! Комиссар Зорин екеуіңіз батальонды кімге тапсыруды шешіңіз.

Ә з і м х а н. Мақұл, жолдас генерал-лейтенант!

Р о к о т о в. Өткен түннің қайраты үшін командаға ие сіздерге ырза, құттықтаймын! (*Әзімхан, Саша, Зорин үшеуінің қолын қысады.*) Жүріндер, жауынгерлердің күйін көріп, көңілін көтерейік. (*Бәрін алып кетеді. Юровский тұрып қалады.*)

Екінші сурет

Ағаш іші. Команда орны. Тасада Әзімхан, Саша, телефонда Әсия. Аспанды қайшылай тілгілеген найзағай. Оқ пен от. Толқын-толқын қайталап тұрған жау шабуылы. Әр түрде, әр қалыпта айғайласқан бірі сау, бірі жаралы қызыл әскерлер (Бойко, Өтеген, Шұбак, тағы басқалар).

- Москва! Москва үшін!
- Сталин, Сталин үшін!
- Өте алмайсың! Ала алмайсың!
- Тартармыз табағыңды еселеп!

– Атаң көрі, қоқи, алармыз кекті!

С ы р ы м. Алға!

Д а у ы с т а р. Алға!.. *(Сырым бөлімі әрі кетеді.)*

С а ш а. Жарайсың Бекетов! Ығысып келіп тірелсең де, кайта серіптін.

Ә з і м х а н. Ол бүгін үш рет ауыр толқынды тойтарды. Мұның тұсынан жау бір адым да ілгері басқан жоқ. Бірақ жаудың өшіге ұрып тұрғаны да соның тұсы. Арадағы ротаға ие бол. Капитан қызып кетіп жүрмесін.

С а ш а. Капитанға да жеңіл болып тұрған жоқ. *(Окоптан Ерғара бас көтереді.)*

Е р ғ а р а. Танкі! Тағы да танкі! Әзірлен!.. Нысана үш жүз...

Ә з і м х а н. Баршы, басшы ананың әбігерін.

С а ш а. Токтат! *(Ерғараға қарай жүгіреді.)*

Ә з і м х а н *(Әсияға)*. Мен екінші ротада болам. Мұнда қалатын жауапты адам сенсің. *(Кетеді.)*

Е р ғ а р а. Түнде шабуыл... Тұр... Ұмтыл! *(Бөлім тұра береді.)*

С а ш а. Токтат! Жат! *(Ерғара тұра бергенде, бөлімнің алдына екі қолын керіп тұра қалады.)*

Е р ғ а р а. Токтат! Ат!

С а ш а. Жат!

Е р ғ а р а. Жатың не, Ат десеңші! *(Жата қалады.)* Жаудыр окты жау танкілеріне, жаудыр, нысана үш жүз!

С а ш а. Доғар. Жатындар! *(Ерғараның қасына жатады. Бөлім де тарап жата қалады.)* Нысана үш жүзің не? Қорыққанға қос көрініп, үрейің ұшып кеткен бе?

Е р ғ а р а. Қорыққанға? Қорыққан кісі ат дей ме екен?

С а ш а. Қорықпасаң, үш жүзің, қарашы тұрып? Сегіз жүзден бері танкі бар ма?

Е р ғ а р а *(қарап)*. Әне, көзім жаңылған екен, жолдас политрук.

Е р ғ а р а. Рота, ер соңыма! *(Бұлар бөлімді алып кетеді. Екінші жақтан бір топ босқындар алдында Айдыңғали қашиып келеді.)*

А й д ы н ғ а л и. Біттік, кырылдык! Бас сауға! Бас сауға!

Ә с и я *(атып тұрып)*. Токта! Токта! Токта, өңшен азғындар! Бірге туған ағам десем, қор ма едің!

А й д ы н ғ а л и. Шығарма үнінді! Сен де өлдің енді, сорлы бауырым. Аттанарда-ақ білгемін. Ажал айдағанын.

Жүр бері, не көрсек те өзіммен көр! *(Әсияны қолынан сүйреп жөнеледі.)*

Ә с и я *(қолын жұлып алып)*. Тарт қолыңды, есінен айрылған ез! Токтаңдар! Ар қайда, ант қайда! Тыңда менің бұйрығымды! Әне, тағы танкі. Қорқақ қоян ба едің шетіңнен! Қайт қатын болмасаң, ер сонымнан, қарсылас! *(Жүгіре жөнеледі. Айдынғалидан басқалары еріп кетеді. Жүгірін Әзімхан келе жатыр.)*

Ә з і м х а н. Қайда жаңағы қашып кеткен иттер, Әсия?

Е р ғ а р а. Е, құртқалы жүрмін десейші біржола...

Ә з і м х а н. Осы тоғышарлықты қашан қоясың? Әкең аты Тоғышар, өз атың әйтеуір білер ғана болса, соны тұқым нәсіліме кететін қасиетім деп жүрмісің? Қойды шартық, құлыңды қортық бүлдіредімен сендейді піштіріп жіберер ем!

Е р ғ а р а. Жетті, мұныға жауап беретін боларсың.

Ә з і м х а н. Токтат! *(Штаб қағаздарын көтеріп Сәлім келеді.)* Мынау жеңіс дейді, сен не біліп келдің?

С а ш а. Жеңіс? Қатердің тап ортасына енді түскен болармыз. Улы жылан ордасындай “Құбас” дивизияның ортасында қалсаң, жеңіс екен.

Ә з і м х а н. Достар, Саша дұрыс айтады. Хал өте ауыр. Крюгердің желкесіне шаншылып келіп түстік, бірақ осы араны басып отыру оңай емес. Оның үстіне Сәлім болсын, қазірге генерал қатты қырғын соғыста ол Н. қаласына кірді. Енді біз қаланың желкесінен шаншылуымыз керек, әрбір жауынгер взводтай, взвод полктей, батальон дивизиядай қимылдайтын халде тұрмыз. Әрбір лектер, бөлімдерінді!..

С а ш а. Дұрыс, аял жоқ, қазір қимылдау керек. Таң атса, күшіміз аз, сырымыз ашылады. Серігіміз әлі де түн! Жаңағы бөлімді алып баруға лұқсат ет!

Ә з і м х а н. Бар. *(Саша кете береді.)* Токта! Мынау не хикмет? *(Екеуі винокльден қарайды.)*

С а ш а. Ұрды ғой бірі!

С а ш а. Үшеуі өртеді. Қалқандары жалт береді!

Ә з і м х а н. Бұл қай ерлер?

С а ш а. Өтешевтің қырғилары болар. Мынау соның қолынан келетін еркектік.

Ә з і м х а н. Әйтеуір тойтарылды.

С а ш а. Бүгінгі шабуылдың соңғы тобы да осы болар.

Әзімхан. Ие, соңғы тобы болды. Айналамыз жым-жырт! О, жарадың жайбасарым!

Әсия. Кім жанағы қашып өткендер? *(Айдынғалиға.)*
Сен нағып жүрсін?

Айдынғали. Сұрамаңыз, жолдас комбат.

Әзімхан. Жаралымысың?

Айдынғали. Жок, мұшам жок.

Әзімхан. Не болды?

Айдынғали. Жүрегімнің қабы жарылып кетті білем.

Әзімхан. А, азғын ит де! Қасындағыларың қайда?

Айдынғали. Кетті... білмеймін.

Әзімхан. Әсия қайда?

Айдынғали. Бірге кетті.

Әзімхан. А... оны да ала кеттім де! Мынау азғын не дейді!
(Адъютантына.) Әкет мынаны! *(Адъютанты Айдынғалиды әкетеді. Саша келеді.)*

Саша. Тойтарылды мына бет.

Әзімхан. Мына бетке кімді жұмсармын! Ол арадағы бөлім қашып кетті. Бос қалды. Танкі! Келіп қалды әне!
(Бір жақтан ағасының тасасымен еңбектеп Өтешев және екі қызыл әскер келе жатыр. Бұлар жақындап келіп, мына тұсқа гранаталарын лақтыруға оңтайланады. Өтешев арт жағындағыларына ымдап әмір беріп, бойын жазып алып Әзімхан тобын ұруға ыңғайланғанда, оны Сәлім көріп қалады.)

Сәлім. Ой, мынау қай есуас!? Отставить!

Өтешев. О, қара бастырған құдай, Сәлім ғой мынау, бәлі, анау өзіміздің комбат... Шұнақ құдай-ау, тал түсте мерт бола жаздаппын ғой... Апырай, құдайдың сақтауы-ай! *(Қасындағыларына.)* Зыт, кейін жоғал! *(Өзі де қолбаңдап жоғала береді.)*

Сәлім. Ай, ай! Өтешев, бері кел.

Әзімхан. Жаңағы танкті жойды деген жайбасарын мында жүр екен ғой? *(Өтешев честь беріп тұрып қалады.)*
Ой, сен кімді жойған төбе қылайын деп жүрсін?

Өтешев. Ойбай, қарағым, қара бастырып еңбектей-еңбектей немістерге жетіп тұрғаным осы емес пе! Мен еңбектегелі қашан! Мына немістердің бір тобы осы маңайға кеп тоқтағанын көріп, қомыстың тұмсығын түзеп қойып солай қарап тартқаным емес пе... Апыр-ай, құдайдың сақтауы-ай...

С ә л і м. Сенің жұмысын немістерге апармай, өз батальоныңның командиріне әкеледі екен сені!

Ө т е ш е в. Е, қайдан білейін... Құрттаған ешкінің құйрығындай құйтындаған неме. Құйтындап-құйтындап әкелген жерін көрмеймісің... Мынауың өзі жазым қылатын неме ғой! Апырай, құдайдың сақтауын-ай...

С ә л і м. Ата-бабаң туа көрмегендей не айтып тұрсың өзің? Осыны қазақ әлдеқашаннан-ақ “Құбыланама” демейтін бе еді?

Ө т е ш е в. Е, сол екен ғой... Ай, ендеше мұның мал болмайды, бір күні біреуінді мерт қылады. Намаз оқуға ғана жарайтын неме, соғысқа жарайды деймін. Мен болсам басым намазға иіп көрген пенде емес. Осыны менен алындаршы өзің.

Ә з і м х а н. Ай, сен өзің құр адасудан басқа бітіргенің бар ма бүгін?

Ө т е ш е в. Ойбай-ау, менің күн бойғы кесімім осы ғой...

Ә з і м х а н. Адасу ма?

Ө т е ш е в. Айтып тұрмын ғой, қарақтарым ау... немістің табандатқан екі тобын жайратып салып, тағы бір тұсына келе жатқаным ғой баяғы... Ай, Бойконың баласы, ай, коки қырғыз, трапейді бері әкел. (*Бойко мен Шұбақ кеп, жарықты әкеліп үйеді.*) Енді кете беріңдер (*Екі әскер кетеді.*) Мына мылтықтар болса кәдуілгідей өзім өлтірген немістің мойнынан алынды да, мына сауыттары белінен алынды... (*Бір сауытты шайқап.*) Мынасының ішінде жұтатыны бар екен. Мұны өзім-ақ алайын, ә?

Ә з і м х а н. Ерлік пен ездіктің қатар түсіп тұрғанын қарашы!

С а ш а (*күліп*). Былығып жүріп он бес неміс өлтіріпті.

Ә з і м х а н. Сержант Өтешев, жау қай жақта, біз қай жақта? Карта деген бар ма өзі сенде?

Ө т е ш е в. Е, оның да жүр ғой...

Ә з і м х а н. Кәні, көрсетші картадан, қайда жүрміз?

Ө т е ш е в (*картасын жайып көрсетеді*). Осы бір тұста шығармыз деймін... Ай, осы маң болар... Қанша шегінгенмен, Мәскеуге әлі жеткен жоқпыз ғой... Міне, жолдас комбат. Осы бір жерде шығармыз.

С а ш а. Рязанның ар жағында жүрсен, жетпеген екенсің Москваға!

Өтешев. Рязань болса дұрыс кой енді. Мәскеу Рязанның ар жағында емес пе? Анау күні Алматыдан келе жатқанда, Рязань бұрын келіп еді ғой.

Әзімхан. Не жиын, не оттап тұр мынау! Бар командиріне, менің бұйрығымды айт! Қашан картадан осы тұрған жерімізді өзің тапқаныңша қолына компасты беріп қойсын. Қарауыл штабында ұстасын! Жөнел!

Өтешев. Апырай, құдайдың сактауын-ай...

Саша. Ал мен жаңағы белгісіз ерлерді білуге кеттім...
(*Кетеді.*)

Әзімхан (*адъютантына*). Әкел әлгі азғынды. (*Адъютант Айдыңғалиды бері әкеледі. Айдыңғалиға.*) Жә, сен бекіністі тастап қалай келдің осы араға?

Айдынғали. Мен, жолдас комбат, шегініп келдім.

Әзімхан. Бөлімің қайда?

Айдынғали. Бөлімім қырылып бітті ғой деймін.

Әзімхан. Взводың қайда? Сонда барып неге қырылмадың?

Айдынғали. Взвод түгіл, ротадан да не қалды екен өзі? Бүгінгі қырғыннан кім қалды деймін.

Әзімхан. Жалғыз сен қалған екенсің ғой, тұлға болуға! Тым болмаса жолдастарыңмен бірге өле білсең етті, отпаған ез! (*Сырым келеді.*)

Сырым. Жолдас комбат, шабуыл тойтарылды, жау тоқтады. Рота орнында, шегінген жоқ.

Әзімхан. Ал мынаның ісі саған мәлім. Бұл сенің ротандікі еді ғой.

Сырым. Әбден мәлім. Әттең, оғым жетпеді. Әйтпесе табан аузында қатыратын едім.

Әзімхан. Табан аузында сылып тастайтын мерез осы. Қылыш үстінде серт тұрмас, аяныш жоқ, аял жоқ. Қылмыс қыр аспай тұрғанда сілейту керек. Бұл иттіктің жауабы — жаза, жазаның аты — өлім!

Айдынғали. Ағатайлар-ай, жауға аттанғанның жаны бір емес пе еді. Қасық қанымды қия көріндер өзіме... (*Құлай кетеді.*) Сауға, сауға...

Әзімхан. Жауға аттанғанның жаны бір болса, жалғыз кашқанда қайда едің? Күн ашықта мойнымда, күн жауғанда койнымда болмақ па едің? Жақындама! Шіріген жұмыртқа, садағасы кет Мәскеудің! (*Әсия келе жатады.*)

А й д ы н ғ а л и. Сырым, Сырым!.. Жан күйер жақыным емес пе ең?

С ы р ы м. Жақыным сен болсан, жаудың аты кім болмақ. Айтпа!

А й д ы н ғ а л и. Мына тұрған Әсия үшін... Әсия, бауырым, араша деші тым құрса... *(Бәрі Әсияға қарайды, Әсия үндемейді.)* Апыр-ау, араша дейтін бір жан жоқ па? Қасын боп па ем бәріңнің де...

Ә з і м х а н. Қас емей, кімсің құнсыз, Отанның, халықтың кесімі мынау ғана. *(Атып қалады, Айдынғали құлайды. Әсия түйіліп тұрып қалады. Әзімхан Әсияға.)* Жә, сен қайда болдың?

Ә с и я. Жолдас комбат, мен жауынгерлік орнымда болдым.

Ә з і м х а н. Кім жіберді сені?

Ә с и я. Өзім кеттім.

Ә з і м х а н. Мынау қашып келгеннен кейін кеттің бе?

Ә с и я. Ие, кейін кеттім.

Ә з і м х а н. Қашқындармен бірге кеттің бе?

Ә с и я. Қашқындар?

Ә з і м х а н. Жалтарма. Мынау жатқан аған, қашқындар ма, бірге кетті деген.

Ә с и я. А... Ие, бірге кеттім.

Ә з і м х а н. Аған қашқын, өзің босқын болып шықтым де...

Ә с и я. Мен босқын ба?

С ы р ы м. Жолдас комбат, шұғыл кетіп қалмаңыз. Бұл Әсия ағасы емес, андау керек.

Ә с и я. Жолдас Сырым Бекетов, емексітпеуіңізді сұраймын. Маған да арашаның керегі жоқ, шындық керек, жолдас комбат. Мен туралы ойыңызды жеткізе айтуыңызды сұраймын.

Ә з і м х а н. Бұл жерде арашаға да, қолқаға да орын жоқ. Кімге осыны тілемес ем, амал қайсы. Мына құнсыз өлім маңайына қан-жынын шаша кетсе, арылмай қалай қалмасын? Әр қабаттың сыры мен әр қимылдың шыны ашылсын, ақпысын, аулақпысың мынадан? Шыны керек.

Ә с и я. Жоқ, аулақ емеспін.

С ы р ы м. Не дейін, ой?

Ә с и я. Таңырқама. Әрі жақын, әрі командирі сен де аулақ емессің, жолдас Сырым Бекетов. Комбат Әзімхан

Шалқаров, өздерің қалай аулақ болмақсындар? Бірің командир, бірің саяси басшы – айлар, күндерді бірге кешіп, күнде-күнде көріскен сырмінез замандас, сендер білмей, мен білмеген ем оның ішін? Сендер ұялмай, мен ұялмақ па екем жалғыз? Құнсыз өлім жынын шаша кетсе, ол жалғыз маған ғана тиетін болғаны ма? Орта ше, батальон ше? Жә, айтшы, өліп құтылсын, жер болуын мен-ақ болайын, сонда ар алдында қайсың аппақ болып қалмақсың? Осы өлім менің бетіме ғана басылатын таңба ма еді?

Ә з і м х а н. Рас, бұл бәріміздің бетімізге басылатын таңба! Өз командирін өзі атқан ол жазаның жеңілі ме екен! Жаза – жаланы біреуге аударып, өз басын арашалау ма екен? Жок! Ол айыбынды ашық салу, ол өз мініңді ортаға салып, салмағына шыдау болады. Сондықтан түгел ашамын, бәрінді ашуды талап етем. Жазықты жазасын тартсын. Қайда әлгі сенімен кеткен өзге қашқындар?

Ә с и я. Ендеше, олар қашқын емес. Олардың сыбағасы жазада емес. *(Саша келе жатыр. Артында неміс гангстерін айдаған жасағы “Қашқындар”.)*

Ә з і м х а н. Енді не?

Ә с и я. Ол комендатура Әсияның жұмысы, жолдас комбат.

С а ш а. Жок, ол Әсияның жұмысы. *(Қашқындарға).* Комендатураның баян етіндер!

Қ а ш қ ы н д а р д ы ң б і р і *(Әсияға честь беріп).* Жолдас командир, өзіңіз өртеген үш танктің колға түскен танкистерін алып келдік!

Ә с и я *(Әзімханға честь беріп).* Жолдас комбат, жаңағы менімен бірге жоғалған жауынгерлеріңіз мінеки!

Ә з і м х а н *(Әсияға).* Орнында бол! *(Әсия телефонына отырады.)* Рақмет, жауынгерлер! *(Қолдарын алады.)* Барындар! *(Сырымға.)* Анау сенің азғының, әкеттір әрі.

С а ш а. Азғының Әсияның ағасы ма?

Ә з і м х а н. Сол... бері жүр. *(Сырым, Әзімхан, Саша кетеді. Қыз жалғыз. Шұбақ пен Өтеген келіп, Айдынғалиды әкете бастайды.)*

Ш ұ б а қ. Ал көтер, ердің ұста бұтынан.

Ө т е г е н. Ой, көтерме, сүйре.

Ш ұ б а қ. Айтпақшы, солай екен ғой. Бұл әлгі ит болып өлген жігіт қой, солай, қарындас?

Ә с и я. Ие, ит болып өлді.

Ө т е г е н. Осының туған-туысканы бар ма екен, қарындас?

Ә с и я. Жоқ! Бұлай өлгеннің туған-туысканы болушы ма еді?

Ш ұ б а қ. Ие, бұлай өлгеннің туған-туысканы болмағаны да жақсы! Ал сүйре!

Ө т е г е н. Ұлы болғасын арыстандай созылуын қарашы!

Ш ұ б а қ. Біздің қырғыз мұндай өлікті – ездігінен туылды, ес жоқтығынан қолдош ұлды дейді. Сол қолдош ұлы осы бопты да. *(Бұлар Айдынғалиды алып кетеді.)*

Ә с и я. Қайта-қайта қорландым-ау, не, неттім деп қарармын жұртқа? *(Рокотов пен Юровский келеді.)*

Ю р о в с к и й. Амансың ба, жауынгер.

Ә с и я. Амансың ба, жолдас-майор.

Ю р о в с к и й. Комбат осында ма?

Ә с и я. Команда орны осы. Комбат әскер арасында, жолдас майор.

Р о к о т о в *(Әсияға)*. Жолдас жауынгер, команда орны тым жалаңаш екен. Бекініс осындай бола ма екен, қалай ойлайсың?

Ә с и я. Жолдас генерал-майор, біз бұл араға жаңа ғана шегініп келіп ек.

Р о к о т о в. Шегініп?

Ә с и я. Жолдас генерал-майор, күні бойы үздіксіз ұрыспен айқыш-ұйқыш жасап, соңғы айналсоқпен жаудың алдын кесіп, осы арада ұрысқан едік.

Р о к о т о в. Ендеше, шегініп демеп, алысып-жұлысып немістің сыбағасын беріп еді. Комбат бүгін көңілді де болар.

Ә с и я. Жоқ, жолдас генерал-майор, комбат бүгін қатты ашулы.

Р о к о т о в. Ашулы? Штабында алмадай қызы бар комбатқа ашулану ұят емес пе екен?

Ә с и я. Ұят дейсіз? Бүгін комбат тап осы қыздың туған ағасын атып тастады ендеше.

Ю р о в с к и й. Атып? Не үшін?

Ә с и я. Бөлімін тастап, қашып келгені үшін

Р о к о т о в. Командир екен ғой?

Ә с и я. Екінші ротада отделение командирі, сержант болатын.

Р о к о т о в. Көңілді күй емес екен.

Ю р о в с к и й. Шалқаровтың алыпқашпасы ғой бұл.

Р о к о т о в. Тексеруің керек. *(Әзімхан мен Саша келеді.)*

Ә з і м х а н. Жолдас генерал-майор, батальон халі ауыр.

Шығыс көп те, табыс аз. Ұрыс шабуыл астында бірінің үстінен, бірінің астынан кетіп жатқан жайымыз да бар.

Р о к о т о в. Табыс неге аз?

Ә з і м х а н. Батальон қимылының болымсыздығы да, біздің келуіміздің өзі-ақ соны айтып тұрған жоқ па?

Р о к о т о в. Бүгінгі ұрыстың да айналсоқ тәсілі не берді?

Ә з і м х а н. Үш рет айнала оралып, тоғыз рет түсіп ұрысып ек, қорытынды – тоғыз толқын шабуылды тойтарып, он тоғыз танкі жойдық. Батальон өз шебінен жылжыған жоқ.

Ю р о в с к и й. Жолдас комбат, күн бойы істегендерің тек қата ерлік екен ғой!

Ә з і м х а н. Жоқ, жолдас полк командирі, ерлік пен бірге ездiк те болды.

Ю р о в с к и й. Сіз үрейлікті өз қолыңызбен кіші командиріңізді атып, тоқтаттыңыз, солай ғой!

Ә з і м х а н. Ие ғой? Ұрыс үстінде жауынгер арасына үрей, үрку кіргізген отделение командирі сержант Асқаров атылды.

Р о к о т о в. Жолдас майор, сол командирі атылған бөлімге барып, барды тексеріп біліңіз де, сағат кешкі жиыр-мада маған баян етіңіз.

Ю р о в с к и й. Құп, жолдас генерал-майор. *(Кемеді.)*

Р о к о т о в. Жолдас политрук, Асқаров үрейлігінің залалы қанша болды? Көпке тиді ғой?

С а ш а. Жолдас генерал-майор, ере қашқан алты жауынгер.

Р о к о т о в. Олар не жаза шекті?

С а ш а. Олар жазаланған жоқ.

Р о к о т о в. Неге?

С а ш а. Ерлік істеп ақталады.

Р о к о т о в *(Әзімханға)*. Әлде жазасын ерлікпен ақтауға жұмсап па едіңіз?

Ә з і м х а н. Жоқ, өз беттерімен істеген.

С а ш а. Қашып осы араға келгенде атылған Асқаровтың қарындасы ағасын тоқтата алмай, өзгелерін қайырып алып келіп, қалған танкі тобына қарсы салған, бос қалған жерден

келіп соққан өте бір қауіпті шабуылды осылар тойтарып, үш танкісін алып қалды.

Р о к о т о в. Бұл шын ерлік екен. Бірақ батальон басшылығы айыпты емес, ездiгiнiзден туған екен... Отырыңыздар. *(Құлаған ағашқа отырысады.)* Жолдас комбат, мен сiзге екi нәрсе айтар едiм: жүздiң бiрiнен шыққан ерлiкке қандай мақтансақ, мыңның бiрiнен шыққан ездiгiне сондай айыптымыз деу керек. Қайрат, қажырмен қатар шикiлiк, олақтық та жүр. Кейде, жаңағы соңғы айтқандай, ерлiк туар жердi байқамай қалсаңдар, кейде ездiк келер жақты да байқамай қалғансыңдар. Бұл бар қимылға ие болу емес. Екiншi, жаңағы баяндамаңызға мен ырза емеспiн. Сiз батальонды тонай баяндадыңыз. Фон Крюгер сенiң үстiне екi бiрдей танкiлi полкiн төгiп едi, төбеге ұрған мысықтай мықшиып кейiн шегiнбедi ме? Жер бетiн шұбартып өлiгi жатса, теңкиiп-теңкиiп танкiлерi қалса, оны саған неместер сыйға берiп кеттi ме? Жеңiсiнен сабақ алмаған командир жеңiлген күнi не күйге ұшырамақ? Түлеп өсер командир үдей бермесе, жүдей бермек. Онсыз жау жеңгiзбейдi. Ерлiк iстеген бар жауынгердiң тiзiмiн штабқа жеткiзiп бер. Тап солай, ерлiк iстеген адамдарым деп жаз. Жаудың қақ алдына көлденең тұрып қайыспай қарсыласу бiздiң батальонға аз ерлiк емес-тi. Мен бiздiң батальонға ерекше батальон атын берiп, өз қарамағыма алам.

Ә з i м х а н. Ерекше батальон әмiрiнiзде, жолдас генерал-майор.

Р о к о т о в *(тұрып)*. Әзiр болсаң, сен екеумiздiң көп кебiмiз әлi алда болады. Қош болыңдар! *(Кете бередi. Әзiмхан мен Саша шығарып салып қайтады.)*

С а ш а *(Әзiмханға)*. Қалай, жолдас комбат, манағы Өтешевке берген сабағыңызды өзiнiз де алдыңыз ба генералдан.

Ә з i м х а н. Үндеме, Саша, одан гөрi тәрбиелiрек сабақ болар. Борай түссiн, қыңқ етпе! Сонда ғана ширай түсесiн. *(Юровский мен Ерғара келедi.)*

Ю р о в с к и й. Капитан Шалқаров, сiздiң бүгiнгi iсiнiз тығыз тексерудi керек етедi. Жете тексеру үшiн сiз батальоннан тысқары болуыңыз шарт. Уақытша батальон командирi капитан Тоғышаров.

Ә з i м х а н. Жөн, жолдас майор.

Ю р о в с к и й. Капитан Тоғышаров, комбаттың міндетін атқаруға кірісініз.

Т о ғ ы ш а р о в. Жолдас майор, әзірмін, бұйрығыңызды орындауға! *(Честь береді. Юровский Әзімханды алып кете береді.)*

Ш ы м ы л д ы қ

ТӨРТІНШІ ПЕРДЕ

Немістердің өз үстіне ойналған зеңбірек нөсері аяқтап келген кезі. Ұшып түсіп, қирап жатқан ағаштар. Естен айырылған адамдардың өкірген, шынғырған дауыстары. Нөсер тоқтағанда сол жақ тұста жер астына кететін кара үңгір, маңайы бүркеу қарағай, ортада солдат, оңға қарай көлбей жатқан биік жал-бекініс. Жал мен үңгір арасына жанталасқан неміс офицерлері, лек-легімен өткен самолеттердің көлеңкесі түсіп тұрады. Жаз... Таң алды. Жалдың үңгір жақ бетінен, топырақ астынан екі офицер басы көтеріледі. Екеуінің де құлағы бігіп қалған (осы маң көкпенбек құрал, әскер сияқты).

I – Тозақ бітті ме, бармысың?

II – Жалғыз сенің құлағың ғой деймін.

I – Жалғыз сен қалып тұтқа боларсың.

II – Атаңның басы! Мен қайдан білейін?

I – Өз жұмысыңды біл! Маған ақырады ғой...

II – Мен сенің адъютантың емеспін!

I – Зеңбірегіңнің маңайынан ізде!

II – Мен қашан ұйықтайын?

I – Мас болсаң, өзің мас шығарсың!

II – Атаңның басы! Тұра ұмтылып шабарсың! Оны Сталинград түбіне көмгеміз. Есің жи! *(Үңгірден Крюгер шығады, қасында штаб офицерлері.)*

I – Қатын деген кім бар сені? Жынданғанбысың өзің?

II – Қазір шабуыл келеді. Мен саған әзірлен деймін!

I – Жынданба! Қазір шабуыл келеді. Мен саған әзірлен деймін!

II – Ай, бейшара-ай, бүгіннен қалар ма екенсің...

I – Ендеше, мен де ғафу өтінем... *(Крюгер тобы жалға шығады.)*

К р ю г е р. Ал, күй қалай, күш қандай?

А д ъ ю т а н т. Орыс шабуылының әзірлігі айтқан

сағатыңызда басталып, айтқан минутыңызда тоқталды. Енді міне, азап толасы басталды.

К р ю г е р. Қысқарт! Бүліншілік қандай?

А д ъ ю т а н т. О да тап айтқаныңыздай.

К р ю г е р (*қасындағыларына*). Сізде қалай? (Әзір.) Сізде қалай? (Түгел әзір.) Сізде қалай? (Сенімді әзір!)

К р ю г е р. Жақсы, жақсы! (*Жүріп қарап сөйлейді.*) Соңғы қорған, соңғы сағаттамыз. Бұдан ары қорғайтынымыз да жоқ, соңғы тірек осы-ақ. Қорғайтының Берлин, қорғайтын сен. Кепілің кім, куәң кім, білсін. Жұлысып, шайнасып өлер шек осы, тап осы жал, тап осы үнгір! Өмірді ойлау, үйді ойлау, өлімнен қорқу, шіміркену жоқ енді. Жасқанар жүрек жарылып кетсін. Мейлі қан сел боп ақсын. Жара байлауымыз жан үміт! Тістескен бойда үн шықпай қатып қал!.. Естеріңізде ме Мәскеу? Қасарысқан ел, қарысқан аязы. Қақпасыз қамалға айналған! Әттен, бүгін жадыраған жаз, жау қақпанда тұр, жау қақпаны, оғы өлігіңді басты! Бастыр бәріңмен! Босаңсыр болсаң, біттік... (*Одан әрі арғы түпке дейін әр жерде тұра қалған офицерлері, Крюгердің әмірін де, шабуылдың хабарын да біріне бірі тасымалдап, ерсілі-қарсылы жеткізіп тұрады. “Ура!” Біресе жақындап, біресе алыстайды. “Ура-а!” Жақындағанда арғы түпке қарай құлай жалындаған жалқын шабуылды жапырып, қайта серпіп тұр.*)

С ы р т т а н. Ура!

К р ю г е р. От! Офицерлер түкпірге дейін жеткізеді. От! От! От! От! (*Түкпірден көтерілген жалқын ар жағын жалап жібергендей. “Ура” алыстай береді.*)

Е н а р ғ ы о ф и ц е р. Тойтарылды! Тойтарылды!

Б е р г і о ф и ц е р л е р. Тойтарылды, тойтарылды! (*Крюгерге жеткізеді, хал бірнеше рет қайталанды. Бір рет қызыл ту жалт етіп көрініп, қайта шегінеді. Аяғында адъютант Крюгерге келеді.*)

А д ъ ю т а н т. Шабуылда талас жоқ, генерал.

К р ю г е р. Агпа, шара болар емес.

А д ъ ю т а н т. От әлсіреп пе, қалай?

О ф и ц е р л е р. Елші, елші... елші... (*Берг, оң жақтан ақ ту көтерген неміс офицері қалт-құлт етіп келе жатыр. Артында жонына мылтық төсеп, бұғып келе жатқан Өтешев.*)

Ө т е ш е в. Бас аяғынды. Барасың, жалтарсаң, өзім сілейтем. Бар! (*Крюгер жалдан кейін түседі.*)

К р ю г е р (*адъютантына*). Кім екен, сұра?

А д ъ ю т а н т (*елшіге*). Сен кімсің?

Е л ш і. Тұтқынға түскен неміс офицері.

К р ю г е р. Не айтпақ?

А д ъ ю т а н т. Не айтпақсың?

Е л ш і. Мені генерал Рокотов жіберді, фон Крюгерді сөйлесуге шақырады. Сіздің бес минут уақытыңыз бар. Жалдың үстіне ақ ту көтересіз.

А д ъ ю т а н т. Генерал Рокотов жіберіпті, сізді сөйлесуге шақырады. Бес минуттың ішінде ақ ту көтерілуі шарт!

К р ю г е р. Осындай маскара итшілікке жеткен герман офицері, сен азғын, сұмырайсың де өзіне!

Е л ш і. Рас, амалсыз солай... (*Артына жалтақтайды.*)

Ө т е ш е в. Ердің ерін көрсен, тақымында күлерсің. Сұмырай емей, кім ен.

К р ю г е р. Тоқталсын от! Көтерілсін ақ ту... Келсін Рокотов. Ал анау итті ит өліміне бұйырам! Жой көзін. (*Адьютант елшіні басып салады. От тоқтайды, ақ ту көтеріледі, Крюгер кейін кетеді.*)

Ө т е ш е в. Солай болар! Қол ағашы мықты болса, қазығы жерге кіретін. (*Кейін кетеді. Өзгелер де жым... Жалғыз адьютант бұғып қарайды. Әзімхан келе жатыр*).

А д ъ ю т а н т. Шықты бірі, келе жатыр.

К р ю г е р. Жақын ба?

А д ъ ю т а н т. Міне! (*Әзімхан келеді.*) Крюгерге шынынды айтқызынға өкпелеме, бауырым. (*Көтеріп алып, шыр көбелек айналдырады.*)

Ә з і м х а н (*честь беріп*). Совет командованиясының атынан генерал Рокотовтың елшілікке жіберген өкілі полковник Әзімхан Шалқаров...

К р ю г е р. Жөн. Мені шақырған генерал Рокотовтың өзі болатын. Өзі неге келмеген?

Ә з і м х а н. Генерал Рокотов сізбен сөйлеспейді. Генерал Рокотовпен сөйлесу үшін ақ туды Москва түбінде кідіртуіңіз керек еді. Оқиғадан төрт-ақ жыл артта қалыпсыз. Берлин түбінде сізбен сөйлесуге полковник Шалқаров шын олқы емес. Ол жеңіп келе жатқан армияның өкілі, ғафу етіңіз...

К р ю г е р. Мәскеу түбінен келген генерал армиясы тайса, Берлин түбінен орыс армиясының капитанына генерал Рокотовтың көзі жетеді екен!

Ә з і м х а н. Әбден жетеді! Онда сізді қуған ұлы Совет Армиясы да ол сізде жоқ! Ол да сізді қуған ұлы совет

қолбасшылығы да. Ол сізде жоқ, ол сізде болған емес! Ол да сізді қуған әділ ашу, кәрлік кегі бар ұлы совет елі деп, ол сізде жоқ! Ол сізде болған емес! Бұл түйілген тарих тағдырының кесімі!

К р ю г е р. Ол кесім бір кезде Мәскеуге де атылған. Ол қатер Москваға да төнген. Біз Москва түбінен қыстыгүні қайтқанбыз... Берлин түбінен жаздыгүні қайтсақ, қас маскара сол болады.

Ә з і м х а н (*жымып*). Юпитер, сен ашу шақырдың, Юпитер, сен айыпты екенсің ғой! Дейтін бе еді грек аңызы (*сүйсінін*), жоқ, Берлин құлайды, Берлинмен бірге сіз орнатқан тозақ дүниесі қуана құлайды. Берілесіз бе, жоқ па?

К р ю г е р. А, келісім жоқ, кесім әкелген екенсіз ғой!

Ә з і м х а н. Келісім іздесең, мына жалдың жотасына ақ туынды тіз! Уақытынды айт!

К р ю г е р. Ендеше, келісім шартын ойланып жасау үшін маған бес сағат уақыт керек. Сол уақыт генерал Роговқа да қажет.

Ә з і м х а н. Жоқ, генерал Рогов ол кеңшілігіңізге мұқтаж емес. Генерал Рокотов сізге бес минут уақыт береді.

К р ю г е р. Ондай мазақты Герман қолы қабылдап көрген емес.

Ә з і м х а н. Ендеше, мазаққа қоса азапты бірге қабылдадым деп біл! (*Екеуі екі айырылады, Крюгер түсе беріп, ақ туды лақтырып тастайды.*)

От!.. Ура! Е, сынбайды.

О ф и ц е р л е р (*әрі қарай*). Ой! Ой! От, От! Арғы түптен тойтарылды, тойтарылды. От! Тойтарылды! (*Деген сөздер алғашқы түрде әрі барып, бері қайтып, қайталанып тұрады.*) Ура!!! (*Біресе алыстан, біресе жақындайды. Тағы бір осындай қарбаластың тұсында үш-төрт адам жағаға жетіп, баурына бұғады. Бұлар Саша, Сырым, Әсия, Шұбақ, Өтеген.*)

Ш ұ б а қ. Атаң көрі, қоқи, жеткізбей еле көрші!

Ә с и я. Ал асайық, шығайық та жалға!

Ө т е г е н. Бойко мен Өтешев бұрын шығып кетіп жүрер, шығайық тезірек.

С ы р ы м. Жат! (*Сәлім екеуі сөйлесіп жатыр.*)

Ш ұ б а қ. Мына бір тұс аласа екен.

Ә с и я. Інінің бір-ақ аттам жері қапты ғой!

С ы р ы м. Жат!

Ө т е г е н. Ай, Өтешев өтіп кетті ендігі!

С ы р ы м. Жат! *(Саша бәрін көтереді.)*

Ө т е г е н. Осы қырсыққа бізді жіберіндерші! Аттай мінейік қыр желкесінен.

Ш ұ б а қ. Жолдас командир, жіберіңіз бізді, жіберіңіз.

С а ш а. Сабыр, сабыр! Енді мұның тетігін табу керек. Есептеулі ерлік жоқ. Жауды санап соғысушы ма еді. Қол сүргісі бастайтын, қалың қол қостайтын кезекте тұрмыз. Осы жалдың тетігі аз да болса біздің қолда!

С ы р ы м. Бастайық сен екеуміз. Мен анау кара үңгірдің төбесінен түсіп, айдаһарын табамын. Желкесінен басамыз. Сен осы жылдам алдынан соқ!

С а ш а. Байлау!

С ы р ы м. Әсия, серт осы! Артқа жеткіз... өзін артта бол!

Әсия. Күп!*(Бәрікейін сырылып кетеді. “Ура! Толқыны... Ат! Тойтарылды!..” деген тасымалдар бірнеше рет қайталанады. Уралаған Сәлім үні шығады. Сәлім бір топ әскермен кідіреді. Екінші жақтан қызыл туды қолына алып, өтіп келе жатқан Сырым артында әскерлері... алдынан лап етеді. От жалқыны жалқынға жалғаса берген. Сырымды ұшырып түсіреді, ту құлай береді. Сырым соңындағы Бойко, Өтешев, Шұбақ, Өтегендердің алдында ағызып өтіп келе жатқан Әсия құлай берген туды қағып алып, ілгері ұмтылады.)*

Ер, бауырлар, соңымнан! Отан... *(Лап еткен жалын. Әсия туды ұстаған күйі шөгіп қатып қалады. Қолы тудың сабағында, басы көтеріңкі, етпетінен түсіп мызғымай сіресіп қалған. Шұбақ пен Өтеген құлайды. Бойко, Өтешев бастаған әскерлер жолдан асып кетеді. Жолдың арғы беті жарқ-жұрқ, сарт-сұрт, қолма-қол...)*

С а ш а. Шық-шық, улы жылан, шық көріңнен! *(Үңгірден Крюгер атқып шығады. Қасында екі офицері. Алдынан көзін аштырмай түсе қалған әппақ жарық. Крюгер жанталасып жөн таба алмай қалған, ары асып кетеді.)*

К р ю г е р. Қайда, қайда! Берілме, өл!

С ә л і м. Таста құралды, бүк тізенді! *(Мылтықтары түсіп, тұра қалады.)*

К р ю г е р *(офицерлеріне)*. Ат! Ат! Бір! *(Бірінші офицері атып құлайды.)* Екі! *(Екінші де солай.)* Үш! *(Крюгер өзін-өзі басып салып құлайды. Әзімхан келеді.)*

Ә з і м х а н. Бармысың, Сәлім. *(Ортада екеуі түйіседі.)* Ой, кеншілік-ай! Арма?

С ә л і м. Бар бол, қабыланым!

Ә з і м х а н. Кім бар, кім жоқ?

С ә л і м. Кім жоғын айта алмаймын. Ерлер осы хал үстінде еді, білейікші... *(Екеуі жалға қарай беттегенде, Рокотов, Зорин, адъютанттары келеді.)*

Ә з і м х а н. Бұл жердегі жау қамалы алынды, жолдас генерал.

Р о к о т о в. Берлин де алынды! Барлық ұлы армия жаудың ең соңғы қамалын, берілмен деген Берлинді басып алған қимылынан қалыспай, бір босағасына сен де кірдің. Қуанамын, құттықтаймын, ұлдарым! *(Сүйеді, Крюгерді көріп.)* А, мынау кім?

С а ш а. Бұл ескі танысыңыз генерал фон-Крюгер. Өзін-өзі атып өлтірді!

Р о к о т о в. А, долы бөрі өз жарасын өзі қауып өлді де! *(Өте береді.)* Ал бірлікті, батальондарды ретке салындар. Бүгін Берлинге кіреміз. *(Рокотов өз тобымен қара үңгірдің үстіне шығады. Қала жақтан, әр тұстан көптеген ақ тулар көтеріліп, қызыл туға бас игендей төмен салбырайды. Зорин, Сәлім, Әзімхан қызыл тудың қасына келіп, бас киімдерін алып, аз тұрады да, Әсияны алып, төмен түсіп, биіктеу жерге көлденең салып, екеуі екі жағында тұрып қалады. Аяқ жағында Зорин.)*

Ә с и я. Екеуінің аранда өткен аз дәурен ең армансыз шағым еді. Екеуінің аранда өлуім де армансыз... қош, жақсы аға, жан достарым. *(Екеуіне екі қолын созады, үзіледі.)*

Ә з і м х а н. Қош, жан бауырым, ардақтым.

С а ш а. Қош, Әсиям қимасым! *(Екеуі де бөріктерін алып, бір тізелеп отырып қалады.)* Қош, ерлікке баста, биікке меңзеген есіл асыл достық.

З о р и н. Қош, кадірлі қызым. Отанның адал құрбаны! Қыз герой.

Ш ы м ы л д ы қ

**РАЗЯЩИЙ КЛИНОК
(ҚЫНАПТАН ҚЫЛЫШ)**

**Пьеса в 5 картинах
Русский литературный текст А.Г. Ридаль¹**

Действующие лица

Капитан Азимхан Шалкаров – командир батальона.
Александр Белов (Саша) – аспирант вуза, затем
политрук.

Асия Аскарлова.

Сырым Бекетов – зять Асии.

Капитан Еркара Тогшаров – командир роты.

Айдынгали Аскарлов – брат Асии.

Зорин Сергей Алексеевич – дивизионный комиссар.

Акын Асубай.

Рокотов – генерал-майор, командир дивизии.

Утешев – сержант.

Бойко – боец.

Шубак – боец

Майор Юровский – командир полка.

Адъютант.

1-й колхозник.

2-й колхозник.

3-й колхозник.

1-я девушка.

2-я девушка.

3-я девушка.

Валя Русакова.

Телефонистка.

Старший сержант.

Фон-Крюгер – немецкий генерал, командир дивизии СС.

Берг – майор.

Шульце – обер-лейтенант.

Фрау фон-Крюгер – жена генерала.

“Психея”.

“Венера”.

“Грация”.

“Прекрасная Елена”.

Зрители на ипподроме, советские бойцы, немецкие солдаты.

Одноглазый майор

Капитан

Унтер-офицеры

} офицеры немецкой армии.

Картина первая

Перед войной. Алма-Ата. Ипподром. Праздник коннозаводства. Толпа.
Трибуны. Среди зрителей – Еркара, Айдынгалы, Асубай, Сырым.

1-й колхозник. Акбоз-ат! Акбоз-ат!

2-й колхозник. Акжелен!

1-я девушка. Белый впереди!

3-й колхозник. Ак-коян!

2-я девушка. Ак-марал! Ак-марал!

3-й колхозник. Ак-коян!

1-й колхозник. Все догоняют девушку на белом коне!

2-й колхозник. Смотрите, ее уж не догнать! Далеко ушла!

Асубай. Нет, нет! Вот этот летит, как сокол! Может, он и догонит. Ой, догонит!

Айдынгалы. Он не один! Вот еще и другой!

Еркара. Эге, один из них, кажется, наш командир из пехотной части. Ну, ему не догнать, туды-суды! А другой, русский, тот штатский, он ездить не умеет, ему уж совсем не догнать!

Сырым. Этот русский и девушку догнать сумеет, и даже Коран по-казахски может прочитать!

1-я девушка. Смотрите, девушка оторвалась от них и делает фигуры на коне!

1-й колхозник. Стойку делает на полном карьере! Руками машет, как ласточка крыльями!

Асубай. Ну и ребята – молодцы! Вон, один из них джигитует на ходу и не отстает!

2-й колхозник. А этот чем хуже? Лежит себе на крупе коня!

3-й колхозник. Ой-ой! Военный догоняет, военный!

1-я девушка. Девушка бросила платок!

2-я девушка. Эх, сумеет ли поймать платок на лету?

2-й колхозник. Поймал! Поймал, как ястреб!

2-я девушка. Но зато девушка ушла от них далеко!

1-я девушка. Нет, ее не догнать!

2-я девушка. Вот, вот они опять подходят.

1-й колхозник. Смотрите, тот упал было с коня, а снова скачет!

3-й колхозник. Смотрите — русский, то с седла, то на седло!

2-й колхозник. А другой скачет, сидя задом наперед!

Все. Чудеса! Чудеса!

(Скачка пронесется перед трибунами. Взрыв криков в толпе.)

Еркара. Девушка на белом коне — твоя сестра?

Айдынгали. Что зря спрашиваешь? Ты же знаешь ее.

Еркара. Сегодня я ее просто не узнаю!

1-я девушка. Ак-марал! Не давайся им! Еще только один круг!

Все. Ак-коян!

Асубай. Ак-марал! Не давайся! А вы, соколы, — вперед, пока не поймаете!

2-я девушка. Ак-марал им не поймать!

1-й колхозник. Врешь! Соколы своего добьются!

Асубай. Вот это — я понимаю, искусство! Это — гонка! Давай, давай, соколы!

Айдынгали. Какие там соколы! Из казахов военных не получается!

Еркара. Что болтаешь, чужак! Откуда ты взял военных?

Айдынгали. А тот, передний — командир!

Еркара. Командир! Это он-то — командир? Я бы его и конюхом не сделал! Вот, если бы ты видел, как мы с басмачами воевали в Кызылкуме — ты бы понял, что такое командир, туды-сюды!

Сырым. Тише, не орите... Слышите, — песня! Песня!
Кто же это? Кто бы это мог быть?

Еркара. Это артистка! Из ансамбля... Артистка!

(По трибуне проходит, исполняя народную песню, певица с двумя мимистами-музыкантами. Народ подпевает знакомый мотив.)

3-я девушка. А там уж кончают последний круг! Ее так никто и не смог догнать! И не сможет!

Асубай. Вперед, соколы! Не давайте жертве уйти! Рвите ее на куски! Летите, как беркут Тникея! Помогите им, духи героев Алшагира, Таттикары — Таттимбета, борца Боз-Улана, Толе би из Большого жуза, Казыбека из Малого жуза, Шакшакулы Жанибека, Махамбета из Малого жуза! Помогите им, помогите!

Все. Девушка победила! Победила девушка!

(Последний раз скачка пронесется перед финишем. Звон.)

Все. Встречайте! Встречайте!

Асубай *(хлопнув шапкой)*. Эх, кабы я был помоложе!

Сырым. Поневоле вам приходится говорить “эх!”. Вы звали на помощь вашим соколам всех духов предков, Аз-Жанибека и Аблая — забыли позвать! А уж имя Аблая казахи на скачках поминают сколько существует Казахстан! Выходит, ваша вина!

Асубай. Молчу — ты прав!

2-я девушка. Встречайте Ак-Марал!

(Асия появляется на трибунах.)

Не давайте им больше к ней прикоснуться!

3-й колхозник. Не только прикоснуться, — не стоит им даже ее показывать!

2-й колхозник. Сюда, дорогая Асия, сюда! К нам!
(Овация.)

(Азимхан и Саша хотят пробиться к Асии через толпу.)

1-я девушка. Терпение! Терпение!

2-я девушка. Куда лезете? Вам ее никогда не поймать!

Азимхан. Ну, дайте хоть взглянуть на минутку!

3-я девушка. И смотреть вам не суждено! Чтобы иметь право на нее смотреть, надо было не жалеть себя!

Сырым. Ну, девушки, дайте им приз! Как в колхозах говорят: “За трудодень!”

3-я девушка. А вам – вот такой приговор: вам от нас бежать, а мы за вами будем гнаться! Отдайте им их “Призы!”

(Проигравшим скачку мужчинам подносят девичьи шапки. Смех.)

Сырым *(Асубаю)*. Ну, аксакал, мы ждем вашего решения! Беспристрастно, не кривя душой, присудите приз!

Асубай. Сынов моих победила дочь моя! От души поздравляю с победой! Тебе, Ак-Марал моя, присуждаю я первый приз! Я одеваю на тебя шапан! Пусть веселье всегда сопутствует тебе! Живи сто лет, дочь моя, на благо народа! *(Дарит шапан.)*

Асия. Честь – одному, призы – многим! Честь сегодня – выпала мне, а шапан пусть все же останется у вас.

Асубай. Я, Асубай, – дед ваш, я старик! Нечего скрывать – победили не сыны, победила дочь моя. Гордись же, как и я, Ак-Марал моя! Твоя победа – моя победа! Не терплю я, чтобы кто-нибудь чужой победил нас! Никогда не давай догнать себя! *(Хитро.)* Но кому-то и придется догнать! Кому-то век гнаться за тобой и не уставать! Но пока – будь для всех, дочь моя, только мечтой на белом коне, миражом для джигитов! Аминь! Аллаху-акбар!

(С овацией толпа уводит Асию и Асубая.)

Азимхан. Так мы вдвоем и остались? А кто ты такой?

Саша. А кто ты “такая”? *(Указывает на девичью шапку.)*

Азимхан *(бросая шапку)*. Я-то гнался за девушкой на белом коне, а ты, выходит, гонишься за мной!

Саша. Старик сказал правду: девушка на белом коне – мираж, мечта! Но ведь не ты же один гнался за ней.

Азимхан. Ах, так? Выходит – ты мой близнец, мой двойник?

Саша. Скакали вместе, отстали вместе! Что же ты тут хочешь поставить себе в заслугу? В таких случаях наши казахи говорят: “Мечта и со мной, мечта и с тобой!” Ты нас называешь близнецами? Тогда прибавь – тоскливыми!

Азимхан. Ну, я с тобой в колхоз объединяться не собираюсь.

С а ш а. А я народный юмор — принимаю! Ты был бы прав, если бы победил! А так — нечем тебе особенно гордиться. Много еще нам с тобой предстоит испытаний.

А з и м х а н. Пойми, я старался догнать ее со значением, а ты так, ради эффекта. Кто-то из нас гнался впустую.

С а ш а. О чем же спор? Сперва надо ее поймать, а там уж видно будет, кто со значением, а кто впустую!

С ы р ы м. Я думал, вы из-за приза спорите, а вы — так, из пустого в порожнее! Когда поделите, скажите мне, я погляжу, чей будет приз и кому что суждено!

А з и м х а н. Что он сказал?

С а ш а. А ты как его понял?

С ы р ы м (*задержавшись*). Может, прикажете пригласить вам специального арбитра? (*Ушел.*)

С а ш а. Да-а... На такой номер ни один гений в мире еще ничего путного не сказал... Когда-то, во времена Махмуд-Газнауи, одна девушка любила загадывать примерно такие загадки, так мудрый визир Гаяз сказал ей: “Суд божий еще не начался, значит, не пришло еще и время жаловаться!” (*Смеется.*)

А з и м х а н. А этот самый мудрый Гаяз мог бы определить, чья мечта осуществится раньше: моя или твоя?

С а ш а. Насчет Гаяза — не знаю, а в казахской легенде есть намек на это: “Когда солнцеликую красавицу Куникой гигант-орел унес в когтях...

(*Идут Сырым и Асия. Услыхали — остановились.*)

... то один батыр пронзил орла стрелой, в другой — подхватил девушку, когда она падала из когтей убитого орла на землю и не дал ей разбиться”. Но в легенде не сказано, кто был признан спасителем и кому досталась красавица. Этот вопрос и по сей день остался неразрешенным, ибо сердца обоих бились одинаково страстно и оба хотели ее спасти...

А з и м х а н. Разве тот батыр, который убил орла, не мог сам и поймать падающую девушку?

С ы р ы м. Пока вы занимаетесь этой длинной философией, разрешите мне воспользоваться случаем (*берет Асию под руку и хочет уйти*).

С а ш а. Вот, видишь, орел хочет унести Куникой!

А з и м х а н. Обидно!

А с и я (*услышала и остановилась*). Подождите, Сырым-ага! Не следует слишком расстраивать людей!

А з и м х а н. Поздравляю с победой, сестричка!

С а ш а. Пусть увеличивается количество побежденных.

А с и я. Ну, если я и победила, то только потому, что вы за мной так упорно гнались! Давайте разделим призы! (*Бросает букеты.*)

С а ш а. Спасибо!

А з и м х а н. Я не хочу ни с кем делить победу! Но что поделаешь — судьба!

С а ш а. Не хочешь делить победу? Но, к сожалению, приходится делить поражение!

А с и я. В таком случае — желаю вам обоим удачи! (*И она собирается уходить, но из буфета идет окруженный толпой Асубай.*)

А с у б а й. Куда ты, дочь моя? Погоди, я скажу тебе притчу. Слушай!

Сокол в синем небе вьется,

Вышла из норы лиса.

Сокол прямо к ней несется, —

Привлекла его краса!

В небеса глядит лисица,

Крылья сокола свистят...

К цели он своей стремится!

Тут лиса отводит взгляд!

Будет яростная битва, —

Сокол мчится, как стрела!

Не поможет и молитва!

Миг один, — и смерть пришла!

Небо борется с землею,

Ты ж — смотри, учись, познай!

Цель поставив пред собою,

К ней стремись — вот путь героя!

На высотах, там — твой рай!

(*Еще раз обнимает ее старый акын. Овацию прерывает возглас.*)

Е р к а р а. Артисты! Артисты! *(И появившаяся популярная певица запекает хвалебную песню в честь победившей девушки, песню, которую подхватывает народ.)*

З а н а в е с

Картина вторая

Ночь. Луна. Боевая позиция в Отечественной войне. Грохот канонады. По гребню холма отступает с перебежками наша часть. Телефонисты устанавливают связь.

Г о л о с а. За Родину! За Сталина! За Москву!
(Измученные Саша и Азимхан.)

С а ш а. Молодец, Бекетов! Не дал им ходу!

А з и м х а н. Он сегодня уж третий раз отбивает атаку. На его участке фрицы не могут ни на сантиметр продвинуться, а артиллерия кроет именно туда! Пойду-ка к нему. Ты, Саша, похозяйствуй тут, да пригляди, чтобы твой капитан не слишком бы перегибал!

С а ш а. Ох, и стоит мне крови этот капитан!
(Еркара врывается со своими бойцами.)

Е р к а р а. Танки! Готовься к бою! Прицел 300.

А з и м х а н. Придержи-ка его пока!

С а ш а. Тогшаров! Подожди-ка!

А з и м х а н. Я пошел во вторую роту. Держи связь!
(Ушел.)

Е р к а р а. Наступают... пошли... Отделение!..

С а ш а. Тогшаров!

Е р к а р а. А?

С а ш а. Погоди-ка... давай подпустим их на дистанцию гранаты... Успокойся же, Ереке. Закурить есть? *(Еркара бросает ему папиросу.)* Готовых не курю... Вертит козью ножку. В Алма-Ате еще весна, а, Ереке?

Е р к а р а. Ты о какой весне говоришь, туды-сюды?

С а ш а. Об алма-атинской... Ваш дом на какой улице?

Е р к а р а. Чего?

С а ш а. Живешь, говорю, на какой улице?

Е р к а р а. Угол Гоголя и Горького, туды-сюды...

С а ш а. А разве есть такой угол?

Е р к а р а. То... бишь... угол Гоголя и Абая, туды-сюды...

С а ш а. Недалеко от базара. Тетке, значит, удобно.

Е р к а р а. Правильно... Она только этим и довольна.

С а ш а. Зато от школы – далековато!

Е р к а р а. Что поделаешь, далековато. Теперь она, должно быть, как раз детей в школу повела...

С а ш а. Вот и на войне так: ты – отец, бойцы – твои дети, надо, значит, уметь водить. Ну-ка, давай разберемся, где сейчас танки?

Е р к а р а. Примерно в полукилометре, за оврагом...

С а ш а. Тогда тебе с твоей ротой надо скорей занимать овраг, чтобы принять бой в упор!

Е р к а р а. Верно... Рота! За мной! *(Уводит своих.)* Туды-сюды...

С а ш а *(телефонистам)*. Связь! Передать комбату во вторую роту: первая рота передвигается к оврагу *(ушел)*.

А с и я. Есть передать! *(В трубку.)* Роза! Роза! Я – резеда. Передайте командиру батальона: сто семнадцать – квадрат восемь дробь один. Да. Отбой!

(Вдруг – несколько разрывов. Перестрелка. В панике бегут несколько человек бойцов, падают на землю, прячутся.)

А й д ы н г а л и. Все кончено... Погибли... Спасайтесь!..

А с и я. Стой! Предатели! Я думала – ты мой брат! Ты – трус!

А й д ы н г а л и. Молчи... Тоже погибнешь. Я еще, когда ты собиралась на фронт, знал, что ты погибнешь! Идем со мной! Будем вместе!

А с и я. Прочь от меня, выродок! Стойте! Где ваша присяга? Где совесть? Слушайте приказ: всем обратно, если вы не бабы! Кто будет отступать – уложу на месте. За мной! Вперед! *(Телефонистке.)* Держи связь! *(Уходит.)*

(Идет Азимхан с адъютантом.)

А з и м х а н. Кто бежал? Где Асия? Что ты тут делаешь?

А й д ы н г а л и. Не спрашивайте, товарищ комбат!

А з и м х а н. Ранен?

А й д ы н г а л и. Нет... силы нет...

А з и м х а н. Что случилось?

А й д ы н г а л и. Кажется, сердце лопнуло...

А з и м х а н. Ах ты... Изменник! Где остальные?

А й д ы н г а л и. Не знаю... Ушли...

А з и м х а н. Где Асия?

А й д ы н г а л и. Ушла с ними...

А з и м х а н. Значит, ты ее увлек с собой, предатель?
(*Адъютанту.*) Взять!

А д ъ ю т а н т. Оружие! (*Тот отдает.*) Давай! (*Уводит Айдынгали.*) (*Бежит Саша, запыхавшийся, но довольный.*)

С а ш а. На участке первой роты – враг отбит!

А з и м х а н. Кого же направить на тот вон оголенный участок, к опушке? Туда идут танки, а там не прикрыто!

С а ш а. Разреши послать Бекетова

А з и м х а н. Иди! (*Взрыв.*) Стой... Что это за чудеса?

С а ш а. (*Смотрит в бинокль.*) Один танк подорван...
(*Взрыв.*)

А з и м х а н. Второй! (*Взрыв.*) Третий! Смотри...

С а ш а. Да. Остальные повернули!

А з и м х а н. Что там за люди работают?

С а ш а. Должно быть, подразделение Утешева. Похоже на их почерк!

А з и м х а н. В общем – дырку ликвидировали!

С а ш а. Да, на сегодня, кажется, последняя атака.

А з и м х а н. Кажется, последняя... Стихло... Молодец, Утешев!

(*Но сбоку, из ложины, ползут трое и первый из них, приготовив гранату, прицеливается кинуть ее в Азимхана и Сашу.*)

У т е ш е в. И-э-э-хх! (*Размахнулся и застыл с поднятой рукой.*)

С а ш а (*обернувшись на крик*). С ума сошел? Отставить!

У т е ш е в. Бог ты мой! Это же Саша! Вот-те на! И наш комбат! Бог ты мой! Чуть-чуть не опозорился... Бог ты мой! Давайте, ребята, обратный ход (*хочет уйти*).

С а ш а. Утешев, подойди! (*Утешев подходит весьма неохотно.*)

А з и м х а н. Я думал, ты дрался с танками, а ты тут болтаешься?

С а ш а. И кого, собственно, ты собирался кокнуть?

У т е ш е в. Ой, товарищ политрук! Совсем опозорился! Полз, полз и думал – до немцев добрался. Мы заметили, что группа немцев засела вот в этом направлении. Вот мы

и ползли к ним, с компасом в руках... Бог ты мой! Как он и нас, и вас сохранил!

С а ш а. Странный у тебя компас! Вел он тебя к немцам, а привел к своему комбату!

У т е ш е в. Не могу знать! Моргал, моргал он, вертел своим хвостом, как вшивая коза, и вот видите, куда он нас завел? С ним беды не оберешься... Нет, как это бог и нас, и вас сохранил?

С а ш а. Ты говоришь так, как будто ни деды твои, ни прадеды не знали компаса! Но ведь казахи с давних пор называли его “кубланом”?

У т е ш е в. А-а-а! Понял! Понял! Но с ним далеко не уйдешь! Он не к добру! С ним только молиться, а не воевать! А я вот сроду никогда не молился... Ну... и освободите меня от него!

А з и м х а н. Чем ты на сегодня еще можешь похвастаться?

У т е ш е в. Я целый день был занят...

А з и м х а н. Определением немецкой позиции по компасу?

У т е ш е в. Я же докладываю вам... Уничтожили две порядочные группы немцев, пошли за третьей! Эй, Бойко! Киргизик! Тащите трофеи! Давайте автоматы! (*Те приносят.*) Вот сколько мы их кончили... Раз, два, три... восемь... двенадцать... пятнадцать. И эти вот фляжки — ихние... В этой, кажется, что-то булькает. Разрешите при себе сохранить?

А з и м х а н (*Саше*). Вот тебе — война: тут же и предательство, тут же и отвага!

С а ш а. Под шумок он все же пятнадцать штукек стукнул!

А з и м х а н. Сержант Утешев, можешь указать, где враг, где мы? Карта есть у тебя?

У т е ш е в. Есть, кажется...

А з и м х а н. Покажи, где мы находимся!

У т е ш е в. (*Разложил карту.*) Кажется, вот здесь. До Москвы далеко.

А з и м х а н. Почему же говоришь: до Москвы далеко, а сам показываешь на Рязань?

У т е ш е в. Ну, так и есть! Москва, ведь, за Рязанью. Когда мы из Алма-Аты ехали, то сперва попали в Рязань?

У т е ш е в. Чего болтаешь? Передай своему командиру от моего имени: пять нарядов вне очереди, чтобы освоить компас и научиться правильно показывать на карте, где мы находимся. Марш!

У т е ш е в. Есть, товарищ командир батальона! Бери трофей! (*Бойко и Шубак уносят автоматы.*) Пошли! Нет, как только бог меня спас! (*Уходят.*)

С а ш а. Ну, а я все-таки пойду выясню: кто же это подорвал танки? (*Уходит.*)

А з и м х а н. Адъютант! Давай этого негодяя! (*Адъютант приводит Айдынгали.*) Как ты оставил свой участок и попал сюда?

А й д ы н г а л и. Отступил, товарищ комбат...

А з и м х а н. Где твоё отделение?

А й д ы н г а л и. Товарищ комбат, оно, кажется, сегодня все в расходе...

А з и м х а н. А где твой взвод? Почему не остался со взводом?

А й д ы н г а л и. От всей роты никого не осталось в живых, товарищ комбат...

А з и м х а н. Значит, ты — единственная надежда всех наших войск? Почему не умер вместе с товарищами?

(*Идет Сырым Бекетов.*)

С ы р ы м. Товарищ комбат! Атака отбита. Враг отступил. Рота — на своем боевом участке, ни шагу назад не сделала!

А з и м х а н. А ты знаешь, что с этим вот произошло? Он ведь из твоей роты?

С ы р ы м. Знаю. Я бы сам его кончил на месте, да он был далеко от меня. Из револьвера не достать было...

А з и м х а н. Верно. Таких надо уничтожать без пощады. Только смерть.

А й д ы н г а л и (*валится на землю*). Братья!.. Товарищи!.. Все мы — дети казахской матери! Не проливайте крови! Пожалейте!

А з и м х а н. Если мы все дети казахов, то почему ты бросил своих братьев? Ты защищал только свою шкуру! Значит, мы только тогда братья, когда все хорошо, а когда плохо — ты всех нас бросаешь? Не подходи!

А й д ы н г а л и. Сырым! Сырым! Скажи хоть слово в защиту! Ведь я же твой родственник!

Сырым. Ты мне не родственник. Ты — враг.

Айдынгали. Неужели нет пощады? Неужели я всем — враг?

Азимхан. А кто же ты? Мой приговор — приговор народа, приговор Родины. Повернись! (*Выстрел. Айдынгали падает, и Асия входит как раз в это время. Она останавливается, как вкопанная.*) Где ты была до сих пор?

Асия. Там, где был мой воинский долг.

Азимхан. Кто тебя послал?

Асия. Я пошла сама.

Азимхан. После его бегства?

Асия. Да.

Азимхан. Вместе с бежавшими?

Асия. Бежавшими?

Азимхан. Отвечай правду. Твой брат сказал это.

Асия. Да, я ушла с ними вместе.

Азимхан. Значит, брат бежал, а ты — пыталась?

Асия. Я пыталась?

Сырым. Товарищ комбат, успокойтесь! Асия — это не Айдынгали.

Асия (*вспыхнув*). Товарищ старший лейтенант, прошу не защищать меня! Я тоже хочу знать правду! Товарищ комбат, скажите ваше мнение обо мне яснее.

Азимхан. Ты бежала с ними.

Асия. Нет!

Азимхан. Где те бойцы? Куда они бежали?

Асия. Они не бежали и не заслуживают наказания!

Азимхан. Ну уж это — дело командования.

(*Идет Саша с группой бойцов.*)

Саша. Товарищ комбат, разрешите обратиться!

Азимхан. Давайте!

Саша (*бойцам*). Докладывайте командиру батальона!

Боец. Товарищ командир батальона! Три вражеских танка уничтожено. Экипаж нами взят в плен.

Асия. Товарищ комбат, вот те бойцы, с которыми я бежала вместе!

Азимхан. Боец Аскарлова, возвратитесь на свое место — к телефону. Спасибо, товарищи бойцы! Идите! (*Те уходят.*) Прикажи убрать.

Сырым. Есть. Шубак! Орлов! *(Те входят.)* Убрать!

Саша. Это – брат Азии?

Азмихан. Да. Идем. *(Ушел с Сашей и Сырымом.)*

Шубак *(поднимая с Орловым труп Айдынгали)*. Наши киргизы когда-то давно, в одном бою, не досчитались двоих... Спросили: “Кто погиб и как?” Ответили: “Салты умер смертью храбрых, Колпаш погиб от глупости”. Вот это, видно, Колпаш и есть! *(Уносят.)*

(Асия зарыдала. Подруга-телефонистка обняла ее.)

Асия. Позор... позор... Как теперь людям в глаза смотреть?

(Идут Рокотов и Юровский.)

Юровский. Здравствуйте, товарищи бойцы.

Асия. Здравствуйте, товарищ майор.

Юровский. Комбат здесь?

Асия. Командный пункт здесь. Комбат пошел к бойцам.

Рокотов. Товарищ боец! Командный пункт слишком оголен. Разве можно так укрепляться? Как вы думаете?

Асия. Товарищ генерал-майор! Мы только что отступили на эту позицию.

Рокотов. Отступили?

Асия. Товарищ генерал-майор. Мы целый день были в бою и последнюю атаку отбили здесь.

Рокотов. Тогда так и надо докладывать, а не говорить, что мы “отступили”. Комбат сегодня в хорошем настроении?

Асия. Нет, товарищ генерал-майор, командир батальона сегодня очень сердит.

Рокотов. Сердит? Разве полагается сердиться комбату, когда у него такая исполнительная связистка?

Асия. Комбат сегодня расстрелял брата этой связистки...

Юровский. Расстрелял? За что?

Асия. За то, что он бежал с поля боя, бросив свое подразделение...

Рокотов. Значит, он был командир?

Асия. Командовал отделением. Сержант.

Рокотов. Д-да... Не так весело...

Юровский. Обычные перегибы Шалкарова.

Р о к о т о в. Надо проверить.

(Входят Азимхан и Саша.)

А з и м х а н. Товарищ генерал-майор, состояние батальона – тяжелое. Потери – большие, результатов – немного. Оторвались от общей цепи фронта, действовали самостоятельно, стратегически, очевидно, не совсем правильно...

Р о к о т о в. Почему же все-таки результатов немного?

А з и м х а н. От плохой координации действий батальона в целом. Само ваше посещение нашего участка указывает на это.

Р о к о т о в. Какие были сегодня операции на вашем участке?

А з и м х а н. Девять раз отбивали атаки и три раза переходили в контратаки. Результаты: уничтожили 10 танков. Батальон свои позиции сохранил.

Ю р о в с к и й. Товарищ комбат, значит, целый день вы совершали только подвиги?

А з и м х а н. Нет, товарищ командир полка. Были и подвиги, были и недостойные моменты.

Ю р о в с к и й. Значит, панику вы прекратили у себя расстрелом своего командира?

А з и м х а н. Да. За панику, созданную им во время боя, командир отделения, сержант Аскарков, расстрелян.

Р о к о т о в. Товарищ майор, расследуйте все это на месте и доложите мне в 20.00.

Ю р о в с к и й. Есть, товарищ генерал-майор. *(Уходит.)*

Р о к о т о в. Товарищ политрук Белов! Насколько подействовала паника Аскарова на остальных?

С а ш а. Товарищ генерал-майор, с ним бежало 6 бойцов.

Р о к о т о в. Как с них взыскано?

С а ш а. Взысканий не было.

Р о к о т о в. Почему?

С а ш а. Когда они отступили, сестра расстрелянного Аскарова, Асия, не смогла остановить своего брата, но вернула в бой остальных и ими было уничтожено три вражеских танка.

Р о к о т о в. А знаете – это настоящее дело! Но только не за счет командования батальоном, это личная инициатива бойцов! Садитесь, товарищи. Я хотел сказать вам две

вещи, товарищ комбат. Подвиг, совершенный одним из ста бойцов, значит меньше, чем позор одного из тысячи! У нас рядом с героизмом еще встречаются и низость, и трусость, но мы все виноваты, если вовремя не смогли углядеть, когда именно возник героизм и когда родилась трусость! Затем — я недоволен вашим докладом о результатах действий батальона. Сам фон-Крюгер бросил на ваш участок два танковых полка, но вынужден был отступить, как кот, которому смазали по рылу. Так что же вы думаете, что немцы считают, что они вам трупы своих солдат в подарок оставили? *(Встал.)* Список всех отличившихся сегодня в бою представите в штаб. Пишите об их личной доблести и отваге. Так прямо и пишите! Ваша часть оказалась сегодня тем клинком нашей дивизии, который выкован из особой, нержавеющей стали! Сведения давайте скорее!

А з и м х а н. Есть, товарищ генерал-майор.

Р о к о т о в. А нам с вами еще много о чем придется поговорить, товарищ комбат. До свидания. *(Уходит.)*

С а ш а. Ну, как, комбат? Как ты грел Утешева, так грели и тебя, дружок?

А з и м х а н. Молчи, Сашка. Это штука посерьезнее. Но — пусть, не так уж это плохо...

(Идут Юровский и Еркара.)

Ю р о в с к и й. Капитан Шалкаров! Сегодняшние события у вас подлежат расследованию. До его окончания — вы от командования батальоном отстраняетесь. Временно командовать батальоном будет капитан Тогшаров. Вы отправитесь со мной.

А з и м х а н. Есть, товарищ майор.

Ю р о в с к и й. Капитан Тогшаров, приступите к исполнению своих обязанностей.

Е р к а р а. Готов выполнить ваше приказание, товарищ майор!

З а н а в е с

Картина третья

Ночь. Офицерский блиндаж, занесенный сугробами. Здесь КНП батальона, в блиндаже прикорнула на лежанке Асия, около блиндажа обучает Утешев Шубака и Бойко тайнам компаса.

У т е ш е в. Пора идти. Теперь поняли, как надо обращаться с компасом? Задачи я объяснил. Идем все трое — врозь, да смотрите — не заблудитесь. Здесь — не Алатау, там с каждой горы можно видеть далеко вокруг себя. А нам придется и туда, и обратно — ползком, а направление держать — по компасу (*дает*). Это аппарат с загоулинкой... видишь — все время моргает, ни минуты покоя. Вся штучка-дрючка в этой вот стрелке. Это не аппарат — черт! Захочет — к немцам, захочет — к своим приведет.

Ш у б а к. Выходит, он тебя здорово подвел! (*Смеется.*)

У т е ш е в. Не скаль зубы, а то как заеду!

Ш у б а к. Ну, значит, ты уж научился!

У т е ш е в. Научишься, если получишь десять нарядов вне очереди!

Ш у б а к. Значит, из-за этой стрелки ты пострадал?

У т е ш е в. Ну, да. Один конец уперся в комбата, другой — в меня.

Ш у б а к. Значит, комбат — был север, а ты — юг!

У т е ш е в. Вот, вот! Угадал! Выходит, и ты уже научился!

Ну, пошли.

(*Уходят. Саша вошел в блиндаж.*)

С а ш а (*Асие, которая пытается встать*). Лежи, лежи... очень уж ты уютно устроилась... прямо, как котенок! Лежи!

А с и я. Ну, тогда — подсаживайтесь.

С а ш а (*садясь*). Что, взгрустнулось? “Когда нас печаль навешает и льются слез горьких ручьи, то сердце тогда открывает заветные тайны свои!”

А с и я. Да, когда на фронте тихо, я всегда подолгу задумываюсь. И тоскливо!.. Ты угадал...

С а ш а. Да, скучновато стало... как в пустой пещере... Об Азимхане я все задумываюсь...

А с и я. Ну тут уж ты кривить душой начал!.. (*Пауза.*) А я все вспоминала наше любимое озеро! Помнишь? Как замечательно было, особенно в праздничные дни... лодки... цветы... красота! А какая светлая, ликующая молодежь!

С а ш а. Ты хочешь сказать, что красота была во всем — и в юношах, и в девушках?

А с и я. Да, мне кажется, что раньше были дни только сплошного веселья... Как прощальный “той”. Ежеминутно я вспоминаю о расставании. Как только я слышу слово “Родина”, так в памяти и встают дни прощания! Шум и веселье праздника и сейчас звучат у меня в ушах, как мелодия любимейшей песни, Сашенька!

С а ш а. А я, когда вспоминаю тебя прежнюю, не могу привыкнуть к тебе такой, какая ты сегодня! Тогда ты для нас с Азимханом казалась несбывшейся мечтой. Правда?

А с и я. Как, Саша, разве и ты мечтаешь? Мне казалось, что это только мы, девушки.

С а ш а. Нет, не только, Асенька! Говорят: от мечты не столько радости, сколько страдания! А какой был мечтатель Азимхан! Он просто носился на крыльях фантазии. Он мог и бурно восторгаться, и глубоко горевать. Большого сердца этот человек! Есть в нем что-то возвышенное и достоинства его как-то все слиты вместе, спаяны в единое целое! Но не часто он их показывает людям. Иногда даже и не замечаешь всего этого. Целиком разобраться в этом парне — трудно! Слишком уж он многогранен!

А с и я. Есть, Саша, хорошая казахская пословица: “Когда говоришь о ком-нибудь за глаза — говори о нем его же словами!” Но если у человека действительно все те качества, о которых ты так восторженно говорил, то, я думаю, многие должны бы интересоваться им. А? Но, пожалуй, не все замечают эти качества.

С а ш а. Правильно, не замечают, Асия! Золотые слова! А мне это даже и в голову не приходило!

(Входит Сырым.)

С ы р ы м. Саша, твой новый комбат слишком уж перегибает палку. Всем от него достается... Тебе придется вмешаться!

С а ш а. Он хотел зайти сюда.

С ы р ы м. Они там с Юровским вдвоем такое творят — просто жуть!

С а ш а. Новый начальник! Все они поначалу перебарщивают... придется посмотреть! Спокойной ночи, Асия!
(Уходит.)

Сырым. Асенька, как ты удобно пристроилась! Так ты и меня можешь соблазнить. *(Устраивается рядом с ней.)* Досадно, право! Хотелось бы мне знать, о чем может мечтать в такую тихую ночь девчонка в штанах?

Асия. Местом с тобой поделиться – это еще туда-сюда, ну а уж мечтами – извините!

Сырым. Ну и не надо! Я и так знаю! Хочешь – сам скажу, о чем ты даже слова не проронила!

Асия. Часто бывает так: видно издалека – а дойдешь до них не скоро. Сверху в реку смотришь, дно видишь, а достать до него – не достанешь!

Сырым. Ну, ты себя с горами не сравнивай! Я, если сам не смогу, допустим, добраться до вершины горы – пушу двух моих орлов, смотришь, они и взлетят! Погляди-ка в небо! Видишь – там, в лазури – два орла! А вон там, на вершине горы – белый марал. Молнией сверкают крылья орлов, у них – борьба, и марал будет призом победителю! Но марал – молод и неопытен. Он с увлечением следит за борьбой в небе, но совершенно не представляет себе, что будет потом. И если один из орлов вдруг начнет камнем падать с высоты, то что же марал – бросится бежать или будет безуспешно сопротивляться? Неизвестно. А ты все же следи, следи! Если шея затечет от напряжения, следи лежа!

Асия *(смеясь, отталкивает его с лежанки)*. Пошел прочь от меня!

(Входят капитан Еркара и Саша.)

Еркара. Асия, сходи-ка, там от вас старичок делегатом приехал. Поговори с ним, а то он мне совсем голову заморочил.

(Асия уходит.)

Саша. Скажите-ка, товарищ комбат, положение батальона сейчас опасно?

Еркара. Почему это ты зря беспокоишься?

Саша. Не кажется ли вам, что позиция батальона ненадежна? Донесения разведчиков – это подтверждают.

Еркара. Зайцу всегда все кажется опасным, а если разобратся по-настоящему – никакой угрозы я не вижу.

Сырым. Так-то так, но мне кажется, что батальону становится все трудней и трудней. *(Уходит.)*

Еркара. Я в курсе всех донесений.

С а ш а. Не пахнет ли окружением?

(Взволнованно входит Утешев.)

У т е ш е в. Разрешите обратиться, товарищ капитан!

Е р к а р а. Подожди *(Саше)*. Окружить нас я не дам. Я за это отвечаю. Командир полка приказал держать — это уж другой коленкор!

У т е ш е в. Товарищ капитан, у меня срочное донесение!

Е р к а р а. Подождать, я сказал! *(Саше.)* Держу, значит, и удержу! Я не слепой, я все сам вижу.

У т е ш е в. Простите, товарищ капитан, по данным нашего участка видно, что противник готовится к маневру окружения.

Е р к а р а. Как к окружению? Что они думают, что здесь пустое место?

У т е ш е в. Опасность есть, товарищ капитан!

Е р к а р а. Кругом! Марш! *(Утешев поворачивается и уходит.)* Трус! Комбат думает, политрук думает, солдат думает! Кто же тогда воевать будет?

С а ш а. А мне вот кажется, что как раз комбат-то и не думает! Что же делать дальше, как решать?

Е р к а р а. Решаю так: никуда не двинусь, даже если и окружат!

С а ш а. Только что вы говорили, что окружения не может быть. Теперь уж ваше мнение изменилось?

Е р к а р а. Да что ты ко мне пристал? Ну давай подумаем вместе!

(Входит Асия.)

А с и я. Асубай идет!

Е р к а р а. Эх, черт, не вовремя несет этого старика!

(Входит Асубай.)

Пожалуйте, пожалуйста, Асеке!

А с у б а й. Здравствуйте, мои соколы Алатау! Не я ли бросил вас с наших далеких высот на кабанов, рыщущих в этих лесах? Не я ли послал вас на границу России из цветущих садов Алма-Аты — в метель, в морозы?!

С а ш а. Вот-вот!

А с у б а й. Буря! Непогода! Зверь оскалил зубы! Он — здесь, перед вами! Дети мои! Я приехал с далекой родины и застал вас в решающий момент... На вас любуются великие

предки... дух их — здесь с вами! Дух Кобланды, Каракерей-Кабанбая, Канжыгалы-Богембая, батыров: Барака, Аблая и Амангельды — да вдохновят они вас на подвиги! Но все ли вы тут? Все ли вы до одного готовы ворваться в логовище врага?

Е р к а р а. Мы все готовы на смертный бой, Асеке!

А с и я. Садитесь, садитесь, ата!

А с у б а й. Где же мой милый Азимхан? Разве не он у вас командует? Слава о нем дошла до родины! Жандарал Уркетов не хотел меня пускать сюда, на передовую, он уговаривал меня повидаться с Азимханом у него и собирался даже вызвать его к себе, но я не выдержал, сказал ему: “Эй, ты жандарал — настоящий джигит! Я даже его по фамилии принял за настоящего казаха — Уркетов! И вот он дал мне в проводники своего ататунта и на машине подбросил сюда! Где же мой друг Азимхан? Покажите мне его!

Е р к а р а. Аксакал, здесь вы не у себя в ауле, здесь — война! Здесь не всегда полагается спрашивать об отсутствующих.

А с у б а й. Доченька, если не полагается спрашивать, значит, что-то нехорошее случилось? Не к месту, видно, мой вопрос?

А с и я. Нет, ата, вопрос к месту.

Е р к а р а. Баста! Хватит! Кто про голову, кто про бороду!

А с у б а й. Ой, что-то здесь не так... Видно, мне с ним не встретиться!

Не там я, видно, его ищу! Дочка, проводи-ка меня до моей берлоги... *(Уходит. Асия за ним.)*

Е р к а р а. Я вижу, Саша, что ты испугался окружения!

С а ш а. Чему же ты радуешься?

Е р к а р а. Я не радуюсь, но и не боюсь! Разве ты не помнишь, что сказал генерал? Он сказал: “Война в окружении врага — это тоже большое искусство!” Я не уступлю. Буду драться.

С а ш а. Конечно, это не каждый может. Но вот хорошая есть у нас пословица: “Сокол с места — ворона на место!”

Е р к а р а. Это что? Шалкарров что ли сокол?

С а ш а. Ну, Шалкарров не Шалкарров, но уж не ты, конечно!

Е р к а р а. Э-э-э! Вот ты когда весь раскрылся! Теперь понятно, почему ты со мной вечно пререкаешься! Я буду с тобой разговаривать только при командире полка!

(Входят Зорин и Юровский.)

З о р и н. Что случилось? Почему батальону грозит окружение?

Ю р о в с к и й. Видимо, еще не расстались с грехами прежнего командования.

З о р и н. Почему это вчера еще батальон считался передовым, а сегодня он уже в безвыходном положении?

Е р к а р а. Не можем все еще расхлебать шалкарговскую кашу!

З о р и н. Довольно болтать зря! Надо искать выход из затруднительного положения. Товарищ командир полка! Какое будет ваше решение? Наступать?

Ю р о в с к и й. Нет... Нельзя...

З о р и н *(Тогшарову)*. А по-твоему?

Е р к а р а *(глубокомысленно)*. Мне нужно несколько часов...

З о р и н. А кто же тебе даст эти часы? У немцев что ли просить? Ну, так как же? Отступление?

Е р к а р а. Отступление? Нет! Ни за что! Да и от генерала попадет!.. Не наступать и не отступать. Батальон останется на месте и, если надо, — умрет в бою!

З о р и н. Умрет? И это вы считаете геройством? Нет. Нецелесообразно. *(Пауза.)* Есть другие решения?.. Молчите? Ну, я так и знал. Есть такой сорт людей: опасности нет — они петухи, есть опасность — мокрые курицы!

(Входит вестовой.)

В е с т о в о й. Разрешите доложить, товарищ майор?

Ю р о в с к и й. Давайте.

В е с т о в о й. Прибыл командир дивизии.

Ю р о в с к и й. Встать!

(Входят Рокотов, Азимхан. Вестовой уходит.)

Р о к о т о в. Здравствуйте, товарищи!

В с е. Здравствуйте, товарищ генерал-майор!

Р о к о т о в. Майор Юровский, восстановите капитана Шалкарова в командовании батальоном!

Ю р о в с к и й. Слушаю, товарищ генерал-майор. Ну, что ж... Приступайте!

Р о к о т о в. Приступайте быстрее, а то потом будет поздно! Майор Юровский, как, по-вашему, здесь сильный пункт вашего полка или слабый?

Ю р о в с к и й. Слабый, товарищ генерал-майор... простите, я не знал, что вы лично посетите расположение полка...

Р о к о т о в. Положение батальона для меня ясно. Как вы решили? *(Пауза.)*

З о р и н. К решению еще не пришли. Батальону угрожает окружение, командиры... обсуждают!

Р о к о т о в. Выходит — сидит лиса у колодца на задних лапках, хвост примерз! Утром бабы придут за водой, ведром прикончат! Великолепная перспектива! Наверное, многие из вас уже решили умереть на месте, считая, что звание Героя Советского Союза им обеспечено? Фон-Крюгер обходит ваши фланги. Он собирается вот-вот замкнуть кольцо. Идти с боем вперед — нет смысла. Отступить — тоже нельзя: сзади стою я. Такое, выходит, положение? А?

З о р и н. Что тут скрывать? Определили в самую точку!

Р о к о т о в. Положение у вас трудное, но мне придется вам задать задачу еще потруднее. До сих пор вы все время думали, как и где будет наступать фон-Крюгер. Вы ни разу не попробовали перевернуть это дело: заставить его подумать, как и где будете наступать вы. Мне кажется, в этом и есть весь ключ. Как думаете, товарищи?

С а ш а. Совершенно новая мысль!

А з и м х а н. Для реализации этого потребуются и мужество, и сноровка!

Р о к о т о в. Я предупреждал вас, что ненаходчивый командир — не командир в моих частях! Если в критическом положении мы не найдем свежего и остроумного решения, — это беспомощность! Ну, товарищ Шалкаров! Впереди тебя фон-Крюгер, с которым ты дерешься несколько месяцев подряд и который не только твоему батальону, но и всей дивизии потрепал косточки. И этот зверь собирается сделать на тебя последний прыжок! Вот, что у тебя впереди! Ну, товарищ комбат, есть у тебя какой-нибудь новый ответ фон Крюгеру?

А з и м х а н. Я думаю, как бы заставить фон-Крюгера оглянуться назад!

Р о к о т о в. Это — хорошая мысль! Но в твоём распоряжении одна только ночь. Сколько тебе надо времени, чтобы подумать?

А з и м х а н. Я прошу пять минут, товарищ генерал-майор!

Р о к о т о в. Пять минут? Ну, это еще куда ни шло! Согласен. Подумай. Пойдем-ка, поглядим вокруг, как тут у вас? *(Идет к выходу, с ним все, кроме Азимхана и Асии.)*

А з и м х а н. Вдвоем остались, Асия?.. Ну, иди, сядь поближе... Рассказывай, как твои дела?

А с и я. Азимхан-ага, вам же нужно думать!

А з и м х а н. Асенька, настоящее сердце, говорят, испытывается в бою. Как думаешь, правильно?

А с и я. Откуда же мне это знать?.. Может быть, позвать Сашу? Он бы помог вам думать...

А з и м х а н. Сашу, говоришь? Ты недурно разбираешься в людях... Да, это — человек! С большой буквы! Правда?

А с и я. Я могла бы сказать “да”, но... только... я не совсем понимаю...

А з и м х а н. Бывают такие люди: вот грозит тебе, скажем, опасность — и он защитит тебя, как меч, как пика, как кинжал! Кто из нас так может, Асия?

А с и я. Вам же надо было думать!

А з и м х а н. Если бы у меня было такое сердце, как у Саши, я бы не пожалел об этом! * Оно подсказывало бы мне всегда верное решение в любой обстановке! Оно бы выручило меня и в метель, и в пургу, пригодилось бы и в сегодняшнюю страшную ночь!.. Сегодня Новый год... Как погода? Кажется, ветер поднялся? Лес зашумел... Надо ждать метели...

А с и я *(у окна)*. Да, буран идет...

А з и м х а н. Да... Ночь — как могила! Буран начинается! Говорят, в такие ночи сердца открывают все свои сокровенные тайны!

А с и я. Азимхан-ага, вам же думать надо было!

А з и м х а н. Да, ты правильно вспомнила о Саше... я сам только о нем и подумал бы...

(Входит Саша.)

* Отсюда и до конца акта постепенно усиливающийся ветер и снег.

С а ш а. Ну, командир, как дела? Подумал? Решил?
А з и м х а н. Уже готово! А скажи, как бы ты поступил на моем месте? (*Саша, улыбаясь, шепчет ему на ухо.*) Правильно. Утверждаю!

(*Раскрывается дверь блиндажа. На пороге — Асубай.*)

А с у б а й. Азимхан-джан! Я очень соскучился по тебе! Где это ты прячешься от меня?

А з и м х а н. Асеке! Здравствуй, дорогой!

А с у б а й. Руки вверх! А ну, выстрой передо мной своих сарбазов!

А з и м х а н (*смеется*). Сдаюсь! Но — извините — сарбазов не выстрою!

А с у б а й. Дорогой мой! (*Обнимает его.*) Ты — мой стальной разящий клинок, занесенный над головой врага! Руби ему голову! Враг перед тобой — бей его со всей силой! Громи его! Ты — герой, ты воин Сталинской армии! Сарбазы мои! Перед вами крепость врага — возьмите ее! А ну — рапортуй мне!

А з и м х а н. Все, что вы сказали, будет выполнено! Еще раз приветствую! (*Входят Рокотов, Зорин и другие.*)

Р о к о т о в. Ну — докладывайте, что придумали!

А з и м х а н. Товарищ генерал-майор! Выход такой! Не отступление, не самопожертвование и не наступление. Мы решили обходным маневром напасть на фон-Крюгера с его же собственного тыла. Разобьем батальон на две группы и одновременно попробуем с политруком Беловым внезапно захватить их штаб. Так, что ли, лейтенант Белов?

С а ш а. Точно, товарищ капитан.

З о р и н. Вот-вот. Настоящего Шалкарова мы знаем именно таким!

Р о к о т о в. Абсолютно правильное решение. Бить его с его же собственного тыла! Это — раз! Значит, уклонясь от его окружения, сделать попытку окружить его самого. Это — два! А дальше должен думать я сам, — это уж три! Трудное дело! Желаю успеха! (*Жмет Азимхану руку.*) Возвращайся живым! (*Пошел.*)

А з и м х а н. Товарищ генерал-майор! Разрешите несколько слов...

Р о к о т о в. Давай, комбат!

А з и м х а н. Я вспомнил одну восточную легенду. Гнез-

до сокола всегда бывает на вершине снеговой горы, и когда мать учит своего птенца летать — она летит вместе с ним вниз с этой горы, прикрывая его своими крыльями от холода и дождя. Если он по неопытности летит на скалу — мать прикроет его своим телом и не даст разбиться. Если он летит над морем — мать летит снизу, чтобы он случайно не утонул... вы учите нас летать, как сокол учит своего птенца. Я обещаю вам оправдать ваше доверие и заботу!

Р о к о в. Хорошая легенда! Но смысл ее относится не ко мне, а к тому соколу из соколов, который всех нас прикрывает своими крыльями, — нашему Верховному Главнокомандующему. Я помню твое обещание, товарищ Шалкаров. Готовься. Я ухожу. Счастливой работы! *(Уходит.)*

З о р и н. Счастливого пути, как это у вас говорится? Батыр!

(Все уходят. Азимхан срывается с места и на ходу застегиваясь выбегает на сугробы косогора, под которым блиндаж.)

А з и м х а н. Ну, буран! Дуй! Дуй во всю силу! Командиры — ко мне! *(Бегут Еркара, Саша, Сырым.)* Тогшаров — валяй к своей роте! Пойдешь со мной! Сырым! Собирай своих! Саша! Пойдешь с Бекетовым! Выступаем по сирене. Скорей! *(Они разбегаются.)*

А с и я. Разрешите, товарищ комбат!

А з и м х а н. Знаю, но не разрешаю!

А с и я. Азимхан-ага!

А з и м х а н. Чего ты хочешь?

А с и я. Это жалость или наказание?

А з и м х а н. Это — смертный поход, Асия!

А с и я. Я знала, что иду не на свадьбу! Разве я здесь только для того, чтобы беречь свою шкуру?

А з и м х а н. Ах, так?.. Идем!.. Беги, давай сирену!

(Асия стремительно сбегает по косогору. Через секунду — раздается зловещий вой сирены и походным маршем по гребню холма вверх идут на ночной штурм вражеского штаба бойцы героического батальона капитана Шалкарова.)

З а н а в е с

Картина четвертая

Богатый особняк, отданный Дому пионеров. Немцы, заняв город, превратили это помещение в свой штаб. На стенах еще сохранились портреты писателей: Некрасова, Достоевского, Льва Толстого, Джембула. Ожидается встреча Нового года. Немецкие офицеры поставили в центре зала елку и украшают ее.

Ш у л ь ц е. Получается как будто недурно! Теперь сюда надо еще Деда Мороза — и все готово!

Б е р г. Живей, живей! Сейчас приедет генерал с супругой.

Ш у л ь ц е. Генеральша приедет так рано?

Б е р г. Она считает, что мы не умеем украшать елки. Хочет заранее посмотреть.

Ш у л ь ц е. А ну, господа офицеры, покажем, какие бывают офицерские елки. Давайте грохнем-ка наш юнкерский хор! *(Они поют.)*

Война, поход для нас —

Веселая игра!

В ней знают толк давно

Все юнкера!

Не должен смерти здесь

Бояться офицер,

Сыграть готовы мы

С ней в шмен-де-фер!

Б е р г. Тише, господа... Идут, кажется...

Л е й т е н а н т. Его превосходительство!

(Медленно идет фон-Крюгер. Все вытягиваются.)

Ф о н - К р ю г е р. А-а-а... *(и, неожиданно повернувшись, уходит обратно. Общее недоумение сразу разрешается — генерал возвращается под руку с фрау фон-Крюгер, надменной дамой с лорнетом.)*

Б е р г. Елка в честь супруги вашего превосходительства почти готова! Остаются последние штрихи!

(Демонстрируется елка. Ее поворачивают на оси. Фрау фон-Крюгер оглядывает ее с выражением явного неудовлетворения.)

Б е р г. Мнение вашего превосходительства?

Ф о н-К р ю г е р. Я не очень разбираюсь в этом вопросе. Что скажешь, Ленхен?

Ф р а у ф о н-К р ю г е р. Нэ-э-э-э... *(у нее кислая гримаса).*

Ф о н-К р ю г е р *(посмотрев на лицо жены).* Я сказал бы... мало фантазии. *(Посмотрел на елку, ища к чему бы придраться, и вдруг заорал.)* Где Дед Мороз?

Ф р а у ф о н-К р ю г е р. Фи-и-и-и.

Ф о н-К р ю г е р *(сразу стих).* На русской земле научились русской небрежности? Где Дед Мороз?

Б е р г. Дед Мороз еще не готов, ваше превосходительство, делается!

Ф о н-К р ю г е р. В мужицкой России не нашлось подходящей бороды? *(Взор его падает на портреты писателей.)* Вот тут выстроились бороды всех веков!

Б е р г. Очевидно, колхозные дворяне, ваше превосходительство?

Ф о н-К р ю г е р. Нет... это все, кажется, мои старые знакомые! Мужик Некрасов! Психопат Достоевский! А, и знаменитый граф Лев Толстой! Это особая глава русской истории, один из гениальнейших людей! Из всех писателей мира — он один показал подлинное лицо Наполеона. Даже наш Клаузевиц не рискнул на это! Он вселил в русского мужика веру, что Россию не одолеть никаким Наполеонам, а мысль, засевавшую в мужицкой голове, не легко выбить. Он как будто предвидел, что мы придем, и завещал русскому мужику держать топоры наготове! Поэтому — этот портрет не должен быть в гостях на нашей елке! Не так ли, майор?

Б е р г. Простите, ваше превосходительство! Уберем немедленно! Лейтенант Шульце! Убрать!

Ш у л ь ц е. Есть. *(Орет часовым.)* А-а-а-ап! Быстро! *(Четверо молодых, влетев, снимают портреты и уносят.)*

Б е р г *(указав на другую стену).* Ну, а этот азиат? Из колхоза?

Ф о н-К р ю г е р. Вы не слыхали о нем? Это — восточный поэт... Джамбул... Но он тоже пытался говорить от лица всей России. Правда, удивительно? Он вдохновлял казахскую дивизию, дравшуюся с нами под Москвой, а теперь — здесь!

Он даже к петербуржцам обращался фамильярно: “Дети мои!” Варвар! Азиат!

Б е р г. Русские не гнушаются даже такими?

Ф о н-К р ю г е р. В том то и дело, что они считают это элементом гуманизма и национальной политики.

Б е р г. Убрать! *(Один из офицеров молниеносно убирает портрет.)*

Ш у л ь ц е. Ваше превосходительство, позвольте доложить сводку?

Ф о н-К р ю г е р. Давайте. *(Сел.)*

Ш у л ь ц е *(с планшеткой)*. Заметные изменения на обоих флангах. Видимо, они идут на окружение города Н. Точный замысел врага мешает определить погода. Плохая видимость. Наши попытки задержать продвижение противника – не дали результата. Штаб предполагает, что это – партизаны.

Ф о н-К р ю г е р. Нет, я думаю... Есть новости об армии Рокотова?

Ш у л ь ц е. Днем – без изменений, к вечеру – стали стягивать силы в один кулак.

Ф о н-К р ю г е р. Ах, так? Надо подумать... *(Внезапно.)* Машину! *(Встал.)* Господин майор, похоже, что Рокотов, пользуясь погодой, собирается в ночной налет? Я постараюсь встретить его у самого города Н. Мы даже дадим ему прорвать окружение. Передайте от моего имени полковнику Лаубах: две бригады отправить без шума в обход, и когда начнет бой, пусть они бьют с тыла. Если волк нашел добычу – мы ему приготовим капкан.

Б е р г. Есть, ваше превосходительство *(пишет и отдает офицеру)*.

Ф о н-К р ю г е р. По просьбе моей жены – я всех вас освобождаю от участия в ночной операции. Кончайте украшать елку. Прошу больше фантазии! Здесь все будет спокойно! Я же поработаю и вернусь на ваш праздник. Если старый волк и не попадет в западню сегодня ночью, то и не вырвется из окружения! Ну, а мы – возвратимся к сроку. Надеюсь, что моя жена останется довольна вашей изобретательностью, г. майор! К вам – та же просьба, господа офицеры! Честь имею! *(Уходит с женой.)*

Ш у л ь ц е. Фу-у-у! Как гора с плеч! Значит – все менять?

Б е р г. Да, валяй! И гони сюда всех полковых кобыл! Я – сейчас.

Ш у л ь ц е. Есть. *(Уходит с офицерами и задергивает занавеси.)*

Б е р г *(у телефона)*. Полковник Кох! С Новым годом! Что? *(Смеется.)* Хайль! Хайль!

(Из всех занавесок просовываются женские головы. Они хохочут.)

В е н е р а. Господин майор, не рано ли еще встречать Новый год?

Г р а ц и я. Я еще не совсем готова!

П р е к р. Е л е н а. А елка, кажется, будет недурна!

П с и х е я. Мне кажется, детей сегодня на елке не будет. А что, если я оденусь девочкой двенадцати лет?

Ш у л ь ц е *(вышедший с ними вместе)*. Я думаю, тебе, пожалуй, не пойдет!

П р е к р. Е л е н а. Зачем нас так рано позвали?

Г р а ц и я. Кому мы понадобились?

В е н е р а. А главное – для чего? Чтобы дернуть бокальчик авансом?

Ш у л ь ц е. Судя по словам майора, мне кажется, совсем для другого!

П с и х е я. Нет, все-таки оденемся девочками!

В с е *(хором)*. Да, да, да... Девочками!

Б е р г. Поскольку я и лейтенант Шульце – не мальчики, то стоит ли это делать? И вообще – не одеваться надо, а раздеваться!

В с е. Что? Что? Что такое?

Г р а ц и я. Раздеваться?

В е н е р а. Всем?

П с и х е я. Для чего же? *(Общий шум.)*

Б е р г. Тихо! *(Стихли.)* Сегодня – офицерская елка. Детей не будет. Будут взрослые, мужчины и женщины. Мы сделаем из вас греческую мифологию! Ты – будешь Грация, станешь вот здесь, на пьедестале. Ты – Венера! Тут, перед Дедом Морозом, станешь ты, Психея. Там – Прекрасная Елена. Короче – здесь сегодня будут офицеры нашего времени и женщины прошлых веков!

Ш у л ь ц е. Здорово! У нас — все готово!

Б е р г. Понятно?

В с е. Да! *(Они посылают воздушный поцелуй.)*

Б е р г. Убери пока эту команду!

Ш у л ь ц е. Вот это — фантазия!

Б е р г. А Деда Мороза нашел?

Ш у л ь ц е. У меня уже все налажено! Идемте, мои звездочки!

(Уходит и уводит смеющихся женщин.)

Б е р г. Фон-Крюгер всегда заботился о моем будущем! Я знаю, штаб армии надеялся, что он будет встречать Новый год с ними, но он все же придет только ко мне! При дележке он мне намечает вот эти леса... Что ж, — в долгу не останусь!

(Раздергиваются занавеси, открывая великолепную елку, окруженную смеющимися офицерами. Елка сияет огнями.)
О-о-о! Сюрприз!

Ш у л ь ц е. погоди! Еще сюрприз! *(Орет солдатам.)* А-а-а-а!

(И, маршируя, солдаты вносят и сажают под елку куклу Деда Мороза человеческого роста.)

Б е р г. О-о-о! Какие глаза!

Ш у л ь ц е. Божественные! *(Командует.)* Музыка!

(Оркестр играет залихватский немецкий военный марш и под него военным шагом шествуют “женщины греческой мифологии”.)

Б е р г. На месте! Стой! Раз, два! Нале-во! Кру-гом! Прошу на места! Грация! Венера! Елена! Психея! *(Названные становятся на пьедесталы и принимают позы античных статуй.)* Господа офицеры, приглашайте дам!

(Звучит блюз. Составляются пары и, танцуя, уходят в глубину зала. Занавеси за танцующими — задергиваются. Оставшийся на авансцене Шульце зовет часовых и ставит их к занавесам — сторожить веселье офицерской елки. Распорядившись, он уходит и сам туда же. Пауза. Заинтересованные невиданным зрелищем, часовые очень быстро пристраиваются к щелям занавесок и, погружившись в наблюдение за танцами, не замечают ползущих от входа к ним армейских разведчиков. Секунда — и часовые падают, сраженные молниеносными ударами советских воинов. Их бесшумно оттаскивают в углы.

Утешев, Шубак и Бойко, став на места часовых, поражены не менее их происходящим в зале.)

У т е ш е в. Что они там? Женятся, что ли?

Ш у б а к. А может, это – церковь? Должно быть, молятся... *(смеется)* на голые ляжки да на пупы!

Б о й к о. Обалдуи вы! Не отличаете баб от богов!

Ш у б а к. Никогда не видел каменных баб!

Б о й к о. Это немцы нарочно для вас поставили! Каменные – терпеливые! Каменная баба насморка не схватит!

Ш у б а к. Сукины дети! Интересно молятся!.. Эй, гляди... эта вот – ляжками шевелит!

У т е ш е в. Неуч ты, киргизенок! Надо говорить: бедрами! Ой... И до чего же белая!

Ш у б а к. Эх, казах! Втюрился в немецкую бабу!

Б о й к о. Молчите, чумазые! О вас они не мечтают!

(От входа тихо подползает Асия.)

А с и я. Ребята! Как у вас? Сняли часовых?

Ш у б а к. Готово! Лежат по углам!

Б о й к о. Где товарищ Белов?

А с и я. Идет за мной следом!

(Появляется Саша с группой бойцов. Из зала выходит Шульце.)

Ш у л ь ц е. Дежурный! *(Увидев Утешева, он хватается за револьвер и в это время Асия кричит.)*

А с и я. Бей немца!

(Шульце стреляет в Асию, успевающую отскочить, и сам падает от выстрела Саши.)

С а ш а. Кинжалы в зубы! Давай “казахша курес”!

(И все бросаются в зал. Крики, смятение, визг женщин, выстрелы. Утешев валит одного офицера казахским приемом борьбы и приканчивает его на авансцене. “Психея” падает со своего пьедестала, притворившись мертвой. Голоса: “Бей! Хватай! Вали!” Женщины убегают, схватка переходит в глубину и за сцену. Слева врывается со своими бойцами Еркара.)

Е р к а р а. Гранаты, гранаты давай! *(Хочет бросить, Асия задерживает.)*

А с и я. Стой! Своих погубишь! Там – Саша! Ступай туда!

Е р к а р а. Ох, уж мне это бабье! Не мешай! *(Опять прицеливается гранатой. Справа – Азимхан, Сырым, бойцы.)*

А с и я. Удержите его! Там Саша бьется!

А з и м х а н (*Еркаре*). Что делаешь?

Е р к а р а. Хочу гранатой трахнуть!

А з и м х а н. Прочь, дурак! (*Отпихнул его.*) Сырым, Асия, — за мной! (*Бросается в зал, все за ним, Еркара, подумав, тоже. Пауза. “Психея” приподымается и, увидав, что никого нет, подползает к убитому немецкому офицеру. Она вырывает из мертвой его руки зажатый кинжал, прячет его на груди и, услышав приближающиеся голоса, ложится на место в прежней позе. Отстреливаясь, врывается Берг, из другого входа — Азимхан. Увидав друг друга — оба прячутся за колонны.*)

Б е р г. Ты тут, старый волк?

А з и м х а н. И ты тут, козел?

(*Они стреляют друг в друга из-за колонн. Одна за другой разбиваются от выстрелов и тухнут лампочки люстр. И вот, от одного из выстрелов Берга, Азимхан со стоном падает.*)

Б е р г. Что? Получил по счету? (*Идет к нему и хочет добить.*)

А з и м х а н. Ну, нет! Получи сдачу! (*И, свалив его выстрелом в упор, вскакивает на ноги. Врываются все, стремясь на помощь Азимхану, но застают его невредимым.*) Здесь, должно быть, и есть штаб! Пойдем, проверим! Саша — со мной! Этих — убрать! (*Показал на трупы Берга и офицера.*) Сырым, Утешев! Будьте пока здесь!

(*Он уходит с Сашей. Трупы убирают.*)

С ы р ы м (*Утешеву, показав на “Психею”*). Тащи-ка эту бабу в угол!

У т е ш е в (*взявшись за “Психею”*). Ой-бай! Да она — теплая! Жива, наверно!

П с и х е я (*выхватывает кинжал*). Вот тебе, азиат! (*Хочет ударить.*)

С ы р ы м. Шубак! Помоги ее успокоить!

Ш у б а к. Осторожней, казах! Это — ведьма!

(*Психея, Утешев и Шубак яростно борются.*)

П с и х е я. Я тебе не дамся! Я тебя убью!

У т е ш е в. Киргиз! Давай веревку!

(*Не найдя веревки, Шубак срывает шнур от портьеры и вдвоем с Утешевым они, с трудом связав Психею, выволакивают ее. Утешев возвращается, тяжело дыша, за ним Шубак.*)

У т е ш е в. Ух! И как это меня бог сохранил? *(Натыкается на куклу Деда Мороза и отскакивает.)* А тут что такое? Эй, Сырым-ага, идите-ка сюда! Что за чудо? Это, кажется, не простой старик!

С ы р ы м *(подойдя)*. Борода приклеена!

А с и я *(подойдя с Шубаком и Бойко)*. Сними бороду! *(Сырым снимает.)* Это мальчик... У него завязан рот...

С ы р ы м. Сними повязку. *(Шубак освобождает рот куклы.)* Сними шапку!

(Шубак снимает с головы куклы шапку вместе с седым париком.)

А с и я. Нет, это девушка! Давайте ее сюда!

(Бойцы переносят ее на середину. Она с трудом дышит.)

А с и я. Вставай!

В а л я. Не могу... У меня скручены руки... и ноги...

С ы р ы м. Освободи!

(Бойцы срывают ленты, разматывают брезент, в который завернута пленница, и отшатываются: перед ними девушка-подросток, лет пятнадцати, в одной рваной рубашке, ее синевшие руки туго связаны на спине, босые ноги скручены и затекли от врезавшихся веревок. Ее быстро развязывают, растирают ей руки.)

У т е ш е в. Кто ты?

В а л я. Я... Валя Русакова... Моя мама... была здесь уборщицей... они ее убили... а меня... вот... мучают... *(Она беззвучно падает.)*

А с и я. Что с ней?

С ы р ы м *(посмотрев внимательно и пощупав руку девушки, встает и выпрямляется)*. Она умерла...

А с и я *(тоже поднявшись)*. Мы этого не забудем, Валя Русакова...

С ы р ы м *(тихо)*. Унесите.

У т е ш е в *(нежно)*. Девочка... *(Они с Шубаком и Бойко медленно и заботливо уносят тело.)*

Е р к а р а *(входя с шумом)*. Победа! Победа!

(Входит Азимхан и видит картину: навстречу ему наши бойцы ведут группу захваченных "женщин греческой мифологии". Азимхан вспыхивает.)

А з и м х а н. Какая тут к черту победа? Уберите баб! *(Женщин уводят.)*

Что ты за человек, Еркара? Когда трудно — ты теряешься, когда уже легко — психуешь! Что в тебе за бес сидит?

Еркара. Товарищ комбат! Брось издеваться!

Аз и м х а н. Отец твой был — ничего, а сам ты — ни то, ни се! Что ж ты думаешь, передать черты своему потомству, что ли?

Еркара. Ну, за это ты ответишь, туды-сюды! (*Яростно уходит.*)

Аз и м х а н (*Саше, входящему с делами и папками штаба*). Вот Еркара говорит: “победа”. А ты как думаешь?

Саша. Победа? Да мы теперь в большей опасности, чем когда-либо! Мы в самом сердце дивизии смерти СС! Какая тут победа?!

Аз и м х а н. Ребята, Саша прав, положение трудное. Мы, правда, залезли в тыл фон-Крюгера, но захватить штаб — это еще не значит укрепиться! Один танк может нас растоптать, одно крупное орудие может нас уничтожить. Каждый боец — взвод, каждый взвод — полк, весь батальон — дивизия, вот как мы должны теперь работать! Мы — на бочке с порохом, мы оторваны от дивизии...

Зорин (*войдя и тяжело дыша*). Нет... не оторваны! (*К нему бросаются.*)

Аз и м х а н. Алексей Сергеевич! Как вы попали? Как прорвались сюда?

Зорин. Не спрашивай... Со мной было десять бойцов... по дороге всех потерял... еле добрался. Но не в этом дело. Положение дивизии пиковое: Рокотов в город-то вошел, но нас встретили ураганным огнем... немцы почти что окружили нас. Генерал велел передать: наступайте теперь с тыла! Если даже многого и не сделаете, то все же отвлекете внимание Крюгера, а этого, пожалуй, и будет довольно. Когда двинетесь — сигнальте ракетами. Для этого я к вам и прорывался! У вас как дела?

Аз и м х а н. Потери большие.

Зорин. Какие бы ни были — ты должен удержать в своих руках дорогу и наступать с тыла на город! Выполнишь?

Аз и м х а н. Точно! Удержу дорогу и буду наступать с тыла.

Саша. Да и нам другого выхода нет! Народу у нас — с гулькин нос, а утром немцы это поймут. Секрет откроется. Вся надежда только на эту ночь!

(Возвращаются Сырым, Бойко и Утешев.)

А з и м х а н. Ну, что вы там нашли?

С ы р ы м. Пока только две пушки!

Б о й к о. А мы – на троих один шестиствольный миномет!

У т е ш е в. А я ни черта не нашел... только вот – кучу ракет. Да на кой дьявол такое барахло?

А з и м х а н. Ракеты, говоришь? Это самая замечательная находка, Утешев! Иди на двор, приготовь все, и по моему сигналу пистолетом пускай ракеты!

У т е ш е в. Есть, товарищ комбат! *(Убегают.)*

А з и м х а н. Ну, ребята, держись! Генерал и дивизия в опасности! Настало время, когда один должен работать за сто, сто – за тысячу! Лейтенант Бекетов! Отделение Бойко остается здесь. Расставить посты!

С ы р ы м. Есть. Бойко – за мной! *(Уходят.)*

С а ш а. Идем и мы, Алексей Сергеевич! *(Уходят с Зориньм.)*

А з и м х а н. Асия! Я тогда уступил твоей просьбе, я взял тебя с собой. На эту опасность я тебя не пушу. Я не скажу, что здесь безопасно, но там, куда мы идем – страшнее. Ты останешься здесь.

А с и я. Что это? Вы меня жалеете, Азимхан-ага?

А з и м х а н. Да. Жалею. Послушай, Асия, другого выхода нет!

А с и я. Для меня опасность с вами лучше, чем безопасность без вас.

А з и м х а н *(тронут)*. Спасибо... Но – оставайся!

А с и я. Что ж... Желаю счастья... *(И она его целует. Входит Саша.)*

С а ш а. Асия остается? Ты правильно решил, Азимхан. Я тоже этого хотел, нарочно вернулся... *(Пауза.)* Прощай, Асия!

А с и я. Не прощай, Сашенька, а до свидания. *(Целует его.)* Желаю удачи!

А з и м х а н. Ну... пошли! *(Они стремительно уходят.)*

А с и я. До свидания, друзья! *(Оставшись одна, не выдержала и тихо заплакала, опустившись в кресло.)* Вечно трепещут и бьются наши сердца. Что такое любовь – мы знаем,

но есть чувства и более высокие и более сильные. Как их назвать? Что принесет мне завтрашний день? Прощайте... мои дорогие...

А з и м х а н, С а ш а (*раскрывая окно*). До свидания, Асия!

А з и м х а н. Сырым, Бойко, Утешев! Открывайте праздник сегодняшней ночи! (*Он стреляет из пистолета и в глубине, за окнами, взрываются ракеты.*)

З а н а в е с

Картина пятая

То же помещение. Асия, Утешев. Шубак и Бойко приводят зал в порядок.

Б о й к о. Живей! Сейчас придет комбат!

У т е ш е в (*тащит с Шубаком диван*). Еще недавно на этом месте стояла белоснежнейшая баба! А, Шубак?

Ш у б а к. А ты, как жеребец, по запаху чуешь, где стояла кобыла? Поворачивайся живей!

У т е ш е в. Ну, я, знаешь — не ты! Это ты ее за богиню принял!

Б о й к о. Отставить болтовню! Сам распугал всех богинь, а теперь треплешься!

Ш у б а к. Ты же нам сам сказал, что они каменные и двигаться не могут. Надо было самому подойти поближе, да поглядеть. Ты лучше нас должен знать, — ты к Европе ближе живешь! Но только они почему-то и от тебя удирали!

Б о й к о. Удирали, потому, что вы со мной были. От вас не только боги, — черти, и те сбегут! Теперь вы им весь век будете сниться. Будут их одолевать кошмарные сны!

У т е ш е в. Асенька, дружок! А удачно получилось с ночной операцией! И город взяли, и немцев отогнали к чертовой бабушке! И опять мы на старом месте!

А с и я. Да. Буран помог. И вы ночью работали, как ваши предки: Сагайдачный, Кобланды, Манас...

Ш у б а к (*растяял от удовольствия*). Ой, Асенька, продолжай, продолжай...

А с и я. Сам продолжай, Шубак-ага!
Ш у б а к (*вскочил на стол и вдохновенно импровизирует*).
Хоть врагов и было масса,
Все ж поход наш был не плох.
Вспомнив древнего Манаса,
Налетели мы врасплох!
Ночью мы застали фрицев
За весельем и вином.
Не под стать им с нами биться:
Все заснули мертвым сном!
Шел Утешев из Таласа,
Шел с ним Бойко, Асия,
И отважный внук Манаса —
Скажем прямо — это я!
Все мы бились вчетвером,
Всем здесь славу мы поем!
А с и я. Здорово!

У т е ш е в. Вы, кажется, собираетесь помолиться вчерашним богиням?

А с и я. Нечего молиться тому, чего уж нет.

Б о й к о. Из тебя, Асенька, вчера, кажется, тоже чуть-чуть не сделали богиню?

Ш у б а к. Асия-то выкрутилась, а вот Утешев — тот влип! Ночью, в суматохе, он уцепился за двух богинь сразу!

У т е ш е в. Молчи, а то — по рылу! Учись лучше работать с компасом! Не только за двух, за семерых уцеплюсь, если это враги!

(Входит Сырым.)

С ы р ы м. Кончайте. Сейчас комбат придет. Идите отдыхать! *(Бойцы уходят.)* Асия! Говорят, тебя вчера ночью чуть орел не унес?

А с и я. Как видишь — цела!

С ы р ы м. Да, тебя, пожалуй, орлу не утащить. Помнишь, Саша сказал: “С тобой рядом — два батыра”. Один орла убьет, другой — в воздухе поймает!

А с и я. А кто же из них меня спас?

С ы р ы м. Сама скажи.

А с и я. Не стоит тебе говорить. Ты не умеешь держать язык за зубами.

С ы р ы м. Я шучу, а ты принимаешь всерьез. Но, мне кажется, та красавица в легенде досталась не тому, кто ее в воздухе поймал, а тому, кто орла убил?

А с и я. Не знаю. До сих пор я еще не разгадала эту загадку.

С ы р ы м. А это надо не умом, а сердцем отгадывать. Но скажи все же, к кому лежит сердце?

А с и я. А если — к обоим, тогда что?

С ы р ы м. Чувствуется казахская кровь — привычка к многоженству. Только это была привилегия мужчин, а не женщин.

А с и я. Все-таки ты меня не понял. Они не спорят, не соперничают, не ревнуют, — они соревнуются. Они даже уступают друг другу, один даже радуется успеху другого. *(Пауза.)* Наша война высоко подняла значение человека, обнаружила его настоящие достоинства, и когда я это вижу — мне кажется, что я и сама поднимаюсь выше, туда, ближе к нашему светлому будущему! А ты все твердишь о соперничестве! *(Помолчав.)* Мне кажется, что я не стою не только обоим, но и половины одного из них!

С ы р ы м. Если говорить серьезно, для меня неожиданно, что в тебе кроются такие чувства... Но как бы то ни было — я тебя все-таки заставлю сказать правду! *(Поднимает ее и кружит.)*

А с и я. Пусти... Пусти, Сырым!.. Сумасшедший...

С а ш а *(войдя с Азимханом)*. Пусти, ты ее убьешь!

А з и м х а н. Отставить! *(Асия вырвалась и убежала.)* Лейтенант Бекетов! За фамильярность, допущенную на правах зятя в штабе при исполнении служебных обязанностей, я лишаю тебя права участия в совещании командиров! Иди!

С ы р ы м. Слушаюсь! *(Поворачивается, идет, но, вернувшись, щелкает у Азимхана под носом пальцами и, расхохотавшись, уходит.)*

А з и м х а н *(Саше)*. Совещание командиров — считаю открытым. На повестке — один вопрос: о взаимоотношениях Асии Аскаровой с Азимханом и Сашей. Иначе говоря — о чувствах всех троих. Слово имеет политрук Александр Белов.

С а ш а. Отказываюсь от доклада. Слово имеет комбат Азимхан Шалкаров.

А з и м х а н. Не ломайся. Говори прямо – влюблен?

С а ш а. Да. А ты – тоже?

А з и м х а н. Хуже, чем влюблен.

С а ш а. С каких это пор?

А з и м х а н. Давно. А ты – с тех пор?

С а ш а. А ты с каких же?

А з и м х а н. Надо же нам было столкнуться на этом вопросе! Как городничий говорит в “Ревизоре”: “Не нашел другого места упасть!” И как это ты выдумал?

С а ш а. А ты как выдумал валиться, да и меня сшибать по дороге? Бедняга Бобчинский падал-то хоть один, никого не задевая!

А з и м х а н. Да, Сашенька, не легко будет нам с тобой догонять девушку на белом коне! С каждым днем она уходит от нас все дальше и дальше! Мы брата ее расстреляли на ее же глазах, а на отношениях это не отразилось... *(Пауза.)* Я буду скакать за ней, но и тебе придется пришпорить коня!

С а ш а. Что ж делать – рискну!

(Идут Зорин и Асия.)

З о р и н. Ну, дочка, где у тебя эта самая бумага?

А с и я *(дает)*. Вот она, Алексей Сергеевич.

(Зорин кладет на стол Саше и Азимхану по одной копии.)

А з и м х а н. Что это такое?

З о р и н. Это город Н., это Дом пионеров, это беспорядочное отступление немцев, это – героизм. Словом – это список отличившихся вчера ночью.

А з и м х а н. Ну, хорошо, пускай – героизм, но причем тут Шалкаров? Отличились Саша, Бойко и вся их рота, а Шалкарова долой! *(Взял карандаш и хочет вычеркнуть.)*

З о р и н. Стой! Список составляла дивизия. Какое ты имеешь право вычеркивать?

С а ш а. Если ты Шалкарова вычеркиваешь, то уж я, наверно, непричем!

А з и м х а н. Алексей Сергеевич, в списке первой должна стоять фамилия Саши. Он же первый ворвался в немецкий штаб.

С а ш а. Мысль – твоя! Я – только исполнитель.

З о р и н. Баста! Раздувать подвиги – преступление, не признавать подвигов – тоже преступление и самое худшее из всех! Так, что ли, дочка?

А с и я. Алексей Сергеевич, я бы на их месте сказала бы: “Сдаемся!”

З о р и н. Ну, и значит — точка! Спрячь это, Асенька, и помни: секрет!

(Асия прячет бумаги в папку и уходит. Идет Юровский.)

Ю р о в с к и й. А я думал — батальон ушел на секретную операцию!

А з и м х а н. Какие будут приказания, товарищ майор?

Ю р о в с к и й. Товарищ капитан, здесь будет моя резиденция, а потому убедительно прошу через полчаса освободить помещение.

А з и м х а н. Есть, товарищ майор. Распоряжение будет выполнено. Еще какие будут приказания?

Ю р о в с к и й. Вы их получите на новом месте.

З о р и н. А почему вы убеждены, что это помещение не понадобится штабу дивизии? Генерал сюда прибыл не на одну ночь.

Ю р о в с к и й. Комиссар никак не может отучиться от привычки читать лекции. Я уже давно вышел из ученического возраста.

З о р и н. Не ручаюсь. Да и все мы еще из этого возраста не вышли.

Ю р о в с к и й. Прошу выполнить приказание командира полка.

А з и м х а н. Есть — выполнить, товарищ майор.

(Входит Шубак.)

Ш у б а к. Товарищ командир полка, прибыл командующий дивизией!

Ю р о в с к и й. Встать! Смирно!

(Идет Рокотов.)

Р о к о т о в. Товарищ капитан Шалкаров! Поздравляю вас с чином майора.

А з и м х а н. Благодарю вас, товарищ *(подчеркивая)* генерал-лейтенант. Разрешите и вас поздравить?

Р о к о т о в *(смеется)*. Спасибо.

Ю р о в с к и й. Товарищ генерал-лейтенант, особый батальон по вашему приказанию передвигается вперед. Здесь — располагается полк.

Р о к о т о в. Ну, комбат, как себя чувствует фон-Крюгер?

А з и м х а н. По имеющимся у нас сведениям, фон-Крюгер ищет себе новую квартиру, товарищ генерал-лейтенант!

Р о к о т о в. Да. И оглядывается, откуда ты можешь еще свалиться ему на голову. Вот это и называется — взять инициативу в свои руки. Теперь он будет интересоваться твоим здоровьем. Это — третий, новый этап нашей победоносной войны.

Ю р о в с к и й. Точно, товарищ генерал-лейтенант!

Р о к о т о в. Первый этап — оборонительная война, второй этап — война наступательная, третий этап — когда уже вся инициатива до конца перешла в руки нашего командования!

Ю р о в с к и й. Точно, товарищ генерал-лейтенант!

Р о к о т о в. Однажды взяв инициативу, — мы сохраним ее до момента водружения нашего знамени над Берлином. Вопрос только в том, все ли командиры понимают значение и смысл этого этапа войны?

Ю р о в с к и й. Вопрос только в этом, товарищ генерал-лейтенант?

Р о к о т о в. Да, в этом. Но командир, у которого слово расходится с делом, плохой командир, а командир, который растерял свой полк и сам не знал, куда ему приткнуться, — это еще хуже. Вы, майор Юровский, думали больше о своем звании командира полка, чем о вашей части. Поэтому с настоящей минуты я вас отстраняю от обязанностей командира полка и передаю в распоряжение штаба дивизии.

Ю р о в с к и й. Слушаю, товарищ генерал-лейтенант.

Р о к о т о в. Майор Шалкаров, полком командовать будете вы! Кого назначить командиром батальона, — поручаю решить вам, совместно с комиссаром Зориным.

Р о к о т о в. За образцовое выполнение заданий — объявляю вам благодарность от имени командования. Теперь — идем к бойцам!

Ю р о в с к и й. Мне, выходит, идти некуда! Моей доли тут нет! Последняя ночь все испортила, а то половину всех результатов зачли бы мне. Но, оказывается, от великого до смешного — только один шаг... в этом роде что-то сказал в свое время Наполеон...

(Входит Еркара.)

Е р к а р а. Марк Михайлович... то есть... Михаил Маркович! Шалкаров погубил меня окончательно!

Ю р о в с к и й. Как это: погубил?

Е р к а р а. Отнял у меня роту и передал Бойко! Вы знали об этом?

Ю р о в с к и й. Нет, не знал.

Е р к а р а. Ну, то-то! Я так и знал, что это его самоуправство! Придется вам отменить этот приказ, туды-сюды...

Ю р о в с к и й. Не могу.

Е р к а р а. Как? Так, значит, меня и снимут?

Ю р о в с к и й. Так и снимут. И меня сняли.

Е р к а р а. И вас сняли? Туды-сюды... Придется нам тогда идти к Сергею Алексеичу... то есть к Алексей Сергеичу...

Ю р о в с к и й. Да хоть к Черту Иванычу, все равно не стоит.

Е р к а р а. Нет, стоит! Я ему много расскажу! Туд-д-ды-сюды... Я расскажу ему, что меня оскорбили, как офицера! И вы расскажите!

Ю р о в с к и й. Мне много есть, что сказать! Надо написать заявление...

Е р к а р а. Вот и напишем вместе! Идем!

(Они уходят. Идут Рокотов, Утешев, Бойко, Шубак, Асия, Саша.)

Р о к о т о в. Солдата, который точно исполняет все приказания своего командира, мы называем хорошим солдатом. А как назвать солдата, который проявил инициативу больше, чем его командир? Бывает, например так: враг напал на вас неожиданно, бьют сплошными очередями, нужно оккупываться. Кто не сумел спрятаться – дурак. Если шквальный огонь заставил зарываться в землю – отступить нельзя, надо принимать бой. Дали команду: “вперед”, но бьют сплошняком, никто не может встать с места. И вот тут один из солдат пошел вперед, за ним пять, потом десять, сто, и через минуту смерть грозит уже не нам, а врагу. Так вот, солдата, который поднялся и пошел первым, мы называем героем! Узнаем мы наших героев – поодиночке, а рождаются они – тысячами! Нашей дивизии присвоено наименование Гвардейской, все мы представлены к награждению орденами. Лейтенант Утешев *(все переглядываются, улыбаются)*, как ты думаешь, за что, например, тебя награждают орденом?

У т е ш е в. Товарищ генерал-лейтенант... извините... плохо я умею говорить... Как быть?

Р о к о т о в. Ничего, ничего, расскажи, как умеешь. Садитесь, товарищи, послушаем. *(Все садятся.)*

У т е ш е в. Так вот... Был я до войны табунщиком... Знаю единственную только легенду, да и то про табунщиков... Когда-то давно, один старый табунщик слез со своего коня, закинул поводья за лук седла и пошел по табуну, коней проверять. Ночью было дело, темно... Шага два сделал, вдруг — в табуне переполох! Кони все — на дыбы! Бросился табунщик к своему коню назад, не нашел его в темноте, вскочил на первого попавшегося и вдруг чувствует, что конь понес его во весь карьер неизвестно куда по степи... Люди тогда еще были не грамотны... не умели пользоваться компасом *(Бойко, Шубак хихикают)*, дорогу тогда определяли по звездам, по Полярной звезде... С перепугу нашему табунщику Полярная звезда казалась то слева от него, то справа... Потерял он свое направление! Скакал до утра, а когда рассвело — видит: под ним не конь, а пестрый хищник... Тигр!

Р о к о т о в. Интересно, интересно!

У т е ш е в. Увидел тигра — совсем душа в пятки ушла! Что делать? Тигр сожрет, а если не спрыгнуть — занесет черт его знает куда! Вот тут-то, как вы сейчас только говорили нам, решил он: надо принимать бой! Снял он с себя кушак, взнудал тигра, пришпорил и стал плеткой лупить... Как ни говорите, а нет такого зверя, которого бы не покорило чело- век! И вот уже утром прикончил наш табунщик этого тигра у самого его логовища!

Р о к о т о в. Прикончил, говоришь?

У т е ш е в. Так точно, товарищ генерал-лейтенант, при- кончил! Так вот... я тоже, как тот табунщик, сначала очень боялся этого пестрого хищника войны... Но товарищ Ста- лин сказал нам: надо осваивать технику... *(Опять хихика- ют Шубак и Бойко.)* Вначале мне эта хитроумная машинка *(достает из кармана компас)* показалась настоящим дьяво- лом... Моргает да и только! Как возьму ее в руки, так обяза- тельно запутаюсь! А сейчас — все в порядке! Гоним мы этого пестрого хищника всюю и думаем, прикончим в самом его логовище — в Берлине! Конечно, прикончим... Вот за это,

думается, и наградили меня орденом, товарищ генерал-лейтенант...

Р о к о т о в (*смеется*). Вот это джигит! Хотел бы я, чтобы этому самому тигру под Берлином один из первых ударов нанес ты! Садись. Ну, киргиз, а тебя за что наградили?

Ш у б а к. Наши киргизы тоже не отстают, товарищ генерал-лейтенант! Читал я когда-то Манаса, там в одной главе есть вопрос: “Как должен выглядеть настоящий батыр?” Ответ: “У батыра ноздри должны быть большие, глаза огромные, а тело — гигантское!” В старину батыры славились физической силой, а наши батыры должны славиться сердцем! Ленин и Сталин передали нам это свое большое сердце. Мне кажется, что под моим орденом тоже должно находиться такое сердце, товарищ генерал-лейтенант... И, если это окажется так, то я буду носить мой орден с гордостью.

Р о к о т о в. О-о! Ты за многих ответил сразу! Хорошо сказал, киргиз, хорошо! Ну, товарищ Бойко, слово за тобой!

Б о й к о. А что я скажу, товарищ генерал-лейтенант? Били мы этих самых швабов, бьем и будем бить. И — все!

Р о к о т о в. А твои слова уж совсем за всех, и за русских, и за украинцев, и за все наши народы! В свисте каждой немецкой пули слышим мы отголосок страданий наших братьев, отцов, матерей, томящихся там, по ту сторону фронта, в немецкой неволе! И все эти голоса торопят нас дать последний залп по врагу на улицах Берлина! (*К Азии.*) Дочка, ты, говорят, чуть не погибла вчера? Сыновей у нас здесь на фронте много, дочерей — мало, надо их беречь. Слышишь? Долг выполняй, а сгоряча под пулю не лезь.

А с и я. Казахи говорят: “За честь — жертвуй и душой!” Я поступала так, как требовала моя честь. Остаться в живых или умереть — вопрос судьбы, но если вы приказываете, товарищ генерал-лейтенант, — буду стараться жить!

Р о к о т о в (*посмотрев в сторону входа*). Ну, соколы, идет ваш новый командир полка. Он человек очень строгий, ему, может быть, не понравится, что мы так, запросто, болтаем. Давайте разойдемся! (*Бойцы уходят, кроме Азии и Саши.*)

(*Идут Азимхан, Зорин, Сырым.*)

А з и м х а н. Товарищ генерал-лейтенант, на основании

вашего приказа я решил командиром особого батальона назначить капитана Сырыма Бекетова.

Р о к о т о в. И правильно решили! Капитан Бекетов, сегодня в четырнадцать ноль-ноль будьте в штабе дивизии.

С ы р ы м. Есть быть в штабе дивизии в четырнадцать ноль-ноль, товарищ генерал-лейтенант!

(Идут Юровский и Еркара.)

Ю р о в с к и й. Разрешите обратиться, товарищ генерал-лейтенант!

Р о к о т о в. Обратитесь.

Ю р о в с к и й. Товарищ генерал-лейтенант, капитан Тогшаров имеет на ваше имя письменное заявление.

Р о к о т о в. Давайте, капитан. *(Берет заявление и читает в стороне.)*

З о р и н *(в другой группе)*. А куда мы денем Асию? Оставим в батальоне или переведем в полк?

А з и м х а н. Я бы сказал — пускай сама решает.

С а ш а. Если командир полка разрешает, я тоже сказал бы — пусть сама решит.

А с и я. Разве боец имеет право выбирать сам?

З о р и н. Вообще, не полагается, конечно, но здесь... *(посмотрел по очереди на Асию, Азимхана и Сашу)* исключительные обстоятельства. Пусть выбирает. Командир переходит в полк, комиссар остается в батальоне. Выбирай, Асия.

(Она застенчиво отворачивается и Саша говорит ей почти на ухо.)

С а ш а. Не стесняйся, здесь все свои...

А с и я. Значит, ты хочешь сказать, мы все будем здесь, а он один там?

З о р и н. Ну, кажется, нужен Соломонов суд!

А с и я. Если вы мне позволяете решить самой, то я просила бы освободить меня от работы в штабе и направить рядовым бойцом в строй!

А з и м х а н, С а ш а *(вместе)*. Что?

А с и я *(твердо)*. Я так решила, товарищ комиссар дивизии!

(Слышно приближающееся гудение самолета-бомбардировщика.)

С ы р ы м. Товарищ генерал-лейтенант! В небе вражеский бомбардировщик!

А з и м х а н. Разойтись! *(Бежит и смотрит в окно.)* Товарищ генерал-лейтенант, прошу в безопасное место!

Р о к о т о в *(окончил чтение бумаги)*. Хитро придумано! Ну, мы это в штабе разберем. *(И спокойно пошел к выходу.)*

Ю р о в с к и й. Товарищ генерал-лейтенант, еще одно слово... *(Рокотов, задержавшись, повернулся к нему.)*

А з и м х а н *(у окна)*. Товарищ генерал-лейтенант, поторопитесь!..

(Он не договаривает: страшный разрыв у самого окна. Взрывная волна разбрасывает всех. Пауза. Когда люди приходят в себя, они видят, что Асия лежит у письменного стола.)

А з и м х а н *(бросается к ней)*. Асия!.. *(Все остальные подбегают к лежащей девушке.)*

А с и я. Самые радостные мои дни... прошли с вами... С вами... и умираю. *(Смерть. Пауза.)*

А з и м х а н *(выпрямившись)*. Прощай, дорогая! Прощай!..

С а ш а *(потрясенный)*. Прощай, Асенька...

Р о к о т о в *(подойдя к телу)*. Она только что мне сказала, что постарается жить!..

З а н а в е с

Картина шестая

Берлин. Улица в одном из предместий. Огромные разрушенные здания какого-то правительственного дома. Бомбой снесен угол здания.

В проломы видны часть первого этажа и остатки разрушенного второго.

После страшных разрывов выползают два немецких унтер-офицера, очевидно, штабные.

П е р в ы й. Кажется, ад кончился... Ты жив?

В т о р о й. Должно быть... Мне заложило уши...

П е р в ы й. Ты что? Вся защита? В единственном числе?

В т о р о й. Черта с два. Откуда я знаю?

П е р в ы й. Держи свою линию...

В т о р о й. Где твой полковник?

Первый. Ищи в развалинах...

Второй. Когда это я уснул?.. Вот тут, кажется, ноги твоего полковника.

Первый. Да кто тебя бабой назвал, что ты рехнулся, что ли?

(Новая волна разрывов. Они отлетают.)

Второй. Сейчас будут наступать! Готовься!

Первый. Не дури... Сейчас будут наступать... Я тебе говорю, готовься.

Второй. Ой, бедняга, будешь ли ты завтра жив?

Первый. Тогда я тебе тоже прощаю...

(В нижнем этаже развалин — фон-Крюгер, адъютант, офицеры штаба.)

Фон-Крюгер. Ну, как положение?

Адъютант. Воздушный налет русских кончился, как вы и предсказывали, ваше превосходительство.

Фон-Крюгер. Короче. Потери?

Адъютант. Тоже, как вы определили, ваше превосходительство!

Фон-Крюгер. Как у вас? В порядке? *(Другому.)* У вас?

Офицер. В порядке, ваше превосходительство.

Фон-Крюгер *(третьему)*. У вас?

Штабной. В порядке, ваше превосходительство.

Фон-Крюгер. Хорошо. *(Всем.)* Последний час, последняя оборона! Больше нечего защищать, последняя точка — здесь! Здесь защищается Берлин, защищаем его мы... Здесь — смертельный бой. Мыслям о доме, мыслям о жизни, страху смерти, боязни крови — нет здесь места! Пусть лопнет трусливое сердце, пусть кровоточат раны, — в минуту последней схватки окаменей! Молчи! Помните Москву? Помните морозы? Русские сделали свой город крепостью. Это было зимой — мы стояли у ворот их столицы. Теперь лето — враг стоит у наших ворот. Закроем ворота наглухо. Если ты слаб духом — все кончено, откажись от надежды, сгори на собственном огне! *(Доносится “ура!”)* Нет, не возмете! Не отдам! Взять улицу — еще не значит взять Берлин! Взять Берлин — еще не значит победить Германию! Господа офицеры! Передать по телефону — огонь! До конца! Огонь! *(Передают по телефону: “огонь!”)*

Г о л о с а. Встречайте! Идут!
(Звуки наступления. Канонада. Где-то “ура!”.)
О ф и ц е р. Атака отбита, ваше превосходительство!
(Опять разрывы.)
А д ъ ю т а н т. Опять идут, ваше превосходительство!
М а й о р. Здесь небезопасно — спуститесь вниз, ваше
превосходительство!
Ф о н - К р ю г е р. И бурей их не остановишь... (спуска-
ются).
К а п и т а н. Отбили? Отбили?
М а й о р (в телефон). Давайте еще огня! (Канонада.) Еще
огня!
К а п и т а н. С этой стороны подходит группа...
М а й о р. Терпение... Отобьемся!
К а п и т а н. Нет... нет... не осилим... Идут! Идут!
(Появляется Сырым со своей группой.)
М а й о р (в телефон). Подходят! Подходят! Спустимся
вниз...
(Перестрелка. Сырым убивает офицера.) Вниз! (Хочет
спуститься, но навстречу ему поднимается фон-Крюгер.) Не
выходите, ваше превосходительство, здесь опасно, лейте-
нант убит... Мы окружены!
Ф о н - К р ю г е р. И внизу — то же самое! Там уже идет
бой... Откуда-то проникла вода... Огонь, вода — все стихии
против нас... Есть какой-нибудь выход?
М а й о р. Только — наверх!
Ф о н - К р ю г е р. Идем наверх... Будьте со мной! Живы-
ми не сдадимся! (Уходят.)
(Из подвала лезут Саша, Утешев и другие.)
С а ш а. Вырвался волк!
У т е ш е в. Ну — нет! От нас не уйдет!
С а ш а. Где же он ? Где?
(На улице к залегшему с бойцами Сырым подходит Азим-
хан.)
А з и м х а н. Здравствуй, сокол!
С а ш а. Здорово, батыр!
А з и м х а н. Выкурили их снизу? Где Крюгер?
С а ш а. Кажется, наверху...
У т е ш е в. Тигр еще жив. Он наверху!
А з и м х а н. Взять его во что бы то ни стало! (Ушел.)

У т е ш е в. Дайте его мне! *(Лезет по наружной лестнице. Выстрел. Упал.)*

М а й о р. Стой, рус! Не подходи, не возьмешь!

С ы р ы м. Слезай! Не вырвешься!

М а й о р. Прочь – взорву дом!

С а ш а. А сам?

М а й о р. Если умирать – погибнем вместе! Все взлетит к черту. Остается включить контакт! Отходите!

С а ш а. Сырым... Я придумал! Покажем – будто ушли... А сами – вон туда, там есть лазейка, я заметил... Обходом возьмем...

(Саша, Сырым и бойцы – отползают.)

М а й о р *(появившемуся капитану)*. Как дела? Есть еще силы?

К а п и т а н. Все становится ясно, когда тебя уже окружили, г. майор! Развязка, кажется, близко.

М а й о р. Молчите! *(Взрыв.)* Куда они все время бьют?

К а п и т а н. В этот дом. Как будто знают, что здесь штаб...

М а й о р. Запомните, капитан, этот дом будет драться до последнего кирпича! И даже кирпичи станут снарядами! Терпение... Терпение...

П е р в ы й у н т е р - о ф и ц е р. Парламентер! Парламентер!

В т о р о й у н т е р - о ф и ц е р. Хоть бы уж скорей кончали! Дай, боже, мира! Дай!

(Является Бойко и боец.)

М а й о р. Узнайте, кто там?

К а п и т а н. Кто идет?

Б о й к о. Я – старший лейтенант Бойко. Я – от генерала Рокотова.

М а й о р. Что нужно вашему генералу?

Б о й к о. Генерал приказал передать: в вашем распоряжении – пять минут. Пусть генерал фон-Крюгер поднимет белый флаг, если не будет сделано – превратим ваш дзот в развалины. Все. И церемониям конец! *(Уходит.)*

М а й о р *(останавливает капитана, который хочет выстрелить вслед)*. Не стоит! Не одного надо, а сразу всю компанию... пусть только подойдут! Видите, как зазнались! Будьте внимательны! Я сейчас! *(И сам спускается в подвал, но, увидав что-то страшное, бросается наверх.)*

Капитан (*своим*). Терпение... терпение! Следите!
Майор (*наверху с белым флагом*). На пять минут прекратить все действия!

Капитан (*повторяя*). На пять минут прекратить все действия! (*Стихло.*) Парламентер!

(*Идет Азимхан с двумя бойцами. Наверху показывается фон-Крюгер.*)

Азимхан. От имени советского командования я уполномочен генералом Рокотовым. Полковник Азимхан Шалкаров.

Фон-Крюгер. Ко мне обратился генерал Рокотов. Почему он не явился сам?

Азимхан. Генерал Рокотов не будет с вами говорить. Для того, чтобы говорить с генералом Рокотовым, вам надо было поднять белый флаг не здесь, а под Москвой! Для разговора в Берлине достаточно и полковника Шалкарова. Потому что он — представитель победившей армии. Простите.

Фон-Крюгер. Если непобедимой германской армии пришлось отступить из-под Москвы, то почему генерал Рокотов убежден, что русской армии не придется отступить из-под Берлина?

Азимхан. Потому, что вас гнала Великая Советская Армия — такой армии у вас нет. Потому, что вас гнало Великое Советское Командование — такого у вас нет и не может быть! Потому, что вас гнал справедливый гнев советского народа во имя возмездия и свободы человечества, а этого у вас никогда не будет! История решила вашу судьбу!

Фон-Крюгер. То же было в свое время сказано и в отношении Москвы. Но мы ушли из-под Москвы зимой, а вы побежите из-под Берлина летом, и это будет большой позор! Да, мы заставим вас отступить!

Азимхан. Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ — так говорили, кажется, древние греки? (*Холодно.*) Нет, Берлин падет! Вместе с Берлином рухнет и ваш, созданный вами, мир и похоронит вас под обломками! Сдаетесь или нет?

Фон-Крюгер. Нет! Вы, значит, предлагаете перемирие?

Азимхан. Если хотите перемирия — поднимите белый флаг над этим зданием и скажите на какое время?

Ф о н-К р ю г е р. Мне нужно пять часов. Полагаю, что такое же время понадобится и генералу Рокотову...

А з и м х а н. Генерал Рокотов не нуждается в вашей щедрости. Генерал Рокотов дает вам пять минут.

Ф о н-К р ю г е р. Такого издевательства германская армия никогда не принимала!

А з и м х а н. В таком случае — получайте то, что вам следует: позор и смерть!

Ф о н-К р ю г е р (*сбрасывает белый флаг*). Я вас больше не слушаю!

А з и м х а н. Учтите, что если мы вас сумели загнать наверх, то сумеем и выкурить оттуда! Сдаетесь или нет?

Ф о н-К р ю г е р. Переговоры закончены. (*Азимхан уходит.*) Огонь! (*Ушел.*)

(*Яростная канонада. Крики “ура!”.*)

М а й о р (*в телефон*). Огонь!.. Что? Батарея замолчала? Уже? Что же делать?.. Ваше превосходительство... наша батарея больше не стреляет... кольцо сжалось... Все против нас! (“Ура!” *приближается.*) Положение тяжелое... (“Ура!” — *еще ближе.*) Ваше превосходительство! Конеч! (*Врываются соединенные отряды нашей армии.*)

У т е ш е в (*он перевязан*). Товарищ полковник! Помните — генерал сказал, что тигра в логовище следует прикончить мне? Разрешите мне распорядиться! Поручите мне!

М а й о р (*кричит*). Назад!

А з и м х а н. Сырым! В обход! Поднимайтесь наверх сзади!

С а ш а. Утешев! Идем со мной на тигра! (*Лезут вверх.*)

С ы р ы м. Вперед! Знамя выше! (*Их группа штурмом берет разваливающую лестницу. Боец, несший знамя — убит.*) Не останавливай! Вперед! (*Хватает знамя, бросается с ним вперед и сам падает мертвым от выстрела в упор.*)

А с и я (*хватает знамя из рук Сырыма*). За мной, герои! За Родину! Не останавливай! Знамя — вперед! Вот — и на месте! (*Она успевает воткнуть знамя в цель на вершине, но тут же падает под выстрелом фон Крюгера.*) Все!..

А з и м х а н (*с другой стороны*). Победа наша! Знамя наверху! (*Видит Асию.*) Асия! Асия! Вижу твое знамя... Где же твой голос? Донесла знамя, а сама... (*Голос его дрогнул.*)

(Все кончено, перестрелка стихла, Саша спускается, ведя под конвоем фон-Крюгера и немногих уцелевших.)

С а ш а. Господин генерал сдался сам. Очень разумно поступил. Ну, а остальных, кто там был, мы всех — закончили... Азимхан, что с тобой? *(Видит Асию и все сразу понял.)* Асия?..

А з и м х а н *(выпрямляется)*. Командиры! Всем бойцам — быть на местах! Ждать приказаний!

(Бойцы несут смертельно раненую Асию.)

А с и я. Самые... радостные мои дни... прошли... с вами... С вами... и умираю... *(Смерть.)*

А з и м х а н. Прощай, дорогая... прощай, дорогая...

С а ш а. Прощай, Асенька... *(Пауза.)*

Б о й к о. Генерал идет, товарищ полковник...

(Входит Рокотов.)

А з и м х а н. Товарищ генерал армии! Приказание ваше выполнено! Штаб в наших руках. Фон Крюгер — вот он!

Р о к о т о в. Старый знакомый. Отправить в особый отдел! *(Фон-Крюгера уводят.)* Спасибо, полковник!

А з и м х а н. Служим Советской Родине!

(Рокотов поднимается по лестнице здания.)

Р о к о т о в *(остановился и увидел Асию)*. Что это?

С а ш а. Погибла при штурме здания со знаменем в руках.

Р о к о т о в. Честь и слава. *(Поднялся совсем наверх.)* Берлин встал на колени. Вместе со всей нашей Великой Армией и вы дрались за Берлин, вы брали его! Радуюсь, поздравляю, друзья! Смотрите — вот гнездо кровавых преступлений! Вот он! Сегодня мир злодеяний лежит раздавленным у наших ног! Вот он! Кровавый Берлин! Но наши армии еще бьются и наше место — там! Полковник, командуйте.

А з и м х а н. Горнист! *(Тот выходит вперед.)* Поход!

З а н а в е с

Э Н Л И К – К Е Б Е К

**Трагедия в 4-х актах, 5-ти картинах
(Подстрочный перевод)**

Действующие лица

Кебек — молодой батыр.

Энлик — его возлюбленная.

Есен — батыр.

НысанАбыз — старый мудрец, акын-наставник.

Кенгирбай (Кабекен) — бий.

Караменде — бий.

Кобей — тоже.

Еспембет } бии рода найман (один из родов Среднего жуза).

Жомарт }

Жапал — мальчик, пастух.

Кембай — человек из рода тобыкты (один из родов Среднего жуза).

Жауетей } джигиты из рода тобыкты.

Калдашбай }

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Жилище Абыза. В серое мрачное жилье еле пробиваются тусклые лучи.
Абыз сидит в тяжелом раздумье. В его руках кобыз.
Он только что кончил играть кюй.

А б ы з. “Кокейкесты”!* О чем поведал ты, кюй “Кокейкесты”? Уа, что делать велишь?! Неугомонное желание, неутомимое стремление (*улыбаясь*), щенок!.. (*Прижавшись щекой к кобызу, раскачиваясь, поет.*) Паки Паруардигер!**
Бе-еу! (*Тихо и протяжно поет кюй Асана Кайгы.*)

Без хвоста, без гривы

Как смог жить кулан?!

Без ног, без рук,

Как смог жить змей?!

Ты был Асаном — горькой печали, а я, Нысан, вторю тебе издалека...

Прозрачное мое помутнело... Уа-а!

Меня преследует кумай***

Нет пути избавления,

Кругом осажден бедой.

(*Поет как Асан.*)

Нет утешения, мечты бесконечны,

Как сможет жить старец?!

Нет согласия, нет пламени,

Как смогут жить супруги?!

Нет путей и отрады нет,

Как смогут жить мужи?!

* “Кокейкесты” — “Тайные думы” — название кюя.

** Паки Паруардигер — примерно: О, всемогущий!

*** Кумай — легендарная гончая собака, от которой ни один зверь не мог убежать.

Нет опоры в вас всех,
Как проживает мой народ?!

Старое сердце отравлено. Она подобно сумеркам, застилающим тенью вечерние доли. Нежный ветерок оно превращает в ледяной холод, а цветущую поросль — в болото. Существо мое чувствует озноб. Бесприютный народ словно дитя... столкнувшиеся в небесах черные и белые тучи надвигаются грозной бурей. Не ведая этого, дитя — народ забавляется огнем у каменного очага, раскидывает его, играет с ним. Где же страждущие за него?.. Где же затянутые в доسخи грозные батареи?

(Снова играет, кобыз издает печальные звуки. Входит Кобей и молча усаживается, с ним вошли его безмолвные спутники — Кембай и Матак. Абыз продолжает причитать.)

Без хвоста, без гривы,
Как смог жить кулан?
Без ног и без рук,
Как смог жить змей?

(Протяжно стонет, что-то бормочет скороговоркой, в конце произносит.)

...Как проживет мой народ?! *(Останавливается.)* Это ты, Кобей, свет мой?! Как поживают малочисленные аулы твоего тобыкты? Дети мои, здоров ли весь народ, здоровы ли мужи ваши?

К о б е й. Народ спокоен, мужи здоровы, старец!
К е м б а й. Как Ваше здоровье, благородный ага?

А б ы з. К чему говорить о моем здоровье? Что может поделаться старый (конь) олень, отставший от своего табуна и бредущий к пещере? Лишь бы вы были здоровы!

К о б е й. Давно не приходили к вам за советами. Правильно ли поступаем, не заблуждаемся ли? Наставления Ваши время от времени бывали для нас опорой, почтенный старец!

А б ы з. Куда держите путь, в чужие ли края или не далее своего рода?

К о б е й. Вызвал бий по одному спору внутри рода, едем к нему.

А б ы з. Что слышно в народе, поведай об этом!

К о б е й. Именно в эти дни нет такого необычного случая, о котором можно было бы рассказать, старец!

А б ы з. Сын мой, для меня нет ни свежих, ни старых

слов. Появился ли стойкий бий, сведущий во всем и милосердный к народу? Появился ли грозный батыр, который мог бы повернуть врага?

М а т а к. Он, видимо, хочет знать о таком сыне, который своим подвигом отличается перед народом.

К о б е й. Скажем, скажем, старец, и ныне не без них, они есть...

А б ы з. Достигли ли вы согласия со своими родичами матайцами, которые при разговоре о единстве пятились назад, а при беде-несчастье рвались вперед и не хотели мириться, даже если бы мы дали девяносто шуб из шкур куницы и девяносто черных одногорбых верблюдов.

К о б е й. Помирились, успокоились, старец.

А б ы з. Какой же муж пекся о благе народа?.. Как он достиг согласия? Надолго помирились или только обманчивая передышка? Искренне ли примирился сам народ?

К о б е й. Старец, слова матайцев вначале были подобны горе, но, постепенно убавляясь, стали похожи на тонкий волосок.

А б ы з. Что ты говоришь... Хочешь сказать, что не дали им повернуться, силой взяли?

К о б е й. Вначале их гнев был подобен бушующему пожару наперекор ливню. Однако отвага и изворотливость нашего бия утомили эту ярость.

А б ы з. Бия я сочту хорошим, если он для своего народа найдет больше друзей, нежели врагов.

К о б е й (*смеясь*). Как говорят, коль ты храбр, не поддавайся угрозам... Я убедился своими глазами, что самое большое мужество и ловкость — это не поддаваться угрозам. Мы смогли выстоять не дрогнув сердцем, стойко, лицом к лицу. Так повелел наш бий. И тогда стали пятиться матайцы!

А б ы з. Это было редкое тяжелое испытание. Нашли вы правильное решение или нет — судить трудно. Говоришь, перехитрил их? Лучше скажи, что осталась затаенная обида. Может быть, кажется, что верх берут одноаульцы? Я не могу сказать, что в будущем вас ждет спокойствие. И народ твой — казахи, и враги твои — казахи... Я хотел видеть их в единстве... Но цела у вас — лишь одна кучка... Ну, скажи о батыре, как он себя показал? Есть ли истинный храбрец?

К о б е й. Есть, старец. Разве бывает народ без героя?

А б ы з. Назови его имя...

К о б е й. Его зовут Кебек.

М а т а к. Кебек стоит особняком.

А б ы з. А-а, это не брат ли Токтамыса, о котором я слышал?

К о б е й. Он самый, старец!

А б ы з. Кого же он одолел? На кого он поднял меч, на своих близких или на чужих?

К о б е й. Опять на тех же матайцев. *(Абыз понуро смотрит.)*

М а т а к. В схватке батыр не может отстать от своих.

К е м б а й. Но сила не признает и родства! В этих краях нет батыра, который бы устоял против него.

М а т а к. Пусть ему сопутствует счастье, нет равного ему...

К о б е й *(приподнято)*. Сила этого Кебека осадила первый порыв матайцев, как вода прибывает пыль. *(Абызу.)* Он один дал бой пятнадцати отборным батырам, которые как матерые волки, рыскающие по ночам, возглавляли полчища матайцев. И какой еще бой дал! Вступив в схватку, он один семерых одного за другим свалил в кучу, а остальных восьмерых обратил в бегство и преследовал долгой погоней... Тогда полчища, оставшись без главарей, отошли, как табун лошадей, на который в метельную ночь напали волки, а Кебек сбил с коней и тех преследуемых восьмерых. Может ли опомниться войско, все батыры которого были повергнуты одним человеком? Кебек с сорока джигитами налетел на матайцев ястребом. И вот матайцы, которые хотели прогнать нас с наших земель, унижить, поневоле пришли к нашему бию для переговоров в поисках пути перемирия. *(Смеется.)* Отведав крепкой палки, они поуменьли...

М а т а к. “Разве я стремился поладить, но сила ведь заставила о себе вспомнить” — так горько шутили, говорят, уходя, сами матайцы.

К е м б а й. Были не только недовольные, но и находились такие, которые открыто выражали свою горечь... Они поклялись, что не будут народом, если не вырастят такого батыра, как Кебек. Один из их батыров сказал, что с радостью умрет в тот день, когда найдется батыр, который отомстит Кебеку.

М а т а к. Один из тех пятнадцати батыров был Кошен. Вернувшись, он занемог от обуреваемого чувства мести и умер с тоски.

К о б е й. Вот так, говорят, старец: “Знамя Кебека ныне развевается над малочисленными аулами тобыкты”.

А б ы з (*отвернувшись в сторону, печально поник. Оперся на кобыз*).

Нет путей и отрады нет.

Как смогут жить мужи?

Нет опоры в вас всех.

Как проживет мой народ?..

(*Кобей и другие переглядываются, кланяясь “прощайте, прощайте”, уходят.*)

...Синий мор, именуемый раздором,

Тебя ничем не одолеть.

Подтачивая нутро, не сгинет он...

Мрак и трясина, нет надежды, что день прояснится.

(*Наигрывает на кобызе.*)

Нет опоры в вас всех,

Не проживет мой народ...

(*Входит Есен.*)

А б ы з. О, ты чей сын?

Е с е н. Уа, старец, дальний предок мой найман, ближний – сыбан, свое имя – Есен. Народ называет меня батыр Есен!

А б ы з. Да вознесется твое счастье, сын мой!

Е с е н. Покорен вам, да будет так!

А б ы з. Сын мой, с каким делом ходишь?

Е с е н. Передо мною две преграды, именуемые соперничеством. Для преодоления одной нужно бесстрашное сердце и крепкая рука. А чтобы одолеть вторую, надо иметь богом данную удачливость. Вот что гложет меня... Для них обеих я пришел просить Вашего благословения...

А б ы з (*чуть помедлив*). Сын мой, в силах ли брэнному человеку устранить их? Сам ввяжешься или других втянешь, обвинишь ли одного себя... Поведай обо всем...

Е с е н. Старец, я к тебе пришел не как к старейшине малочисленного рода тобыкты, а как к мудрому Абызу. Первая названная мною преграда – это предстоящее испытание силы в единоборстве с батыром, чья мощь велика. Я ищу встречи с батыром Кебеком – твоим сородичем! Я хочу отомстить этому тобыктинцу. Мой сородич батыр Кошен не таков, чтобы его унижать, но он умер, терзаясь от нанесенной Кебеком обиды. Умирая, он говорил о неотомщенной мести.

Я поклялся ему... но я не хочу застать противника врасплах. Я своего достоинства не уроню, вот мое слово! Помоги мне, дай благословение! Второе испытание — испытание молодости, чести. Юная девушка из рода матай, невестка моего рода, пренебрегая братом, сородичем, хочет уйти. Разве я тот, который позволит ей уйти из рода, хотя она уйдет от нареченного? Но не скрою правду, девушка хитра, как лиса, а я беспомощен. Я подобен неловкому водяному беркуту, не могу поймать, не поддается горная хищница! Попалась бы она... Посочувствуй, благослови.

А б ы з. Я думал, ты батыр... а ты резвящийся в низине бескрылый юнец, не помышляющий взобраться на вершину. Я считал тебя молодцем, а ты оказался аульным драчуном? Не хвалю Кебека, но не одобряю и тебя! Если вспомнить о мести, — не лучше ли помнить об изнуряющих народ джунгарах? Если помнить о гневе, то разве можно забыть о великом бедствии “актабан шубурынды?”* Где единство народа? Надо печься об этом. Надо повести Кебека по тому пути и состязаться с ним в силе, направляя свои мечи против общего врага... Если он не пойдет за народ, тогда расправляйся с ним. Ты не видишь окружающих тебя чужаков, ищешь врагов среди близких... Свет мой, я тебе не спутник...

Е с е н. О-о, довольно старец! Остановись, старец, дай передохнуть! Я повержен, ты меня победил... О, как ты меня победил! *(Вскочил и быстро ушел.)*

А б ы з. В деяниях обильно горечи.

За что попрано добро...

Нет преграды дурному делу,

Не ограждает его заслон.

Как проживет народ мой?

Лик солнца снова потускнел бедой,

Надвигается снова черная тьма,

Нет светлоликого человека!

Драгоценности... — это моя.

Как проживет одинокий?

(Входит Кебек. Он выглядит не как батыр, а как нарядный красивый джигит. Вежливо кланяясь и улыбаясь, выражает

* Актабан шубурынды (пеший брод...) — бедственная година.

свое почтение старицу. Абыз удивленно, с восхищением смотрит на стоящего перед ним нежданного гостя.)

Твое счастье, как высокая вершина,

Красота облика неопишима.

Чей ты сын, восхищающий меня?

К е б е к. Почтение, благородный ага!

А б ы з. Будь здоров, с чем пришел, свет мой?

К е б е к. Можно ли не таясь высказать все, что есть в мыслях, благородный ага?

А б ы з. Скажешь сын мой, скажешь. Плохое не скажешь, хорошее скажешь. Вижу по облику. Скажи-ка, есть ли у тебя враги?

К е б е к. У меня лично нет ни врага, ни мести... нет у меня врага!

А б ы з. Молодец, сынок! Есть ли друг?

К е б е к. Если взглянуть в себя – весь мир мне друг. И светящее солнце друг, и мглистая ночь друг. Всему радуется душа! Однако, старец, нет единственного друга, за которого бы я крепко держался... Не осуждай, благородный ага... Очень много того, чем я восхищаюсь, что люблю. Люблю развлечения, песни, люблю охоту, зверей, пылаю огнем – люблю подругу. Я и сейчас готов полюбить, жажду ее. Но где она? Кто она? Не встретил, не нашел! Перед мною только чудные черные очи, глядят и будто молвят: “Ищи меня, найди меня!” и, ласкаясь, исчезают. Встречу ли, найду ли я их? Полюбил их, еще не видя, и встречу ли я эти лучезарные глаза?!

А б ы з *(понимающе усмехнулся)*. Да-да, молодая душа жаждет радости, веселья... веселья-радости! Как прекрасна эта весна! Это словно чудесный ясный день! Коли молодость, то видеть бы всегда такую... С благоухающим дыханием! Не мой ли Кебек ты?

К е б е к. Он самый, ваш сын, старец!

А б ы з. Не говоришь о враге, жаждешь друга... Любуюсь я этим. Если ищешь врага, ищи вдалеке... Смотри в далекую даль!

К е б е к. Алдияр – отец, приму твой завет!

А б ы з. Пусть мое пожелание сольется с твоим счастьем... Но что ты сейчас сказал?!.. Перед тобою в миреже мерещится какая-то преграда! Не могу сказать, что ты пройдешь мимо. Что ты найдешь, что увидишь на этом перевале? Встретишься, натолкнешься ты на него! Эта встреча неизбежна!

Тревожусь — столкнешься, ушибешься, сын мой, любимый сын! Нет силы, нет дня, которые бы тебя удержали. С кем ты встретишься? Хоть бы ты уберег себя от обманчивой красоты! Хоть в этом году удержи себя, не ищи ее... Вижу горячее сердце, не давая покоя, повлечет тебя... Вот чего боюсь и отчего печалюсь... Увлечет оно тебя...

К е б е к. Пусть раскроется мое счастье, благослови, благородный ага... *(Вытаскивает из-за пазухи мех выдры и кладет перед Абызом.)* Пусть это откроет мне путь, благослови меня.

А б ы з.

Воздай ему честное и чистое!

Беду чужакам направь!

Оберни лицо героя к счастью.

Поверни его в сторону почестей!

Погибель, как черную ночь,

Поверни на чужака, помышляющего о вражде!

Радостное сердце, подобное немеркнущему солнцу,

Поверни к невинному юнцу!

Честный путь дай чистому,

Избранному счастливцу,

Дай молодцу, подобному Кебеку!

З а н а в е с

Картина вторая

В горах, утес. Напевая, выходит Жапал, он пасет овец, смотрит по сторонам, поет, перескакивая с камня на камень. Песня пастуха.

Ж а п а л.

Шек-шек, шек-шек шегенек! Козлики!

Вы бабочки среди скота,

Когда увидишь камень...

Побежишь стремглав.

Нет покоя, нет спокойствия,

Чтоб вы подошли.

(С силой повторяет.)

Шек-шек, шек-шек шегенек!

Кош-кош, кош-кош, ягненок.

Мирный жирный барашек

Увидит волка, трясется,
Отказывают все суставы,
Найдет в горах траву тарлау,
А ковыль в низине,
Он мигом ободрится.
Кош-кош, кош-кош, ягненок.

(Взобравшись на высокий камень, оглядывается по сторонам.)

Чингис! Черные камни Чингиса! Справа Чингис, слева Чингис. Там Чингис *(протягивая в стороны руки)*. Там Чингис. Там Чин... Чин? Погоди, это что такое? Не тонкая струйка дыма вдали, а взметнулось облачко пыли... Еще, еще! Опять, опять!.. О-о, пыль валит клубами. Схватка, набег, погоня. Опять нашествие, опять переполох. Бедный Чингис. Часто такое разыгрывается на твоих холмах! Грабитель, драчливый батыр опять сошлись! Пай-пай! О, неужели и у батыров есть несбыточные мечты? *(Качая головой.)* А... Разве из такого чабана выйдет батыр? Не... выйдет *(мечтает)*. Подо мной поджарый белый скакун, в руках увесистая черная дубина-шокпар. Ни зги не видно... Назойливый враг... Днем этот самый... захудалый пастушонок. Увидел тьму отборных тобыктинцев грозного вида, одетых с ног до головы в железо... Да, наш аул встревожился. Все табунщики в страхе всполошились... некоторые из них говорят: “Э, ничего, ведь есть Жапал... Есть Жапал-агай... Есть грозный батыр Жапал”. Все надеются на меня. Настало время появления созвездия Уркер... Как раз в полночь... Только мы собрались согнать табуны для покоя... А Жапал-ага идет в самой гуще табунов... Вдруг белый скакун прижал уши и вздрогнул... После этого сразу со всех сторон с гиком налетели враги. *(Спрыгнув с камня.)* Уай, Жапал-ага, хлестнул своего белого скакуна, ринулся навстречу им!.. *(Нахлестывая себя плеткой, бежит вокруг камня и возбужденно кричит.)* Назад, назад, назад! *(Когда он оказывается сбоку камня, стремительно выбегает Энлик.)*

Э н л и к. Бей его! Бей! Бей! *(Накидывается.)*

Ж а п а л *(испугавшись, от неожиданности бросился в сторону, шлепнулся о землю)*. Ой бай, не тронь! *(Сдавленно хрипит, не может ничего больше произнести, перехватило горло.)*

Э н л и к *(насмешливо)*. Ой бай, тоже мне батыр! Только и всего? *(Смеется.)*

Ж а п а л (*придя в себя*). Э-э, ты думаешь я испугался? Нашла труса...

Э н л и к (*насмешливо*). А почему ты тогда прижался к камню, лежишь как черепаха? (*Смеется.*)

Ж а п а л. Вот тебе на! Смотри-ка, она ничего не понимает в приемах схватки... Позор!

Э н л и к (*смеясь*). Позор... Видно, в схватке ты всех свалил.

Ж а п а л. Вот так штука... Ведь я скачу, припав к гриве коня, чтобы уберечься от секиры и дубины (*встает*).

Э н л и к. Эх, ты, батыр мой, как говорят, увидев зайца, не надейся на обилие мяса; не лучше ли нам с тобой не быть батырами?

Ж а п а л. Почему? Разве батырство — плохое дело?

Э н л и к. Почему плохое?

Ж а п а л. Или плохо быть батыром?

Э н л и к. Нет, и это хорошо...

Ж а п а л. Тогда ты сама могла бы стать батыром, Энлик-апа. Но что говорить, кто уплатит калым, тот всего достигнет! Покидая дом... (*Шутя плачет, изображая Энлик.*)

Пышное белое платье на мне, но я в обиде на отца... (*Энлик смеется.*) Как же мне не обижаться? Разве для меня много было двух-трех месяцев пожить дома?.. Вот так все! Как жаль, апа, выйдешь за никудышнего.

Э н л и к. Не хочешь, чтобы я за такого вышла?

Ж а п а л. За плохого не хочу... Только за батыра согласен. Или сама стань батыром... Как ты умеешь стрелять из лука и сердцем не дрогнешь. Ты храбра... Или выходи за батыра, превосходящего всех. Будь его спутницей, говорю.

Э н л и к. Душа моя, кто же мне такого даст?

Ж а п а л. Э, разве нет такого... Есть же в этом краю?

Э н л и к (*осуждающе смотрит*). Что, опять хочешь об Есене говорить?

Ж а п а л. Нет, не он.

Э н л и к. А кто?

Ж а п а л. Говорят, есть много батыров. Разве не слышала о прославленном Кебеке?

Э н л и к. Слышала, много слышала. Все хвалят. Только я не видела его.

Ж а п а л. Говорят, ум и красота его не уступают славе. Он выделяется из всех, Энлик-апа.

Э н л и к. Пусть долго живет, он благородный батыр.

Ж а п а л. Но зачем ему желать добра, пользы нет.

Э н л и к. Э, почему ты отступаешь?

Ж а п а л. Он нам чужой, не наш!.. Разве он не тобыкти-
нец?

Э н л и к. А, вон что? *(В задумчивости отходит в сторону.
Поет песню. Жапал присоединяется к ней издалека.)*

Я дочь, взлелеенная отцом и матерью,

Дитя, зрачок их глаза.

Нет ни братьев, ни сестер, одна я.

Я единственная, на кого опираются старики.

(Уходит.)

Ж а п а л *(глядит с камня)*. Кто это? Опять едет. Как толь-
ко в горах раздается песня Энлик, он тут как тут, подобно
волку, преследующему зайца! Подожди!.. *(Незаметно вы-
глядывая, поет песню и отходит за камень. Подражает го-
лосу Энлик. Вскоре появляется Есен. Он тоже приближается
осторожно, однако его движения неуклюжи.)*

Е с е н *(обходя вокруг камня)*. Энлик! Как парящий в небе
орел... Когда меж камней промелькнет красная лиса, замети
мигом. Энлик, покажись теперь!..

*(Обходит камень. Жапал, причесая, убегает от него и поет
ту же песню.)*

Ж а п а л. Совсем помешался... Расстаял. *(Уходит.)*

Е с е н *(ищет)*. Энлик! Не балуйся, Энлик! Не убегай,
милая. Покажись мне. Куда же она исчезла? Энлик! Энлик-
жан, это я. *(Песня удаляется. Снова появляется Жапал, пою-
щий песню.)*

Ж а п а л. Как пес, преследующий зайца! Пока не выдо-
хнешься, не увидишь. *(Уходит. Снова появляется Есен.)*

Е с е н. Уай, Энлик, говорю, не убегай от меня, не убе-
гай, милая, не мучай. Куда же она сгнула, боже мой! Ай, ну
подожди ты... Балуешься! Это хороший признак! *(Опять по-
ворачивается, Жапал тоже поворачивается и уходит. Песня.
Есен начинает сердиться.)* Уа, хватит... хватит, Энлик-жан!
Покажись... Покажись! Наконец! Уау, ойбай... Где же ты,
Энлик?.. *(Возбужденно ходит туда-сюда, сбрасывает одеж-
ду, бросается вперед. Жапал, распевая песню, забирает его
одежду и уходит. Снова появляется измученный Есен.)* Кол-
довство же это, боже мой! Нечистая сила, не шайтан ли? Уа,
Энлик, ойбай! *(Бросается вперед и обхватывает Жапала,
появившегося из-за камня.)* Моя сладкая, как мед! Как мед!

(Жапал удивленно смотрит.) Уй, прочь! Проклятый, совсем измотал меня. Ты что здесь бродишь, сосунок?

Ж а п а л. Е, овец пасу.

Е с е н. А-а, овцы, овец пасешь. Это правда! Жапал, е-е, овцы, овец пасешь. (Смеется.) Эй, скверный мальчишка, поди сюда. Ну, скажи!

Ж а п а л. Что сказать?

Е с е н. Скажи о девушке.

Ж а п а л. Какая девушка?

Е с е н. Уй, чтоб разорвало, про Энлик расскажи.

Ж а п а л. Энлик?

Е с е н. Ну, говори! Как она так? Что... хороша?

Ж а п а л. Хороша.

Е с е н. Ну, как, вежлива, так?

Ж а п а л. Вежлива.

Е с е н. И умна, так?

Ж а п а л. Умна.

Е с е н. Ну, ну, говори же, будто гоню хромую овцу. Ну расскажи сам дальше.

Ж а п а л. Чего?

Е с е н. Уй, чтобы тебя разорвало, сказал бы так... Ну как, вежлива она?

Ж а п а л. Не знаю.

Е с е н. Дурная слава за ней не ходит, так?

Ж а п а л. Не знаю.

Е с е н. Уа, чтобы тебя разорвало, разужнай это. Последди, понял? Последди... Незаметно следи за каждым ее шагом, так.

Ж а п а л. Правда? (Разыгрывает.) Вон Энлик идет. (Есен растерялся.)

Е с е н. Ой, скверный мальчишка, чтоб тебя разорвало, то, что я тебе говорил, не передавай той девушке. (Входит Энлик, Есен восхищен.) Энлик-жан, милая Энлик-жан! Любуюсь... любуюсь, что ж делать...

Э н л и к. И ты все таков же, батыр? (Смеется.)

Е с е н. Таков... Таков, что ж делать мне больше. Нет терпенья. Энлик-жан!..

Э н л и к (смеется). Батыр, батыр, как же это так... Почему так волнуешься? К чему это?

Е с е н. Энлик-жан, не осуждай... только не осуждай... Не отвергай, будь благосклонна.

Э н л и к (*холодно*). Что ты говоришь, Есен?

Е с е н. Говори, Энлик-жан... Откройся мне! (*Энлик отчужденно молчит.*) Почему молчишь?.. (*Теряя надежду.*) Говори, прошу тебя.

Э н л и к. Как будто у меня есть что тебе сказать! Что я тебе скажу?

Е с е н (*сурово*). Баловница, это пренебрежение или насмешка? Скольких сыновей из рода найман хочешь обмануть? Твой обман даром не пройдет... Ведь я же батыр!

Э н л и к. Зачем мне твое батырство, ты растяпа. Кто пожелает обмануть кого-либо, прежде всего обманет тебя.

Е с е н. Уа, что ты от меня хочешь, скажи мне откровенно.

Э н л и к. Я женщина, силой меня не смягчишь, нужна обходительность... Сначала сам скажи, растяпа-батыр.

Е с е н (*снова смягчаясь*). Энлик-жан, твои уловки для меня труднее, чем направленная в меня стрела или вооруженный враг. Хотя покидаешь мужа, не покидай рода. Ты невеста почтенного рода, не оскорбляй духа аруахов.* Если пренебрегаешь младшим братом, выходи за меня. Я же говорил, что я обожаю тебя. Что на это ты ответила?

Э н л и к. Если бы ты пекся о чести рода, свои интересы отставил бы в сторону. Лучше оставь в покое лежащего в могиле духа аруаха. Прежде подумай о чести младшего брата. Ведь это долг твой. Я еще не говорила, что не выйду за него... (*Смеется.*) Хочешь отбить, как же тебя понять?

Е с е н. Уа, перестань, прекрати, бесовка!

Э н л и к. Э, тогда так и говори!..

Е с е н. Не говори, замолкни. Если выйдешь за нареченного родителями, моего младшего барата, то не спорю. Тогда я замолкну. Но если не его изберешь, сердце не его полюбит... тогда никто на тебя не будет иметь прав, кроме меня, будешь, Энлик, моей.

Э н л и к. Это потом увидишь (*смеясь*). А сейчас будь вежливым, деверь, знай долг деверя... Ведь нехорошо, что я этому учу вас, не правда ли? (*Смеется, Жапал тоже смеется.*)

Е с е н. Стой... Придержи свой язык... (*Жапалу.*) Ой, скверный мальчишка, сгинь! (*К Энлик.*) Нанесенная тобой

* Аруах – дух предка.

рана и так достаточна, не бреди ее снова. В этот раз ты меня победила. Ничего не поделаешь, придется ждать, чем кончится сказанное тобой.

Э н л и к. Так то, если ты батыр, будь терпелив.

Е с е н. “Будь терпелив!” Сперва ты сама будь терпелива! В день твоего отступничества не спрашивай у меня терпения. Теперь я буду следить за каждым твоим шагом. Если обманешь, не жди пощады... Запомни это. *(Жапал, подражая голосу Есена, вышучивает его.)*

Ж а п а л. Энлик-жан! Милая Энлик-жан, уау, Энлик-жан! *(Энлик смеется. Есен, почувствовав насмешку, вскакивает.)* Говори, ну скажи. Ведь калым уплачен, Энлик-жан!

Е с е н. Уй, чтоб тебя разорвало, скверный мальчишка!

Ж а п а л. Энлик-апа, этот человек всегда говорит мне, чтобы тебя разорвало. Что я бочка, что ли?

Е с е н. Ой прочь, скверный мальчишка! Энлик, я ухожу, прощай! Не забывай мой слова! *(Уходит.)*

Э н л и к. Прощай, не забуду! Но из-за страха не стану твоей женой.

Ж а п а л. Что Энлик-апа, что он хочет. Сам взять, что он говорит?

Э н л и к. Ты что, хочешь стать моим поверенным?

Ж а п а л. Нет, только хочу сказать, что среди рода матай и сыбан нет лучшего батыра, чем он.

Э н л и к. Хочешь приручить меня к нему? Или я просила у тебя батыра? Может, ты скорей хочешь избавиться от меня?

Ж а п а л. Нет, апатай, не уходи! Но ведь и сама не хочешь сидеть до старости. Говорят же, что к старой деве нет уважения.

Э н л и к. Или советуешь выйти за никчемного?

Ж а п а л. Ой, бай, и этого не говорю, ай апай. Как будто нет народа, нет батыра. Нашелся бы хоть один батыр, чтобы был красавец, весельчак...

Э н л и к *(вначале удивленно, потом грустно поет).*

На родной земле много гор,

В них полно дичи.

В сердце много грез,

Исполнятся ли они?

Нет счастья,

Которое спасло бы невольную Энлик.

(В этот момент за сценой слышен громкий топот. Он на-

поминает погоню за дичью или погоню за врагом. Энлик и Жапал прислушиваются.)

Подожди, что это такое?

Ж а п а л. Неужели враг? Что за нашествие! (Убегает за сцену, оттуда кричит.) Мараленок! Охотник! Вон! Туда по-скакал.

Э н л и к (схватив лук, взбегает на камень и приговаривает к стрельбе). Его стрела не попала. Так надо стрелять! Вот!.. (Пустила стрелу.) Издалека раздается голос “Не стреляй!”

Ж а п а л. Упал! Кувырком полетел... Ого, апатай! Кто превзойдет тебя? (На сцену вбегают джигит, это Кебек.)

К е б е к. Кто стрелял? (Не узнавая одетую по-мужски Энлик.) Это ты, мальчик, стрелял? Зачем стрелял?

Э н л и к. Я дважды не стреляю, как ты, мурза, если еще есть у тебя мараленок, покажи (смеется).

К е б е к. Кап, что ты сказал, мальчик? (Заинтересованный, он приближается к Энлик и шутливо говорит.) Когда же я просил стрелять? Я сам преследовал и стрелял сам. Хотел немного позабавиться.

Э н л и к. Если у тебя зависть из-за мараленка, то он недалеко ушел, мой джигит... Жапал, принеси мараленка и подари этому мурзе. (Смеется, Жапал убегает.)

К е б е к. Меня дичь не интересует, мальчик... Интересна сама охота. Ты убил, ты и бери.

Э н л и к. Почему? Преследовал ты. И труд, и право твое. А мы от нечего делать пустили одну стрелу, на ветер. (Жапал вносит мараленка.)

К е б е к (смотрит на Энлик удивленно). Молодой мурза, я не вправе брать... Я восхищен меткостью, я и этим доволен, возьми сам! Кроме того, и марал с твоей земли. Пусть он остается у тебя.

Ж а п а л. Оказывается, он тобыктинец.

Э н л и к. Мурза, бегущая дичь принадлежит не хозяину земли, а настигнутому ее. К тому же, мы не старшие, вооруженные пикой и гарцюющие на коне. Это они, матайцы и тобыктинцы, из-за пучка травы и глотка воды грызутся...

К е б е к (удивленно подходит к ней). Ого, душа моя, кто же ты? Какие кусачие слова! Кто же ты, а?

Ж а п а л. А сам он кто, спроси его!

Э н л и к. Обычно у путника сперва узнают, кто он.

К е б е к. И это правильно... Свет мой, ты меня со всех

сторон зажал. В таком случае я жуантаяковец из рода тобыкты. Имя мое Кебек.

Ж а п а л. Кебек? Энлик, ведь это же батыр Кебек!

К е б е к. Энлик?! Много слышал о тебе, сверстница моя.

Э н л и к. Я тоже знала вас, еще не встретившись.

К е б е к. Ага, недаром для мужчины очень обходительная, для мальчика очень мудра. Мараленок оказался лучше любого домашнего скота, потому что он послужил причиной встречи с Энлик. *(Берет у Жапала мараленка и кидает его перед Энлик.)* Рад, что увидел тебя, не обвиняй меня, прекрасная сверстница!

Э н л и к. И я довольна, что увидела тебя, мой батыр. Только не надо расставаться, как дикарям в горах. Будь моим почетным гостем, прошу в мой дом! Там отведаем мяса этого мараленка... Пусть пища будет вкусна вместе с хозяином.

К е б е к. Если ты поведешь, я всюду последую за тобой, Энлик-жан. Не забуду этот счастливый день...

Э н л и к. Батыр *(смеясь)*, не спешите заранее. Неожиданно встреченная в горах девушка-сверстница всегда волнуется. Однако высказанные при первом порыве слова впоследствии могут вызвать сожаление.

К е б е к. Каждое твое слово, как золото. Нет силы оспаривать то, что говоришь. Только одно скажу: я не в силах скрывать то, что в моих мыслях и мечтах. Хоть и не воспримешь, но выслушай их, Энлик-жан. Что бы ты сказала, если я поведаю, что до этого момента я дожил еле живым?! *(Они теперь беседуют, прогуливаясь вокруг утеса, то появляясь, то скрываясь за камнем.)*

Э н л и к. Еще раз прошу терпенья у батыра. Пока не скажу, что это плохо или хорошо. Однако прошу в мой дом, будь уважаемым гостем. *(Оба собираются уходить.)* Если ты настоящий Кебек, то у меня есть что сказать тебе... Идем, батыр! *(Уходят. Жапал, напевая, остается. Через некоторое время из-за камня снова появляются Энлик и Кебек; беседуют между собой.)* Удели внимание моим скупым словам! Не посчитай меня за ту, которая бросает свой взор на каждого встречного. Если я расскажу всю правду, думаю, что ты поймешь меня.

К е б е к. До сих пор ты ничего такого не говорила, чтобы зародилась у меня плохая мысль о тебе, Энлик-жан!

Э н л и к. Если так, я хочу в первую очередь говорить о себе, о своей тоске. *(Скрываются за камнем. Тишина. Снова появляются Энлик и Кебек.)*

К е б е к. ...это правда, Энлик-жан? Однажды мы с Есе-ном померялись силой. Теперь придется еще раз встретиться, чтобы испытать счастье. Если он со мной соперничает, почему не соперничать мне? Я тебя испытывал в разговоре. С первого взгляда не говорило ли мне сердце, что оно нашло свою звезду? Душа моя, Энлик-жан, ради тебя я готов отдать жизнь!

Э н л и к. Мой батыр! *(Начинает смеркаться. Появляется одинокая звезда.)* Рану сердца, как исцелимую тоску, я скрывала от всего мира, от восходящей зари и закатывающегося солнца. Только этому безмолвному камню поведала свою печаль. Взошла яркая звезда, как бы возвещающая рождение моего счастья. Ее сияние пусть станет свидетелем. В моей короткой жизни было небольшое желание. Одинокая яркая звездочка, стань моей звездой счастья, веди за собой.

К е б е к. Пусть краса заката станет звездой нашего счастья! Внемлю тебе! Идем, пошли, Энлик, в твой дом!

(Уходит.)

Ж а п а л. Каждый день тоска была обращена к безмолвному камню. *(К камню.)* Слышал ли ты это? Исполнишь ли ты заветную мечту? Пошли же мне тонкобровую, пышноволосяную, тонкобровую, пышноволосяную!..

(Уходит.)

З а н а в е с

АКТ ВТОРОЙ

Картина третья

Тот же утес. Вдали высокие горы. Издалека доносится песня.

Э н л и к. Когда увидит любимого, радуется истосковавшая душа. Не может не волноваться увлеченное сердце. Спрашиваю, пришел ли он, сдержав свое слово, скажи утес, не приходил ли к тебе любимый батыр? Сегодня день прихода батыра.

Долго тянулись божьи дни и ночи,
Прошла неделя, соскучилась о нем,
Хоть бы прозвучал один раз его голос!
Спешит ли моя быстрокрылая надежда?..
Всеми силами души стремлюсь к одному желанию...
Осудишь ли ты меня, хмурый день?
Виновна ли я? Виновна ли я, может, на мне вина есть?
Отец, мать, родной дом, простите меня. Возращенный
под вашей сенью птенец, желая счастья, собирается улететь
вдаль. Виновата ли я, старый утес? Если вдумаешься в мою
печаль, ты должен все понять. (*Прикрепляет к утесу платок
— знак жертвы.*)

Остались ли невыплаканные слезы, около тебя, непо-
веданная тоска. В благословенный утренний час приве-
ди сюда желанного своего, возлюбленного, единственную
опору. (*Внезапно появляется Есен. Эклик как при виде чего-
то страшного, с испуганным лицом говорит про себя.*) О, соз-
датель, не этого я хотела, творец! Трепещет, боится сердце
мое. Каким дурным предзнаменованием кажется его при-
ход! (*Есен, стоя под утесом, поет.*)

Е с е н. Баловница, что ты стоишь на необитаемой горе?
Пусть лопнут мои глаза, что я вижу тебя одну, без сверстни-
ка, ты выросла дикой на вершине Чингиса. Что ты скажешь,
резвясь на камне, подобно зайцу?

Пусть устремленные черные глаза поблескивают,
Пусть умилятся сердце друга твоего,
услышав твой голос.

Кому ты подаешь знак, призываешь,
Как горы, звучащие при наступлении врага.
Э н л и к (*поет*). Нет у меня ответа на эти твои слова,
Нет у меня желания состязаться в слежке с тобой.
Будь ты не дремля, выискивающим следы,
Даже в шутку клеветать я не в силах!
Е с е н (*приближаясь*). Эклик, хватит уже обманывать.
За свою наивность и доверчивость я в награду это получил?
Что замышляешь, скажи прямо?

Э н л и к. О чем хочешь заставить говорить меня? Сперва
сам скажи, что знаешь?

Е с е н. Не хитри, молодлица. Думаешь, я за тобой не сле-
жу?

В неделю раз приходишь сюда, кого ждешь. Скажи!

Э н л и к (*усмехаясь*). Батыр, верю твоим словам. Ты и взаправду следишь, мне твой нрав известен. Не в неделю раз, а каждый день прихожу я сюда. Что ты видел в таком случае, скажи сам?!

Е с е н. Не сам я слежу.

Э н л и к. И это уже хорошо, если так, спроси у того, кого следует, что он видел?

Е с е н. Не крути, говори правду, видели приходивших к тебе. Куда его скроешь?

Э н л и к. Пусть видят. К камню приходит и уходит много людей. Если так, запрети людям ходить в горы Чингис, ты же ведь батыр. Находясь в степи, я видела охотника за дичью, батыра, преследующего врага, людей, ищущих потерянный скот. Видела и тебя, преследующего девушку. Пусть все это перечислит твой человек, следящий за мной.

Е с е н (*начинает верить*). Лжешь, ты кого-то ждешь. (*Энлик смеется. Тишина. Протягивая руки.*) Энлик-жан, скажи правду. Не мучай, если кого избрало твое сердце, дай мне знать, тогда я пойду восвояси.

Э н л и к (*смеясь, взяла малахай Есена*). Батыр, не будь нетерпеливым. Ведь я женщина, не унижайся передо мною.

Е с е н (*радуясь*). Энлик-жан, твой ум велик, как высокая гора. Скажи такие слова, пусть я буду побежден, только дай уйти с верой.

Э н л и к. Батыр, успокойся, отбрось сомнения. Приходи сюда через три дня. Услышишь мой окончательный ответ. А пока вернись. Твой человек может оклеветать и нас с тобой!

Е с е н. Теперь разговоры не нужны. Словам других я не поверю. Верю только тебе (*Собирается уходить. Нахмурившись.*) Энлик, мое сердце сполна принадлежит тебе, насмешку оно не потерпит. Только не забывай этого! (*Когда собирается уходить, навстречу появляется Кебек.*)

Е с е н (*смотрит на Кебека и Энлик*). Кто это, Энлик?

К е б е к. Кто это, Энлик?

Э н л и к. Сперва познакомлю близкого с чужим, это мой деверь Есен-батыр.

К е б е к. Есен?!

Э н л и к. Этого джигита я однажды видела, когда он охотился за дичью, если не забыла, имя его Кебек.

Е с е н. Кебек? Кебек?!

К е б е к. Есен?

Э н л и к. Что вы опешили? Хотя это неудобно, я что ли должна указать вам, как вести себя? Хотя вы являетесь сыновьями враждующих родов, неужели скупитесь на взаимное приветствие?

К е б е к. Молодица, право ваше. Думая, что кроме дичи никого нет, и неожиданно увидев перед собой девушку и джигита, я был настолько поражен, что подумал, не сон ли это! Оказывается, вы друг другу не чужие. Где бы вы ни встретились, нет на то суда...

Э н л и к. Батыр, а ты что скажешь? Этот человек поразился, что увидел нас вместе.

Е с е н. Я не побоюсь людской молвы! Не собираюсь отчитываться перед каждым встречным-поперечным. Богом нареченная невестка, как можно тебя оклеветать и какое дело до меня?

К е б е к. Как говорят, один из признаков батырства — чванливость. Других твоих достоинств я не знаю, но чванливости хоть отбавляй.

Е с е н. Ты тоже, расточая свое красноречие, попусту не задевай меня. Если хочешь выдержать испытание перед девушкой, будь обходительным. А меня Энлик давно испытала.

К е б е к (*смотря на Энлик*). Правду говоришь! Сноха, встречающаяся за пригорком, наверное знает тайны своего деверя. Может, и деверю известны секреты своих. Но зачем об этом оповещать проходящих друзей и врагов? Или это, может, тоже нравится твоей снохе?

Е с е н (*растерявшись*). Прекрати разговор, как ты оскорбительно говоришь. Или напрашиваешься на ссору?

К е б е к (*не теряясь, твердо*). А коли напрашиваюсь, что сделаешь со мной? Приказ без исполнения равен унижению. Не ты один грозный батыр и я не баба, обращающаяся в бегство. Покажи еще свой гнев.

Е с е н. Кончай! Я тебе покажу, как привязываться. Если ты ищешь меня, то я тебя тоже искал и долго ждал. Выходи на поединок.

К е б е к. А, давай, давай! Да, герой познается на поле брани. Может, хочешь похвалиться перед снохой? (*Оба готовятся.*) Выходи.

Е с е н. Я не потерплю насмешки! (*Энлик на утесе.*)

Э н л и к. Эй, джигиты, если вы батыры, остановитесь

(оба смотрят на нее). Если мне, женщине, не примирить вас, то больше некому.

К е б е к *(гневно)*. Молодица, ведь ты его стороны человек, твое примирение не принимаю. Если к обоим относишься одинаково, скажи открыто...

Э н л и к *(Кебеку)*. Батыр, не переходи границы, ничего не случилось, чтобы ты заблудился *(шепчет Есену)*. Я огорчена, что поддаваясь пустым словам, ты ссоришься, ведь он противник, который злорадствует. Про меня пойдет дурная слава. О твоей ревности должна знать только я, смири свой гнев.

К е б е к. Молодица, я не согласен с твоим решением наедине перемирием. Если хочешь говорить, скажи обоим открыто.

Э н л и к. Скажу, что оба вы задиры! Сначала скажу о задиристости ближнего. *(Есену.)* Если ты хочешь защитить меня, то делаешь это неуклюже.

К е б е к. Да, если ты умная девушка, то сама должна защитить свою честь.

Э н л и к *(Есену)*. Если ты так хочешь меня защитить, я этим недовольна. Этим не избавишь меня от сажи, которой очернил меня батыр.

Е с е н. Если вы с этим батыром давно спелись, так распынайся перед ним. Оправдывай сама себя. Выходит, только я задира?

Э н л и к. Не только ты один. *(Кебеку.)* Гость-батыр, ты тоже задира. И у батырства есть свои правила, из-за чести дочери какого-то матайца и тебе не подобает ссориться с неизвестным человеком.

К е б е к. Если я виноват, что вмешался, то покорюсь твоему уму, невольню покорюсь, прелестная девушка.

Э н л и к. Теперь вам обоим скажу: сейчас я от вас уйду. Только поймите, батыры, можете ссориться из-за скота, из-за земли, но не ссорьтесь ради меня. Без того неурядиц много, и без меня немало найдется причин, найдется. Идите каждый по своему пути, расстаньтесь мирно. *(Настороженно следя за ней, оба остаются. Уходя Энлик поет.)*

Настоящие батыры твердо держат свое слово,

Негаданно возникла на пути преграда.

Подчиняясь терпению и своему рассудку,

Дождется обещанного момента.

Е с е н (*глядя в сторону*). Эту загадку она сказала для меня. Буду ждать обещанного три дня.

К е б е к. Мне сказала! “Не уходи, жди”.

Е с е н (*Кебеку*). Кебек, я не думал встретиться с тобой в таком месте, но где бы ни встретились, я имел решение сразиться с тобой. Остановило слово девушки.

К е б е к. Если искал, что ж удерживает? Если не хочешь остановиться, воля твоя. Разве девушка распоряжается местью батыра?

Е с е н. Нет, я одобряю слова девушки.

К е б е к. В таком случае напрасно распинался до сих пор, спросил бы сперва у девушки.

Е с е н. Теперь я вот что скажу. Давай по поводу этой девушки не будем встречаться больше. В случае встречи нашу правоту или неправоту пусть решит острое пики или сила плеч! (*Собирается уходить.*)

К е б е к. Хорошо, тогда я с нетерпением жду встречи. (*Оба расходятся в разные стороны. Тишина. Из-за камня выходит, напевая песню, Жапал.*)

Ж а п а л. Кап-кап*, на этот раз проморгал! Все-таки встретился с ним чванливый Есен. Теперь Энлик обидится... С того времени, как Есен поручил следить за нею, исполнилось шесть месяцев. С тех пор я следил не за Энлик, а за самим Есеном... Все это время я оберегал Кебек от стычки и сохранял тайну Энлик. Водил за нос Есена, постоянно направляя его не туда, куда нужно. Подобно верблюду, верящему своему росту, Есен наивно верил Энлик. Стой, идет Кебек, как будто рассержен, пока спрячусь. (*Уходит. Появляется Кебек.*)

К е б е к. Путь мой привел к утесу. Пришел я, чтобы не отступать. Если я ринусь на высокий перевал, народ мой опять подвергнется испытанию. Не мне бы сеять раздоры и быть защитником. Нет у меня злых мыслей. Что я скажу, если родичи назовут меня нечестным... Но ни к кому не питаю я вражды... (*В раздумии.*) Если “вновь встретимся, все решит кинжал”... Если моя вина в том, что люблю подружку жизни, то все отдаю ради моей Энлик. (*Выходит Энлик.*) Подойди, милая, успокой меня, решила ли ты?

Э н л и к. Пришла, батыр, все мои желания с тобою... Да будет благословен наш путь. Пришла со святыми жела-

* Кап-кап – восклицание огорчения.

ниями следовать за тобой. Скрытность кончена, я открыто называю себя твоей супругой.

К е б е к. Принимаю покорно! Пусть ведет нас твое святое желание. Не вини, я неповинен... широкий мир, будь свидетелем моего честного пути. (*Будто прощаясь с окружающим.*) Идем, душа моя!

Э н л и к (*осматриваясь вокруг*). Широкий мир... Пошла я по узкому пути, не завидуй мне, просторный мир... Родная земля, раздели со мною мою тоску и мои тайны... Мечтала уйти свободно, ласкаясь... А уйду от тебя, как беглянка, тайком... Полагалось бы, чтобы родители сами проводили и устроили свое дитя. А я отправляюсь, даже не получив их благословления. Прощаясь с родным народом, с взрастившей меня землей, спою коротенькую песенку прощанья. (*Поет.*) Отец и мать, перешагнув ваше благословление, ушла я, оставив вас на раздоры среди несдержанного народа, ушла я.

Как чадо, рожденное вами,
Лелея веру, что не будете проклинать меня, ушла я.
Родной народ, прощаюсь со старым и малым,
Со всеми выросшими вместе сверстниками и друзьями.
Как вы будете вспоминать меня,
Братья-сестры, с которыми мы в веселье и шутках
проводили время?

Будьте здоровы, холмы, луга и реки,
И вы, кочевья, где пасутся стада овец.
Утесы Борли и Караул, куда взбирался батыр,
Красуйтесь теперь одни в просторной степи.
Не знаю, какие перевалы лежат передо мной,
Может быть, это скалы, косогор неодолимый.
Молясь духу-аруаху и единому богу,
Держась за твою полу, батыр, веди меня!
(*Оба уходят. Вбегает Жапал.*)

Ж а п а л. Энлик-апатый! Куда уходишь? Я думал, что охраняю просто ваши встречи и забавы... С чем уходишь?.. На что бесповоротно решилась?

Э н л и к (*останавливаясь*). У меня нет другого пути, Жапал. Могло ли быть иначе?

Ж а п а л. Понял, апа... Я разделял вместе с тобой твои мечты... Я и сам предполагал, что вы к этому придете... Но почему уходишь без предупреждения?

Э н л и к. Чтобы легче было расстаться. Ты сам знаешь, милый Жапал! На твоих руках остаются одинокие... одиноко скорбящие мои старики. Будь им сыном, будь при них! *(Обнимает Жапала.)*

Ж а п а л *(плачет вместе с ней)*. Как же я забуду тебя, апатай, буду искать тебя, не думай, что у тебя нет родственника. Уходя помни, что у тебя остался брат Жапал, который ради тебя готов пожертвовать собой.

Э н л и к. Где бы я ни была, помни, не забывай свою Энлик.

Пусть создатель сведет нас в лучшие времена, с радостными лицами. Прощай, братец Жапал!

(Уходит. Оставшийся Жапал плачет.)

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

Картина четвертая

Большая белая юрта – просторная орда бия Кенгирбая. Бий *(один)*. Не хватало раздоров!.. Неужели, создатель, их было мало? Какой еще удел уготовлен? Не на беду ли Кенгирбаю сюда ведут найманцев, разбушевавшихся, как бурный поток? Или на несчастье наших косяков лошадей... и овечьих стад? Если найманцы на сей раз придут, они придут в большом гневе. Знаю, у матайцев с давних пор есть счеты с тобыкгинцами. И это не может не подогреть найманцев. *(В раздумьи.)* Опять я позволю, чтобы вспыхнули раздоры и пролилась кровь? Или склонить голову перед врагом? *(В раздумьи.)* Но обида найманцев велика. *(Качая головой, умолкает.)*

Входят Кобей и Кембай. Здороваются.)

Б и й *(Кобею)*. Достойный Кобей, как живут малочисленные аулы твоего тобыкты? Как твои мужи?

К о б е й. Народ спокоен, мужи здравствуют. А вот найманцы подходят к нашим аулам. Сегодня, например, намереваются прибыть сюда. Говорят, их около ста человек.

Б и й *(хмуро)*. Кто же их возглавляет?

К о б е й. Главарь – упрямец Еспембет. Затем, говорят, Жомарт. Кроме того, претендент на руку уведенной Кебеком девушки батыр найманцев Есен. Среди них больше всех, говорят, бушует он.

Б и й. Неужели они послали упрямого, сурового Еспем-бета? Я, кажется, разгадал мысли найманцев. Оставшиеся собрали, наверное, полчища и ждут. Оттуда получены вести?

К о б е й. Вести есть. Вы правы, они бросили клич, собрали мужчин-найманцев, и Картпай-бий не распускает сборище, ждут!

Б и й. Тогда ничего не остается, кроме как твердо решиться на все. Оповестили наш народ?

К о б е й. Вчера, услышав такую весть, я послал гонцов ко всем почтенным людям рода. В полдень они уже придут. Не разводите среди народа панику. Чтобы мы ни сделали, решим, встретившись с найманцами. Я велел собрать народ для того, чтобы для всех случаев они держали ухо востро.

К о б е й. Хорошо. Если соберется множество народа, сами все услышат, увидят, врасплох не застанут.

Б и й. Наверное, Кебека здесь нет?

К о б е й. Здесь его нет.

Б и й. Было бы хорошо, если бы при разговоре двух родов был кто-нибудь из старых родичей. А придет ли кто-нибудь из других аргынских родов?

К о б е й. Говорят, Кебек послал человека к бию Караменде, считая его уважаемым старцем и своей опорой среди рода аргын. Я тоже послал ему привет. Сегодня ждем его. Сообщают, что он уже выехал из своего аула.

Б и й. Что бы там ни было, настала пора, когда испытываются отношения между родичами... Если придут найманцы, встречайте. Мне нужно отдохнуть.

К о б е й. Хорошо, отъезжайте. *(Тишина.)* Только скажите, бий, чего мы должны придерживаться?

Б и й. Тобыктинцы – несчастный народ, не могу определить, чем все это кончится. Напрашивается два решения, оба для вас непригодны. *(Помолчав.)* Если последовать одному, твой народ будет унижен. Предпочесть другое – не оберешься бедствий. Что же делать, придерживайтесь того решения, какое будет между этими двумя.

К о б е й. Хорошо, что бы ни было, будем решать, встретившись с ними. Ну, езжайте, бий!

Б и й. Поеду. *(Кембай, Кобей помогают ему одеться.)*

К о б е й. Готовы ли наши юрты к приему приезжающих для переговоров? Чтобы не было недостатка в них. Такой

народ ждет всякого повода, чтобы сделать из мухи слона и кричит “пренебрегли”, не посчитались!

К е м б а й. Услышав, что едут около ста человек, мы поставили десять юрт из расчета по десять человек на юрту. Подготовлено все, и скот для забоя, и люди для обслуживания. С этой стороны недостатков не найдут.

1-й г о л о с (*кричит издали*). Всех нас перебьете? В чем наша вина, не успели приехать, уже бьете по головам, по глазам. (*Биш удивленно смотрят.*) Какое издевательство! Пустите, пойду вон туда, к бию.

К о б е й. Что за шум? Чей голос?

К е м б а й. Это, наверное, Калдашпай, которого поставили следить за приготовлением пищи. Найманцы уже прибыли? (*Опять шум-гам.*)

К о б е й. Пойди узнай. Кембай, кто-то идет сюда.

2-й г о л о с. Ну, бей еще, посмотрю, как будешь бить! Как ты заносишься! Как вы все напыжились! Пойду к бию.

1-й г о л о с. Иди к своему бию. Если у тебя есть бий, то думаешь все испугаются? (*Кембай собирается выйти, врываясь Калдашпай, на лице кровь. Кембай столкнулся с ним.*)

К о б е й. Что с тобой? Что взбудоражился?

К е м б а й. Что за шум-гам? Что вы все делаете? Найманцы прибыли?

К а л д а ш п а й (*громко*). Приехали, разве не они всех бьют? Встретил их, коней привязал, развел по юртам. Вон один задира избил меня в кровь. Что это за унижение?

К о б е й. Хватит бушевать. Разобьют голову, скрой под шапкой... Кишки не выпадут. Исполняйте, что говорят, не ссорьтесь, обслуживайте как можно лучше.

К а л д а ш п а й. Да нет, с ним драться не думал.

К е м б а й. Хватит, говорят тебе — довольно.

К о б е й. Что ты натворил, Кембай?

К е м б а й. Мы не думали, что они придут в это время.

К о б е й. Будьте вы неладны, не успели приехать, уже подняли шум-гам.

К е м б а й. Сам пойду, все-таки сам пойду. (*Уходит.*)

К о б е й (*один*). Правду сказал бий! Видать, что прибыли озлобленные. Все это — дело рук Еспембета. (*Качает головой. Два джигита вводят бия Караменде, поддерживая его с обеих сторон. С ними Косдаулет, Матак.*) Э, почтенный ста-

рец тоже доехал. Ассаламаликум, старец! (*Поддерживает его при приветствии с одной стороны.*)

К а р а м е н д е (*стоя*). Будучи сынами малочисленных аулов тобыкты, вы кочевали вдаль, жили в стороне, терпели невзгоды в одиночестве. Мы встретились в тяжелое ненастье. Отбросим теперь разлад. Кобей, подойди, родной, я хочу слить объятия с тобой. (*В обнимку приветствуют друга друга. Все садятся.*) Свет, здоров ли твой народ?

К о б е й. Пока все здоровы, старец! (*Тишина.*) Ловкачей и краснобаев тобыкты не могу я боли залечить, голод утолить у найманцев... Пусть меня поведет бог по тому пути, которым шел и прежде...

Ж о м а р т. Где же ваш бий, он куда-то отправился?

К о б е й. Он не далеко уехал. Его сегодня пригласили по поводу спора между одними родичами.

Ж о м а р т. Когда вернется?

К о б е й. Бий, наверное, сегодня не вернется. Но не задержится, если услышит о вашем прибытии. (*Тишина.*)

Ж о м а р т (*Еспембету*). Да... Собрав и удерживая там у себя весь народ в сборе, здесь нам не время забавляться! Переходите, бии, к главному разговору.

К о б е й. Хорошо, Жомарт-бий, перейдем. (*Тишина. Еспембет бросает плетку*.*)

Ж о м а р т. Говори, Еспембет!

Е с п е м б е т (*грозно*). Уай, сыны рода тобыкты, всем известно, что между тобыктинцами и матайцами до сих пор было много боев, набегов! Показали ли тобыктинцы превосходство в силе или ловкости? У матайцев угнали множество табунов лошадей и стад овец. Согнали их с земли предков. Заставили весь народ разбрестись. В пору вашего владычества никто вас не останавливал, никто не перечил. Теперь же не только матайцам, но и всем найманцам начинаете творить козни. Нашу невесту на выданьи увез один из ваших своевольных джигитов. Вы, родичи, на нас не таите злобу и месть. Когда мы посылали для перемирия человека, вы не подпускали и близко. Если имеются с найманцами счета и месть, то скажите прямо. Но помните, я от тобыктинцев не завишу, прошу высказать свое решение по поводу неслыханного преступления. (*Кобей бросает плетку.*)

* Бросание плетки в таких тяжбах – есть знак желания держать слово, речь.

Ж о м а р т. Говори, Кобей.

К о б е й. Еспембет, слова твои откровенны. Но никакой злобы и мести мы против вас не таили. Если бы мы замыслили вражду против единства рода найман, то и духи аруахов и бог покарали бы тобыктинцев. Кто из этих родов был причиной раздора между матайцами и тобыктинцами? В этом разбираться я не стану. Для того, чтобы раздуть спор, ты собрал все, что было и не было. Если матайцы были бы истинно мирным, столь скромным народом, тогда твои слова были бы справедливы. Ты говоришь, что задирчивость всегда исходит от тобыктинцев. Тогда почему с теми же матайцами враждуют остальные найманцы? Если взять причину, которая нас сегодня столкнула с найманцами, то ею является легкомыслие горячей молодежи, не считающейся со спокойствием в народе. Действительно, зачинщиком является тобыктинец, не говорю, что он ничей. Давайте помиримся по-родственному, если ты взаправду дал мне право вынести решение, то я скажу. Только не дозволено нам с тобой настолько превращать простые вещи в неразрешимый узел.

Ж о м а р т. Говори, Еспембет.

Е с п е м б е т. Кобей, если я дал тебе право решать, то дал его с уверенностью, что ты предвосхитишь мои желания. Если же твои намерения будут направлены на ослабление моей тяжбы, на сведение ее на нет, тогда я тебе не дам права решать. *(Твердо.)* Я заявляю, что по-моему.

К а р а м е н д е. Если судить по началу дела, миром это не кончится. Мое посредничество мало даст *(Помолчав)*. Я приехал из-за двух слов приветия непутевого Кебека. Он сказал, что совершил одну глупость в надежде на заступничество почтенного старца из аргынцев. *(Тишина. Входят найманцы)*.

К о б е й *(приветствуя)*. Доброго пути вам!

Ж о м а р т. Да будет так!

К о б е й *(Кембаю)*. Несите попить гостям скорее, готовы-те угощения. Они устали с дороги...

Е с п е м б е т. С дороги ли мы устали или вы, тобыктинцы, изнурили нас? Откуда мне знать, что из них, ясно одно, что найманцы устали.

К о б е й *(смеясь)*. Об усталости тобой сказано к слову, ибо не было такого дня, чтобы ты, Еспембет, уставал.

Е с п е м б е т. Вы, тобыктинцы, словно сталь, которую

не берет обоюдоострый алмаз. Как могут устоять перед тобой твердостью найманцы?

К о б е й. Пришел же ты один противостоять этим тобыктинцам! Сколько мягкости, уступчивости выскажешь, увидим!

Е с п е м б е т. Не знаю, сердце во всем сомневается. Говорят, когда бий тобыкты хочет увильнуть, выставляет тебя как искусного оратора. И мы увидим, насколько ты смягчился. В конце концов, ты один из стойких биев, способных предвидеть неясное будущее, нам придется брать пример с тебя.

К о б е й (*Еспембету*). Ты просто приманку закидываешь, но решение в твоих руках, куда поведешь — воля твоя. Ходит слава, что ты жесток, может, предашься этой своей привычке.

Е с п е м б е т. Я не собираюсь жениться на девушке твоего рода, чтобы выдержать с похвалой ваши испытания. Похвалой по невинному телу ударила колючая палка. Я говорю еще — малочисленные тобыктинцы, ваш произвол перешел все границы. Вы переходите через край, как вода в половодье. (*Слово дается Кобею.*)

К о б е й. Еспембет, причина причину рождает, препятствие тоже причину рождает. Я не говорю, что ты затеял тяжбу без повода. Раз мы сошлись с тобой, держа речи за два племени, подумаем стать надежной связкой между ними. А то возьми в руку бабку, если она по руке, то сделай битком. Не понравится — возьми на себя дело приговора. Я не стану выносить приговора, коли ты подашь выпить из чашки с рукояткой, а через рукоятку подглядывать недоверчиво. Еще я тебе скажу: тут не место подсчитывать численность тобыкты, много или мало их. Если кто численно больше, то не значит, что головы малочисленных приторочены к их седлам. Я не помню, чтобы тобыкты пытался насильничать и оскорблять найманцев, как род. К чему раздоры?

Е с п е м б е т. Коли так, то я не могу последовать твоим шелковым речам. Если сыны рода тобыкты подчинятся моему решению, то пусть своего задиру Кебека и нашу своевольницу Энлик, которая попрала духа аруаха моих предков, обоих выдайте в наши руки! Накинув петли на их шеи, я своими руками передам их для умерщвления. (*Тишина.*) Сделаю это сейчас же! Приволоките, выдайте в мои руки!

Ж о м а р т. Говори, Кобей!

К о б е й. Еспембет, и тобыктинцы родовитый народ, как говорят “Если есть у собаки хозяин, то и у волка есть его творец”, то, что ты говоришь, недостойно перемирия. Это значит породить между найманцами и тобыктинцами такую вражду, которая может быть искуплена только мстостью кровавой и жертвой сынов, подобных одnogорбым верблюдам. Это в свою очередь повлечет кровную мсть из поколения в поколение. Не бери на себя кровь поколений! Если ищешь перемирия, остановимся на выкупе. Чем бросать между родственными родами такие позорные слова, лучше бы мне не называться бием и предать погребению свои года.

Ж о м а р т. Говори, Еспембет.

Е с п е м б е т. Нет, я не могу поддаваться на твои увещевания. Мое решение прежнее. Я предложил на выбор не одно, а два решения. В этом моя жалость. Если хочешь помириться и быть близким, подчинись моему решению. Коль не покоришься, то я далекий и чужой тебе. Как говорят, и пост “ураза” растает, когда поблажки нарастают, а разоренный род тюре-правитель доконает. *(Твердо.)* Тобыктинцы, довольно я до сих пор вас лелеял. Помимо сказанного не ждите милости от меня. Если не повинуетесь моему слову, второе мое решение – еще один выбор для вас – тут же назовите место схватки, мое вооруженное полчище готово. Тобыктинцы, видимо, не знают, что такое поражение... а я посмотрю, жду, а теперь сейчас же дай ответ! *(Тишина, Кобей молчит.)*

Ж о м а р т *(оглядываясь по сторонам)*. Вы родичи, сыновья двух близких родов, в ваших словах я не вижу признаков примирения. Еще кто-нибудь будет говорить? Или нет? *(Тишина. Тобыктинцы перешептываются.)*

3-й г о л о с *(тобыктинцы переговариваются между собой)*. Почему преждевременно упали духом?

Ж о м а р т. Есть ли желающие говорить? *(Тишина.)*

1-й г о л о с. Он еще раз спросит и на этом конец. Тогда последние, сказанные Еспембетом слова остаются в силе.

2-й г о л о с. Что с ним случилось?

Ж о м а р т. Да... Неужели некому говорить? *(Караменде, медленно двигаясь, бросает плетку. Тишина.)*

Ж о м а р т. Говорите, почтенный бий!

К а р а м е н д е *(чуть помедлив)*. Ныне настала пора, когда слово потеряло свое исцеляющее значение, стало пустым звуком. Поэтому я долго сидел, не решаясь, говорить или

нет... Все вы, оказывается, являетесь сынами своего времени. В вашем рождении изъяна нет. Только все это для меня чуждо. Я скажу о своих наблюдениях. Сильные бии развращенного времени, подобно норовистому коню, бывают, оказывается, упрямыми. Или же являются лавирующими дельцами. А близкие роды, не находя причин для раздоров, оказывается, превращают пуговицу в верблюда, погрязают в клевете, сплетнях. В дни, когда я постарел, волосы и борода убелились, я встретился с вашим сборищем, и, видя ваши намерения, потерял надежду. Не хотел бы я видеть этой поры, в этом повинны эти мои седины.

1-й г о л о с (*к рядом сидящим*). Ведь святой старик – покровитель всех родов, что же ему делать, он печалится.

2-й г о л о с. Что же ему сказать... конечно, в горе он...

К а р а м е н д е. Перейду к спору, который стал между вами преградой: в те времена из-за дела не стали бы ссориться. Предки ваши говорили, что жену раздобудешь либо набегом, разоряя чужой род, либо взяв сноху, дожидаясь смерти старшего брата. Если невесту джигита-героя заберет такой же джигит, то настоящий мужчина сам за себя мстил. В те времена молодому джигиту не добывали жену, собравшись целым родом от мала до велика. Видимо, это тоже новый признак нового времени. (*Есен гневно что-то бормочет.*)

Г о л о с а (*найманцам*). Клонит в сторону тобыктинцев.

Так оно и есть!

Посмотрим!

Ж о м а р т. Успокойтесь, найманцы!

К а р а м е н д е. Родичи с налитыми кровью глазами, ошетинившись в сегодняшнем разговоре, ведут себя непримиримо. А окинули вы взором завтрашние раздоры, завтрашние беды? По твоим словам по меньшей мере выходит, что нужно пролить кровь близкого сородича, отличающегося отважной душой и превосходящего сидящих здесь, или же хочешь пролить кровь и слезы согбенных старцев и малых детей обоих родов. В каком твоем решении есть справедливость? В каком твоем слове есть благо? Что в них буду чтить я? Бедный народ мой, неужели ты будешь растерзан в таких смутах?! (*Тишина, немного помедлив.*) Найди другой путь, подумай о спокойствии. Подумай о своем долге, который на тебя возложил следующий за тобой народ. Ни на кого из вас народ не возлагал задачу ввести его в раздоры или найти ему нового врага.

Ж о м а р т (*чуть помедлив*). Ты, старец Каременде, известен, как покровитель казахов! Если найдутся понимающие уши, не высказанных слов не осталось! Из ваших уст слышим слова святого старца. (*Найманцы выражают гнев. Тишина.*) Так, кто же еще будет говорить после речи бия? Или... будем считать разговор оконченным? (*Тишина.*)

Г о л о с. Кто же будет говорить после почтенного старца?

Е с е н (*гневно к Еспембету*). Ты же считаешься главным бием найманцев, отвечаешь за все их дела! Будешь говорить, Еспембет, или нет?

Е с п е м б е т. Твой родич Жомарт поставил передо мной преграду. Что же мне сказать? И у меня есть звание бия. Неужели лишь я один должен получать проклятия за то, что все время тяну народ?

Е с е н (*громко Жомарту*). Одним концом речи бий задел меня. Потому дайте мне слово.

Ж о м а р т. Коли так, говори батыр Есен. (*Все смотрят на Есена.*)

Е с е н. Тот бий сказал, что настоящий батыр отомстит за себя. Я же батыр, который хочет отомстить и за найманцев в целом, и за себя в отдельности. Если речь пойдет обо мне и если на этот раз встречу Кебека, первым долгом вызову его на поединок. Убью своими руками. Кроме того, найманцы, которые собрались и ждут там, у себя, и те, которые находятся здесь, прибыли не ради защиты моей чести, а ради чести своего рода. Скажите, разве это не правда? (*Глядя на найманцев.*) Таиться мне нечего. Высказанные найманцами первые два решения остаются в силе. Если пришедшие сюда бии не имеют твердости, пусть они сами будут бабами. А я буду прежде всего мстить за род. Со мной будут вот эти батыры найманцы!

Г о л о с. Правду говорит!

Вот это решение... только это! Только это.

Е с е н. Ну вот, нами сказано все! Пусть тобыктинцы, посоветовавшись со своими биями, ответят нам. Либо вы дайте нам Кебека и девушку! Или укажите место схватки! А вы, согласные с этим решением найманцы, пошли за мной! (*Все найманцы встают. Есен, повернувшись к биям, говорит найманцам.*) Да... пошли, зачем стоять? Пусть не выходят те, кто среди найманцев подобен тухлым яйцам! Я посмотрю

и на них! *(Уходит. Жомарт, Еспембет, чуть задержавшись, тоже уходят.)*

К а р а м е н д е *(после ухода найманцев)*. Так... разговоры окончены... Одно из двух... одно из двух...

К о б е й *(печально)*. Что делать теперь? Это значит за содеянное рукою отвечай головой. С самого начала словесной перестрелки я почувствовал, что будет так.

К е м б а й. Да... Что мы на это скажем? Это будет и для бия большим горем.

К о б е й. А кому это не горе?.. Неужели растопчут честь народа? *(Входит бий. Подняв голову, Кобей говорит другим.)* Вы пока выйдите! *(Многие тобыктинцы уходят. Остаются Караменде, бий, Кембай, Матак, Кобей, Косдаулет.)*

К о б е й. Еспембет вознесся слишком высоко, и близко подпускать не собирается, бий!

Б и й. Скажи-ка, на чем он хочет помириться?

К о б е й. “Матайцы и тобыктинцы, какая бы вражда между вами ни была, я в ней не участвовал. На этот же раз, если правда, что я родился от найманцев, то не потерплю такого унижения. Либо Кебека и девушку выдайте в наши руки, либо укажите место схватки, мои полчища ждут” — вот что говорит бий. Видимо, их послали с таким решением оттуда.

Б и й. Что за напасть? Какой день унижения настал? День жестокости, день смертельный! Либо отдать кровь своего батыра. Либо проливай слезы твоего народа при надвигающемся осеннем ненастье, во снежные морозы по скользким синим льдам. Повергни в скорбь. Это ли, таково ли ты, ожидавшая меня, коварная смерть?!

К о б е й. Сказали “Пусть бий даст свой ответ о любом из наших двух решений”. Ответа хотят слышать только от вас!

Б и й. Найманцев много! Как же им не грозить, когда их много! Задумал бы вытерпеть, проступок наш уже всем известен. Вина за мной! Равна тому, будто я наступил голой ногой на острие алмазного меча. *(Тишина. С улицы доносится шумный говор.)*

Г о л о с *(за сценой)*. Иди ты, ты иди скажи! *(Входит джигит.)*

Д ж и г и т. Старцы... Меня послали стоящие снаружи ваши джигиты. Они говорят, не является ли Кебек любимцем всего рода аргын? Разве у рода тобыкты родился джигит лучше, чем он? Кто из нас совершил бы то, что он сделал?

Чем отдать его своими руками на смерть, лучше бы нам погибнуть, не быть народом. Мы готовы все вытерпеть, готовы терпеть, пока доспехи наши не превратятся в лохмотья. Какие бы беды ни готовили нам найманцы, выдержим. Не нужно, говорят, отдавать Кебека...

Б и й (*твердо*). Разве от продажи чести тобыктинцев побелели мои волосы? Что за бесчинство вмешиваться в мое решение? Поди прочь!

К о б е й. Иди, не вмешивайся, куда не нужно. (*Джигит уходит. Вдруг врывается Абыз, нарушив уже было прекратившийся шум. В его руках длинный белый посох, на нем белая длинная накидка, отличающая его от других... На голове белая шапка. Входя, он пристально и строго смотрит на обоих биев и говорит.*)

А б ы з. Е-е-ей, один бий! Молодежь непустишь, то я войду!.. Коль народ не услышит ваше решение, то я услышу... Зашел без спроса... пришел я из темного ущелья, волоча израненное тело мое! (*Переходит на почетное место.*)

Б и й (*неодобрительно, обращаясь к Кобею*). Кто ему позволил ворваться!..

А б ы з. Сам... Сам... Убери свою клевету с невинных... Назови цену, какую хотел.

Б и й. Зачем ты явился, как перекасти-поле?!

А б ы з. Горе подстегнуло меня, заставило подпрыгнуть, как чебак! Чувствую, Кенгирбай! Чуть что, совершается зло! (*Оба бия смотрят на Абыза, вынужденно делая вид, что принимают его.*)

К а р а м е н д е. В словах ушедшего джигита чувствуется огонь, единство народа. Тобыктинцев ждет унижение. Отдав своими руками Кебека на смерть, вы все равно не обретете покоя. Будет ли для тебя и меня более трудный момент? Даже сыны рода дадан не остаются в стороне из-за того, что они в обиде на Кенгирбая. Беспредельного терпения нет. Не нужно отдавать Кебека...

Б и й. Уай, Кобей... Приехал ли еще кто-нибудь из его аулов, кроме самого старца?

К е м б а й. Пока никто не прибыл. Только сам он...

Б и й. Зачем мне красноречивый язык без поддержки силой. Красноречием и здесь тобыктинцы не обижены богом. Если не смотреть назад, только на свою опору, другого выхода нет.

К а р а м е н д е. Если ты один, верь себе! Все равно надо выйти против найманцев!

Б и й. Это же красноречие подстрекателя!

К а р а м е н д е (*гневно*). Подобно волчице хочешь снова съесть своего щенка?

Б и й. Улучив момент опять вонзаешь ядовитый язык даданцев в мое больное тело? Родство твое я и раньше испытывал. Но не видал я сочувствующего сердца.

К о б е й. Что это такое, бии? Не растрavляйте же старых ран, лучше говорите, как найти выход растерявшемуся народу!

А б ы з (*к Караменде*). Уа, Караменде, пусть народ называет тебя старцем, я старше, чем ты! Не поддерживаю я Кенгирбая, но не одобряю и тебя! Народ... Разве нет у тебя народа, подобного роду дадан! Если народ есть, где же войско? Если нет полчища, где же хотя бы отряд? Что ты стоишь... Как одинокий высокий пень? Одинокий, как былинка. Для какой помощи, для какой нужды ты приехал? Если тебя привел привет Кебека, ты должен был придти не один, привести за собой людей! Потчуя нас пустыми словами, ты пришел, видимо, чтобы испытать нас... Хочешь скрыться за завесой медоречивых слов... Не поддамся обману... не буду обманывать!..

К а р а м е н д е. Пробрал... до костей пробрал! Остановись, Абыз!

А б ы з. Говори сам... собери все, только говори, Кенгирбай, любя своих родичей...

Б и й. Родичи... Родичи! Разве мой предок не старец Анет?

А б ы з. Что ты говоришь! О чем ты толкуешь? Старец Анет, разве старец Анет тебе спутник... В эту пору! О-о-о! О том... о том ли? Хочешь повторить судьбу джигита Калкамана и девушки Мамыр? Проклятье! Проклятый век, когда душа героя оказывается в зубах волка! Подлое время!..

Б и й (*кричит*). Придержи язык! Сгинь!.. Прочь все с моих глаз!

А б ы з. Чувствую, Кенгирбай! Ухожу... Ухожу! Почуяв надвигающуюся беду, ухожу! Снова науськивай друг на друга близких людей, разбив их на два лагеря! Этим вы достигнете своего, бии и беки!.. Я разуверился в вас. Я выпрошу тех молодых душ у своего народа, у своих найманцев! У них буду просить заступничества! Верю им, а не вам!

Б и й (*Кобею*). Выведи... Выведи этих обоих пустых стариков!.. Идите, идите, я уже слышал вас! (*Кобей, Кембай оборачиваются к Караменде и Абызу и тихо говорят что-то. Те старики оба одновременно встают и уходят в разные стороны. К Косдаулету.*) Зови! Позови, ко мне Еспембета! Приведи, говорю, ко мне Еспембета. (*Косдаулет уходит.*)

К о б е й (*проводив тех стариков*). Еспембета?! Еспембета?!

К е м б а й. Прогнав этих, кого же он хочет принять к себе? Еспембета что ли?

Б и й. Да, да! Мне нужен бий врагов! Выслушаю я его! Собственными ушами из его уст... (*За сценой голоса: "Еспембет, Еспембет, Еспембет!" Бий обращается к Кобею и другим.*) Вы тоже уходите... Наедине, наедине оставьте меня с Еспембетом! (*Голоса: "Еспембет!" Когда Кобей и другие уходят, дверь раскрывается настежь под возгласы "Еспембет!"*). Оба бия молча смотрят друг на друга.)

Е с п е м б е т. Привет, благородный бий!

Б и й. Будь жив, мой друг бий!

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина пятая

В горах. Лужайка. Небольшой шалаш. Дверь открыта. Внутри спит Энлик. Рядом с ней младенец в пеленках. К шалашу подходит Кебек.

К е б е к (*заглядывая в дверь*). Отдыхай, хоть немного успокойся, моя Энлик. Несмотря на свою слабость, она сидит возле меня и сторожит, если я чуть сомкну глаза. Ненаглядная моя, крылья мои, обессилела ты, не оправдал надежд мой народ, которому я верил. Пусть будет проклята жизнь в изгнании, когда, как зверь, скрываешься от глаз людей. Было бы еще полбеда, если бы я был один. Ринулся бы на смелый путь, если ожидает смерть, то нашел бы достойную героя смерть. Было бы также полбеда, если бы была одна Энлик... Она бы не отставала от меня, не уступила бы в силе. Вот лежит мой ягненок, мое дитя, которое является для нас и утехой, и тяжелой обузой. Настанет день, когда

проявится твое счастье, или родился ты, бедняга, для горя? Япырай, о боже, настало время прихода друзей или врагов, но все еще нет никаких признаков. С чем они придут? Что скажут? Одно из двух — либо буду назван сыном и вернусь к своему народу, либо вступлю в смертельную схватку, испытывая силу кровавого черного булата!

Э н л и к. Что ты сказал, мой батыр? Какие страшные слова!

К е б е к. Энлик-жан, а что я сказал? Это же так просто, песня это.

Э н л и к *(в сторону)*. Скрывает свои мысли от меня. Видимо, не хочет тревожить, пугать меня. *(Кебеку.)* В таком случае я, наверное, ослышалась. Нахожусь ли я в глубоком сне или бодрствую, кажется, что до моего слуха доходят нехорошие слова.

К е б е к. И ты не можешь ни на минуту успокоиться и спокойно спать. Одно это уже изнуряет тебя! Отбрось все тревоги и сомнения, хоть ты отбрось. Оставь их мне одному. Пусть прояснится твое исхудалое печальное лицо. Пусть кругом бушует упрямый мир, но пусть же рассеется мгла, исчезнет пыль с моей полноликой луны! Споем! Споем вместе, милая, песню! *(Поют сидя в обнимку.)* Ради меня отреклась от родных, милая.

Угнетенное страхом молодое сердце, милая.

Решившись на все, крепко держась за меня,

Ты последуешь всюду за мной по опасным дорогам,

милая.

Дни, когда в кровавых схватках брались крепости,

Длинные ночи, когда в битве уставали плечи...

Все они не стоят моей возлюбленной,

Я живу только твоими радостями, тобой одной.

Э н л и к. Пусть не разомкнутся мои объятия, другого желанья у меня нет... Пусть не разъединят нас нечестные руки. Радость моя, у меня только одна просьба к тебе... Не подумай, что я устану и ослабну от таких дней, от этих скитаний.

К е б е к. Почему говоришь так, моя Энлик?

Э н л и к. Я решила отправиться с тобой, стать твоей спутницей в любых испытаниях... Что оставила я позади, чтобы сожалеть? Разве можно сравнить ранее прожитые годы с теми днями, которые я провожу вместе с тобой, под

твоей защитой?.. Только эти последние дни.. Ослабла от материнства.

К е б е к. Не говори... не говори об этом. Если бы я позволил себе назвать эту пору твоей слабостью, это было бы подло...

Э н л и к. Тогда довольно. Только в этом у меня возникло небольшое сомнение. Ты рассеял все мои сомнения, мой батыр. Обрадовал ты меня.

К е б е к. Если ты говоришь правду, то спой мне.

Э н л и к *(поет красивую печальную песню. Показывается Жауетай, смотрит и слушает песню).*

Ж а у е т а й. Только твое... Только вдвоем... И все же как у целого рода. Как опираются друг на друга близнецы маралы! Эх вы, бедняги!..

К е б е к *(вздвигнув)*. Здравствуй, Жауетай, милый!

Э н л и к. А, это он... здоров ли народ ваш, милый?

Ж а у е т а й. Все здоровы, а как вы сами проживаете?

К е б е к. Что с нами станется, живы-здоровы. Ну что случилось, что народ говорит? Скорее все скажи.

Ж а у е т а й. Будь все они прокляты, наши тобыктинцы давно потеряли облик народа.

К е б е к. Что произошло?

Э н л и к. Теперь нам нельзя здесь оставаться, нахлынут злодеи. Надо скорее убираться отсюда.

Э н л и к. Да, недаром бедное сердце чуяло все это.

К е б е к. Ну говори, что произошло? На чем остановились? Решили выдать нас на руки им?

Ж а у е т а й. Отдать-то не отдадут, но и защищать не будут. Сказали: сами поймите их и сами расправляйтесь. Вас ищут множество найманцев.

Э н л и к. О создатель!.. Что за кара!

К е б е к. Кто высказал такое решение, найманцы или Кенгирабай?

Ж а у е т а й. Рассказать обо всем нельзя. Сейчас злодеи нахлынут! Давайте уйдем.

К е б е к. Жауетай, я спрашиваю, кто вынес это решение? Легко ли согласились тобыктинцы? Все расскажи. Может, нам и бежать совсем не нужно?

Ж а у е т а й. Не говори так, мой друг!

К е б е к. Если ты друг, не бойся, расскажи все, не скрывая. Не услышав обо всем, я никуда не побегу.

Ж а у е т а й. Решение сперва высказал Еспембет. То-

быктинцы долго не соглашались было. У найманцев есть батыр Есен, и вся беда началась с него. Караменде тоже долго спорил. После его речи найманцы на какое-то время заколебались. Но этот самый Есен, взяв слово, увлек за собой всех найманцев. Стали напирать после этого бии... бий Кенгирбай высказал такое решение... Пусть будет проклято решение жестокого бия! У меня у самого много сомнений... не верю! Он решил в разговоре наедине с Еспембетом. На какую хитрость они пошли? Долго ли они торговались из-за твоей головы? Как мне жаль твою молодость! Тайна осталась скрытой... Но что я могу сказать, вышло так, как хотели Еспембет и Есен.

Э н л и к. Есен! Неужели он все еще преследует меня?

К е б е к. Скажите, что осталось после того, как люди рода пошли за бием Кенгирбаем с его черными мыслями, вслед за ним отдав меня в руки врага? Скажите, на что я надеялся, в ком искал опоры, когда день и ночь гонимый, словно зверь, скрывался? *(Входит Есен.)*

Е с е н. Кебек! *(Набрасываются друг на друга.)* Сначала разреши сказать мне пару слов!

К е б е к. Я не забыл клятвы, произнесенной на острие меча, выходи!

Е с е н. Кебек, если ты батыр, имей терпение, не спеши!

К е б е к. Выходи!

Е с е н. Кебек, не ты меня разыскал, а я сам к тебе пришел. Если бы я пришел с толпой найманцев, мне бы не позволили вступить с тобой в единоборство, поэтому я пришел тайком. Из этого сделай вывод о моем намерении. Это все, что я хотел сказать. Теперь я готов!

К е б е к. Если так, ты герой, давай! Пусть благополучие аргынцев и найманцев не строится на нас двоих.

Е с е н. Моя звезда была против тебя с самого рождения. На мне также лежит долг отомстить за своего брата Кошена. Я не успокоюсь, пока не убью тебя! Давай, выходи! *(Жестокая схватка, в ход пущены книжалы. Кебек поражает Есена.)*

Э н л и к. Создатель, я согласна с твоим предопределением. Свет мой, ты остался живым?

К е б е к. Избавился хоть от одного червя, который точил грудь мою. Ведь осудили на смерть. Не уйду, не погубив их!

Ж а у е т а й. А теперь надо уходить, торопитесь, друзья мои!

К е б е к. Жауетай, что ты пристал с этим словом? Пора Кебека прошла, он никому не нужен. Теперь я ничто. Я не буду бежать, дождусь найманцев на этом месте! Разве я не правильно говорю, Энлик-жан?

Э н л и к. Батыр мой, если бы мы с тобой были только вдвоем, было бы ничего (*показывает на ребенка*). А что нам делать с этим бедняжкой? Ведь он и так не будет знать счастья. Уйдем ради нашего долга перед ним, душа моя!

К е б е к. Искренне ли ты это говоришь, и ты этого хочешь, милая?

Э н л и к. Умоляю тебя, душа моя, что же мне делать?

К е б е к. Если так, готовьтесь. А я приведу коня. Теперь мы беглецы. Всю жизнь будем беглецами. Будем трусами с заячьим сердцем. Будем горными дикарями, прячущимися в бегах от людских глаз!.. Ну, бежим! (*Жауетай и Энлик готовятся. Между камнями повсюду движутся найманцы, они собираются в кучу.*)

Г о л о с. Враг здесь! Наседайте, окружайте!

Е с п е м б е т. Стой! Это же Есен, его убили.

Г о л о с. Ойбай, родной...

Ж о м а р т. Кровопийцы тобыктинцы, кровожадные тобыктинцы, натворили...

Е с п е м б е т. Прекрати... Если Есен до этого дня был батыром найманцев, то теперь он дал повод тобыктинцам воспрянуть духом, поэтому Есен для рода найман стал гнилым яйцом. Вот, чего он добился от поединка. Он не стоит слез! Уберите этот труп без лишних слов. Убив его, Кебек наверное, убежал.

Г о л о с. Эта баба должна знать, надо заставить ее сказать.

Г о л о с. Говори, пока жива!

Э н л и к. Раз вы поймали меня, считайте, что поймали и его.

Е с п е м б е т. Она хитрит. Если он убежал, то далеко не ушел. Быстро просмотрите это ущелье. (*Появляется Кебек.*)

Г о л о с. Э, батыр, тебя привела сама смерть.

К е б е к. Пришел. Я пришел потому, что поклялся умереть там, где умрет моя Энлик. Взять ли еще кого-нибудь с собой в могилу? Есть ли среди найманцев бессмертные, покажитесь! (*Прицеливается из лука.*)

Е с п е м б е т. Стреляй, вот я перед тобой. Найманцы не убудут.

Э н л и к. Родной мой, не стреляй! Умоляю! Пусть не проклянут нас остальные аргынцы и найманцы. Лучше умрем невинными.

К е б е к *(целится из лука)*. Эй, бий-элодей, сошлись воем, как стая волков. Принесли при этом в жертву не барашка, а сыновей и дочерей народа, как мы! Как же вас не назвать серыми волками, пока не напьетесь кровавой похлебки, не успокоитесь вы! Будьте вы прокляты! Но проклиная тебя, я не проклиная свой бедный народ. Цену героя знает сам народ, а что могут знать отколовшиеся от народа бии? Но помни, моя кровь, как проклятья печать, врежется в твой лоб! На, делай со мной, что хочешь. *(Бросает лук.)*

Е с п е м б е т. Разговоры ни к чему! Вяжите его!

Э н л и к. Эй, джигиты! Ведь позволено перед смертью высказать три желания? Дайте выскажу их я!

Г о л о с а. Не надо, не будем слушать.

Е с п е м б е т. Стой! Говори свои желания.

Э н л и к. Хочу проститься с Кебеком. Второе, сохраните нас после убийства вместе. Третье, последнее желание: хотя мы виновны, этот бедняжка неповинен ни в чем! У моих родителей нет никого, они всю жизнь плакали, что нет потомка, теперь не будет и меня, так отдайте ребенка им. Если этот сиротка будет плакать, то пусть плачет у них. Вот все, что я хотела сказать!

Е с п е м б е т. Ладно, освободите ее. Прощайся со своим возлюбленным.

М а т а к. Кебек, народ и Кобей послали меня к тебе. Как говорят, ягненок служит для жертвы. Если есть, что сказать народу и бию, говори.

К е б е к. Мне нечего сказать сынам рода тобыкты. Пусть теперь дошедшие до них мои слова не вызывают в них сочувствия. Пусть тобыктынцы не отступают от этой своей жестокости. Мое слово к тебе, Еспембет.

Е с п е м б е т. Говори, если ко мне.

К е б е к. Не убивай, затянув веревку на нее! Убей без надругательства.

Е с п е м б е т. Если так, развяжите руки у него и у нее.

К е б е к. Энлик-жан, ненаглядная, желанная, прости меня!

Э н л и к. Единственный мой, прости и ты... *(Обнимаются. Еспембет стреляет из лука. Не разомкнув объятий, они падают. Народ молчит. Черное дело совершено, все молча рас-*

ходятся. Ребенка никто не берет... Он остается один, покинутый... Появляется Жапал... Он безмолвно смотрит на Энлик и Кебек. Его плечи вздрагивают, он безмолвно плачет... Медленно шагая, подходит к ребенку. С другой стороны сцены выходит Абыз, белобородый, в белом халате. Идет настороженно, как будто вокруг него бушует пламя. Дальнейшее действие проходит как эпилог разыгравшейся кровавой трагедии.)

Ж а п а л (не видит Абыза. Взяв ребенка, прижимает его к груди). Бедный ягненок! Ягненок мой! Безвременно осиротевший брат мой... Беру тебя к себе. Покинули... Бросили в безлюдной, пустующей степи, жестокосердные волки!

А б ы з (сняв один белый халат, накрывает им мертвых). О, времена! Ушли, несчастные, в другой мир, обнявшись.

Ж а п а л (обернувшись и увидев Абыза, показывает на ребенка). Посмотрите, посмотрите сюда, милосердный ата! Его оставили на растерзание голодным волкам. И это называется народ? Видели ли вы таких безжалостных, мой ата?

А б ы з. Ата! Дедушка!.. Да, я скорбящий старец! Я дед, ты внучек! Дитя, которое ты держишь и которое плачет, еще не успев обсохнуть после родов, — это правнук! Меня сжигает пламя, голос мой — это вопль! Пламя сжигает меня, лицо в слезах... Дедушка, внук — трое страждущих. Он, не они народ, мы народ, мой сын, родное дитя! Жестокие дни, словно черные камни!.. родятся, придут подобные нам волны — волны дедов, детей, внуков... Пусть они унесут с собой имена невинных, пусть сохранят... оправдают мечты лучших моих сыновей... Не падай духом, сохрани в памяти (показывая на ребенка). Когда вырастет он, твой брат, скажи ему: “Сохрани в памяти, не падай духом”... Когда настанет твой день смерти, завещаю ему так же, как тебе! А он пусть так же скажет потомкам, чтобы они сохранили в памяти, не падали духом. Сохрани в памяти, не падай духом, мой сын, мой горемычный народ.

З а н а в е с

К О Н Е Ц

Мухтар Ауэзов, Катерина Виноградская

Т Р И Ж Е Л А Н И Я

(Легенда)

1-й вариант

1

Великая зимняя степь, уходит войско.

За холмами, в снежной пыли, удаляются копья и знамена. Один из всадников возвращается и скачет назад.

С песенкой на остром, как перец, языке, с камчой в руке, без оружия, на молоденьком жеребенке с пламенными глазами, ведя в поводу гнедого, вполне оседланного богатырского коня с мечом у седла, скачет по снежной степи безбородый весельчак, хитрец и выдумщик Алдар Косе – радость казахского народа, перехитривший сотню поколений разумных и осторожных людей.

Начинается предгорье. Склоны гор. Угрюмые громады скал. Головокружительно темные ущелья. В лощинах пестроногоцветные стада. Холм и одинокий тополь вдали. Всадник держит курс на тополь. Песенка Алдара Косе:

Алялай, лялалай, ай-ай-алялай.
Ты большая, моя лошадь,
Я меньше,
А я тебя не боюсь,
Я опутаю тебя арканом
И буду ездить на тебе.

Ты маленькая, моя девушка,
Я больше,
А я тебя боюсь,
Не арканом же тебя опутывать,
Не ездить же на тебе...
Ай-ай-алялай.

Под топодем едят хлеб два пастуха: юноша Жаныбек и его старый отец. Жаныбек радостно бросается навстречу

Алдару Косе, но вид коней и оружия его разочаровывает, огорчает. Он мечтает о большем. Жаныбек – молчаливый, спокойный и красивый юноша. Когда распахивается его халат, под халатом виден ягненок, которого он отогревает на голой груди.

Смеясь и напевая, Алдар Косе бросает разочарованному юноше поводья гнедого коня:

– Конечно, это еще не конь, но уже не овца, – говорит он. Конечно, это еще не меч, но уже не хворостина, остальное добудем в битве. Скорее едем, Жаныбек. Я хочу видеть твою славу собственными глазами. Э, почтенный отец, есть жертвенная овца, белая, желтоголовая, жирная?

Старик отец:

– А что случилось?

Алдар Косе:

– На голову твоего сына опустилась птичка счастья.

– Приятно врешь, Алдар Косе, продолжай, – старик присаживается на корточки, наслаждаясь беседой знаменитого говоруна степи.

Алдар:

– Если я вру, пусть у меня отсохнет третья рука. Если я вру, пусть у моей невесты выпадет борода. Если я вру, пусть оживет баран, которого я вчера съел. Да и кто скажет, что такое ложь, и что – правда, когда то, что делается на том конце степи, – здесь знают только понаслышке, а то, чего там вовсе не делается, – здесь знают наверняка?

Старик одобрительно крутит головой и причмокивает:

– Немного путаешь поговорки, Алдар Косе, но очень приятно врешь.

Алдар:

– Почему бы мне их не путать, когда я их сам выдумываю!

Старик:

– Так что же случилось с моим сыном Жаныбеком?

Алдар:

– Он идет на войну.

Старик кричит “Ой-бой” и падает ничком в снег, повиснув на ногах сына. Жаныбек с любовью и почтением обнимает и поднимает его, но старик дерется руками и ногами и не хочет подняться.

Алдар:

– Не трудись над словами, Жаныбек: все, что нужно сердцу, скажет твой друг Алдар Косе. Почтенный отец, враг вторгся в пределы нашей орды. Твой сын идет на битву, на испытание своей воинской славы и славы своего народа. Он вернется большим батыром, отец... Ну, вставай, неси жертвенную овцу, белую, желтоголовую.

Старик упрямо:

– В долине только черные.

– Нет в долине – найдется на горе.

– Гора в тучах.

– Э, раздвинь тучи руками: половину налево, половину направо, и увидишь.

– Стар я, Алдар, плохо вижу.

– Кто видит хорошо?.. Вынь из лба свои глаза, хо-рошенько их протри, подними в руках повыше, поверти ими вот так и вот так, – и увидишь... Ах, люди, неужели все-му вас должен учить бедный обманщик.

Старик ядовито:

– А что ты посоветуешь, мудрый Алдар, когда я тебе от-крою, что все это – овцы моих богатых родственников.

Алдар Косе изо всей силы стегает жеребенка камчой:

– Э, старый, почтенный человек, вот это уже долго объ-яснять!

Направляет жеребенка прямо на богатое многотысяч-ное стадо, пасущееся по склону холма. Овцы шарахаются от всадника. Нагибаясь, он расшвыривает их в разные сторо-ны, пока не добирается до белой овцы. Подхватывает ее, не-сется обратно и сбрасывает овцу на землю у ног старика.

Старик всплескивает руками:

– Ай-яй, взял чужую овцу!..

Алдар Косе:

– Кто уже разделся, не боится нырнуть.

Слепящий снег. За степью стена гор. Сияет хребет Ала-тау. Косе и Жаныбек стоят рядом на холме, держа в пово-ду своих коней. Уже Жаныбек и его конь – одно. Старик держит жертвенную овцу на руках. Поворачивает кроткую головку овцы в сторону Каабы и торжественно поднимает к небу ладонь:

— Аллах, пророки и семьдесят семь поколений наших священных предков! Желая и прошу сыну моему Жаныбеку...

Алдар Косе с удивлением видит: его молчаливый друг Жаныбек останавливает отца.

— погоди... Скажи прежде мне, отец, чего ты будешь просить для меня?

Алдар Косе впервые в своей жизни так удивился. Старик наспех и вполголоса перечисляет, недовольный тем, что его прервали:

— Пусть враг будет малочислен, невооружен и застигнут врасплох... Пусть прольется мало крови... Пусть ты окажешься сильнее, вернешься со славой, с целым конем и не вредим... Так хорошо тебе?

Алдар Косе, причмокивая:

— Очень хорошо. Давайте.

Жаныбек:

— Нет, отец. Позволь, я сам себе пожелаю.

Алдар Косе не имеет слов: немая игра изумления. Жаныбек поворачивает кроткую головку овцы к сияющим вершинам, в сторону Каабы:

— Мне, Жаныбеку, идущему в первую битву с врагами моего народа, прошу и желаю:

Пусть силы врага будут жестоки, богаты, неисчислимы.

Пусть я найду врага дремлющего, ожидающего в засаде, закованного в холодную сталь. Пусть он встретит меня отточенными копьями и занесенным мечом.

Пусть моя кровь и кровь моего народа — наше молодое богатство — ляжет рекой поперек дороги врага. Пусть враг захлебнется ею и будет опозорен навеки бегством и поражением.

Старик отец в ужасе заслоняет рукой каждое слово, вылетающее из уст сына, и шепотом молит:

— Не слушайте голос глупой молодости, великие предки. Он не был в походах и мечтает, что война — это “той”.

Пропустите его дерзкие слова мимо ваших святых ушей...

Но Алдар Косе, возбуждаясь и раззадорясь словами юноши, говорит с одной стороны:

– Никогда еще я не был так согласен с другом моим Жаныбеком... Исполните его просьбу, великие предки, – ведь нет ничего приятнее, как задать молодым мужчинам хорошую работу... (и с другой стороны). Ай-яй-яй, бедный Алдар Косе, тебе на этот раз, кажется, придется воевать молча: все лучшие слова о войне уже сказал твой друг...

Заклание жертвенной овцы.

Под тополем вьется дымок.

Почувя удовольствие и ужин, уже поползли по склонам к холму седобородые старики – друзья и родственники пастухов.

Тополь уходит вдаль. Впереди снежные отроги Алатау.

За отрогами в снежной пыли уходящее в поход войско.

Скачет за войском Жаныбек.

От него не отстает на жеребенке оруженосец и друг – Алдар Косе.

Вьются разноцветные знамена – конские хвосты на древках. Это знамена хана Аблая.

Вьются конские хвосты по подножьям скал, поднимая снежный буран, заметая следы, скрывая движение войск, – военная хитрость привязала к хвостам коней охапки седого ковыля.

2

Битва в степи.

Снежная пыль и пенье стрел.

Холм, покрытый ковром.

На ковре ханская походная палатка с золотым верхом.

За палаткой три тополя.

Хан Аблай наблюдает битву полулежа на ковре. Около него полководцы и советники.

Битва. В неожиданных разрывах снежной пыли клубящиеся конские ноги, конские пасти, в белизне сверкает сталь мечей. Сквозь древки копий прямым полетом летят черные стрелы. Стрелы трепещут и поют, втыкаясь в снег. Замахиваются тяжелые, на длинных деревянных ручках кистени.

В тучах снега вовсе не видна численность сражающихся отрядов. Преобладающий цвет лошадей – белый. Среди сражающихся виден Жаныбек на своем гнедом коне. Есть несколько джигитов, сходных с ним и цветом коня и вооружением. Среди сражающихся – Алдар Косе.

В отдельных схватках сталкиваются знамена хана Аблая и знамя врагов с полумесяцем на ткани. Знамя хана взвивается вверх, недолго стоит в высоте и, затрепетав, рушится вниз.

Летят всадники, над ними развивается знамя врагов. Они приближаются к холму. Военное счастье изменяет казахам.

Хан Аблай стоит на холме.

Враги рубят мечами тополя.

Три тополя, один за другим падают в снег.

В тишине только пенье стрел.

Холм хана. Исчезла половина советников.

Слуги торопливо разбирают ханскую палатку, скатывают и убирают ковры. Полководцы исчезли. Сам хан эвакуируется.

Несутся на холм всадники врага. Часть, где виднелся Алдар Косе, разбегается. Алдар Косе с жеребенком носится перед ними, убеждая и удерживая.

Ханский холм пуст. Никого. Только истоптанный снегом ковер. На холм вылетает всадник. Всадник разворачивает знамя с полумесяцем на ткани. Но в то же мгновение на тесном холме с ним рядом оказывается Жаныбек.

На узком истоптанном ковре Жаныбек завязывает с противником решающий поединок.

Перед Жаныбеком враг – хищный пожилой воин, видимо, испытавший продолжительную славу. Перед врагом – юный Жаныбек, еще не бывший в бою, пылкий и жаждущий справедливой победы.

Поединок на ковре.

Всадники держат поводья в зубах, освобождая обе руки для боя. В тесноте, искусными поворотами, они проносятся один мимо другого, нанося удары. Кони бьют задними ногами.

Опытный враг применяет хитрость. Притворяясь раненым, он скользит под брюхо коню, и оттуда снизу хочет поразить Жаныбека кинжалом. Но из-под халата Жаныбека высовывается ягненок и бодает врага в руку. Кинжал падает на ковер.

Увидя кинжал, разгорается яростью Жаныбек. Неопытный воин, вслепую кидается на врага и рубит его мечом, не глядя. Около сражающихся только слепящее сверканье. Затем сверканье стихает. Появилась рука, появилось очертание меча, появился ковер.

Посреди ковра — ни коня, ни противника.

Посреди ковра — сухой куст звенит мертвыми колючками.

Жаныбек наступает конем на куст, стирает пот, переводит дыхание, ища глазами друга.

Вдали Алдар Косе, которому удалось повернуть бежавших. Алдар указывает Жаныбеку на ковер, предостерегает. Смотрит Жаныбек на ковер.

Сухой куст, полураздавленный конем, выпускает колючки, ноги коня уже заплетены до колен.

Жаныбек пронзает куст мечом и, подержав немного, выдергивает меч.

Куст свертывается в перекасти-поле.

Перекасти-поле катится по ковру, по холму и исчезает в снежной пыли.

Жаныбек смеется и вкладывает меч в ножны.

Полусонный, на сонном коне, он спускается с холма. Он постарел и возмужал, у него морщины. Это батыр. Он проезжает несколько шагов по измятому снегу, ложится на него с конем и засыпает.

3

Битва закончена.

Окруженный свитой, на холме стоит хан Аблай. Перед ним стелятся знамена. Внизу под холмом проходящие войска опускают знамена перед победителем. Но хан был все-таки “свой” и ему неловко. Он говорит, недовольный:

– Найдите победителя. Это неизвестный мне человек на гнедом коне.

Среди полководцев хана волнение. Ездят среди горящих костров, бегут среди отдыхающих, скачут над мертвыми гонцы хана, зовут:

– Найдите победителя. Это неизвестный человек на гнедом коне.

Жаныбек спит на снегу. Около него Алдар Косе, прислушивается и приподнимается.

Холм. Высшее волнение полководцев и советников.

Гонец докладывает хану:

– Нашли.

Хан Аблай глядит с холма в изумлении.

Двенадцать человек на гнедых конях. Все они неизвестны и все кричат. Перебивая друг друга, показывают разорванные халаты, показывают раны, вздергивают повыше морды своих коней, стараются чем угодно привлечь внимание хана и выдвинуться из ряда остальных.

Слышно:

– Я, я, то был я...

Хан в великом затруднении.

Советники только хотели было предложить свои советы хану, как среди полководцев и царедворцев показывается вечно юное, бессмертно лукавое лицо Алдара Косе. Почтительно он просит хана:

– Разрешите одним вопросом открыть имя победителя.

Хан разрешает.

Двенадцать молодых притихли.

Безбородый обманщик, хитрец и выдумщик Алдар Косе почтительно обращается к ним.

– Скажите, пожалуйста, герои, вы, кажется, были близко от знамени, не можете ли вы сказать, какая у него была подкладка?

Растерянное молчание героев, затем они кричат разом:

– Синяя

– Красная.

– Желтая.

– Голубая.

– Зеленая.

– Черная.

– Белая.

– Прекрасно, – говорит Алдар. Вот свидетельство очевидцев. К тому же я знаю человека, который знаком и с его лицевой стороной.

Алдар Косе выводит вперед Жаныбека и развязывает на нем пояс халата. На голое тело Жаныбека наверху знамя с полумесяцем на ткани.

– Подкладки, к великому сожалению, не было, – смеется Алдар Косе, – вот что значит к малознакомой лошади не подходи сзади.

Хан глядит на Жаныбека. Лицо юноши бесстрастно и спокойно.

– Как твое имя? – спрашивает хан.

– Мое имя не имеет значения. Я безымянный сын безвестного народа, – отвечает Жаныбек.

– Твое имя – победитель, – говорит хан.

На ковре – пир победы.

Повара на конях несут воинам в обеих руках дымящиеся блюда. Рядом с ханом на почетном месте сидит Жаныбек.

Хан предлагает Жаныбеку:

– Пусть вся военная слава моего народа будет отныне принадлежать мне и тебе. Стань моим полководцем и сделай из моих воинов таких же храбрецов, как ты.

Жаныбек, на плече его сидит сокол, он поит птицу из пиалы и улыбается ее жадности:

– Боюсь, если это случится, не понравится тебе такое войско, хан.

Хан, улыбаясь:

– Э, молодой храбрец, я же тебе это сам предлагаю.

Жаныбек:

– Оставь, господин, не стерпишь.

Хан говорит без улыбки:

– Моя милость не бывает дважды.

Жаныбек играет с...

– Я тогда исполню это, если ты исполнишь мои три желания.

– Исполню, – говорит хан. – Проси.

Жаныбек ставит пиалу на ковер и берет из груди прекрасное яблоко, держа его на ладони, глядит в степь.

Жаныбек:

– Видишь эти долины. Покрой их садами. Пусть они принесут такие плоды, как этот.

Но пусть этими плодами наслаждаются не только ты и я, но и весь народ мой. Можешь это исполнить, хан?

Хан молчит, затем произносит:

– Дальше.

Жаныбек, держа яблоко в ладони, смотрит на облака над снежными вершинами Алатау, на сияющий гривой хребет.

Жаныбек:

– Воздвигни такие дворцы в степях Казахстана. Но чтобы в них жили не только ты и я, но и весь народ мой.

Облака. Воины казахи глядят на облака.

Хан молча глядит прямо в глаза Жаныбеку.

Молчат его советники.

Слушают разговор Жаныбека с ханом молодые джигиты с пушком на губах, слушают зрелые и пылкие батыры, слушают холодные и рассудительные старики. Слушает лукавый Алдар Косе и нежно кладет руку на колено друга своего Жаныбека. У каждого мечта в глазах, у каждого сомкнуты уста.

Вершина сладости пира: молчание.

Над степью плывут облака.

– И последнее, – говорит хан.

Жаныбек разламывает яблоко на две половинки и, взглянув в него, видит червяка. Одну половину он забрасывает высоко в небо и посылает за ним сокола. Другую с червем держит в руке.

Жаныбек:

– Сделай казаха, как он (показывает на сокола в небе). И сделай казаха, как он (стряхивает червяка на землю). Сделай для нас доступными выси небес и глубины земли. Но чтобы этими тайнами выси и глубин владели не только ты и я, но и весь народ мой.

Исполни эти три желания, хан, и благодарный народ родит войско, где каждый будет храбрцом, и каждый полководцем.

Хан поднимается на ноги, встает и Жаныбек. Хан разъярен и в гневе глядит на юношу Жаныбека.

Жаныбек:

— Можешь ты исполнить это, хан, для меня и моего народа?

Хан выхватывает из ножен меч и заносит его над головой Жаныбека.

Жаныбек спокойно:

— Вот слово хана.

Хан вкладывает меч в ножны и говорит только одно слово:

— Уходи.

Жаныбек и Алдар Косе спускаются с холма. Хан Аблай смотрит им вслед, стоя на холме. Преодолевая стыд, он просит Жаныбека:

— Запомни: наши слова не должны дойти ни до одного человеческого уха.

Алдар Косе, улыбаясь, кидает через плечо:

— Слово не будет сказано, но песня будет спета.

Ушел вдаль высокий холм и стал кучкой песка.

Хан со своими советниками стал меньше воробья.

Великая зимняя степь. Спускаются с предгорий Жаныбек и Алдар Косе.

Звучит их песня. Ей отвечает эхо.

Грохочет обвал в горах, поет ручей, кружится буран.

Удаляется песня, и каждую строфу ее сопровождает эхо.

Казахстан слушает своих певцов и отвечает на их песню согласием.

Мухтар Ауэзов, Катерина Виноградская

Т Р И Ж Е Л А Н И Я

(Легенда)

2-й вариант

Степь. Казахское зимовье. Бродят кони, бродят бараны, откапывая копытами траву из-под снега.

Снег пестрит-пестрит стадами. Работают копытами косматые, могучие, по-зимнему одетые своей выросшей и закуржевшей от мороза шерстью, кони.

Около бархана, покрытого тамариском, стоит молодой казах. На нем малахай, штаны из бараньей шкуры и больше ничего. Он снял халат, несмотря на то, что кругом мороз. У казаха сухое, жилистое и в то же время богатырское сложение.

Вдали виден верблюд. К верблюду привязана длинная веревка. Вербевка перекинута через блок. Тянет верблюд веревку и вытягивает из колодца длинное кожаное ведро.

Скрип блока раздаётся в степи. Молодой казах берет ведро, опускает в узкий степной колодец и вытягивает ведро легкими движениями руки. Выдолбленная колода предназначена для того, чтобы напоить скот.

Казах без усилий вытягивает большое ведро, емкостью чуть ли не в бочку. Выливает воду в колоду.

К воде бегут со всех сторон пестроцветные бараны, коровы.

Скот толпится вокруг воды. Бараны, лошади перегоняют друг друга, крутясь как пшено в кипящем супу.

Молодой богатырь расталкивает скот. Он опирается лошади в грудь, толкает лошадь. Лошадь падает на задние ноги.

Мальчик-богатырь пропускает вперед овец. Достает из-под ног взрослого скота маленького ягненка, поит его водой, держа на руках, подымает голову, говорит:

— Селям Алдару Косе и его большой лошади.

Стоит и красуется Алдар Косе верхом на огромном коне золотистой масти. У седла привязана богатырская сабля.

Алдар Косе отвечает:

– Селям мальчику Жаныбеку и его большим штанам.

– Что слышно, почтенный Алдар Косе? – спрашивает Жаныбек.

– Враг вторгся в пределы нашей орды, – говорит Алдар Косе. Воинов у него больше, чем у нас баранов. Железа у врага больше, чем в степи тамариска. Враг жестче бурана и жадней песка. Он победит много родов и племен и направит их на нас.

– Плохие вести, Алдар Косе! – говорит Жаныбек.

Алдар Косе слезает с коня, подводит его к Жаныбеку и говорит юноше:

– Хорошие вести на войне не приходят сами, за хорошими вестями едут на конях.

– Хорошие вести, – продолжает Алдар Косе, – добываются не языком, а саблей.

Жаныбек нерешительно смотрит на стремя, потом сразу вскакивает на седло, схватывает саблю.

– Это твой конь, Алдар Косе? – спрашивает Жаныбек.

– Нет, – говорит Алдар Косе, – это твой богатырь. Этот конь, не до шуток, этот конь добыт мной для тебя за дорогую цену. Если я вру, пусть у меня отсохнет третья рука.

Жаныбек трогается в путь и уже тронул коня. И Алдар Косе говорит это, держась за стремя и идя рядом с богатырем.

У груды колючек стоит бедная хижина. Отец Жаныбека, приветствуя сына, кричит ему:

– Скверный мальчишка, где ты был?

Потом видит Алдара Косе, кланяется ему и говорит:

– Привет почтенному гостю! Жаныбек, приготовь все для приема.

– Как ты допустил, что гость идет, а ты едешь?

– Он едет далеко, – сказал Алдар Косе, – он едет на войну за славой. Конь и сабля подарены ему в залог.

– Хороший подарок, – сказал отец, – но дальняя дорога.

Алдар Косе говорит:

– Говорят, что хорошая молитва облегчает дорогу. Если я вру, пусть у моей невесты выпадет борода. Если я вру, пусть оживет баран, которого я вчера съел. Да и кто скажет, что такое ложь и что – правда, когда то, что делается на том

конце степи, — здесь знают только понаслышке, а то, чего там вовсе не делается, — здесь знают наверняка.

— Почтенный отец, надо принести жертву. Достань овцу белую, желтоголовую, жирную.

Вершина холма. Стоят Жаныбек, Алдар Косе и старик. На руках старика желтоголовая овца. Он поворачивает кроткую голову овцы в сторону Каабы и говорит, подняв к небу ладони:

— Аллах, пророки и семьдесят семь поколений наших священных предков. Желаю и прошу сыну моему Жаныбеку...

Алдар Косе с удивлением видит: его молчаливый друг Жаныбек останавливает отца.

— погоди... Скажи прежде мне, отец, чего ты будешь просить для меня?

Алдар Косе впервые в своей жизни так удивился. Старик наспех и вполголоса говорит, недовольный тем, что его прервали:

— Пусть враг будет малочислен, невооружен и застигнут врасплох... Пусть прольется мало крови... Пусть ты окажешься сильнее, вернешься со славой, с целым конем и невредим... Так хорошо тебе?

Алдар Косе, причмокивая, говорит:

— Очень хорошая клятва для того, чтобы сидеть с ней дома.

Жаныбек перебивает отца и говорит:

— Нет, отец, позволь я сам попрошу счастья.

Жаныбек поворачивает кроткую голову овцы к сияющим вершинам, в сторону Каабы:

— Мне, Жаныбеку, идущему в первую битву с врагом моего народа, прошу и желаю:

Пусть враг придет, если даже он победил и поработил другие народы, придет со всем их железом, со всеми их конями, придет грозный и могучий.

Пусть он меня встретит копьями и мечами, и пусть моя кровь ляжет на рубеже поперек дороги врага... Пусть враг будет опозорен бегством и поражен. И пусть имя моего народа будут благословлять народы, которые мы освободим.

Отец с ужасом закрывает обеими ладонями рот сына и шепотом молит:

– Не слушайте голос глупой молодости, великие предки. Он не был в походах и мечтает, что война – это “той”.

Пропустите его дерзкие слова мимо ваших святых ушей...

Но Алдар Косе, возбуждаясь и раззадорясь словами юноши, говорит с одной стороны:

– Никогда еще я не был так согласен с другом моим Жаныбеком... Исполните его просьбу, великие предки, – ведь нет ничего приятнее, как задать молодым мужчинам хорошую работу... (но с другой стороны). Ай-яй-яй, бедный Алдар Косе, тебе на этот раз, кажется, придется воевать молча: все лучшие слова о войне уже сказал твой друг...

Степь, истоптанная копытами. В степи стоит белая грозная юрта врага. В степи едет богатырь Жаныбек. За ним едет на старой лошади Алдар Косе. Стоит огромная юрта. К юрте привязан богатырский конь, покрытый кованым железом. Железо покрывает коня, как ванна. Голова тоже покрыта кованным наголовьем. Конь увешан железными украшениями и, бряцая, роет землю от нетерпенья.

Смотрит Жаныбек. Верх юрты опускается и подымается от дыхания спящего великана. В ритм движения слышен храп.

Алдар Косе говорит:

– Враг наш див – колдун, великан. Слышишь, как он храпит?

Видишь, как колеблется кошма, когда он дышит?

Жаныбек отвечает:

– Я пришел не смотреть, а убивать. И убить бодрствующего, а не сонного.

– Может быть, мы подождем, – говорит Алдар Косе, – нашу армию? Хан Аблай отстал со своими воинами.

Жаныбек кричит слова вызова:

– Выходи, победитель слабых! Выходи, враг женщин! Выходи, почтеннейший враг! – кричит Жаныбек.

Из юрты, пригнувшись, выходит великан (а Алдар Косе чихает). Пыль поднимается в степи. Лошадь Алдара Косе пятится назад от ужаса.

Жаныбек бросается на врага.

Смеется великан. (Комбинированная съемка. Великан дан в два раза больше, чем Жаныбек).

К седлу врага прикреплено древко огромного знамени. Враг бросается на Жаныбека.

Бой. В неожиданных разрывах снежной пыли видны конские пасти. В белизне сверкает сталь мечей.

Вывался из снежной пыли конь Жаныбека. На коне не видно всадника. Великан гоняется за Жаныбеком. Джигиты, Жаныбек показывается то сверху, то снизу лошади, появляется на седле, скачет, стреляя назад. Посадка Жаныбека высокая, с согнутыми коленями. Он легко поворачивается в седле.

Степь. Видны следы коня Жаныбека.

Они перекрываются огромными следами копыт коня великана.

Сквозь барханы скачет Жаныбек. Гоняется за ним богатырь.

Горы. В горах скачет Жаныбек. Гоняется за ним богатырь. Звенят под копытами льдины.

Вершины скал. Скачет Жаныбек. За ним скачет великан. Останавливается Жаныбек, хватая великана за пояс, вырывает его из седла, подымает над своей головой и бросает со скалы.

Конь великана смотрит вниз со скалы, подымается на дыбы, ржет пронзительно и, как птица, бросается вниз за погибающим своим господином.

Скалы. В пропасти лежит разбитый великан. К нему слетаются орлы. Стоит Жаныбек, смеется. От смеха Жаныбека падают камни, рушатся, погребая под собой тело великана.

Едет Жаныбек. Он за это время боя возмужал. Он уже батыр.

Битва закончена.

Окруженный свитой, на холме стоит хан Аблай. Перед ним стелятся знамена. Внизу под холмом проходящие войска опускают знамена перед победителем. Но хан был все-таки “свой” и ему неловко. Он говорит, недовольный:

– Найдите победителя. Это неизвестный мне человек на гнедом коне.

Среди полководцев хана волнение. Ездят среди горящих костров, бегут среди отдыхающих, скачут над мертвыми гонцы хана, зовут:

– Найдите победителя. Это неизвестный человек на гнедом коне.

Жаныбек спит на снегу. Около него Алдар Косе, прислушивается и приподнимается.

Холм. Высшее волнение полководцев и советников.

Гонец докладывает хану:

– Нашли.

Хан Аблай глядит с холма в изумлении.

Перед ним двенадцать человек на гнедых конях. Все они неизвестны и все кричат. Перебивая друг друга, показывают разорванные халаты, показывают раны, вздергивают повыше морды своих коней, стараются чем угодно привлечь внимание хана и выдвинуться из ряда остальных.

Слышно:

– Я, я, это был я...

Хан в затруднении.

Советники только хотели было предложить свои советы хану, как среди полководцев и царедворцев показывается вечно юное, бессмертно лукавое лицо Алдара Косе. Почтительно он просит хана:

– Разрешите одним вопросом открыть имя победителя?

Хан разрешает.

Двенадцать молодых притихли.

Безбородый обманщик, хитрец и выдумщик Алдар Косе почтительно обращается к ним.

– Скажите, пожалуйста, герои! Вы, кажется, были близко от знамени, не можете ли вы сказать, какая у него была подкладка?

Растерянное молчание героев, затем они кричат разом:

– Синяя

– Красная.

– Желтая.

– Голубая.

– Зеленая.

– Черная.

– Белая.

– Прекрасно, – говорит Алдар. – Вот свидетельство очевидцев. К тому же я знаю человека, который знаком и с его лицевой стороной.

Алдар Косе выводит вперед Жаныбека и развязывает на нем пояс халата. На голое тело Жаныбека наверху знамя с полумесяцем на ткани.

– Подкладки, к великому сожалению, не было, – смеется Алдар Косе, – вот что значит к малознакомой лошади не подходи сзади.

Хан глядит на Жаныбека. Лицо юноши бесстрастно и спокойно.

– Как твое имя? – спрашивает хан.

– Мое имя не имеет значения, – отвечает Жаныбек.

– Твое имя – победитель, – говорит хан.

На ковре – пир победы.

Повара на конях несут воинам в обеих руках дымящиеся блюда. Рядом с ханом на почетном месте сидит Жаныбек.

Хан предлагает Жаныбеку:

– Пусть вся военная слава моего народа будет отныне принадлежать мне и тебе. Стань моим полководцем и сделай из моих воинов таких же храбрецов, как ты.

Жаныбек, на плече его сидит сокол, он поит птицу из пиалы и улыбается ее жадности:

– Боюсь, если это случится, не понравится тебе такое войско, хан.

Хан, улыбаясь:

– Э, молодой храбрец, я же тебе это сам предлагаю.

Жаныбек:

– Оставь, господин, не стерпишь.

Хан говорит без улыбки:

– Моя милость не бывает дважды.

Жаныбек играет с...

– Я тогда исполню это, если ты исполнишь мои три желания.

– Исполню, – говорит хан. – Проси.

Жаныбек ставит пиалу на ковер и берет из груди прекрасное яблоко, держа его на ладони, глядит в степь.

Жаныбек:

– Видишь эти долины. Покрой их садами. Пусть они принесут такие плоды, как этот.

Но пусть этими плодами наслаждаются не только ты и я, но и весь народ мой. Можешь это исполнить, хан?

Хан молчит, затем произносит:

– Дальше.

Жаныбек, держа яблоко в ладони, смотрит на облака над снежными вершинами Алатау, на сияющий хребет.

Жаныбек:

— Воздвигни такие дворцы в степях Казахстана, но чтобы в них жили не только ты и я, но и весь народ мой.

Облака. Воины казахи глядят на облака.

Хан молча глядит прямо в глаза Жаныбеку.

Молчат его советники.

Слушают разговор Жаныбека с ханом молодые джигиты с пушком на губах, слушают зрелые и пылкие батыры, слушают холодные и рассудительные старики. Слушает лукавый Алдар Косе и нежно кладет руку на колено друга своего Жаныбека. У каждого мечта в глазах, у каждого сомкнуты уста.

Над степью плывут облака.

— И последнее, — говорит хан.

Жаныбек бросает сокола вверх. Сокол взвизывает в воздух. Жаныбек говорит:

— Сделай казаха таким, как он, — и богатырь показывает на сокола в небе. — Но и этого мало, — говорит богатырь, — открой для казахов земли для того, чтобы было у нас много железа, меди, золота и чтобы она была не только моя и твоя, а чтобы имел богатства ее весь народ. Дай нам дороги в степи, хан. Слей хан, три орды в один народ и сделай наш народ славным среди народов. Исполни эти желания, хан, и благодарный народ родит войско, где каждый будет храбрцом и каждый будет полководцем.

Хан поднимается на ноги. Встает Жаныбек.

Хан опечален. Он говорит:

— Меня, Жаныбек, зовут храбрым, меня зовут мудрым, но неужели ты для того победил моего врага, чтобы разбить мое сердце и сделать меня неблагодарным?

— Если бы сокол был сыт, — отвечает Жаныбек, — он бы не летал над облаками, река не бежала бы вниз, хан, если бы не было гор, на которых находятся ее источники.

Хан говорит:

— Уходи, но запомни, что наши слова не должны дойти ни до одного человеческого уха.

Жаныбек и Алдар Косе спускаются с холма.

Алдар Косе, улыбаясь, бросает через плечо:

— Слово не будет сказано, но песня будет спета.

Едет Алдар Косе. Едет за ним Жаныбек.

Ушел вдаль высокий холм и стал кучкой песка.
Хан со своими советниками стал меньше воробья.

Великая зимняя степь. Спускаются с предгорий Жаныбек и Алдар Косе.

Звучит песня. Ей отвечает эхо.

Едет за степи Жаныбек. Оставлена юрта.

– Устал богатырь, – говорит Алдар Косе.

– Я устал и засну, но кто меня сможет разбудить, Алдар Косе?

– Богатыря, – говорит Алдар Косе, – может разбудить только его собственный голос. Кликни в степь: “Богатырь Жаныбек, вставай!”, и родные степи вернут тебе голос и разбудят тебя, когда ты будешь нужен народу.

Жаныбек слезает с коня и кричит:

– Богатырь Жаныбек, вставай!

Рядом стоит, зажавши уши, открывши рот Алдар Косе. Богатырь ложится на кошму и засыпает.

Мухтар Ауэзов, Катерина Виноградская

Т Р И Ж Е Л А Н И Я

(Легенда)

3-й вариант

1

Чиста и гола великая зимняя степь.

Далеко, в снежной пыли, уходящее войско. Юноша Жаныбек садится на коня. Один из всадников возвращается и шагом проезжает мимо Жаныбека.

Жаныбек: — Что я вижу? Ты не едешь в поход, друг мой Алдар Косе?

Алдар Косе: — Мне нужно подумать о победе!

Жаныбек: — И для этого ты возвращаешься домой?

Алдар Косе: — Друг мой, Жаныбек, если народ победит, вся слава достанется хану Аблаю. Если народ будет побежден, все сочувствие опять-таки достанется хану Аблаю. Мне не очень хочется так много думать о хане Аблае и так мало о самом себе.

Жаныбек: — Пережитое вместе с народом — торжество.

Алдар Косе: — Что же делать?

Жаныбек: Что касается до нас, то мы едем в поход с другом моим Алдаром Косе.

Скачут два друга по снежной степи.

Начинается предгорье.

Склоны гор.

Угрюмые громады скал.

Темные ущелья.

В лощинах пестромногоцветные стада.

Одинокий тополь вдали.

Молодой Жаныбек скачет по отрогам Алатау с копьём на неоседланном коне. Он держит курс на тополь. За ним на худой лошаденке трясется безбородый весельчак, хитрец и выдумщик Алдар Косе.

Алдар Косе недоумевает:

— Куда же ты скачешь, друг?

Жаныбек не отвечает.

Холм и одинокий тополь. Под топодем старик-пастух в бедной одежде. Жаныбек подсакал к пастуху:

— Отец, жертвенная овца есть?

Старик-пастух встревоженно:

— Что с тобой, сын мой Жаныбек?

Жаныбек: — Есть жертвенная овца, белая, желтоголовая?

Старик-пастух: — Случилось несчастье?

Жаныбек: — Счастье!

Старик: — Какое?

Алдар Косе: — Обыкновенные вещи, какие со всеми нами случаются в молодости. Или твой сын нашел золотой слиток с лошадиную голову. Или хан Аблай уступил ему трон. Или ему приснился счастливый сон, что он из ишака стал мужчиной. Или его ночью изловили у девушки. Самая обыкновенная вещь — счастье, тащи овцу.

Отец с тревогой всматривается в лицо сына.

— Ты уезжаешь в поход, Жаныбек?

Жаныбек: — Враг вторгся в пределы нашей орды, отец. Я иду в бой на испытание своей военной славы и славы моего народа.

Алдар Косе: — Ну, что ты застыл, отец, тащи овцу!

Отец Жаныбека растерянно и горестно гладит стремя сына:

— В долине только черные овцы.

Алдар Косе: — Нет в долине, найдется на горе.

Отец Жаныбека с любовью глядя щеки сына:

— Гора в тучах.

Алдар Косе: — Разве у тебя нет рук? Отодвинь половину туч направо, половину налево и увидишь.

Старик плача:

— Стар я, плохо вижу.

Алдар Косе: — Вынь свои глаза, подними их в руках, огляди всю степь и увидишь.

Старик сердито: — Что ты мне все советуешь, Алдар Косе, когда я отлично вижу, что все эти овцы — чужие.

Алдар Косе стегает лошадь камчой:

— Э, старый, почтенный человек, что ж ты давно не сказал!

Алдар Косе направил лошадь прямо на богатое многотысячное стадо, пасущееся по склону. Овцы шарахаются от всадника. Нагибаясь, он отшвыривает овец в разные стороны, пока не добирается до белой, желтоголовой, жирной. Подняв ее и перекинув через седло, несется обратно и сбрасывает овцу на землю у ног старика.

Старик всплескивает руками:

– Ай-ай, взял чужую овцу...

Алдар Косе: – Кто уже разделся, не боится нырнуть.

Алдар Косе и Жаныбек слезают с коней. Отец, взяв овцу на руки, поворачивает ее кроткую головку в сторону Каабы. Торжественно поднимает к небу ладони:

– Аллах, пророки и семьдесят семь поколений наших священных предков, желаю и прошу сыну моему Жаныбеку...

Жаныбек останавливает отца:

– Погоди, отец, скажи прежде мне, отец, чего ты будешь просить для меня?

Отец, недовольный тем, что его прервали, наспех перечисляет:

– Чтоб враг был малочислен. Чтобы ты застал врага врасплох, невооруженным. Чтоб пролилось мало крови. Чтоб ты оказался сильнее и вернулся со славой, с целым конем и не вредим...

Алдар Косе причмокивает на каждое слово и с удовольствием кивает головой:

– Все в порядке, давайте.

Жаныбек: – Нет, отец, я сам принесу свою первую жертву и сам себе пожелаю.

Жаныбек поворачивает кроткую головку овцы к сияющим вершинам, в сторону Каабы:

– Мне, Жаныбеку, идущему в первую битву с врагами моего народа, прошу и желаю:

Чтоб силы врага были жестоки, богаты, неисчислимы. Чтоб я нашел врага дремлющего, ожидающего в засаде, закованного в холодную сталь. Чтоб враг встретил меня отточенными копьями и занесенным мечом.

Чтоб моя кровь и кровь моего народа – наше молодое богатство – легла рекой поперек дороги врага. Чтоб враг за-

хлебнулся ею и был опозорен навеки бегством и поражением.

Старик отец заслоняет рукой каждое слово, вылетающее изо рта сына, и шепотом умоляет предков:

— Что вы его слушаете, великие пророки, он просто глуп, в походах не был, мечтает, что война есть великий той, утеха и праздник. Снизойдите к глупой молодости, вечные боги... Не понимает Жаныбек, что говорит... Пропустите его слова мимо ваших святых ушей...

Алдар Косе со своей стороны:

— Никогда еще я не был так согласен с моим другом Жаныбеком. Исполните его просьбу, великие боги, ведь нет ничего приятнее, чем задавать молодым мужчинам хорошую работу!

Заклание жертвенной овцы. Уже почуяв ужин и удовольствие, по склонам гор поползли к пастуху седобородые старики, родственники и друзья.

Алдар Косе: — Так как друг мой красноречив, а овца жирна, я думаю, что не сделаю большой ошибки, если спокойно отправлюсь в поход.

Снежные отроги Алатау. Скачут Алдар Косе и Жаныбек.

Далеко за отрогами скал видно уходящее войско. Вьются разноцветные конские хвосты — знамена. Вьются конские хвосты у подножий, взметает снежный буран, скрывая движение войска, заметая следы, — военная хитрость привязала к конским хвостам охапки сухого седого ковыля.

2

Бой. Снежная пыль и пень стрел. В неожиданных разрывах снежной пыли возникают клубящиеся конские ноги, летящие конские пасти, в белизне сверкает сталь мечей. Сквозь древки копий прямым полетом черных ласточек летят массаами стрелы. Замахиваются тяжелые на длинных деревянных ручках кистени. В тучах взметенной снежной пыли вовсе не видна численность сражающихся отрядов. Только в отдельных схватках несколько раз возникает ханское знамя из разноцветных конских хвостов и знамя врагов

с полумесяцем на ткани. Заметно, что преобладающий цвет лошадей – белый. Среди сражающихся Жаныбек видней на своем гнедом коне, но есть несколько джигитов, совершенно сходных с ним и конями, и вооружением.

Дерутся на конях двое: Жаныбек и враг. Битва кипит вокруг знамени врага, – с полумесяцем на ткани. В разрывах снежной пыли виден яростный Жаныбек. Он держит повод коня и дерется обеими руками. Искусство боя на коне. Знамя качается, его прямым полетом пронзают поющие стрелы. Затем знамя взвивается высоко вверх. Недолго стоит там, в высоте, и, затрепетав, рушится вниз.

3

Битва кончена. На холме, окруженный своими полководцами, стоит хан Аблай. Перед ним стелятся знамена. Их опускают перед победителем проходящие под холмом внизу войска. Но хан недоволен.

– Найдите победителя, – говорит он. – Это неизвестный мне человек на гнедом коне.

Среди полководцев хана волнение.

Ездят среди сгрудившихся войск, бегут среди отдыхающих, скачут над мертвыми посланные ханом гонцы, кричащие:

– Найдите победителя! Это неизвестный человек на гнедом коне.

Жаныбек и Алдар Косе отдыхают на снегу. Жаныбек неподвижен, он спит. Алдар Косе прислушивается и осторожно подымается. К его руке привязаны поводья лошадей его и друга.

Он вкладывает поводья в руку спящего Жаныбека.

У холма хана нарастающее волнение. Хану докладывают:

– Нашли!

Хан Аблай в изумлении глядит с холма.

Перед ним двенадцать человек на гнедых конях. Все они неизвестны.

Хан говорит ближайшему:

– Мне нужен один.

Двенадцать самозванцев кричат, перебивая друг друга, показывают свои разорванные халаты, свои раны, дергая повыше морды своих коней, стараются выдвинуться из ряда и привлечь внимание хана. Только и слышно:

— Я, я, это был я!..

Алдар Косе ужом пробирается среди окружающих хана советников. Он просит у хана разрешения задать двенадцати соревнующимся только один вопрос. Алдар Косе получает разрешение.

Сквозь стену перепуганных, встревоженных, типично царедворских лиц просовывается его вечно юное, бессмертно лукавое лицо. Почтительно он спрашивает двенадцать притихших молодцев:

— Скажите, пожалуйста, герои, вы, кажется, были близко от знамени, не можете ли вы сказать, какая у него была подкладка?

Герои растерянно молчат, затем все сразу кричат:

— Синяя!

— Красная!

— Желтая!

— Голубая!

— Зеленая!

— Черная!

— Белая!

— Прекрасно. Очень точное свидетельство, — говорит почтительно Алдар Косе. — А к тому же я знаю человека, который запомнил и его лицевую сторону.

Алдар Косе выводит вперед Жаныбека и распахивает на нем халат. На голом теле юноши наверху знамени с полумесяцем на ткани.

— Подкладки, к сожалению, не было, — смеется Алдар Косе.

Хан, улыбаясь, глядит на Жаныбека. Лицо юноши бесстрастно и спокойно.

— Как твое имя? — спрашивает хан.

— Мое имя не имеет значения. Я безымянный сын безвестного народа, — отвечает Жаныбек.

— Твое имя — победитель, — говорит хан.

Хан предлагает Жаныбеку:

– Пусть вся военная слава моего народа отныне будет принадлежать мне и тебе. Стань во главе войска и сделай из моих воинов таких храбрецов, как ты.

Жаныбек: – Боюсь, если это случится, не взвидишь ты белого дня, хан. Не понравится тебе такое войско, боюсь, хан.

Хан смеется:

– Э, молодой храбрец, я же тебе это сам предлагаю.

Жаныбек отвечает:

– Оставь, господин, не стерпишь.

Хан говорит без улыбки:

– Моя милость не бывает дважды.

Жаныбек: – Тогда я исполню это, если ты исполнишь мои три желания.

– Исполню, – говорит хан. – Проси.

Жаныбек: – Все долины и склоны твоих владений покрой садами, и пусть дадут сады такие плоды, о которых пел народ в золотых песнях Асана Кайгы.

Но чтобы плодами этих благословенных долин пользовались не только ты и я, но и весь народ мой. Можешь это исполнить, хан?

Хан молчит, затем говорит:

– Дальше.

Жаныбек: – Воздвигни в степи Казахстана замки и дворцы, о которых нам рассказывали матери, баюкая нас на руках. Но чтобы в них жили не только ты и я, но и весь народ мой.

Можешь исполнить это, хан?

Хан молча глядит прямо в глаза Жаныбека. Молчат его советники. Слушают Жаныбека воины – юноши с пушкой на щеках, зрелые и пылкие мужи, холодные и рассудительные старики. У каждого мечта во взгляде, у каждого сомкнуты уста.

Хан говорит:

– И последнее?

Жаныбек:

– Сделай доступными для человека выси небес. Чтобы

каждый мог нестись быстрее кречета, видеть зорче орла. Сделай доступными для человека глубины земли, где лежат сокровища, которые искал Эдиль. Но чтобы этими тайнами выси и глубины владели не только ты и я, но и весь народ мой. Исполни это, хан, и благодарные долины и горы родят тебе войско, где каждый будет храбрцом и каждый полководцем.

Хан, разъяренный, молчит, глядя на юношу.

— Можешь ты это исполнить, хан, для меня и моего народа?

Хан вытаскивает меч из ножен и заносит над Жаныбеком.

Жаныбек спокойно говорит:

— Вот слова хана.

Хан вкладывает меч в ножны и говорит только:

— Уходи!

Жаныбек отворачивается и уходит, но хан добавляет, преодолевая стыд:

— Но запомни: наши слова не должны дойти ни до одного человеческого уха.

Жаныбек: — Слово не будет сказано, но песня будет спета. Я передам эти слова горам и долинам моей страны.

Ушел вдаль высокий холм и стал кучкой песка.

Хан с приближенными своими стал меньше воробья.

Чиста и гола зимняя великая степь. Спускаются с предгорий Жаныбек и Алдар Косе. Звучит их песня о золотых снах народа.

Ей отвечает эхо.

Грохочет обвал в горах, поет ручей, кружится буран.

Удаляется песня, и каждую строфу сопровождает эхо. Казахстан слушает своих певцов и отвечает согласием на их песню.

Зерммеу

“ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ ТАРИХЫ”.
ЕКІНШІ ТОМ (XVIII—XIX ғғ. ӘДЕБИЕТІ)
(1948 ж.)

БІРІНШІ БӨЛІМ

КІРІСПЕ

Қазақтағы ауызша әдебиет пен жазба әдебиетінің жік аралары. Жалпы тарихи-мәдениеттік ерекшеліктерден туатын жазба әдебиет тарихындағы өзгешеліктер, ерекше жіктер туралы. Әдебиет тарихын тексерудегі марксизм-ленинизм классиктерінің негізгі көзқарастары, әдебиет тарихына, советтік әдебиеттану ғылымына Горькийдің, Ждановтың пікірлері және соңғы жылдарда болған БК(б)П Орталық Комитетінің идеология мәселелері жөніндегі қаулылары. Қазақстан К(б)П Орталық Комитетінің Қазақстандағы әдебиеттану мәселелеріне арналған қаулылары.

Осы аталған негіздерге сүйеніп жазылатын қазақ әдебиет тарихының бұл томы екі түрлі негізгі айқын міндетті алдына қояды: 1) тексерілетін авторлар мен барлық шығармалық мұраларды ең алдымен тарихтық, қоғамдық-таптық, салт-сана жағынан тарихи-прогресшілдік, өнімді қасиеттері жағынан айқындап, айрықша бағалап тексеру; 2) авторлар мен мұралардың қоғамдық, таптық, мәдениеттік-тарихтық санасы кертартпалық, тар көлемділік қайшылықтарды айқындайтын олқылықтарын аша тексеру. Әрбір бөлімде, әрбір авторды тексеру тұсында жанағы айтылған негізгі талапты есте тұта отырып, бұл уақытқа шейін болған зерттеу-тексерулердің сол мәселедегі табыстары мен олқылық, кемшіліктерін, қателерін кеңінен талқылай отыру.

Орта Азия халықтарының тарихи жағдайлары. Соған байланысты олардың әдебиет тарихының өзгешеліктері. Қазақ жазба әдебиет тарихының бүгінгі советтік көршілес Орта Азия елдерінің жазба әдебиетімен тексерілетін дәуірлердегі жалғасы, кейде тектес болып отыруы.

Жазу-сызулар. Жалпы Орта Азия елдеріне тегіс ортақ ескі мұралар. Орхон-Енисей бойының жазулары, тағы басқа ескі әдебиеттік жазба ескерткіштер жөніндегі жалпы шолу.

Қазақ ССР тарихының соңғы деректеріне сүйеніп және Орта Азия советтік республикалардың соңғы жылдарда жазылған тарихтарына сүйеніп, ол республикалардағы жазба әдебиеті тарихын зерттеген тәжірибелерін еске ала отырып, жаңағы жоғарыда аталған көне әдебиет мұраларына марксизм-ленинизм ғылымы тұрғысынан сын-тексеру айту.

Сол аталған үлгідегі әдебиеттің ерте кезде қазақтағы оқу, тәрбиеде орын алуы, кейбір еліктеулер туғызуы, дін әсеріне көбірек берілген хан сарайларында үстем таптар санашылы болған ақындар мұраларында бұл әдебиеттің алған орны, еткен әсері. Ислам діні көлеміндегі фанатизм, схоластика кертартпалығы. Бұл ағымның тарихтық, қоғамдық, салт-саналық қайшылықтары. Историография.

ЕКІНШІ БӨЛІМ

ХVIII–ХІХ ғғ. ЖАПСАРЫНДАҒЫ АҚЫНДАР

Хандық, феодалдық құрылыстың қазақ сахарасында ыдырай бастауы жөнінде қысқаша шолу. Жыраулық жанры туралы. Асанқайғы, Сыпыра жырау, Жиёмбет туралы аңыздарды топтаған түрде шолып өту.

Бұхар жырау Қалқаманұлы (1648–1787). Өмірі туралы мәлімет. ХVIII ғасырдың екінші жарымындағы тарихи-әлеуметтік жағдайлар мен олардың Бұхар жырау творчествосына еткен әсері.

Бұхар толғауларына әдебиеттік, тарихтық тексеру-талдаулар. Ақынның таптық салт-санасының шығармадағы белгілері. Жалпы алғанда Бұхардың феодалдық санадағы жырау екендігі. Бұхар шығармаларының көркемдік

шеберлігімен байланысты тарихтық, қоғамдық заман шындығын молырақ ашатын ерекше маңызы. Қазақтың жазба әдебиет тарихын бастауда Бұхар шығармаларының ерекше орны. Бұхар шығармаларында Россиямен қарым-қатынас турасындағы екіұдай өзгешеліктер. Бұл жөніндегі қайшылықтары. Бұл жөніндегі историография деректерін кіріспеде аталған тұрғыдан қарап сынап-талдау.

Топтан тексерілетін Үмбетей, Жанкісі, Абыл, Тәтіқара, тағы басқалар туралы қысқаша шолу. Және бір бөлек тексерілетін дастаншыл ақындар – Жанак, Нұрым, Марабайлар туралы топтаған қысқаша тексерулер.

ҮШІНШІ БӨЛІМ

ХІХ ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ЖАРЫМЫНДАҒЫ ХАЛЫҚ КӨТЕРІЛІСТЕРІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ӘДЕБИЕТ

ХІХ ғасырдың бірінші жарымындағы тарихи-әлеуметтік жағдайлар. Айқындалған біріне-бірі қарама-қарсы әдебиеттік екі ағым белгілері. Халықтық санадағы Махамбет, Шернияз сияқты ақындар, феодалдық кертартпа саны жақтаған Байтоқ, Жанұзақ сияқты сарай ақындары.

Дулат Бабатайұлы (1802–1874). Дулаттың өмірі. Толғаулары, жырлары. Дулат поэзиясындағы екіұдай жағдайлар, қайшылықтары. Дулаттың өзіне тән мысқылшыл, сатиралық ерекшеліктері. Жалпы сапасында заманның озғын ойын, ағымдарын жете танымаған тар көлемділігі. Историография.

Махамбет Өтемісұлы (1804–1846). Махамбеттің өмірі. Толғаулары. Махамбет поэзиясындағы отаншылдық, халықшылдық, хандарға қарсылық сарындар. Шаруалардың тілек-мүддесіне байланысты күресшіл озғын ойлары. Шығармаларының көркемдік шеберлігі. Махамбет шығармаларының кейбір қайшылық жақтары. Патшаның отаршылдық озбырлығына қарсы болумен қатар, жалпы орыс халқының мәдениеттік жаңалық әсерлерінен де тартыну. Россияға қараудан кей кезде Хиуаға бағынуды артық

көргендей қателік, қайшылықтары. Сын-талдау ретінде берілетін историография.

Шернияз Жарылғасұлы. Ақынның өмірі. Шығармаларына талдау. Шернияз мұраларының хан-сұлтандарға қарсылық идеялары. Халық күресін, қарсылығын жақтайтын қасиеттері. Көп өлеңдеріндегі астарлы сатиралық әдістер, тіліндегі сарказм, иронияның күштілігі. Шернияз шығармаларының кейбір қайшылықтары. Историография.

Кенесары қозғалысының әр кезеңдерімен байланысты шығармалар тудырған бір топ ақындар (Күдері, Доскожа, Арыстан, Орымбай, Мұсабай). Шығармаларына топтап айтылатын шолу-тексерулер.

Нысамбай (1812–1870). Нысамбайдың өмірі. Кенесары қозғалысына соңғы тарихтық тұрғысынан берілетін баға. “Кенесары-Наурызбай” поэмасының тарихи шындықпен байланысты ерекшеліктері, идеясы мен образдары. Композициялық құрылысындағы өзгешеліктері. Жырдағы тарихтық реалистік өзгешеліктер. Ақын санасындағы таптық тар көлемділік, сарай ақынына тән дәріптегіш, жоқтағыш сарындар. Қырғыз бен Кенесары тартысын бейнелеудегі шындыққа байланысты кейбір сыншыл мінездемелері. Историография.

ТӨРТІНШІ БӨЛІМ

ХІХ ҒАСЫРДЫҢ ОРТА КЕЗІ МЕН ЕКІНШІ ЖАРЫМЫНДАҒЫ ӘДЕБИЕТ

Бұл кездің ақындары: Күдері қожа, Шортамбай Қанайұлы, Мұрат Мөңкеұлы, Әубәкір (Кердері), Базар жырау, тағы басқалар.

Бұл ақындар шығармаларының туған дәуірі – Россияға Қазақстанның толық қосылу процесін түгел аяқтап болып, қазақ даласына патшалықтың отарлық саясатының тарауымен қатар, Россиядағы капиталистік құрылыстың және жалпы жоғарғы мәдениеттің әсері жайыла бастауы. Осындай екіұдай тарихтық жағдайда тарихтық прогресшіл озғын ой иелерінің Россия мәдениетіне қол арту ниетіне ауыса бастағаны. Осы ойдың анық халықтық тілек, мүддемен

кабысатындығы. Сонымен қатар қазақ қоғамында жалпы патшалық отаршылдығынан қорғану, үркі нәтижесінде орыс халқының ұлы мәдениетінен де тартынып, жатырқап қарау. Бұл сананың тарихтық даму талабынан, әлеуметтік сананың өсіп-өркендеу талабынан кейіндеп, артта қалған тарихтық қайшылық есепті кертартпа сана екендігі. Осы бөлімде аталып тексерілетін ақындар мұраларының барлығы да кіріспе бөлімде көрсетілген негізгі екі тұрғы бойынша сыналып, зерттелетіні.

Шортамбай Қанайұлы (1818–1881). Шортамбайдың өмірі. Шортамбайдың жазба ақын және айтыс ақын екендігі. Оның шығармаларына берілетін талдау. Ақынның шығармаларында отаршылдық қанаудың кей жақтары дұрыс көрсетілсе де, қазақтың Россияға қосылуының тарихтық прогресшілдік жағының көрсетілмеуі. Шортамбайдың феодалдық, патриархалдық санадан және діншілдік мистикадан, сол арқылы пессимистік ұғым-нанымнан шыға алмағандығы. Орыс халқының ұлы мәдениетін түсінбей, кертартпалық, надандық нанымда қалуы. Көпшілік бұқараны патшалықтың отаршыл аппаратының қанауын көре білсе де, шығар жолды аңғара алмаған таптық тар көлемділігі, көп қайшылықтары. Орта Азия елдерінің кейбір ескі діншіл пессимистік жолындағы ақындарының әсеріне көбірек еліктейтіні. Шортамбай жырындағы осы аталған реакцияшыл қайшылықтардың онымен тұрғылас және кейінірек шыққан бір топ қазақ ақындарына еткен әсері. Историография.

Мұрат Мөңкеұлы (1843–1906). Мұраттың өмірі. Мұраттың жеке ақындық шығармалары мен айтыстары. Ақынның кейбір шығармаларының Батыс Қазақстанда 1868–1869 жылдарда болған шаруалар көтерілісімен байланысты екендігі. Бұның белгісі “Қазтуған”, “Сарыарқа” поэмаларында айқын байқалатындығы. Россиямен Қазақстанның қатынас-араласы жөнінде Мұраттың Шортамбаймен үндестігі. Орыс халқының мәдениеті арқылы келетін тарихтық үлкен жаңалықтарды түсінбеуі. Олардың көпшілігіне қарсы шығып, прогресшіл тарихтық жақтарын танымауы. Шортамбайдың өзгешелігі: діншілдік сарынға бой ұрмауы, шығармаларында өз халқының батырлық дәстүрін көтере жырлауы. Айтысқа шеберлігі, жалпы

өлең стилінде, сөздігінде Махамбет поэзиясының әсерін танытатындығы. Историография.

Әубәкір. Ақынның өмірі. Шығармаларына талдау. Әубәкірдің өзі туралы, өткен заман туралы және өз тұсындағы қоғамдық халдер туралы жырлаған шығармалары. Өзінше өсиетші, тәрбиеші ақын болмақ талапты көрсетуі, бірақ барлық шығармаларының айқын сарыны ескі ақсақалдық, патриархалдық көлемнен аспауы. Орыс халқының мәдениет жаңалықтарын түсінбеуі. Әрбір капиталистік элементтердің белгілерінен үркіп, тартыну себепті жаңалық атаулының барлығына қарсы шығуы. Үгітінде жұртшылыққа шығар жол, барар бағыт айта алмаған құрғақ сарыншылдық, уайымшылдыққа берілген қайшылығы мол таптық тар көлемді, кертартпалық санадан аса алмаған ақын екендігі. Историография.

Базар жырау. Оның өмірі. Шығармаларының ақындық, шешендік, өткірлік жағынан шебер құрылатыны, сондықтан көпшілікке даңқты, әсерлі ақын болғандығы. Шығармасында кейде елдің бай жуандарын қатты сынап, шенеп айтатын мысқыл, сатираның ізі барлығы, бірақ әлеуметтік, тарихтық бағытты танытуда тарихтық жаңалықтарға бет беріп, жете түсінуде озғын санаға жете алмауы. Көбінше салттық, күнделік шындығының көлемінен аса алмаған ақын екендігі.

БЕСІНШІ БӨЛІМ

АЙТЫС АҚЫНДАРЫ

Фольклордағы айтыспен ХІХ ғасырда шыққан әрі жеке ақын, әрі айтыс ақыны болған адамдардың мұраларындағы кейбір айырмыс ерекшеліктер туралы. Бұл айтыстарда ХІХ ғасырдың әсіресе екінші жарымында қазақ тұрмысына кірген шаруашылық, саясаттық, мәдениеттік жаңалық өзгерістерге байланысты мотивтер. Патшалық отаршылдық аппаратының өкілі болған аға сұлтан, болыс, тілмаш, билер, діншілдікке берілген қажы, молда үгітшілер туралы және әйел теңдігі туралы жайлардың бұл дәуір айтыстарында көбірек орын ала бастауы. Айтыстар: Шөже мен Орым-

бай, Кемпірбай мен Шөже, Жанак пен Түбек, Орымбай мен Сералы, Әсет пен Кемпірбай, Біржан мен Сара, Сүйімбай, Бақтыбай, Кете Жүсіп, Сабырбай, Қалнияз, Нұрым, Досжан, Қашаған ақындар айтыстарынан топтап тексеру арқылы алатын мысалдар.

АЛТЫНШЫ БӨЛІМ

ӘНШІ-АҚЫНДАР

Жалпы қазақ әдебиетінде және қазақтың халықтық көркемөнерінде бұл бөлімде тексерілетін ақын өнерпаздардың алатын орны туралы. Бұлардың ақындық шығармалары қазақтың халық музыкасымен жалғас, қатар туып өскен ерекше поэзия түрі екендігі. Бұлардың көпшілігіндегі ХІХ ғасыр бойында болған тарихтық, қоғамдық, шаруашылық, үй-іші тұрмыстық, азап махаббат еркінділікті көксейтін сарындар. Қазақ сахарасының табиғат байлығымен, пейзажымен, сауық өнерімен, спортымен байланысты шындық елестері. Көршілес орыс халқы, татар сияқты елдердің музыкасымен жалғастықты танытатын жайлары. Топтап тексерілетін әнші-ақындар: Біржан, Зілғара, Ақан сері, Нияз, Жаяу Мұса, Қанапия, Ғазиз, Мұстапа, Жарылғапберлі, Мұхит, Балуан Шолак, Мәди, Естай, тағы басқалар.

ЖЕТІНШІ БӨЛІМ

ОРТА АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ЖАЗБА ӘДЕБИЕТІМЕН БАЙЛАНЫСТЫ ШЫҒАРМАЛАР ТУҒЫЗҒАН АҚЫНДАР

Өзбек, түрікпен, татар, әзірбайжан сияқты көршілес елдердің халық романдары, ескілікті дастандары жырлаған тақырыптарды қайталап, өзінше өндеп жырлау дәстүрі. Сол аталған елдердің Низами, Науаи, Физули сияқты классик ақындары жырлаған “Жүсіп-Зылиха”, “Ләйлі-Мәжнүн”, “Ескендір”, “Фархад-Шырын”, “Көрұғлы”,

“Рүстем-дастан” сияқты классик шығармалардың қазақша қайталамалары. Осы тақырыптарға қиссалар жазған ақындар: Ораз молда, Өндірбай, Мәулекей, Кәшәфиддин, Ақылбек Сабал, Шәді, Қыпшақбай сияқты ақындар шығармаларына топтаған сын-тексерулер.

СЕГІЗІНШІ БӨЛІМ

ҚАЗАҚТЫҢ ЖАҢА ӘДЕБИЕТІ

Қазақстанда тарихтық, әлеуметтік жаңа сананың оянып, өркендеуі. Бұл ұлы орыс халқының анық халықтық рухани қазынасының ендігі қазақ тарихына, қауымына үлкен жетекшілік жәрдемін қажет деп түсінген өскелең ойдан туған сана екендігі. ХІХ ғасырдың орта кезінде болған кертартпалық, жатырқаушылық ағымдармен алысу нәтижесінде туған тарихи прогресшіл озғын ой иелері. Орыс халқының кең гуманистік, бұқарашылдық, революцияшыл демократтық, әлеуметтік ұлы мұраларынан мол тәрбие, үлкен әсер алған көптеген жаңа қайраткерлердің шығуы. Бұлардың публицистикалық, педагогикалық, ақындық, азаматтық, жалпы мәдениеттік, эстетикалық көзқарастарында орыстың Пушкиннен басталған классикалық реалистік традицияларының айқын әсері барлығы. Бұл бөлімде зерттелетіндер: Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай Құнанбаев және оның ақын шәкірттері.

Шоқан Уәлиханов (1837–1865). Шоқанның өмірі. Орыс демократтарының оған еткен әсері. Дінге көзқарасы. Ислам дінінің кертартпалығын әшкерелеуі. Ғылым, өнерге үндеуі. Өзі үстем таптан шықса да қазақтың езілуші халқының ауыр халін көре білуі. Шоқан Уәлиханов қазақтың бірінші демократ интеллигенті және тұңғыш ғалым екендігі. Өмірдің әр алуан саласы, әр ғылым жөнінде қалдырып кеткен құнды еңбектерінің маңызы. Фольклор жинаудағы, зерттеудегі еңбегі. Қазақтың болашағы туралы көзқарасы.

Ыбырай Алтынсарин (1841–1889). Алтынсаринның өмірі. Жазушылық қызметі. Алтынсаринның әрі ақын, әрі жазушы, әрі педагог екендігі. Алтынсаринның орыс

ориенталистерімен, орыстың үлкен педагог оқымысты адамдарымен байланысы, олардың Алтынсаринға әсері. Қазақ елін мәдениетті, өнерлі, білімді елдердің қатарына қосу жолында оқу-ағарту мәселелері жөнінде көпшілікке пайдалы, прогресшілдік пікірді қолдануы. Алтынсарин және орыстың классикалық әдебиеті. Бұл әдебиеттің Алтынсаринның кейбір шығармаларына тікелей әсері (“Жазғытұрым”). Алтынсаринның ағартушылық идеясының кейінгі ақындарға әсері. Алтынсаринның фольклорды жинау, байыту жөніндегі еңбегі. Алтынсаринның қазақ әдебиеті тарихында кара сөз (новелла) жазуда бірінші орын алатындығы және балалар әдебиетінің негізін салушы екендігі.

Абай Құнанбаев (1845–1904). Абайдың өмірі. Ақынның заманы. Әлеуметтік ортасы. Абай өмірінің жастарға үлгі жағы. Абайдың қазақ жазба әдебиет тарихындағы маңызы, орны. Жасырақ кезінде Абайға араб, фарсы, шағатай әдебиетінің еткен әсері. Ол әсерден ақынның бас тарта бастауы және орыс әдебиетіне бой ұру Абайдың алғашқы творчестволық жолындағы зор адым екендігі. Орыс әдебиеті және орыстың сол кездегі алдыңғы қатардағы демократтық интеллигенттермен байланысуы ақын шығармаларының кең арнаға шығуына негізгі себептің бірі болғандығы. Орыстың ұлы классиктерін терең ұғынып, кең түрде тексеру, үлгі ету, ақынның өз шығармаларын мазмұн, түр, стиль, тіл жақтарынан байытып, өсіруі өмірге сыншылдық көзқарасын айқындауда үлкен себеп болғандығы. Өмірге, заманға, қазақ халқының өткен кезіне сын көзімен қарап, терең ұғынуы. Өз халқының әлеуметтік өміріндегі қайшылықтарды көре біліп, сынауы. Әйтсе де одан шығудың жолын көрсете алмауы. Көркемөнер, әдебиет мәселелерін терең ұғынып, құнды-құнды пікірлер айтуы. Әсіресе олардың қоғамдық мәніне зор көңіл бөлуі. Абайдың орыс әдебиетін аударудағы тарихи орны. Аудармаларының түрі. Абай шығармаларында өз заманындағы әлеуметтік мәні бар барлық мәселелердің қамтылатындығы. Оқуға, өнер-білімге үндеуі. Адамгершілік мәселесі шығармаларындағы негізгі тақырыптың бірі саналатындығы. Оны бұзатын іс-әрекетке қарсы күресі. Әлеуметтік теңсіздік, ғұрып, салт, әйелдің

бас бостандығы, ел билеу, таптық теңсіздік, т. б. Абайдың шығармаларынан кең орын алумен қатар, ол мәселелер жөнінде ақынның өз көзқарасы айқын көрінетіні және бұл көзқарастарында халықтық элементтің басымдығы. Абай шығармаларында сүйіспендік, достық, махаббат мәселелеріне айрықша көңіл бөлетіні және оның адамды сүю нысанасынан қаралынып суреттелетіні. Абайдың дін және философиялық көзқарастары. Бұл көзқарастарындағы қайшылық. Табиғатқа арналған лирикалары, орыс әдебиетінің бұл жөнінде әсері. Абай шығармаларының халықтық жақтары. Абайдың қазақ поэзиясына ой-пікір және түр, тіл жағынан енгізген жаңалықтары. Олардың өз кезінде әлеумет өміріндегі үлкен өзгерістермен байланыстылығы. Әдеби бағыт, стиль, тіл жағы басқа жақтарынан өзіне шейінгі қазақ поэзиясынан өзгеше жаңа бел, поэзияны шын мәніндегі көркем поэзияның жоғарғы сатысына көтеруі. Бұл жөнінде оның тарихи ролі мен еңбегі. Абайдың қара сөзі, өзіне тән ерекшеліктері. Тақырып, мазмұн жақтарынан Абайдың өлеңі мен қара сөзі ұштасып жататындығы. Абай шығармаларындағы нақыл сөздер. Абайдың тіл көркемдігі және басқа ақындарға әсері. Абай шығармаларының біздер үшін маңызы, мәні.

Абайдың шәкірттері. Қазақтың басқа ақындарымен салыстырғанда Абайдың үлгісін алған шәкірттері болуы – Абайдың әдебиеттік мектебін жасауы. Абай шәкірттерінің өз ұстазына әр алуан жақтарынан еліктеуі. Бірі тақырып жағынан, екіншісі сюжет, мазмұн жағынан, үшіншісі тіл, стиль жағынан, т. б.

Абай шәкірттерінің ішінде әсіресе Ақылбай, Мағауия және Көкбай ақындардың ерекше орын алатындығы. Ақылбай мен Мағауияның өз ұстазында кездесетін және өздеріне шейінгі қазақ әдебиетінде ұшыраспайтын романтизм стилін дамыту, ілгерілетуде елеулі еңбектері.

Мағауия мен Ақылбайдың романтизмінің түп тамыры орыс әдебиетінде жатқандығы. “Дағыстан”, “Медғат-Қасым” поэмаларының сюжеті, адам образы, олардың іс-әрекет, мінез-құлықтары Пушкин, Лермонтов жазған романтикалық поэмаларға дәл келуі.

Ақылбай (1861–1904). Оның өмірі туралы мәлімет. “Дағыстан”, “Зұлыс”. “Дағыстан” поэмасында езуші үстем тап өкілінің кедейлерге жасаған зорлық, жауыздықтары объективтік түрде дұрыс суреттелсе де, оқиғаның шешілуінде фаталистік көзқарас барлығы. Поэмада бірнеше романтикалық мінездердің (характер) кездесуі. Жебірәйіл, Зайра, Жүсіп, т. б., әсіресе поэмада Зайра образының айрықша орын алатындығы. Тіл, сөз, образы жағынан Абайдың әсері. Композициясындағы ерекшелік.

Мағауия (1870–1904). Өмірі жөнінде мәлімет. “Медғат-Қасым”, “Еңлік-Кебек”, “Шамиль”. Ескі ел аузынан алынған әңгіме негізінде құрылған “Еңлік-Кебек” поэмасында негізгі идеялық мазмұны, сүйіспендік бас бостандығы жолында құрбан екі жасты жыр етуі. Автордың бұл мәселе жөніндегі көзқарасының прогресшілдік жағы. Мағауияның интернационалдық тақырыпты жырлауы. Бұл жөнде ұстазы Абайдың әсері.

“Медғат-Қасым” поэмасы өзінің сюжеті, образ-характер жасауы жағынан романтизм стиліндегі поэма екендігі. Қазақ әдебиет тарихында “Медғат-Қасым”, “Дағыстан” (“Қисса Жүсіп”) бірінші романтикалық поэма болып саналатыны. Бұл поэмалардың осы кезде тууына негізгі жағдай және ол жөнінде Абай арқылы шәкірттеріне жеткен орыс әдебиетінің әсері, сарыны.

“Медғат-Қасым” поэмасында құл мен қожаның арасындағы күрескер шебер түрде суреттелетіні. Қасым образында кекшілдік, өжеттілік, қаталдық болса да, ерлік, мейірімділік, адамгершілік қасиеттердің қатар жүруі. Поэмада “кекке – кек” мәселесі мен сүйіспендік мәселесінің де қатар жүретіндігі. Оны дәріптеп көрсетушілік. Медғатты қанаушы таптың өкілі ретінде опасыз етіп көрсетуі.

Медғат қанаушы тап өкілдеріне тән образ болып саналатыны. Композиция құрылысының романтикалық поэмаларға тән ерекшеліктерді берік сақтайтыны, тілінің өркемдігі.

Көкбай Жанатайұлы (1861–1927). Өмірі жөнінде мәлімет. Көкбайдың Абайға еліктеуінде Мағауия, Ақылбайлардан өзгешелігі. Абайдың тапсыруымен жазылған “Абылай, Кенесары” поэмасы. Поэмадағы халық анызы да, тари-

хи шындық оқиғаның элементтері де байқалатындығы. Абылай образы, оның мәні. Поэмада Наурызбайдың іс-әрекетін бейнелейтін оқиғалар. Кейбір әлеуметтік тартыстарды сыншылдықпен суреттеумен қатар байқалатын сыңаржақтары. Историография.

*М.О. Әуезов,
Ы.Т. Дүйсенбаев*

Лекция
(1948–1949 жж.)

Абайға дейінгі әлеуметтік- тарихи жағдай

Абай Семей облысында жасаған. Семей 1718 ж. крепость ретінде салынған. Анна Ивановна жіберген комиссиясы (бұрынғы Тевкелев) Ор өзенінің бойына Орынбор салған. Содан соң Орскты салған. Қазақстанда Абай тұсында 4 обл. жасалған. Абайдың жас уақытында қазақ елі 2 мемлекетке қарағаны бар (Қокан, Ресей). Семей шұрайлы жерге салынған. Купецтер қаласы. Капитализацияның күшеюі, революцияшыл ойдың әсерімен орыс интеллигенциясының айдалатын жері еді. Ақмола, Семей обл. құрылды. Оны басқарған генерал-губернаторы болған. Қала салу деген сөз әкімшілік, администрацияның тууы. Патшалы Ресейдің сүйенушісі болды. Капитализация күшейіп, қалаларда базар ашыла бастайды (Орынбордағы “Меновой двор” сияқты). Омбыда да, т.б. қалаларда болады. Үлкен-үлкен жәрмеңкелері ашылады. Шаруаш. қатынас күшейіп, бір халықтың товары 2-ші халыққа тарай бастайды. Құнанбайдың әкесі Өскенбай рушылдық патриархалдық стройда. Құнанбай аға сұлтан, патшаның стройы. Әкімшілдер төре еді (ханның тұқымдары). Патшалы Ресейге қарағанға дейін осы төрелер билеген, құлдары, крепостниктері болған. Сибирь казактары үшін 1722 ж. заң шығады. Заң бойынша хандық жойылады. Округке бөлінеді. Округной приказ болады. Ол 3 адамнан сайланады. Оның бастығы аға сұлтан болады. Хандықтың әсері жойылып біткен жоқ. “Ханнан – қазық, биден – тоқпақ” (мақал). Округтың орнына уездер орнығады. Уездің іші де бөлініп, Ресей тәртібі орнайды. Құнанбай аға сұлтандықтан айырылған кезде болыстар болады. 20 шақты болыс Семей уезі болады. Феодализм ыдырай бастайды. Көпшіліктің кедей болуы жаңа тілектер тудыра бастай-

ды. Абай заманында көпшіліктің тілегі басқа жаққа ауысады: оның біліміне, техникасын үйренуге көңіл бөлінеді. Мәдениетті елдің ықпалында болған елдің тағдырын Абай, Шокандар түсіне білген. Шоқан – атеист, материалист, фанатизмге қарсы болған адам. Ислам дінін христиан дініне бағынышты қылып алмайды. Абай мектеп арқылы өскен адам емес. Шоқан, Ыбырай, Абай әрқайсысы әр жерден істеген. Олар бір-бірін білмеген. Ал мақсаттары бір болған.

Әдебиеттік жағдай

Молдалар қазақ елін қаптап кетеді. Абай жаман, схоластикалық медреседен алтын маржанды теріп ала білген. Абайдың өлеңдеріне қарап отырсаң, ол зор мектептен оқып шыққан адам сияқты. Тарихи перспективін түсіне білді. Махамбет, Ыбырай шығармалары Абайға жетпеген. Абай Шортанбай, Дулаттардың өлеңдерін жаратпайды. Өйткені олардың әлеуметтік жағдайды түсінуі дұрыс емес. Абай, Ыбырайлар шығатын жолды айтқысы келсе, Мұрат, Шортанбайлар зар да шер, шер де зар. Өткенді көксейді.

Абаеведение

Пушкин, Толстойлардың артында қалған мемуарлары, жазған хаттары олардың өмірін зерттеуге дерек бола алады. Ал Абай заманында баспасөздік деректер, хаттар, мемуарлар болған жоқ. Біз тек Абайдың шығармаларын ғана білеміз.

Көкбай Абайдан 13 жас кіші. Көкбай 1904 ж. ол 60 жаста еді дегенді айтады. Содан болжап Абайдың туған жылы жазылды. Көкбай 1927 ж. қайтыс болған. Ал балалық шағы туралы дерек жоқ. Кітап типографиялары бар еді. Жүсіпбек Шайхисламов (фольклорист) Абайдың жинаққа бір өлеңін ұрлап бастырған. Абайдың інісі Ысқақтың баласы Кәкітай мұсылманша оқып, орышаны жақсы білген. Абайдың өлеңдерін жинап, 1909 жылы баспаға береді. 1880 ж. бастап Абай өз қолымен өлең жазады. 1896 ж. дейін Абай тамаша өлеңдер шығарады. Қарындашпен жазады екен. Оны (қағазын) молдаларға береді. Ташкенде басылған шығармасына редактор қол сұғады (өлең аттарын, канжарды қынжал деп, жалауды желкен деген сияқты).

1933 ж. шыққан толық жинағы бар. Кіріспе сөз Әуезовтікі. Қара сөздері ең бірінші рет осында басылып отыр. Одан бұрын басылмаған себебі – редакторлар оны “ақын болған, сондықтан оның ақындық шағын аламыз” дегенді айтады. Абайдың туғанына 100 жыл толуына байланысты толық жинағы шықты. Абайдың бізге жетпеген өлендері бар сияқты. Бізге белгілілері 40 жасынан бастап жазғандары.

Ал оның 27 жаста жазылған деген “Тоғжанға айтқаны” деген өлеңі бар. Бұған қарағанда, оның бізге жетпеген тағы басқа шығармасы болуы мүмкін.

Революцияға дейін 1914 ж. Абайды білген адамдар, қазақ тарихын зерттеген адамдар болды (Михаэлис, т.б.). Третьейский сотқа басшы болған соң ол дау-талас, жесір жыры, дау, т. б. зерттеп, 96 бап мақала жазған.

Абай бір бабында “Жесірлік туралы” “Тегі, егер сүймесе (іні-шөберелері, т.б.), ол әйелді сатып алады. Абай “бұл жойылсын, егер сүймесе, әйелдің өз алдына, өз басына еркін беру керек” дейді.

Америка журналисі Джордж Кельн Сибирьді араламақшы болады. Семейге келіп, чиновниктермен әңгімелеседі. Сонда чиновник “Бізде орыс тұрмақ, қазақ та кітап оқиды” деген. Ол Абай деген. Джордж өз кітабында осы сөздерді түгел келтіреді. Михаэлистің архивін таба алмадық. 1914 ж. “Обществ. собрание” деген үйде бірінші рет Абайды еске алу кеші болды.

Абайда пессимизмнің сарыны өте аз. Кейбір зерттеушілер осыны бұрып әкетіп, босағаға қарай ығыстырмақшы болған. Теріс пікірлер айтқандар бар (Сәбитов Нығметтің библиографиясын қара, абаеведениенің негізі осында жатыр.)

Акад. Алексей Веселовский жинақ шығарып, онда Абайдың өлендері аударылған, бірақ қара сөзбен аударған (Петербург университетінің студенті Рамазанов аударған.)

Осыдан кейін Соболев тағы басқалардың, Абайдың лирикасын аударып бастырған. Аудармада Абайдың өлең формаларын сақтаған.

Низамидің шығармаларын орысшаға орыс жазушылары Шагинян Мария (Мариэтта), Антокольский, т. б. аударған.

Абайдың қара сөздерінде құрмалас сөйлемдер көп кездеседі. Бұны зерттеудің көп қажеттілігі бар. Абай 2 Россия бар екенін түсіне білді (Ленин айтқан болатын 2 культура бар деп).

Құнанбай – Өскенбай – Ырғызбай. Ырғызбайға Ырғыз өзенінің аты қойылған. Оның інісіне Торғай өзені аты қойылған. Шыңғысқа көшкен сайын аттар қойылып, солардың жасын бір өзеннің екіншіден қашықтығынан көруге болады.

2. III. 48.

Шыңғыстың биігін Хан деп қойған. Құнанбай 1805 ж. туған. Семей архивінде 1835 ж. Құнанбай туралы документ табылды. (Құнанбай 80 жыл жасайды.) Рулардың тартысы қызған уақыт. Сыбан мен Тобықты арасында жаулық болады. Өскенбай би болады. Оның баласы Құнанбай азулы кісі екенін көрсетеді. Тергеуді баласына берді. Құнанбай ұлықтың алдында көріне бастайды. Ол 1-ші старшина болады. Ол Кенесарыны қуады. Құнанбай оқымаған кісі. Мұсылмандықты мықтап ұстаған. Қарқаралыда мешіт салдырған. Жас кезінде батыр, найзагер болған деген әңгіме бар. Оның көп әйелі болады: Ұлжан, Айғыз. Айғыздан туған Халиолла деген баласы орысша оқыған. Фамилиясы Өскенбаев болды. Петерборда оқып, офицер болып қайтады. Бұл Абайдың 15 жастағы уақыты. Екеуі бұрын хат жазысып жүрген.

Абай ауылда оқиды. Ахмет Риза дегеннің медресесінде (Семейде) оқиды. Медресе мешітсіз де болады. Бұл соңғы кезде. Ал Абай оқыған медресенің мешіті бар. Оқытатындар татарлар. 15-20 жыл оқумен жүргендер болады. Сол үйде тұрады да, ішеді де, оқиды да. Маржави (Абай мұғалімі) Бұхарада оқыған. Татардың ортасынан шығады. “Оқығандардың білгені шарифат. Ісләм тарихы сияқты дінмен байланысты нәрсені білген, басқа ешқандай білімдері болған жоқ”, – дейді Маржави, – “неге жалпы тарих оқылмайды?” деп ызаланып айтқаны бар.

13 жасында айтқан өлеңдері бар. “Юзи раушан, күзі гауһар...” – араб, парсы ақындарына еліктеп жазғаны еді. Бұл ғаруз өлшеуімен жазылған өлең еді. Араб тіліндегі өлең өлшеуіштерді метрикалық өлшеуіш дейді. Түрік тілдері бұған көнбейді. 60% қазақша сөз болса, ғаруз шықпайды. Саадилер де арабтың ғарузына еліктеген. Низамидің 50%-і

араб сөзі. Науаиде де сол. Сол кезде Абай сияқты қазақта мәдениетті еліктеушілер болмаған. Араб, парсылар да кімге арнайтынын айтпайды. Түркі тілі деген әдеби тіл (Қожахмет Йассауиден басталып, XVIII–XIX ғғ. дейін) – түрік тілдер халықтарына ортақ тіл. Физулиді қазақтар көп біледі. Ол түркі тілде жаза бастаған ірі ақын. Медреседен алып шыққандар осы. Тамаша еліктеушілік.

Араб алфавитіне арнап жазған өлеңі бар. Бар жайды кең түрде баяндауы бар. Қазақ сөзін көп кіргізеді. Жастық кезіндегі жазған “Сап-сап, көңілім” деген өлеңі де бала кезінде жазған өлеңі. Өлеңнің жаңа түрін іздеушілік байқалады. Әзіл-қалжың сөз сияқты. Сабырлы айтқан сөзі. Сап-сап, көңіл” деп қайталап келуі қазақ тіліне арабтан жанаса бастайды. Абай қалжың өлеңдерін дос-құрбыларына көп айтқан болатын.

9. III. 48.

Абаеведение – жас ғылым. Абай орыс әдебиетінің әсерімен өскен адам. Абай народниктердің сөзін көп естиді. Народниктер деревняны идеализировать етеді. Абай ауылды идеализировать еткен жоқ. Пушкиндерден гуманизмді алды. Азамат ақын болады. Адам баласының гуманизмін алды. Абай заманының сыншысы болып шығады. Ағартушылықты үлкен іс деп білді. Оның іздегені оқу емес, ғылым іздеуге шақырады. Қоғамдық мәселелерді жырлайды.

“Жасымда ғылым бар деп ескермедім...” деп келетіні. Жасында білімді білмеген емес, ол білді, бірақ соны өз атынан емес, көптің атымен айтқандай болады...

Абай қай таптың жыршысы? Халықтың жыршысы. Ол феодалдық ортадан кеткен. Еңбек ету, оқу керек деп Шоқан, Алтынсарин, Абай да айтатын еді.

“Адасқанның алды – жөн, арты – соқпақ” дейтіні – бай емес, мал өсірген адамның баласының шаруаға орын таба алмай жүргені. Сынау арқылы мін түзеймін деген ақын.

Ол уақытта интернатта бай мен кедей баласы бір оқитын (орысша оқу). Осындағы патша мақсаты – ұсақ чиновниктер шығару еді (“Интернатта оқып жүр талай қазақ баласы”). Абай осы саясатына қарсы еді. Абайда эстетикалық ақындық сезімі күшті.

Абай әйел мәселесінде ақындық культурасы жоғарғы дәрежеде емес. Қызды суреттегенде оның биологиялық

жағын айтады. Пушкиндердегідей ақындық мәдениет орнықтағаны көрініп тұрады.

Романтикалық пейзаж емес, реалистік пейзаж. Сырттан сипаттау жағы Абайда көп кездеседі.

16. III. 48.

Эстетикалық көзқарасы туралы пікір, бай-болыс туралы өлеңдер. Абай классиктерді аударған. Абай ешкімнің үйренушісі, оқушысы болған емес. Ол подражать еткен жоқ. Ол өз жанынан шығарған. Пушкин, Байронның да, Беранженің де көлеңкесі емес. Орыстардың философиясы мен революционерлермен байланыстыра оқу керек. Бұл жағы тексерілмеген. Абай – сатирик (болыс туралы өлеңдері). Добролюбовтың өлеңмен жазған декларациясы бар.

Бұл Пушкин, Лермонтовта болмаған.

“Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін...” деп келетін өлеңдері Чернышевский пікірлерімен бір келеді.

“Не надо нам слова праздные, нужны слова гордые и свежие, которые могут зажигать сердца” (Чернышевский).

Абай шығармасы С. Щедриннің шығармасымен байланысты екенін көруге болады. Абай шығармасында өткен заман жоқ.

Абай сатираны өз заманымен тығыз байланысты айтқан. Абай өз заманының бай-болысын сынайды (С. Щедрин сияқты).

Өлеңмен жігерлендіру керек дейді. Салтыков зорлыққа қарсы шықты. Чернышевскийдің айтқаны бар С. Щедрин туралы. “Ол зорлыққа, екіжүзділікке, өтірікшілікке, талағаштыққа, елді сатушылыққа, мылжындыққа, ойсыздық, санасыздыққа қарсы пайдаланды”. Осылар Абайдың өлеңдерінен табылады.

Сорақылыққа қайта қарсы шыққандығын дәлелдейтін өлеңдер көп.

Герцен, Чернышевскийлер пролетарлық революцияны аузына да алмады, үйткені ол уақытта пролетарий жоқ еді. Олар өз заманының шеңберінен шыға алған жоқ. Абай да сол сияқты ешнәрсе айта алған жоқ. Еңбек ет, балаңды оқыт дегеннен басқа айтқан жоқ. Просветитель.

Ақындық декларациясына сын айтады:

Өлең – сөздің патшасы, сөз сарасы,
Қиыннан қиыстырар ер данасы...

Бұрынғы өлең қандай, енді қандай болу керек екенін айтады. Бұрын өлең қадірсіз болғанын айтады. Ақындықтың үлкен бір мәні бар екен. Жай күресті күрес құралы деп түсінген Чернышевский. Абай да осылай түсінген.

Форма қадірлі ме, мазмұн қадірлі ме дегендей, “Іші алтын, сырты күміс сөз жақсы” деп қорытынды шығарады. Фольклор ақындарын мақтамайды.

Абай мақал-мәтелдерді пайдаланған. Сөз қадірін кетірген атқамінерлерге, байларға қызмет істеген ақындардан Абай жиренген. Ол кезде фольклор танылмаған. Тек біздің дәуірде ғана оны танып отырмыз. Өткен жазғандардың қорытындысы ретінде осы өлеңді айтады да, келешектегі программасын құрады. Жамандаймын деп ескертеді.

Сөзбен, идеямен қоғамды түзеуге болады деп түсінген. Осыны орындай алмаған соң 90-жылдары пессимизмге түскенін көреміз. Өлім іздеу осыдан.

2. IV. 48.

Абайдың түңілуі өле-өлгенше үзілмей келді. Бұл халықтың надандығынан, би-болыс, дін адамдарының қанауынан шыққан. Түңілу настроениесі лирика настроениесіне айналып кетеді. Өзінің өлеңдерінде (45 жасында жазған) творчестволығым төмендеді, кәрі болдым деген ұғым тұмайды (бір өлеңінде қажыдым, кәрі болдым деген бар.) Санамен, үгітпен түзеймін деген үміт бар еді. Енді осыдан түңіле бастайды. Абай өз дәуірінен озат болып шыққаны аян. Оған ол өгей дәуір, өгей заман болады. Бұндай күңірену көп ақындарда бар. Пушкинде де бар. Жақсы өлең, сөзбен ешбір орта түзелген емес. Күңірену аса бастағанда тіл ашыға түседі. Ызамен, жарамен шымырап шыққан сөз өте күшті болады.

Абайдың үстінен корпуска көп шағулар түседі (адам өлтірді, жер шапты, ауыл шапты, т. б.). Бұл дау-шар Абайдың 34 жасынан басталып, 45 жасқа дейін созылады. Оның үстінен арыз бергендер бәлекор, парызқорлар, болыстыққа таласып жүргендер еді.

Ақындық адамгершіліктің жоғарғы сатысы – халық камын ойлау. Ондай ақындар ашық, тура бетке айтады. Абай

өз заманындағы озат ақын екенін шығармасынан көруге болады.

Абайдың қара сөздері

Қара сөздерде уақиға жоқ. Үлкен толғануда, халық камын ойлап, өлең сөзінің тәжірибесі сияқты болып көрінеді. Қартаң адамдар қара сөздерін жақсы көрген. Өлең сөздері оларға көп түсінікті бола бермеген. Өлендерін көбінше жастар жақсы білген. Барлық шығармасы түсінікті болмаған барлық елге. Оны Абай сезген де. Сөзім елге жетсін деп қара сөздерді жазған. Бір жағында философия, бір жағында публицистика бар. Ол рассуждение жасайды (алғашқы уақытта Пушкин, Маяковский де түсініксіз болған). Шешендікті қолданған. Әңгімелесу ретінде жазған. Қара сөзіндегі Абайдың монологы. Әңгімелесу толғауы. Бұл қысқа айтылған өсиет. Қара сөздерінде орталықпен байланысты. Жанрдың ерекшелігі ауызша сөйлеп шығарған сияқты (оқып айтатын сөз емес).

Өзге елдердің ақындарын танытамын деген (Пушкин, Лермонтовты аударумен). Халықтан халық үйрену керек деген принцип бар.

Белинский: “Нация болу үшін ол өзін ғана бағаламай, өзгені де қадірлеу керек. Өзгеге беріп, өзгеден алу керек”. Әйтпесе бұл нация емес, “племенной союз болады” деді. Абайда да осыны байқаймыз. Өзбек, ноғай, орыстарды мақтайды. Өзбектің екпеген жемісі жоқ, ноғайда әсем бар, олар жоқшылыққа шыдайды, т. б. Орыстарда білім, өнер бар дейді, т. б. деп солардан үлгі алуымыз керек, біз артта қалған сорлы елміз деген мағына жатыр.

1891 ж. қара сөздері

Жаманшылықтың түбі жалқау дегені — жалқау болсаң, оның түбі жаман болады. Осыдан басқа жаман қасиеттер туады. Күшіктеп, адамгершілік қасиеттерді алады дегені. Жалқаулық еңбексізден барып шығады дейді. Төрт аяқты малды көбейтуден басқа ешнәрсе білмейді. Ғылым, өнер, сауданы білмейді деген пікірді байқаймыз.

16. IV. 48 ж.

Өлең сөздері жұртқа түсіне қоятын өлеңдер емес.

“Өлсе өлсін табиғат” деп келетіні түсініксіз философиялық пікірлер.

Қара сөздерінде сұрау беріп, жауап беріп отырады. 1890 ж. бері қарай бір қанат болып келетін жағдайы бар. Бірнеше жылдары (1890–1895 жж.) жазған қара сөздерінің тақырыбы не? Қандай тақырыпқа соғады?

Адамның гармонически өсуін жақтаған.

Афоризм түрінде айтқан пікірлері де бар.

Өлеңдерде айтпай кеткен жерлерін қара сөзбен толықтырады. 1891 ж. көп қара сөз жазған. Абай өлеңдеріне де, қара сөздеріне де ат қоймай отырған. Бірақ қара сөздерінің бірнешеуіне өзі ат қойған (“Қазақтың шығу тарихы туралы”, т. б. сөздер).

Күлкінің 2 мағынасы бар:

1) Шын жақсылыққа сүйсінген шалт күлкі;

2) Ызалы күлкі (гневный смех).

Әлеуметтік мағынасы бар күлкі. Бұлар эстетикалықпен байланысты. Кейде анонимный геройды сөйлетеді (надан, чиновник, білімсіз, т. б.)

Қара сөзде көбінесе өзін сөйлетіп, өзі сынайды. Халықтың мақал, нақылдарын қолданып жүрген.

Қазақ арасындағы бірлік туралы жазғаны бар. Біреу біреудің алдап, арбап, малын тартып алуын шенейді. Бірлік малда емес, ойда, елде дейді.

Мұнды болғаны қара сөздеріне әсер етіп, із қалдырған. Дін, ар, мәдениет, т.б.-ға көп кездеседі. Моральдық философия. Нравственное начало. “Адам жақсы болу үшін не істеу керек?” дегенге Толстой, т. б. күнде өзіне отчет беріп отыру керек дейді. Абай (15-сөз) күніне, не жұмасына бір есеп алып отыр өзіннен дейді. Көкбай “Абай біз сияқты намаз оқымайды”, ол жұмасына, кейде айына бір оқиды. Үйден бәрін шығарып жібереді. Не намаз деп қарасақ, ол құр отырады дейді Көкбай. Сондағы бұл өзіне самоанализбен байланысты өзіне отчет беріп отырғаны болу керек.

Қайрат етпей ғылымсыз ешнәрсе дүниеде табылмайды. Тек еңбек керек. Қайрат, жүрек, разум туралы толғаулар айтады.

Ақылды қайрат қана жақсы. (Әйтпесе қайратпен кісі өлтіруге де болады.)

23-сөз – сатира түрінде жазылған.

1894 ж. бастап жаңа сарын қосылады.

Ғашықтық жайындағы өлеңдері “искусство для искусство” түрінде жазылған жоқ. Онда әлеуметтік мағына жатыр. Өлеңдері түр жағынан мазмұнды болып келетін. Формалист болмады. Жанр жағынан қысқа өлеңдер.

Өлеңінің 2 түрі бар деушілер болды (қара өлең, т.б.).

Орыс, шығыс ақындарының үлгісі деуге болмайды.

11 буынды, өлеңге сай жасалған. 3-4-4 болып келеді. Бунақтардың орнын ауыстырады. “Өлең – сөздің патшасы, сөз сарасы” өлеңге келмейді. Өлең болу үшін 3-4-4 болып келу керек.

8, 6 шумақ бар 12 жол бір шумақ емес (Сәбиттегідей).

“Сен мені не етесің...

Мені тастап...

Өмір бастап...”

Силлабикалық ұйқастың заңын бұзады. Жоғарыдағы өлең 6 жолмен қайталап отыр.

Абай “Евгений Онегинді” аударғанда ол шалыс ұйқаспен аударған. Әрине, Пушкинде ол тұрақты емес. Абайда тұрақты қалып алады.

“Алыстан сермептің” толқып отырған толғау ырғағы. Мұнды, ойлы, шерлі ырғақ. Бұл классикалық ерекшеліктерінің бірі.

Әрбір жаңа түрінен соң ән шығады. Абай бұрынғы құрылысты қиратып, жаңа түр шығарған. “Бойы бұлғанда” өте ақынның өзінің өмірге жиреніштілігі байқалады. Түлкі құбылысында алады. Абай 17 ән шығарған (“Айттым сәлем, қалам қас”).

Кейде сөйлеу тілімен жазған өлеңдері бар.

Ұрсысуы.

“Бықсытып, бықсытып,

Боқсытып...”

Қазақтың әнінен де жаңалық іздеді. Оның әндері қазақ әндеріне де, орыс, татарға да ұқсамайды. Өзгеше. Жаңа түрмен айтуға болса, жаңа әнмен де айтуға болады деген пікір де болған. Лирикалық (камерный) әндер. Интимдік лирика.

Абай өленді даладан үйге кіргізеді. Қазақтың көп өлендері шырқаумен айтылады (ахау, т.б.). Үйткені далада резонанс жоқ, оны естірту үшін қатты айқайлау керек. Қырғыздарда олай емес. Оларда әндер ақырын, жәй айтылады. Үйткені олардың тіршілігі тау ішінде, онда жаңғырту болады, бірін бірі естиді. Абай осы қазақ әндеріне ұқсамайтын әндер шығарды. Халық әнінен кетіңкіреген.

Абайдың баласы Әбдірахман скрипач болған (Долгополов скрипач болған. Жиренше мазақ қылған). Абай камерный музыканы біле тұрса да, оған ұқсатпай шығарады. Халыққа ол оңай ән бермейді. Қиын түрмен бірге қиын ән береді. Айғай аз. Кейбір өлендері тамаша болып, енді біреулері сапа жағынан төмендеу болады. Тыңдаушы көп, оқушы аз ол уақытта.

Түңілу сарыны күшейген соң (тек Әбдірахман өлімі емес, сонымен бірге жаушылықтың күшеюі, Оспан да өледі), өлім, дін тақырып шыға бастайды. Ол дінге молдаша, фанатикше қарамайды. Сыншыл болып қарайды. Дінге барудың өзі әлеуметтік қайғыдан туып кеткен. Моральдық қуаныш іздейді.

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

“Позор торговцам судьбою и совестью народов!”

М.О. Әуезов бұл мақаласын Мәскеуде жазған. Мақала қолжазбасының соңында автордың өз қолымен жазған “5 ноябрь 1956 г. г. Москва” деген дерек бар. Авторлық қолжазба Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд 3015, опись 1, ед. хр. 562, л. 441–443).

М.О. Әуезов бұл мақаласында Ұлыбритания, Франция және Израильдың Египетке қарсы басқыншылық саясатын айыптайды. 1956 жылы Египет түбегейлі бостандық алған. Әлемдік қарым-қатынаста ерекше маңызы бар Суэц каналы мемлекеттің меншігіне өтіп, тәуелсіз Египеттің конституциясы қабылданды, Гамаль Абдель Насер президенттікке сайланды. Осы кезде аталған мемлекеттер басқыншылық шабуыл жасап, Египетті қайтадан отарлауға әрекет жасады. Әлемдік қауымның қарсы шығуының, КСРО үкіметінің үлкен көмегінің нәтижесінде Египет тәуелсіздігін сақтап қалды. М. Әуезов осындай жағдайда, Азия, Африка халықтарымен достық комитетінің белсенді мүшесі ретінде, Египеттің тәуелсіздігін жақтаған мақаласын жазды.

Д. Қонаев

“Тагордың кемеңгерлігі”

1961 жылы үнді халқының ұлы перзенті, жазушы, әрі қоғам қайраткері Рабиндранат Тагордың туғанына жүз жыл толу мерекесіне арнайы жазылған бұл мақала жазушының “Уақыт және әдебиет” (Алматы: Жазушы, 1962. 421–425-бб.) жинағында жарық көрді. Кейіннен он екі томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1969. 12-т. 524–577-бб.), жиырма томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1985. 20-т. 457–462-бб.) қайта жарияланды.

Рабиндранат Тагордың өз отанының азат болуын мұрат студен туған аса ірі айтулы шығармалары мәңгі-бақи есте сақталатынын санамалай айтқан. Мақаланың түпнұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-қорында (550-бума, 1–5-бб.) сақталған. Көк сиямен жазылған қолжазбаның машинкаға басылған нұсқасында автордың қолымен жасалған түзетулер кездеседі.

Мақаланың алғашқы нұсқасы мен кейінгі басылымдарда жарық көрген материалдарға текстологиялық салыстырулар жүргізілгенде, өзгеріске түсіп, қысқарған тұстары байқалмады. Бұл томға алғашқы қолжазба нұсқасы негізінде дайындалып, ішінара орфографиялық түзетулермен толық жіберілді.

1. 8-б. **Тагор Рабиндранат** (Тханур Рабиндронатх. 7.V.1861–7.VIII.1941. Калькутта) – үнді халқының ұлы перзенті, жазушы, әрі қоғам қайраткері.

С. Майлыбай

“Поэма “Айман – Шолпан”

Бұл М. Әуезовтің қазақ драма театрының қойылымына арналған “Айман – Шолпан” комедиясы мен операсына жазылған қысқаша фабула. Бұнда М. Әуезов халық ауыз әдебиетінде жырланып келген “Айман – Шолпан” жырының сюжеттік негізі тұрмыстық, өмірлік шындыққа құрылғандығына тоқталған. Жырдың бас кейіпкері Көтібардың тарихи деректер бойынша патша мен хандарға қарсы шыққандығы, оның ісін баласы Есет пен немересі Бекеттің жалғастырғандығы жайында айтқан. Мұханның пікірінше, жырда Көтібардың тарихи бейнесі, үлкен оқиғалар сөз болмайды, бұл жыр тұрмыстық поэма.

М. Әуезов “Айман – Шолпан” жырының негізінде пьеса жазды. Пьесаның үш нұсқасы бар. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының 9-томына пьесаның үш нұсқасы және либреттосы қатар берілді. “Айман – Шолпан” пьесасының алғашқы нұсқасы 1934 жылы (4 перделі, күйлі пьеса), екінші нұсқасы 1937 жылы (4 актылы, бес суретті, күйлі пьеса), ал үшіншісі 1957 жылы (4 актылы, 5 картиналы комедия) жазылды. Осы үш нұсқасының арасында көптеген айырмашылықтар кездеседі. Бірінші нұсқаның (1934 ж.) көтерген жүгі, идеясы мүлде өзгеше. Онда бас кейіпкер Көтібардың орыс патшалығына қарсылығы көрсетіліп, ол тұлғалық дәрежеге көтерілген. Алғашқы нұсқа ауыз әдебиетінде айтылатын жырдан біршама алшақ болады. Ал соңғы екі нұсқасының сюжеттік желісі жырға жақын келеді. 1934 жылғы нұсқасы қара сөзбен жазылса, екінші, үшінші нұсқалары ак өлең үлгісінде.

Көтібар Бәсендеұлы Шекті руының батыры болған. Ол кезінде Сырым Датұлы бастаған қозғалысқа қатысып, орыстың отаршылдық саясатына қарсы күрескен. Көтібардың бұл ерлігін ұлы Есет жалғастырды. Есет Көтібарұлы бастаған Шекті руы қазақтарының отаршылдық езгіге қарсы көтерілісі

1853–1858 жылдар аралығын қамтыды. Бұл көтеріліске мақалада айтылған Көтібардың немересі Бекет Серкебайұлы да қатысты.

М. Әуезов Бекет Серкебайұлының қаһармандық күресі жайында “Бекет” атты пьеса жазды. Пьеса тұңғыш рет 1939 жылы “Әдебиет және искусство” журналының №2 санында (89–107-бб.) латын әрпінде жарияланған. Сонымен қатар “Бекет” деген атпен орысша либретто жазды. Бұл либреттоның машинкаға басылған бір нұсқасы мен сахналық бағдарламасы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында (167-бума) сақтаулы. “Бекет” пьесасының қазақша және орыс тілінде жазылған либреттосы жазушының елу томдық шығармалар жинағының 16-томына енді.

М. Әуезовтің бұл қысқаша фабуласы қай жылы жазылғаны көрсетілмеген және аяқсыз қалған. Күлгін сиямен жазылған автограф. Мәтіннің қолжазбасы жазушының мұрағатындағы 244-бумада (93–95-бб.) сақтаулы. Басқа да материалдармен қосылып түптелген, сақталуы жақсы. Тақырыптың алдында “Ауэзов Мухтар” деп көрсетілген, бұрын еш жерде жарияланбаған. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“О казахской литературе”

Мақалада жазушы қазақ совет әдебиеті халықтың әдеби мұрасы саналатын жазба және ауыз әдебиеті үлгілерінің негізінде толығып отырғандығын сөз еткен. Ұлы Қазан төңкерісінен кейін қырық екі жылдың ішінде қазақ совет әдебиеті жаңа қырынан дамып, қалыптасу сатысынан өтті. Осы кезде көркем шығарманың жаңа жанрлары – проза, драма, сын, әдебиет теориясының тарихы, журналистика, қазақ тілінде әдеби аудармалардың туындағаны айтылады. Қазақ романдары көптеген тілдерге аударылды, қазақ әдебиеті әлемдік деңгейге көтерілді. Ұлт жазушыларының Одағы, “Қазақ әдебиеті” газеті, “Жұлдыз”, “Простор” журналдары сияқты әдеби басылымдары болды. Шетелдік жазушылардың көптеген шығармалары қазақ тіліне аударылды. Мәселен, Марк Твен, Гарриет Бичер-Стоу, Джек Лондон, Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй, Митчел Уилсонның туындыларын оқырмандар өз тілдерінде оқуға қол жеткізді.

Осы аталған жазушылардың ішінен М. Әуезов Джек Лондонның “Қасқыр” деген әңгімесін қазақ тіліне аударды. Бұл әңгіме 1936 жылы латын әрпінде Қазақстан көркем әдебиет баспасынан жеке кітапша болып басылып шықты. Кейін жазушының жиырма томдық шығармалар жинағының 14-томына, елу томдықтың 17-томына енді. М. Әуезовтің орыс жазушыларының көптеген шығармаларын аударғаны белгілі. Соның ішінде Ю. Вагнердің “Жердің жаратылысы жайындағы әңгімелерін” М. Әуезовтің ертедегі аудармаларының бірі деуге болады. 1924 жылы араб әрпінде Ташкент қаласында жеке кітап болып басылып шыққан. Сонымен қатар шетелдік жазушылардан В. Шекспирдің “Отеллосын” тәржімеледі. Негізінен М. Әуезов әдеби аудармаға ерекше мән берген. Оны жазушының “Көркем аударманың кейбір теориялық мәселелері”, “Пушкинді қазақшаға аудару тәжірибелері туралы”, “Дворян ұясы” романының аудармасы туралы” деген ғылыми мақалаларынан көруге болады.

Бұл мақала М. Әуезовтің қолжазба қорының 387-бумасында (1–3-бб.) сақталған. Көк сиямен жазылған автограф. Бұрын еш жерде жарияланбаған.

Жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба нұсқасы алғаш рет ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“И.В. Сталин и дружба народов”

М. Әуезов әдебиет, өнер, ғылым мәселелерімен бірге басқа оқиғалар төңірегінде де күнделікті баспасөзде өз ойларын әрдайым білдіріп отырғаны мәлім. Өз заманының қарапайым тыныс-тіршілігінен бастап, жұртшылықты толғандырған маңызды сұрақтарға жауап ката білген қоғам қайраткерінің күнделікті өмірде ағымдағы саясатқа орай елеулі халықаралық, қоғамдық-саяси оқиғаларға дейін айтқан ойлары оның бірқатар мақаларында орын алады. Жазушы қоғам мәселелерін сөз еткенде өмір тынысын сергек сезініп, түрлі оқиғаны ой елегінен өткізіп, оқырманға танымдық жағынан түсінікті етіп жеткізе біледі.

Соның ішінде кеңес елінің негізін салушы, мемлекет, партия қайраткерлері В.И. Ленин, И.В. Сталин есімдері көптеген мақалаларда айтылып, олардың игі бастамалары мен танымдық ойлары жазушының бірқатар пікірлеріне арқау болады. Баспасөз орындарының тапсырысымен жазылған кейбір мақалаларда есімдері аталып жүретін партия көсемдері мен олардың қоғамға сіңірген еңбегі жайында жазылған жазушының осы тәрізді арнайы еңбектері де кезігеді. Бұл мақалада жазушы И.В. Сталиннің кеңес еліндегі ұлттар мәселесі мен халықтар достығын нығайтудағы еңбектерін жан-жақты атай отырып, осы бағыттағы жүргізілген қомақты істердің әрбір республика экономикасындағы жеткен табыстарды нығайтуға қосқан үлесін атап өтеді. Мақала баспасөзде бұрын жарияланбаған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық басылымына еңбектің машинкаға басылып, мұражай қорының 387-бумасында сақталған нұсқасы негізге алынды. Мақаланың қолжазбасы сақталмаған.

К. Рахымжанов

“Шангирей Букеев”

М. Әуезовтің бұл мақаласы XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың бас кезіндегі қазақ поэзиясындағы символист (сыршыл) ақын Шәңгерей Бөкеевтің өміріне арналған. Мақала орыс тілінде жазылған.

М. Әуезов Шәңгерей Бөкеевтің өмірі мен шығармашылығы туралы өзінің 1933 жылы орта, орталау мектептің 6-сыныбына арналған “XIX ғасыр мен XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті” деп аталатын оқулығында сөз еткен. Бұл оқулық жазушының елу томдық академиялық басылымының 7-томына енді (М. Әуезов шығармаларының елу томдық толық жинағы. 7-т. Алматы: Ғылым, 2002. 385-б.)

Осы оқулықта басылған қазақша мәтін мен орысша нұсқасы салыстырылды. Негізінен орысша жазылғаны баспасөз бетінде жариялауға лайықталған сияқты, бірақ аяқталмай қалған.

Оқулықта М. Әуезов Шәңгерейдің шығармашылығына талдау жасаған, ал мақалада оның шығу тегіне, атасы Жәңгір ханның ел басқарудағы істеріне тоқталған. Бұл Мұханның өз қолымен, қызыл сиямен жазылған автограф, бірақ қай жылы жазылғаны нақты көрсетілмеген. Парақтың екі бетіне де жазған, жалғасы жоқ, кейде сызылған сөз-сөйлемдер кездеседі. Мәтіннің қолжазбасы жазушының мұрағатындағы 244-бумада (50–53-бб.) сақтаулы. Басқа да материалдармен қосылып түптелген, сақталуы жақсы.

Мақала бұрын еш жерде жарияланбаған. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба нұсқасы алғаш рет ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Наши искания” **(К 7-летию Национального** **государственного театра)**

Ұлттық мемлекеттік театрдың 7 жылдығына орай жазылған мақала. Мақаланың басында Беков, Ауэзов деп авторлардың аттары көрсетілген.

Қолжазбасы “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (244-бума, 23–30-бб.). М. Әуезов өз қолымен қызыл сиямен жазған. Жазылған мезгілі көрсетілмеген. Осы қолжазбаның негізінде “Мемлекеттік театрдың міндеттері туралы” атты (О. Бековпен бірге) және “Қазақстан мемлекет театрының жеті жылдығы және міндеттері” атты мақалалар жазылған (М.О. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының 8-томын қараңыз).

Бұл материалда театр мәселесіне үлкен көңіл бөлген Өлкелік партия комитетінің пленумына және біраз уақыт бұрын жұмысы аяқталған Қазақстан Жазушылар одағының пленумына сілтемелер жасалады. 1932 жылдың 26–31 желтоқсанында өткен пленумда І. Жансүгіров “Жазушылар ұйымын қайта құру және кеңестік әдебиеттің қазақстандық отрядының мәселелері” тақырыбында баяндама жасаған. “Наши искания” мақаласында Жансүгіров баяндамасы жайында дерек бар. Осыған қарағанда, бұл жұмыс 1933 жылдың қаңтарында жазылған болуы керек. Мұнда жоғарыда айтылған Жансүгіров баяндамасының мазмұнынан туындайтын театр жұмысының сыртқы және ішкі саясатының өзгертілуі туралы жеке мәселе көтерілген.

Қолжазбада көрсетілген екі автордың – бірі Беков Орынбек (1898–1937) Семей губерниясында ауыл батырағының отбасында туған. 1903 жылы Спасск зауытына көшіп келгеннен кейін екі кластық училищені бітірген Орынбек зауытта кара жұмысшы болады, Ақпан төңкерісінен соң саясатқа ден қояды. 1919–1922 жылдары ревком төрағасы болып, Қарқаралыда, Семейде әртүрлі кеңес, партия жұмыстарымен айналысады.

1925 жылы Еңбек халық комиссариатында, 1928 жылы “Тілші” газетінде, 1930 жылдары Қазақ драма театрының директоры болып қызмет істейді. Әңгімелері, өлеңдері республикалық газеттер мен “Жаңа әдебиет” журналында жарияланды. “Ұлы істің игілігі үшін” атты мақалалар жинағы (1928), “Советбике” повесі (1931) кітап болып шықты.

О. Беков М. Әуезов шығармаларына қатысты “Октябрь мерекесіне театр даярлығы (М. Әуезовтің кейбір пьесалары туралы)” (Социалды Қазақстан. 1932. 4 қараша), “Еңлік – Кебек” жөнінде” (Социалды Қазақстан. 1933. 3 шілде) атты мақалалар жазған.

Р. Қайшыбаева

“Неиссякаемый источник благодарной радости”

Мақала кеңестік Одақ құрамындағы Қазақ республикасы Жоғарғы Кеңесі депутаттығына Алматы қаласының №4 сайлау округінен ұсынылған халық депутаттарын сайлау кезіндегі жүргізілген насихат жұмыстарына байланысты жазылған. Жазушы осы сайлауға депутаттыққа кандидат боп түскен КСРО халық артисі К. Байсейітова, еңбек озаты тігінші М. Мамунова, бастауыш және орта мектептер кәсіподағының төрағасы Б. Бөлтірікова, тарих институтының аспиранты Ж. Күленова, ғалым Г. Тихов сияқты адамдардың еңбектегі жетістіктері мен кеңестік сайлау жүйесінің соңғы жиырма жылдағы жеткен қомақты табыстарын жан-жақты атап көрсеткен.

Сондай-ақ өз депутаттарын сайлауға кандидат етіп сенім көрсеткен сайлаушылардың еңбектегі жарқын табысы ретінде Алматы қаласындағы соңғы жылдарда бой түзеген ғимараттар мен түрлі мекемелердің, еңбек ұжымдарының сайлау мерекесіне тартуына, оқу орындарында шындалып шыққан түрлі мамандық иелерінің еңбегіне тоқталып өтеді.

Мақала бұрын мерзімді баспасөзде жарияланбаған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық басылымына 387-бумадағы машинкаға басылған нұсқасы бойынша әзірленді.

К. Рахымжанов

“Тезисы к докладу о Чехове”

Тезистер “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (244-бума, 41–43-бб.). Автордың өз қолымен күлгін сиямен парақтың екі бетіне жазылған. Жазылу мерзімі көрсетілмеген.

М. Әуезов шығармашылық өмірбаянының әр кезеңдерінде А.П. Чехов шығармашылығына үнемі көңіл бөліп, оның көркемдік табиғатын терең түсінген. Осы себепті Әуезовтің Чехов туралы жазған мақалаларында (Драмы Чехова. М.О. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымы. 17-том; Заметки из цикла “Наши беседы о великом друге”. Советская культура. 1954. 15 июля; Светлая вершина русской литературы. Литературное наследство. А.П. Чехов. Т. 68. М., 1960. С.11–12) ұлы жазушы шығармалары жайында дәл, қызықты, әдеби теориялық деңгейі жоғары ойлар айтылған.

Тезистерде А.П. Чехов мұраларына қатысты жанды, көкейтесті көзқарастар, суреткер ретіндегі тың пікірлер, казак жазушыларының шығармашылығындағы Чехов дәстүрінің белгілері жайлы деректер көп.

Тезистер мәтіні 244-бумадағы қолжазба бойынша түгелдей берілді.

Р. Қайшыбаева

“Славнейший из людей”

М. Әуезовтің өз дәуірінің белгілі оқиғалары мен таны- мал адамдары жайында мерзімді баспасөзге арнап жазған мақалаларында сол кездің саяси мәселелері мен қоғамдық- әлеуметтік ойлары, өзінің көзқарастары мен пікірлері көрініс тапқан. Ғылымда, еңбекте із қалдырған адамдардың бастан кешкен оқиғалары, үміт-арманы сол кездің, келешектің ең жарқын ойларымен ұштасып жатты. Қаламгер онда бір сәтті ғана бейнелейтін нәрселерді айтып қоймай, оны ақыл-ой, сая- сат, қоғам тұрғысынан қарастыра, биіктете көтеріп бейнеледі, жай қарапайым мақала жазу үстінде де шабыт биігінен көрінетін шынайы талант иесінің ізденіс қырларын таны- та білді. Қаламгердің мұндай мақалаларына оның В. Ленин, И. Сталин, кеңестік сайлау, бесжылдық табыстар, мерекелік даталарға арналған шағын еңбектерін жатқызуға болады.

Бұл мақалалардың көпшілігі түрлі дәрежедегі баспасөз орындарының ықпалымен жазылса да, онда қаламгердің өз халқы мен Отанының келешегіне, жарқын еңбекке, кемел күнге беттеген қоғамның ең игі мақсаттарына деген сенімі сөз болады. Мақалада Алматы қаласының Сталиндік сай- лау округінен Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесінің депутаттығына ұсынылған партия және мемлекет қайраткерінің социалистік қоғамды құру мен дамытуға қосқан үлесі мен орны жан-жақты бейнеленіп көрсетілген. Мұнда И. Сталиннің, В. Лениннің ісін жалғастырушы, партияның саясатын алға апарушы, кеңес еліндегі ұлттар саясатын жүргізуші ретіндегі еңбектері ата- лып, елдегі барлық дамудың желісі алда тұрған коммунизм құру идеясымен ұштасып жатқандығы айтылады. Кеңестік саясат бар табысты бір адамның атымен байланыстыра, партия қайраткерін “әкелік қамқорлық иесі, көсем, ұлы” деп дәріптеуді талап етсе де, жазушы әсіреқызыл сөздерге бармай, өз елінің басшыларға сенетін, бірлікшіл, берекелі елдік дәстүрдегі шы- найы көзқарасын көрікті ойлармен жеткізе біледі.

Мақала 1951 жылы 25 қаңтарда жазылып, машинкаға басылған данасы мұражай архивінде сақталған (387-бума, 13—17-бб.). Оның баспасөзде жарияланғаны туралы деректер кездеспейді, қолжазбасы сақталмаған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 47-томына мақала осы машинкаға басылған нұсқасы бойынша дайындалды.

К. Рахымжанов

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Президиума АН КазССР о деятельности Научной библиотеки АН КазССР”

М. Әуезов бұл сөзін Қазақ КСР Ғылым академиясының 1948 жылы 6 сәуірде Алматы қаласында өткен Президиум отырысында сөйлеген. Мұнда Академияның Ғылыми кітапханасының жұмысы жан-жақты қаралды. Негізгі баяндаманы кітапхана директоры Сара Моисеевна Рейдер жасады. Отырыс жұмысына Қазақ КСР ҒА президенті академик Қ.И. Сәтбаев жетекшілік жасады.

Қазақ КСР Ғылым академиясы 1946 жылы 1 маусымда ашылған. М. Әуезов жаңа ашылған Академияның алғашқы академиктерінің бірі болды. Көп ұзамай Қ.И. Сәтбаевтың ұсынысымен ҒА Президиумының құрамына алынған. Әуезов Президиум жұмысына белсенді түрде араласып, Академияның қоғамдық, гуманитарлық бөлімінің жұмыстарымен айналысты. Сонымен қатар Ғылыми кітапхананың кітапханалық кеңесінің мүшесі ретінде де көп жұмыстар атқарды. ҒА Президиумында кітапхана жұмыстары жайында көптеген мәселелер қойып отырды. Осы жұмыстарының нәтижесінде М. Әуезовтің отырыстағы сөзі ғылыми нақтылығымен, іскерлік білгірлігімен ерекшеленеді.

М.О. Әуезовтің бұл отырыстағы сөзінің мәтіні Қазақстан Ғылым академиясының мұрағатында сақталған (Президиум қоры, 1-т., №12-хаттама, 77–80-бб.).

Д. Қонаев

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР 3 февраля 1950 года”

М. Әуезов бұл сөзінде КСРО Жазушылар одағының пленумында ұлттық республикалар атынан сөйлейтін баяндамашылардың жұмыстарын ұйымдастыру жайлы ойларын, ұсыныстарын айтқан. Мұнда ол өзінің туған елінің әдеби, мәдени мүдделерін үнемі есте ұстай отыра, қазақ әдебиетінің, басқа түркі халықтары әдебиеттерінің пленумда жан-жақты, мұқият талданып, бұл аймақ жазушылары шығармаларының басқа республикалар өкілдерімен тең дәрежеде қаралуын талап етті.

Бұл сөзді Секретариат мүшелері жақсы қабылдады. М. Әуезовтің ой-ұсыныстарын В.В. Вишневский, К.М. Сионов, А.В. Сафронов, т.б. қызу қолдап, қазақ жазушысының барлық ұсыныстары қабылданды.

М. Әуезов сөзінің мәтіні Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд СП СССР, Бюро национальной комиссии по литературе народов СССР, опись 18, дело №4, л. 6–10).

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
Бюро комиссии по литературам народов СССР
при обсуждении произведений
башкирских писателей”**

М. Әуезов 1950 жылы 1 наурызда Мәскеуде КСРО Жазушылар одағында сөйлеген бұл сөзінде өзі өте жоғары бағалаған, үнемі қолдап жүрген башқұрт ақыны Мұстай Кәрімнің өлеңдер жинағын талдаған. Бұл жайында М. Кәрім кейін Кеңес Одағының белгілі ақындарының бірі болған кезінде де айтып жүрді.

М. Әуезов барлық түркі тілдерін түсінетіндіктен, М. Кәрім шығармаларын түпнұсқасынан оқып, дәл, әділ бағасын берген.

Материал Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан (фонд СП СССР, Бюро комиссии по литературам народов СССР, опись 18, дело №7, л. 7) алынды.

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании сессии
отделения общественных наук АН КазССР
по выдвижению кандидатов в действительные
члены АН КазССР”**

М. Әуезов 1951 жылдың 11 қыркүйегінде өткен Қазақ КСР Ғылым академиясы қоғамдық ғылымдар бөлімінің сессиясында белгілі фольклорист-ғалым Н.С. Смирнованы Академияның корреспондент-мүшелігіне ұсынып, оның ғылымдағы жетістіктері туралы нақты айтып берген.

1. 62-б. **Смирнова Нина Сергеевна** (1908–1978) – филология ғылымдарының докторы (1951), профессор (1953), Қазақ КСР ҒА корреспонденті-мүшесі. Мәскеу мемлекеттік университетін бітірген, ҚазПИ-де жұмыс істеген (1939–1978), Қазақ КСР ҒА Тіл және әдебиет институтында ғылыми жұмыстар атқарды (1945–1978). Қазақ фольклорын, XVIII–XIX ғасырлардағы қазақ ауыз әдебиетін зерттеді. Қазақ эпосының ғылыми басылымдарын дайындауға қатысты. Негізгі еңбектері: “Творчество Джамбула” (1959), “Основные версии “Камбара” (1959), “Казхская народная поэзия” (1967).

М. Әуезовтің аталған отырыстағы сөзі Қазақстан Ғылым академиясы мұрағатының қоғамдық ғылымдар қорында сақталған (№12 хаттама, 40–44-бб.).

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
Секретариата СП СССР при обсуждении
доклада Н.С. Тихонова “Современная
прогрессивная литература мира” и доклада
А.Е. Корнейчука “О драматургии”**

Бұл — М. Әуезовтің КСРО Жазушылар одағы Секретариатының отырысында 1951 жылы 4 желтоқсанда сөйлеген сөзі. Мәжілістің төрағалығын К.М. Симонов атқарды. Кеңес Одағы жазушыларының Екінші бүкілодақтық съезіне дайындалған екі баяндама талқыланып, М. Әуезов өз ойларын айтқан.

1. 65-б. **Пабло Неруда** (1904–1973) — Чили акыны. Нобель сыйлығының иегері (1971), Халықаралық Лениндік сыйлықтың лауреаты (1953).

2. 66-б. **Амаду Жоржи** (1912–2001) — Бразилия жазушысы. “Бескрайние земли” (1943), “Брод Ильеус” (1944), “Красные восходы” (1946), “Подполье свободы” (1952), т.б. романдардың авторы. Ж. Амаду өз романдарында бразилиялықтардың ұлттық ерекшеліктерін көрсетті.

3. 66-б. **Фаст Говард** (1914–2003) — американ жазушысы, драматург. “Рождение свободы” (1939) романының авторы.

4. 66-б. **Андерсен Нексе Мартин** (1869–1954) — дат жазушысы. “Мартен Красный” (1945–1948) трилогиясының авторы.

5. 68-б. **Якобсон Аугуст** (1904–1964) — эстон жазушысы. КСРО Мемлекеттік сыйлығының иегері.

Материал Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд СП СССР, Секретариат СП СССР, протокол №4, л. 7–9, 37–39).

Д. Қонаев

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР по вопросам народного эпоса 26 мая 1953 года”

КСРО Жазушылар одағы секретариатының бұл отырысын КСРО Жазушылар одағының хатшысы А.А. Сурков жүргізді. Мұнда қаралған басты тақырып Қазақстан Жазушылар одағында өткен жиналыстың халықтық эпос мәселелері жайлы қабылдаған шешімдерінің, айтқан ойларының нәтижелері болды. Негізгі баяндаманы Алматы қаласында 1953 жылы сәуір айында өткен жиналысқа КСРО Жазушылар одағы секретариатының атынан қатысқан Л.И. Климович жасады. М. Әуезов бірнеше жыл бойында түркі халықтарының ұлттық эпосы үлгілерінің ең жақсыларына солақай сын айтқан Л.И. Климовичпен үнемі қарсы келіп, айтысып жүрді. 1952 жылы маусым айында Бішкек қаласында өткен “Манас” эпосына қатысты конференцияда негізгі баяндаманы жасаған Л.И. Климович пен одан кейін сөйлеген М. Әуезовтің арасында қырғыз эпосына байланысты өткір айтыс туды. Әуезов Л.И. Климовичтің эпос туралы айтқан солақай идеологиялық пікірлеріне қарсы шығып, “Манас” эпосының халық шығармашылығының үздік ескерткіші екенін дәлелдеді.

Томға беріліп отырған жазушы сөзінің мәтіні Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатының қолжазба қорында сақталған (фонд СП СССР, Секретариат СП СССР, опись 26, дело №68, л. 10–19).

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
Секретариата СП СССР, посвященном
обсуждению докладов С.А. Герасимова,
Б.Н. Полевого, Самеда Вургунa, Б.С. Рюрикова
14 ноября 1954 года”**

М. Әуезов бұл отырыста жазушылардың Бүкілодақтық 2-съезіне дайындалған баяндамаларды талқылауға қатысып, өзінің ойларын айтқан. Жиналыстың төрағасы белгілі орыс акыны К.М. Симонов болды. М. Әуезовтің әсіресе ұлттық республикалар әдебиеттеріне қатысты ойлары қолдау тапты.

1. 76-б. **Герасимов Сергей Аполлинариевич** (1906–1985) – ірі орыс режиссері, драматург, кино теоретигі. Социалистік Еңбек Ері. “Жас гвардия” (1948), “Тынық Дон” (1957–1958), т.б. кинофильмдердің режиссері. КСРО Мемлекеттік сыйлығының иегері.

2. 76-б. **Рюриков Борис Сергеевич** (1909–1969) – орыс сыншысы, әдебиеттанушы.

Томға беріліп отырған М. Әуезов сөзінің мәтіні Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд СП СССР, Секретариат СП СССР, опись 28, дело №76, л. 4,11–19).

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на совещании
по подготовке доклада к пленуму СП СССР
на Правлении Союза писателей СССР
8 февраля 1957 года”**

Мәскеуде өткен бұл жиналысқа КСРО Жазушылар одағының хатшысы Н.С. Тихонов төрағалық етті. М. Әуезов орыс жазушысы П.Г. Скосырев (1900–1960) жасаған баяндама бойынша ескертпелер мен ұсыныстарын айтқан. П.Г. Скосырев шығармашылығы Орта Азиямен байланысты болатын. Осы себепті М. Әуезов Скосырев шығармаларындағы ұлттық форма мен социалистік мазмұн жайында бағалы ойларын білдірген.

Материал Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд СП СССР, Правление СП СССР, Комиссия по литературам народов СССР, опись 25, дело №28, л. 6–12).

Д. Қонаев

“Выступление М.О. Ауэзова на региональном совещании по вопросам составления “Очерков истории советской литературы народов Средней Азии и Казахстана”

М. Әуезов қатысқан бұл аймақтық кенес 1958 жылы 14–18 қаңтарда өтті. Бұл туралы “40–50 және 60 жылдардағы қазақ әдебиеті” кітабында (Алматы: Ғылым, 1998. 365-б.): “М. Жанғалин, М. Қаратаев (Қазақстан), Асхад Мухтар (Өзбекстан), Д. Азимов (Азербайжан), т.б. баяндамалар жасады. Жарыссөзде сөйлегендер: М.О. Әуезов, С.К. Доронян, Н.А. Баскаков (Москва), проф. С.А. Аманжолов (Қазақстан), С.Л. Кирьянов, З.С. Кедрина (Москва), т.б.” деп көрсетілген.

Аймақтық жиналыс материалдары “Литературная газета”, “Казахстанская правда”, “Қазақ әдебиеті” газеттерінің 14–24 қаңтардағы сандарында берілді.

М. Әуезов орыс тілінде шыққан “Очерк истории казахской советской литературы” кітабы авторларының және редакторларының бірі болды. Қаламгер дүниетанымының, әдеби білімінің, терең ойлы, салмақты, шыншыл көркемдік танымының айқын мысалдары осы кітапта көрініс тапқан. М. Әуезов бұл жиналыстағы сөзінде әртүрлі халықтар әдебиетінің өзіндік ерекшеліктерін бүкіл әлемдік әдебиет дамуы тұрғысынан талдай келе, басқа әдебиеттердегі тарихи-көркемдік үдерістерді еске ала отырып бағалайды.

Осында айтқан ойларының, көтерген мәселелерінің негізінде “О развитии литературы народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма” (Советское востоковедение. 1957. №5. С.121–128), “Развитие литератур народов СССР” (Очерки истории казахской литературы. Алма-Ата, 1958. С. 457–468) мақалаларын жазды. Әуезовтің бұл мақалалары аталған еңбекке қатысқан ғалымдар үшін көп ұлтты әдебиет тарихын дайындаудағы негізгі әдістемелік құралға айналды.

1. 90-б. **Брагинский Иосиф Самуилович** (1905–1989) – шығыстанушы, Тәжік КСР ҒА корреспондент-мүшесі, филология ғылымдарының докторы. Негізгі еңбектері Орта Азия халықтарының мәдениетін, тәжік-парсы әдебиетінің классиктерін, тәжік фольклорын зерттеуге арналған.

2. 90-б. **Султанов Иzzат** (16.VI.1910, Ош қаласы) – өзбек совет әдебиеттанушысы, сыншы, драматург, қоғам қайраткері. Өзбек КСР Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі (1966), Өзбек КСР-ның еңбек сіңірген өнер қайраткері. СОКП XX съезінен кейін М. Әуезов пен И. Сұлтанов 1937 жылы репрессияға ұшыраған Абдулла Кадыридың шығармаларын жариялау мәселесін бірінші болып көтерді.

Р. Қайшыбаева

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании жюри по просмотру декадных спектаклей 8 июня 1958 года”

1958 жылы желтоқсан айында Мәскеу қаласында қазақ әдебиеті мен өнерінің онкүндігі өткен. Онкүндіктің алдында республикада үлкен дайындық жұмыстары жасалды. Оған қатысатын әдебиетшілер, өнер қайраткерлерінің құрамы анықталып, әдеби шығармалар негізінде қойылатын театрлық жұмыстар мұқият таңдап алынды. Бұл үшін арнайы жюри құрылып, оның құрамына М. Әуезов те кіріп, үлкен жұмыстар атқарды. Әсіресе театрлық қойылымдар репертуарын таңдаудағы пікірлері шешуші факторлар болды. Жюри құрамы жұмысын А. Жұбанов басқарды.

Онкүндікке апарылатын қойылымдар құрамын анықтау, тіпті режиссерлік жұмыс, актерлер ойыны жайындағы Әуезов ойлары да жоғары профессионалдық деңгейде айтылған. Мәскеуге апарылған қойылымдардың тізімін қараған кезде оның ойларының толықтай қабылданғанын көреміз.

М. Әуезовтің бұл сөзі ҚР Орталық мемлекеттік мұрағатында сақталған (1890-қор, 1-тізім, 883-іс, 159-бума, 130–134, 139–141, 240–242, 251-66.).

Д. Қонаев

**“Стенограмма
заседания редколлегии по обсуждению очерка
устного поэтического творчества казахского
народа 19 июня 1952 года”**

1952 жылдың 19 маусымындағы қазақ халқының ауызша поэтикалық шығармасының очеркін талқылаған редколлегия отырысының бұл стенограммасы жазушы мұрағатындағы 387-бумада (110–134-бб.) сақтаулы тұр. Стенограмманың архив беттеуіндегі жалпы көлемі 25 бет. Бірінші беттің жоғарғы жағына “т. Габдуллину” деп қара қарындашпен айрықша белгі қойған бөгде адамның қолтаңбасы бар.

Мәжілісте талқыланған негізгі жұмыс М. Ғабдуллиннің “Батырлық эпос” атты монографиясының орысша қолжазбасы болатын. Отырыста бірінші болып М. Әуезов сөз сөйлеп, жұмыстың кейбір бөлімдеріне өз пікірін айтады. Зерттеу еңбектің жалпы бағытына көңілі толатынын, әсіресе қорытындылары мен теориялық бөлімдерінің өте жоғарғы деңгейде жазылғанын атап көрсетеді. Сондай-ақ тарихи талдаулары мен стиліне оң баға беріп, зерттеушінің “Қобыландыға” байланысты айтқан негізгі тұжырымдамаларын да қолдайды.

Алайда “Шора” мен “Алпамысқа”, “Қобыландының” историографиялық бөліміне, генезисіне, тарихи байланыстарына өзінің кейбір пікірлерін айтып, сонымен қатар қай тұстарды қысқарту керектігін және қандай тарауларына (“Қамбар”) сын-ескертпелері жоқ екенін нақты беттеріне дейін көрсетіп береді.

Стенограммадағы М. Әуезовтің сөзі 1,5 бет көлемінде болса, қалған аздаған бөлігі М. Ғабдуллиннің, А. Ысқақовтың, С. Ахметовтің (сол кездегі Қазақ КСР Министрлер Кеңесі жанындағы өнер істері басқармасының бастығы) сөздері, ал негізгі тұтас мәтін Н.С. Смирнованикі.

Жазушы шығармаларының 47-томын дайындап жатқан ұжымның және редакциялық алқаның шешімімен бұл стенограмманы ешбір қысқартуларсыз, толық күйінде алғаш рет ұсынып отырмыз.

Е. Қаныкейұлы

Стенограмма
заседания редакционной коллегии I тома
“Казахской литературы” при Институте языка
и литературы Академии наук Казахской ССР

Қазақ әдебиетінің тарихын зерттеу мен оны оқу орындарында оқытудың бағдарламасы мен мәселелері ғылыми тұрғыда жоспарлы түрде кеңестік кезеңде қолға алынып, оны қарастыратын арнайы ғылыми мектептердің осы жылдарда қалыптасып, нығайып шыққаны белгілі. Бұл салаға арнайы көңіл бөлген бұрынғы ағартушы ғалымдар, қаламгерлер, ауыз әдебиеті үлгілерін жинаушылар қазақ фальклорының бай мұрасы кең түрде зерттеуге лайық екенін бұрын да айтқан. Бұл жөнінде әр кезде түрлі жинақтар әзірленіп, оларды ғылыми тұрғыдан зерттеу жұмыстары жүргізілді. Сөйтсе де, осы мәселемен айналысатын арнайы зерттеушілердің аздығы, сонымен бірге мемлекеттік тұрғыдан қолға алатын тиісті мекеменің болмауы, әдеби мұраның ауқымдылығы көп уақыт бойы әдебиет тарихының бұрынғы дәуірін түбегейлі толық қамтып зерттеуге мүмкіндік бермеді.

Кеңестік әдебиеттану ғылымы бұл олқылықтың орнын толтыруға 50-ші жылдары жарық көрген қазақ әдебиеті тарихының көптомдығын жазу кезінде мүмкіндік алды. Бұл кітапты дайындауға Қазақ КСР Ғылым академиясы жанындағы Тіл және әдебиет институтының ғалымдары қатысып, еңбек етті. Қазақ әдебиеті тарихының халық мұрасына арналған алғашқы томы көптеген қиыншылықтарды жеңе отырып, кейбір орынсыз ескертулер мен саяси талас-тартысты көздеген айыптауларға орынды жауап беру нәтижесінде тыңғылықты дайындалды. Кітап басылып шыққаннан кейін көп ұзамай оған орынсыз айыптар тағылып, баспәсөзде сын пікірлер жарияланса да, бұл халқымызға бұрынғы дәуірдің тарихи мұраларын мол көлемде зерттеп жеткізген шын мәніндегі құнды еңбек болды.

1953 жылы 17 қаңтарда осы “Қазақ әдебиетінің” алғашқы томына арналып жазылған белгілі ғалым М. Ғабдуллиннің батырлық эпос жайындағы тарауының орыс тіліне аудармасы редакциялық коллегияның мәжілісінде талқыланған. Бұл мәжіліске сол кездегі халық әдебиетін зерттеуші белгілі ғалымдардан М. Әуезов, Н. Смирнова, А. Ысқақов, М. Сильченко, М. Ғабдуллин қатысып, сөз сөйледі. Мәжіліске Н. Смирнова төрағалық етіп, М. Ғабдуллиннің батырлық эпос жайында жазған тарауының орыс тіліне аударылуы, бұл аударманың кітаптың орыс тілінде дайындалып жатқан басылымына қаншалықты лайықты болып отырғандығы жөнінде баяндап, осы мәселе төңірегінде мақаламен танысқан басқа да ғалымдардың пікір айтуын өтінеді.

Мәжілісте сөз алған М. Әуезов аталған мақаланы оқып шыққаннан кейінгі өзінің ойында туған бірқатар пікірін әріптестерімен бөліседі. Қазақ тілінде жазылған еңбек орысшаға аударылғанда өңсіз, сұрқай болып шыққанын айта отырып, бұл мақаланың әдеби жағын әлі де өңдеп, жетілдіре түсу керектігіне тоқталады, ондағы ғылыми тұжырымдар мен айтылған ойлардың, ұсынылған нәтижелердің қай деңгейде екеніне талдау жасап, әр тұста оған бірқатар ұсыныстар білдіреді. Мақаладағы кейбір сөйлемдерді, алған фактілерді мысалға келтіріп, оған қатысты ойларды жетілдіріп, кеңейте түсетін тұстарын көрсетеді. Ғалым сол кездегі саяси-идеологиялық мәселелерге қатысты ойларға келгенде К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, И. Сталин, М. Горький еңбектерінде айтылған жайттармен өз пікірлерін негіздеп отырады. Мәжіліс барысында басқа ғалымдар да М. Әуезов пікірлерінің көңілге қонымды жерлерін айта отырып, жұмысты жетілдіру кезінде әлі де назар аударатын нәрселер бар екенін атап өткен.

Талқылау кезінде ғалымдар тарапынан батырлар жырындағы Қобыланды, Алпамыс, Қамбар, Ер Тарғын сияқты белгілі батырлардың жеке басының мінез-құлқы, шығу тегі, отбасылық өмірі, халық өкілдеріне, байларға, хандарға көзқарасы мен қарым-қатынасы жіті қарастырылып, сөз болады. Бұдан кеңестік көзқарастың таптық сипаты мен саяси ықпалының ғылымға қаншалықты әсер еткені көрінеді. Кеңестік кездегі көзқарасқа сәйкес “Ер Сайын” жыры феодалдық эпос ретінде бағаланып, әдебиет тарихынан шеттетілген күйі көптеген ұрпақтың назарынан тыс қалып келді. Сол кездегі пікірталас үстінде кей батырлардың төңірегіндегі басқа елдерді жаулап алушы, жат пиғылды адам ретінде көрсетіліп, тарихта болған бұрынғы билеуші таптың сойылын соққан, дегенін істеп, бұқара халыққа тізесін батырған кейіпкер ретінде саяси,

таптық көзқарастар тұрғысынан сипатталуы көптеген мұраның жариялылық пен еліміз егемендік алған кезге дейін жабық жатуына себеп болды. Осы стенограммадағы айтылған пікірлер біздің әдебиетті бағалаудағы көзқарасымыздың өткен кенестік кезеңдегі жіберген олқылықтары мен кемшіліктерін дұрыс түсініп, бағалауымызға көмектеседі.

Мәжіліс соңында қаралған мәселе бойынша осы жиынға қатысқан ғалымдар өздерінің пікірлерін толық білдіріп, ортақ көзқарасты қолдап, ашық дауыспен шешім қабылдаған. Мәскеуде орыс тілінде жарық көруге тиісті “Қазақ әдебиеті тарихы” кітабының батырлар жырынан басқа да тарауларының баспаға дайындығы жайында сөз ете келіп, осы айтылған пікірлерді, ескертулер мен толықтыруларды енгізген соң кітапты қайтадан қарап, талқылауға шешім алып, мәжіліс өз жұмысын аяқтайды.

Стенограмманың қолжазбасы сақталмаған, орыс тілінде машинкаға басылған нұсқасы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (387-бума, 135—177-бб.). М. Әуезов шығармаларының елу томдық басылымына қаламгердің осы мәжілісте сөйлеген сөзі сол машинкаға басылған нұсқасы бойынша дайындалды.

К. Рахымжанов

“Әдебиет пен өнер саласы бойынша Лениндік сыйлықтар беру комитетінде сөйлеген сөздері”

Лениндік сыйлықтар беру комитетінің мүшесі ретінде Мұхтар Әуезов сыйлыққа ұсынылған шығармалардың бәрімен дерлік танысып, олардың көпшілігін өзінің қалай қабылдап, қалай бағамдағандығы туралы ойларын айтты. Талқылау кездерінде оның тарапынан білдірілген тілек-ойлар қорытынды шешімдердей бағаланды, ұстаным-ұсыныстарымен бәрі де санасты.

Комитеттің ереже-тәртібі бойынша осында айтылған әрбір сөз бен пікір-ойлар елу-алпыс жылға дейін сыртқа шығарылмайтындықтан, жария етілмейді екен. Мұражай үшін деген соң кеңшілік жасап, осындағы көл-көсір сөздердің ішінен кейбіреулерінің үзінділерін берді, олар: Корней Чуковскийдің “Мастерство Некрасова”, Рытхэудің “Время таяния снегов”, Расул Гамзатовтың “В горах мое сердце”, “Горянка”, Шараф Рашидовтың “Сильнее бури”, Мұса Жалилдің “Моабитские тетради” (“Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығы, 459-бума, 7–24-бб.) жөніндегі пікірлері ғана. Осы есімдері аталғандардан оның қолдаған, қолдамағандары да болды. “Мен өз басым Расул Гамзатовты советтік шығыстың аса бір дарынды ақыны деп білемін. Ол – ойшыл ақын, бейнелі ойдың ақыны. Оның өз беті, өз үні бар. Айтары мол, сол айтарын мүсіндей алатын нақыш-өрнекке де бай суреткер. Оның жүрегі халқымен бірге әбден біте қайнасып кеткен. Оның жыры шын ақынның, шын суреткердің ыстық жүрегінің үні” десе, көпшілігі өмірден өткен адам ғой дегендей селқос қарап, бағалай алмай отырған Мұса Жалилді, ұзақ жылдар Некрасов шеберлігін тереңдете ашып зерттеген Чуковскийді қолдап сөйлеп, Погодиннің “Оптимистік трагедиясын” ойнаушылардың бәріне емес, сыйлықты таңдаулыларына ғана беру қажеттігіне тоқтайды. Котовский туралы ескерткіш туралы “Ат аяғын бұлай баспайды, ат бұлай жүре алмайды” деп, Ш. Рашидовты да “Өзбек ағайындар дұрыс түсінер” деп, өзінің қолдамайтындығын

білдірген. Бір бұл емес, комитет мүшелері оның терең, мәнді талдауларына, дәл байқағыштығына разы болған.

Ол әдебиет қана емес, сәулет, мүсін, бейнелеу өнері, театр саласындағы шығармаларды да талдауға атсалысып, өзінің ойлары мен көзқарастарын талдай алатындығымен көрінді. Оның үстіне, ол осы комитеттің жетпістен астам мүшелеріне әдеби лекциялар оқиды және ондағылар М. Әуезовтің Комитет пленумдарында сөйлейтін сөздерін асыға күтетін болды. Бұндайда жазушы алабөтен даралығымен, даналығымен, баурап алар күш-қуатымен көпшілік назарын өзіне аударды.

Т. Әкім

**“Предварительный отзыв
о диссертационной работе тов. Маловичко А.Л.
на тему “Историко-биографическая пьеса
в казахской советской драматургии”**

Материал “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (208-бума, 53–55-бб.). Сарғыш қағазға машинкамен басылған. Бұрын еш жерде жарияланбаған.

М. Әуезов диссертант жұмысының көлемінің молдығына, қараған материалдарының көптігіне тоқталып, жұмыс авторының объектісін өте мұқият зерттеп, жеке пьесалардың көркемдік ерекшеліктерін дәл ашып бере алғанын айтқан. Диссертациялық кенеске жұмысты қорғауға ұсына отырып, тоғыз ескерту жасаған. Бұлардың ішінде диссертациялық жұмыстың екінші бөлімінің атауындағы “появление” сөзі (“Появление казахской историко-биографической драматургии”) сәтсіз алынған, ауыстыру керек дейді. Сонымен қатар “Рождение казахской советской литературы” тарауының аталуы да сәтсіз екенін айтады. Пікір білдірушінің осы екі ескертпесі де оның орыс тілінің табиғатын терең білетінін көрсетіп тұр. М. Әуезовтің үшінші ескертпесінде “На стр.14 касательно пьесы М. Ауэзова “Хан Кене” сказано мягко, надо оценивать этот факт как результат буржуазно-националистических ошибок автора” деп жазылған. М. Әуезовтің өз пьесасына қатысты мұндай пікір білдіруі “Хан Кененің” 1934 жылы қазақ драма театрының сахнасында бір рет қойылғаннан кейін алынып тасталынуы және осыған байланысты ұлтшыл деп айыпталып, қатал идеологиялық сынға ұшырағандығынан. Пікірдің соңында “20 мая 1952 г.” деген дата қойылған. Бұл кез ол үшін ең бір қауіпті кезең болатын. Осыдан көп ұзамай, 1953 жылы М. Әуезовке ұлтшыл деген айып тағылып, Мемлекеттік қауіпсіздік комитеті Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінен тұтқындауға рұқсат сұраған кезде, шұғыл түрде Мәскеуге ұшып кетуге тура келген. Ескертулердің ішінде “Абай” пьесасын талдаған кез-

де Долгополов образына аз көңіл бөлінген, Ақан сері кенестік тарихи-биографиялық пьесаға басты кейіпкер болуға келмейді, тарихи-прогрессивті тұлға емес дегені де сол кездегі ушығып кеткен солақай идеологиялық қысымның әсерінен болатын.

Материалды томға “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорындағы мәтін бойынша тақырып қою тәртібін сақтай отырып бердік.

Р. Әбдіғұлов

“ОтзЫв
о диссертационной работе тов. Конратбаева
Ауельбека на тему “Казахский лиро-эпос”

М. Әуезовтің диссертациялық жұмысқа берген бұл пікірі “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (207-бума, 27–31-бб.). Сарғыш жазу қағазына машинкамен басылған. Автордың қолымен түзетілген жері жоқ. Пікірдің соңында “Профессор Ауэзов. 12 декабря 1945 года. г. Алма-Ата” деп жазылған.

М. Әуезов ең алдымен сюжетті лиро-эпикалық жырлардың қазақ фольклорының мол саласы екенін айта келіп, бұлардың тарихи-әдеби тұрғыдан зерттелуінің кенжелеп келе жатқанына тоқталады. Мұның нақты себептерін түсіндіре келе, өзі рецензиялап отырған диссертациялық жұмыстың аталған олқылықты толтырудағы үлкен қадам екенін нақты мысалдармен дәлелдейді. Қоңыратбаевтың бұл саладағы жұмыстары бұрын, “Қазақ әдебиеті тарихының” бірінші томын құрастырушылардың және авторларының бірі ретінде фольклор бөліміне материалдар дайындау кезінде басталғанын айтады. Диссертациялық жұмыстың жақсы жақтарына автордың қазақ фольклоры үлгілерін шығыстық және ортағасырлық европа фольклор үлгілерімен салыстыра қарастыруын, сюжетті эпикалық шығармаларды тұрмыстық, салттық, халықтық лирикалық өлеңдермен байланыста зерттеуін, зерттеу объектісін маркстік-лениндік әдебиеттану тұрғысынан талдауын жатқызады, автордың жан-жақты білімділігіне назар аударады. Сонымен қатар ой қайталауды, салыстыруға тым көп көлем бөлгендігін диссертацияның кемшіліктері ретінде атап көрсетеді.

М. Ахем

**“Отзыв (предварительный) о диссертационной
работе старшего научного сотрудника Казахского
филиала ИМЭЛ тов. Джангалина М.О.
на тему “К истории организации перевода
и изданий произведений классиков марксизма-
ленинизма в Казахской ССР”**

Бұл М. Әуезовтің 1954 жылы 16 қарашада ИМЭЛ (МЭЛИ) Қазақ филиалының аға ғылыми қызметкері М.О. Жанғалиннің “К истории организации перевода и изданий произведений классиков марксизма-ленинизма в Казахской ССР” атты диссертациялық жұмысына алдын ала жазған пікірі.

Мұнда М. Әуезов жұмыспен толық танысып шыққанын, оның өзекті мәселеге құрылғандығын айтқан. Сонымен қатар жұмыста В. Ленин, И. Сталин, К. Маркс, Ф. Энгельстің шығармалар жинағының қазақ тіліне аударылуы, олардың жарық көруі, жалпы аударманың жасалу жолдары, Қазақстандағы партиялық ұйымдардың қоғамдық қызметінің тарихы қарастырылған.

Сондай-ақ М. Әуезов жұмыста аударма жасауда маркстік-лениндік классикалық шығармаларда жиі кездесетін образды, қоғамдық-саяси термин сөздердің қазақшалануына ерекше мән берілгендігін көрсетіп, оны қорғауға жіберуге болатындығын айтқан. Сонымен қоса диссертацияға қатысты ескертпелері мен ұсыныс-тілектерін кейінірек айтатынын білдірген.

Пікірдің машинкада басылған бір данасы жазушы мұрағатындағы 208-бумада (25–26-бб.) сақтаулы. Бұрын жарияланбаған. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының бұл томына алғаш ұсынылып отыр.

1. 155-б. **Жанғалин Мұхтар** (1910–1975) — аудармашы. Қызылорда облысы Қармақшы ауданында туған. Қазақ педагогикалық институтының тарих факультетін бітірген.

Ұлы Отан соғысына қатысқан. Соғыстан кейінгі жылдары Қазақтың мемлекеттік біріккен баспасының директоры, Қазақ достық қоғамының төрағасы, Қазақ КСР Ғылым академиясы Тіл білімі институтының бөлім меңгерушісі, Қазақ КСР Министрлер Кеңесі мұрағат басқармасының бастығы қызметтерін атқарған. 1955 жылы тарих ғылымы бойынша кандидаттық диссертация қорғаған.

Әдеби қызметін 30-жылдары қоғамдық-саяси әдебиет аудармашысы ретінде бастады. Соғысқа дейінгі жылдары А. Островскийдің “Мысыққа бәрі майшабақ емес”, Ф. Шиллердің “Зұлымдық пен махаббат”, М. Горькийдің “Егор Булычов және басқалар” пьесаларын, К. Станиславскийдің “Менің өнердегі өмірім” мемуарын, Л. Леоновтың “Шапқын” пьесасын, В. Васильевскаяның “Шұғыла” повесін, Н. Никитиннің “Солтүстік аврора” романын, үнді жазушысы П. Чанданың “Тхакур құдығы” атты әңгімелер жинағын, М. Горькийдің “Коновалов” әңгімесін аударған.

Сонымен қатар Марк Твеннің “Том Сойердің басынан кешкендері” (Алматы, 1949), Л. Толстойдың “Соғыс және бейбітшілік” (Алматы, 1963), Ф. Достоевскийдің “Қылмыс пен жаза” (Алматы, 1972) романдары мен т.б. шығармаларды тәржімелеген.

А. Болсынбаева

“Отзыв о диссертационной работе И. Султанова на тему “Из истории социалистического реализма в узбекской литературе”

Бұл М. Әуезовтің 1956 жылы қыркүйекте И. Сұлтановтың филология ғылымдарының докторы дәрежесін алу үшін жазған диссертациялық жұмысы туралы пікірі. Мұнда ол атқарылған жұмысты жоғары бағалай отырып, өзбек әдебиеттану ғылымында бұған дейін көркем прозаның қалыптасуы мен дамуын қарастырған үлкен зерттеу жұмысы болмағанын айтқан. Диссертант И. Сұлтанов жұмысында тарихи-әдеби деректерді қамти отырып, өзбек халқының тарихи дамуындағы әдеби үдерістердің орнын айқындауға тырысқан. Сонымен қатар революцияға дейінгі және одан кейінгі он жылдағы жаңа қалыптасып келе жатқан жас прозаның кемшіліктерін, яғни көркемдік бояудың қанық еместігін, жүйелеудің және типтік характерлердің ашылмауын сөз еткен.

Жұмыста Айни, Айбек, А. Каххар мен Ш. Рашидовтың романдары қарастырылып, талданған. Диссертант әдебиеттің даму жолын кезең-кезең бойынша айқындап, социалистік реализм әдебиетінің қалыптасу кезеңін көрсетеді, өзіндік қорытынды жасайды.

М. Әуезов бұл арада бір мәселені ескеру керектігін айтқан. Ол – Айбектің тарихи романы “Навоидың” өзбек көркем прозасындағы шоқтығы биік туынды болып қалатыны, ал А. Каххар, Ш. Рашидовтың қазіргі заман тақырыбына жазған шығармалары көркемдік тұрғысынан одан төмендеу екендігі. Осы ретте автордың өзбек романдары тақырыптық жағынан қазіргі заманға жақын келеді деген тұжырымдары әлі де талас тудыарлық дейді. Осы мәселелерді айта келе, М. Әуезов диссертация авторы филология ғылымдарының докторы дәрежесіне лайық екенін көрсетеді.

Пікірдің машинкада басылған бір данасы жазушының мұрағатында (208-бума, 71–73-бб.) сақтаулы. Бұрын еш жерде жарияланбаған. Елу томдық шығармалар жинағының бұл томына машинкада басылған нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“ОтзЫв

о диссертационной работе тов. Саманчина Тазабека на тему “Молдо Клыч – первый акын письменник”, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук”

Молда Қылыш мұрасы жөнінде Мұхтар Әуезовтің көзқарасы екі түрлі болды. Алғашында М. Қылыш шығармашылығы туралы пікірі сыни тұрғыда болса, кейіннен ол өзінің лайықты орнын алуы керек деген оймен қайта қарап, қайта танысып шықты. Осыдан кейін ой-пікір білдіруіне мүмкіндік туды деп ойлады, осы ретте оның мұрасы жөнінде обьективті, дұрыс шешімдер жасалуы тиіс дегенді ұстанды.

О бастан Тазабек Саманчин XIX ғасыр мен XX ғасырдың басындағы Токтағұл, Тоғолақ Молда, Молда Қылыш, Арыстанбек акындарды зерттеумен айналысты. Осылардың қатарынан қырғыздың жазба әдебиетінің басы саналатын Молда Қылыштың еңбектерін диссертациялық жұмысына арқау етті. Бұған дейін ол “Қырғыз әдебиеті тарихының очеркі”, “Қырғыз фольклорындағы деректердің жіктелуі” деп аталатын еңбектердің авторларының бірі болды. “Әдебиет және искусство”, “Қызыл Қырғызстан”, “Советский Киргизстан” беттерінде Жантөшев, Сыдыкбеков, Шукурбеков сияқты прозаиктердің де еңбектері туралы ойларын үзбей жариялап отырды. Молда Қылыш мұралары Қашкенов, Сұлтанов, Мифтаков сияқты зерттеушілердің де назарын аударған. Т. Саманчин өзінің зерттеуін “XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басындағы қырғыз жазба әдебиеті”, “Молда Қылыштың шығармашылық жолы”, “Молда Қылыш шығармашылығының бастапқы кезені”, “Мысал өлеңдері”, “Зар заман” мен “Зіл зала” деген тақырыптарға бөліп қарастырды.

Ырчылардың айтатындары – мактоо, кордоо, кочок, секетбай, күйгон, жазба өкілдерінің айтқандары – кағал, казал, санат деп бөлінеді. Т. Саманчин жырлардың осылайша жанрлық

жіктелуіне баса көңіл бөлген. Осының ішіндегі қазал – парсының газеліне, кагал – қазақтардың қисса дегеніне келеді. Санатқа жататын өлеңдер негізінен өсиет үлгісінде айтылады. Молда Қылыштың жазба өкілдерінің ақындары Рабгузи, Софы Аллаяр, Бедил, Қожа Хафиз, Ахмед Иассауи шығармаларына қатты еліктегеніне жан-жақты тоқталады.

Замандастары М. Қылыш қаламынан туған дүниелерді жоғары бағалады. Тоғолақ Молда, Иса Шайбектер оған данышпан деп қарады. Соғыс жылдары Тазабек Қылыштың өмірі мен шығармашылығына қатысты деректер жинау үшін ақынның туған жері Шолпанда болады, сонда көптеген адамдардың оның жыр-дастандарын жатқа айтатынын көреді.

Т. Саманчин Молда Қылыштың бұдан басқа да ақындық қырларына жан-жақты тоқталады. Осыларға қатысты айтқан пікірлері, ойлары үшін елуінші жылдар басында М. Әуезов үлкен сынға ұшырады.

Т. Әкім

“В Комиссию по проверке выполнения решения ЦК КП(б) Казахстана “О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук КазССР”

Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің “Қазақ ССР Ғылым Академиясы Тіл және әдебиет институтының жұмысындағы өрескел саяси қателер туралы” қаулысы 1947 жылғы қазақ әдебиеті тарихы оқулығының алғашқы томының жарыққа шығуына байланысты қабылданған. Тек осы институт қана емес, соғыстан кейін көркем әдебиет пен өнердегі, ғылым мен шығармашылық ұйымдардағы партиялық көзқарас пен қоғамдық-саяси өмірдегі маркстік-лениндік танымды игеру мен коммунистік идеялылықты жетілдіру мәселесінің жаңа кезеңі басталды. Партия орындары түрлі тексерістер жүргізіп, идеологиялық мекемелердің жұмысын сынға ала отырып, кемшіліктерді жою жөнінде қаулылар қабылдады.

Орталық Комитеттің қаулысына ілінген Тіл және әдебиет институтының жұмысындағы кемшілік деп табылған мәселелер қазіргі көзқарас тұрғысынан қарағанда жетістік деп бағалауға лайықты нәрселер еді. Онда осы томды құрастырушылар қазақ халқының өткен, революцияға дейінгі дәуірін боямалап көрсеткен, таптық-әлеуметтік мәселелерге сын тұрғысынан қарау орнына әдебиет тарихын зерттеудің маркстік-лениндік әдістері принципінен ауытқып, өрескел идеялық-саяси қателерге жол берген деген қорытындылар шығарылды. Әдебиет тарихының фольклорға арналған осы алғашқы томын құрастырушылар Қ. Жұмалиев, Е. Ысмайылов, Б. Кенжебаев, Б. Шалабаев, Ә. Маметова, Ә. Қоңыратбаев, Т. Нұртазин сияқты белгілі ғалымдар еді. Томның редакциясын басқару кезінде оған үнемі бағыт-бағдар беріп, зерттеу еңбектердің талапқа сай жазылуына әрбір талқылау кезінде құнды пікірлер айтып, үлес қосқан М. Әуезов есімі де қаулыда аталып өтілді.

Кейін осы қаулыда көрсетілген кемшіліктер түзетіліп, кейбір тараулар қайта жазылып, кейбір жерлер қысқартылды. Бұл жайында институттың кеңейтілген мәжілісінде талқыланып, Орталық Комитеттің жұмысты тексерген арнайы Комиссиясына жауап хат дайындалды. Онда осы қаулыға сәйкес институт көлемінде соңғы бірнеше айда істелген жұмыстар, кемшіліктерді түзету шаралары атап көрсетілген. Қаулыда сыналған Ә. Мәметова дайындаған шешендік өнер жайындағы, М. Әуезов дайындаған айтыс пен лиро-эпос жайындағы бөлімдердің, Б. Кенжебаев жазған кіріспе бөлімнің қайта қаралып, дайындалғаны осы хатта баяндалады. Арнайы комиссия тек әдебиет тарихының алғашқы томын ғана тексеріп қоймай, Тіл және әдебиет институтының шығаруға дайындап отырған басқа да еңбектерін қарап, “Шешендік сөздер”, “Айтыс” (3-том), “Ә. Диваевтің өмірі мен қызметі” деген еңбектерді жоспардан сызып, оның орнына ауыз әдебиетінің кеңестік дәуіріне көбірек назар аудару туралы ескертпелерін қаулыға енгізді.

Тіл және әдебиет институтының Орталық Комитеттің қаулысын қалай орындап жатқандығы жөнінде тексеру Комиссиясына жазған хаты Қазақ КСР ҒА-ның архивінен алынды (80-қор, 25-іс, 1-тізбе, 2-бума, 75-парақ). Арнайы хат орыс тілінде жазылған. Ондағы жазылған ойлар кеңестік дәуірдегі әдебиет зерттеу ғылымының қандай жағдайда қызмет істегенінен мол хабар береді. Құжатта М. Әуезовтің әдебиет тарихын зерттеудегі еңбегінің белгілі кезеңі көрініс тапқан.

К. Рахымжанов

Х. Жұмалиевтің 8-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” оқу кітабы туралы реценция

Қазақтың ауыз әдебиеті мен XVIII, XIX ғасырлардағы жазба әдебиетін қамтыған орта мектептің 8-класына арналған “Қазақ әдебиеті” оқу құралы Қазақ КСР Оқу халық комиссиясы бекіткен қаулы (ҚБМБ, 1942) бойынша жарық көрді. М. Әуезовтің осы кітапқа жазған пікірі жазушы мұрағатында (208-бума, 66–67-бб.) сақталған.

М. Әуезов автор оқулығын талдау барысында екі бөлімнің екі түрлі сапада жазылғанын айта келіп, бірінші бөлімнің жазылуында көп кемшілік барын, мәселен, Сүйімбай өмірбаянын айтатын тұста (276-б.) “Сүйімбай Жамбыл ауданында туған” деген сияқты сөйлемдердің өрескел екеніне тоқталған. Осы бөлім жөнінде тағы басқа жиырма бес ескерту жасаған.

Оқулық жоғарыдағы ескертулер мен басқа да пікірлердің нәтижесінде түзетіліп, 1943 жылы екінші рет, 1970 жылы үшінші рет қайта жарық көрді. 1-бетінде тақырыптың алдына бөгде біреу қызыл қарындашпен “Учебник по литер. 8 кл. Х. Джумалиев” деп жазған. Қағаздың екі жағына машинкамен басылған жазушы пікірінің бір данасын қара сиямен өңдеп, түзеген. Жазу бөгде адамның қолымен жазылған. Кейбір жолдардың астын сызып, түптелер жақ шетіне белгі қойып, соңына “Көшірмесі дұрыс. Бегалиев” деп қара сиямен қол қойған. Машинкамен терілгені 4 бет, материал бұрын ешқайда жарияланбаған, пікірдің қолжазбасы сақталмаған.

С. Майлыбай

“Қынаптан қылыш”

Соғыс тақырыбына арнап Мұхтар Әуезов “Намыс гвардиясы”, “Бес дос”, “Төлеген Токтаров”, “Қынаптан қылыш” деп аталатын драмалық шығармалар жазған. Осының ішінде “Намыс гвардиясы” Әлжаппар Әбішевпен, “Қынаптан қылыш” Ғабит Мүсіреповпен ынтымақтастықта дүниеге келді. Соңғысының орыс тіліне аударылған бір данасы жазушының өз мұрағатындағы қолжазбалар қорында (114-бума) сақтаулы тұр. Ал осының араб әрпімен жазылған қазақша нұсқасы Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатынан (1864-қор, 1-тізімдеме, 95-іс, 75-парақ) табылды. Бұл туынды кезінде Қарағанды және Жамбыл облыстық театрларында сахналаныпты. Мұрағаттағы қолжазбаның (автограф) алғашқы бетіне: “М. Әуезов, Ғ. Мүсіреп, “Қынаптан қылыш”. 6 суретті, 4 перделі пьеса. Алматы, 1945”, төменгі жағына қиғаштап “Союз писателей, т. Мустафину” деп жазылыпты. Осыған қарағанда, пьесаны талқылауға ұсынғандығы көрінеді. Бұл нұсқаны жазылып біткен түрі деуге келмейді, өйткені осындағы 3, 9, 12, 24, 29, 61, 66-парақтардағы бірсыпыра жолдар, абзацтар, тұтас беттер сызылған, ал 10, 24, 26, 27, 36, 37, 42, 58-парақтарға жаңадан қосымшалар қосылатындығы көрсетілген. Тұтастай алғанда, қазақшасы мен орысша мәтінінің арасында айтарлықтай айырмашылықтардың барлығы байқалады. “1-колхозник, 2-колхозник, 3-колхозник, 1-девушка, 2-девушка, 3-девушка, Валя Русакова, телефонистка, старший сержант, советские бойцы, немецкие солдаты, одноглазый майор” деген сияқтылар қазақ тіліндегі нұсқасында кездеспейді. Қазақ мәтініне қаншалықты толықтырулар, қосымшалар қосылатындығы көрсетілгенмен, солардың бәрі сол жүзеге аспаған күйінде, қозғаусыз қалғандығы көрінеді.

Т. Әкім

“Разящий клинок”

Бұл М. Әуезов пен Ф. Мүсіреповтің 1945 жылы бірігіп жазған пьесасы. 6 суретті пьесаның орысша әдеби аудармасын жасаған А.Г. Ридаль. Пьесаның “Қынаптан қылыш” деген қазақ тілінде жазылған нұсқасы бар. Шығарманың негізгі мазмұны Ұлы Отан соғысы тақырыбына арналған. Онда негізінен адамдардың моральдық беріктігі, ерліктері сипатталады. Сондай-ақ кейіпкерлер бойындағы Отанға деген сүйіспеншілік, совет халқының қаһармандық, күрескерлік рухының бой көрсетуі пьесада кеңінен баяндалады. Олардың Отан үшін өзін құрбан етуге әзір екендігін, жеңіске деген сенімін ешқандай жаудың мұқата алмағандығын пьеса авторлары ерекше көрсетуге тырысқан.

Осы Ұлы Отан соғысы тақырыбына М. Әуезов “Сын сағатта”, Ә. Әбішевпен бірге “Намыс гвардиясы” деген пьесалар жазды. Сонымен қатар 1945 жылы М. Әуезов Ф. Мүсіреповпен бірге Бауыржан Момышұлы туралы “Волоколамское шоссе” деген киносценарий жазбақ болып келісімшарт жасаған, бірақ бұл жүзеге аспай қалды. Бұл келісімшарт жазушы мұрағатында сақтаулы:

“Разящий клинок”, яғни “Қынаптан қылыш” пьесасы 1945 жылы Қазақ республикасының 25 жылдығына орай жазылған. “8 октября. Приказ № 200. По объединенному театру драмы от 8/X 1945 года. С октября приступить к репетиции пьесы М. Ауэзова и Г. Мусрепова “Қынаптан қылыш”. Утверждается следующее распределение работы по данной пьесе (дан список состава и исполнителей ролей).

Срок выпуска спектакля – в юбилейную декаду, посвященную 25-летию Казахской ССР” (М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. Алматы: Ғылым, 1997. 294-б.). Осы дерекке қарағанда, пьесаның қазан айында дайындығы басталып, 21 қараша күні премьерасы өткен. Пьесаның режиссері – А.Г. Ридаль, суретшісі – Ә. Чарномский. Осы алғашқы қойылымда пьеса орысша “Обнаженный меч” деп аталды.

Ал 1946 жылы пьеса республиканың біраз басты-басты театрларының репертуарына енді. 1946 жылы 7 акпанда пьеса Қарағанды музыкалық драма театрында “Қынаптан қылыш” – “Соломенный меч” деген атпен қойылды. Осы жылы Гурьев облыстық қазақ драма театры, Жамбыл облыстық қазақ драма театры сахналарына шықты. Бұл пьеса қазақ драматургиясының тарихында елеулі құбылыс бола алмағанымен, 1946 жылы республика театрларында зор табыспен өткені белгілі.

Пьесаның орысша және қазақша нұсқаларына текстологиялық салыстыру жүргізілгенде, біраз өзгешеліктердің орын алғандығы анықталды. Мәселен, орысша нұсқадағы қолжазбаның бірінші бетінде пьеса 5 суретті деп көрсетілген (негізінен 6 суретті), ал қазақшасында 6 суретті, 4 перделі деп, перделерге бөлінген. Сонымен қатар орысша нұсқасында 30-ға жуық кейіпкер болса, қазақшада қатысушылар саны – 17. Бұның өзі біраз айырмашылықтың бар екенін көрсетеді.

“1-колхозник.

2-колхозник.

3-колхозник.

1-девушка.

2-девушка.

3-девушка.

Телефонистка.

Старший сержант.

Фрау фон-Крюгер – жена, жена генерала.

“Психея”.

“Венера”.

“Грация”.

“Прекрасная Елена”.

Зрители на ипподроме, советские бойцы, немецкие солдаты.

Одноглазый майор.

Капитан.

Унтер офицеры немецкой армии”.

Бұлар қазақша нұсқасында жоқ кейіпкерлер. Сондай-ақ қазақша нұсқасындағы Сәлім, Өтеген, Тұяқ деген кейіпкерлер керісінше орысша нұсқасында кездеспейді. Ал Сәлім атты кейіпкердің айтқан сөздері, ойлары орысша нұсқасында Саша Беловтың сөздері арқылы беріліп отырады.

С а ш а (обернувшись на крик). С ума сошел! Отставить!
С э л і м. Ой, мынау қай есу-ас!? Отставить!

У т е ш е в. Бог ты мой! Это же Саша! Вот те на! И наш комбат! Бог ты мой! Чуть-чуть не опозорился... Бог ты мой! Давайте, ребята, обратный ход. *(Хочет уйти.)*

Ө т е ш е в. О, кара бастырған құдай, Сәлім ғой мынау, бәлі, анау өзіміздің комбат... Шұнақ құдай-ау, тал түсте мерт бола жаздаппын ғой... Апырай, құдайдың сақтауы-ай! *(Қасындағыларға.)* Зыт, кейін жоғал! *(Өзі де қолбаңдап жоғала береді.)*

С а ш а. Утешев, подожди! *(Утешев подходит весьма неохотно.)*

С ә л і м. Ай, ай! Өтешев, бері кел!

Осы сияқты өзгешеліктер пьесаның өн бойынан көптеп кездеседі. Сонымен қатар пьесаның бірінші суретінде соғыстың алдындағы Алматы ипподромындағы ат жарысы, мерекелік думан көрінісі суреттеледі. Мұнда адамдардың қуанышын, көптігін танытатын, қосымша рең беретін орысша нұсқасындағы *үш колхозшы*, *үш қыздың* айтқан сөздері қазақшасында *жастар*, *дауыстар* деп көпшіліктің сөзімен берілген.

Орысшасындағы бірінші суреттегі оқиға қазақшасымен бірдей, кей жерлері жолма-жол аударылған. Екінші суреттің бас жағындағы (қолжазбада 7-б.):

“С а ш а. Тогшаров!

Е р к а р а. А?

С а ш а. Погоди-ка... давай, подпустим их на дистанцию гранаты... Успокойся же, Ереке. Закурить есть? *(Еркара бросает ему папиросу.)* Готовых не курю... *(Вертит козью ножку.)* В Алма-Ате еще весна, а, Ереке?

Е р к а р а. Ты, о какой весне говоришь, туды-сюды?

С а ш а. Об Алма-Атинской... Ваш дом на какой улице?

Е р к а р а. Чего?

С а ш а. Живешь, говорю, на какой улице?

Е р к а р а. Угол Гоголя и Горького, туды-сюды...

С а ш а. А разве есть такой угол?

Е р к а р а. То... бишь... угол Гоголя и Абая. Туды-сюды...

С а ш а. Недалеко от базара. Тетке, значит, удобно.

Е р к а р а. Правильно... Она только этим и довольна.

С а ш а. Зато от школы далековато!

Е р к а р а. Что поделаешь — далековато. Теперь она, должно быть, как раз детей в школу повела...

С а ш а. Вот, и на войне так: ты – отец, бойцы – твои дети, надо, значит уметь водить. Ну-ка, давай, разберемся, где сейчас танки?

Е р к а р а. Примерно в полукилометре, за оврагом...

С а ш а. Тогда – тебе с твоей ротой надо скорей занимать овраг, чтобы принять бой в упор!” – деген Ерқара мен Сашаның арасындағы диалог қазақша нұсқасында жоқ. Осы сияқты қысқартылған, алынып қалған тұстар жиі кездеседі. Орысша нұсқаның үшінші суретінде баяндалатын оқиға қазақша нұсқасында қысқа ғана берілген және аяқталмай қалған. Төртінші суреттегі неміс офицері фон-Крюгердің штабы орналасқан пионерлер үйіндегі Жаңа жылды қарсы алуға дайындалатын сценаның басы қазақшасында жоқ (қолжазбада 28–31-бб.), сол сияқты бесінші, алтыншы суреттердегі көріністердің біраз жерлері қазақшада қысқартылып берілген. Салыстыру барысында қазақша нұсқасы пьесаның толыққанды мазмұнын бере алмайтыны анықталды (мәтін толық емес), ал орысша нұсқасы толық, сөйлемдері жүйелі, тиянақты аяқталған шығарма. Бұл салыстыруға негіз болған пьесаның қазақша нұсқасын Мемлекеттік орталық мұрағаттан тауып, араб әрпінен қазіргі әріпке түсірген – филология ғылымдарының кандидаты Т. Әкім.

Пьеса бұрын еш жерде жарияланбаған, жазушының жиырма томдық шығармалар жинағына енбеген. Тақырыптың алдында “Мухтар Ауэзов и Габит Мусрепов” деп берілген. Онда қара қарындашпен, қара сиямен жасалған түзетулер және беттердің сыртында қызыл, көк қарындашпен қойылған музыкалық белгілер бар. Мәтіннің машинкада басылған бір данасы жазушының мұрағатында (131-бума, 1–55-бб.) сақтаулы. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына машинкада басылған нұсқасы ұсынылып отыр.

1. 231-б. **Ридаль Арсений Григорьевич** (нақты аты-жөні Ридаль-Левин. 29.12.1893 – 1975. Грозный) – режиссер, актер, оқытушы. Шешен-ингуш АССР-нің еңбек сіңірген өнер қайраткері. 1913 жылы Брюссель консерваториясының композиция және дирижер класын бітірген. Шығармашылық еңбегін 1913 жылы “Кривое зеркало” театрынан бастаған. Воронеж, Баку, Ереван, Тбилиси, Краснодар, Ташкент, Москва қалаларындағы орыс театрларында бас режиссер және көркемдік жетекші болып қызмет істеген. 1952–1962 жылдар аралығында Грозный театрында режиссер болған.

Ол А.Н. Островскийдің “Без вины виноватые” (1933 ж., Краснодар, М. Горький атындағы драма театры); В. Гюгоның “Собор Парижской богоматери” (1933 ж., Әзірбайжан

мемлекеттік драма театры); В.В. Вишневскийдің “Оптимистическая трагедия”, А.П. Чеховтың “Иванов” (1945 ж., Еревандағы К.С. Станиславский атындағы орыс драма театры); К.М. Симоновтың “Русский вопрос” (1947 ж., Ташкенттегі М. Горький атындағы орыс драма театры) атты пьесаларын сахналаған.

Ал 1946 жылы Алматыдағы Республикалық орыс драма театрында М. Горькийдің “Варвары” деген шығармасын көрермен назарына ұсынған болатын.

А. Болсынбаева

“Әнлик – Кебек”

“Еңлік – Кебек” пьесасының орыс тіліндегі нұсқасы. Машинкамен басылған пьеса мәтінінің ксерокөшірмесін халықаралық Әуезов қоры Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алдырды. Машинкамен басылған әріптер көбіне жайылып түсіп, кейбір әріптердің сызықтары тұтасып кеткен. Оқылуы қиын. Титулды бетінде “Еңлік – Кебек”, трагедия в 4-х актах, 5-ти картинах (подстрочный перевод)” деп жазылған. Пьеса мәтінінің үстінен М. Әуезовтің өз қолымен жасаған түзетулері бар. Соңында “1956 год” деп дата қойылған. Бұларға қарағанда, сөзбе-сөз аударманы (подстрочникті) М. Әуезовтің өзі жасаған. Машинкада басылған мәтін үстінен автордың қолымен жасалған түзетулері, әдісі, жазуы (почеркі) “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорындағы жазушы шығармаларының үстінен өз қолымен жасалған басқа да түзетулерімен бірдей келеді. М. Әуезовтің көптеген шығармаларын аудару барысында өзі сөзбе-сөз аударма (подстрочник) жасап, тәржімешілермен тығыз шығармашылық байланыста болғаны белгілі. Сол сөзбе-сөз аударманың сақталған бөліктерін орыс тілінде шыққан дәл сол бөліктермен салыстырған кезде, автордың өзі жасаған аударманың мол пайдаланылғанын, көбіне дәл сол күйінде алынғанын көреміз. Әуезов мұражайы қолжазба қорында жазушының өз қолымен жазылған “Абай” трагедиясының мәтіні бар. Мұнда да “подстрочный перевод” деп жазылған. Бұл қолжазбаны “Абай” трагедиясының жарияланған қазақша нұсқаларымен, орысша нұсқасымен салыстырған кезде, көлемі, негізгі мазмұны “Абай” трагедиясының кейін театрларда қойылып жүрген нұсқасынан көлемі үлкен, “Абай жолы” эпопеясындағы мазмұнға жақын, эпикалық сипаты басым алғашқы жариялануына ұқсас екені анықталды. “Абай” трагедиясының екінші авторы Леонид Соболевтің қатысуымен кейін пьеса мәтіні ықшамдалып, қысқартылып, сахналық сипаты арттырылып, театрландырылған болатын. Орыс тілінде М. Әуезовтің де,

Л. Соболевтің де шығармалар жинақтарында беріліп жүрген “Абай” трагедиясының мәтіні түгелдей, сөзбе-сөз аталған аудармада бар. Тек үштен біріндей көлемі қысқартылған, бірнеше косалқы кейіпкерлер алынып тасталған.

Ал біз сөз етіп отырған “Еңлік – Кебектің” орысша сөзбе-сөз аудармасын “Еңлік – Кебектің” И. Сельвинский орысшалаған нұсқасымен салыстырған кезде, дәлме-дәл, сөзбе-сөз келетін бірде-бір диалог, кейіпкер сөзі жоқ болып шықты. Сельвинский аудармасындағы “Еңлік – Кебек” трагедиясы бірнеше рет жарияланған (Театр. 1958. №9. С. 3–23; Пьесы драматургов Казахстана. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. С. 63–10; М.О. Ауэзов. Избранное. Алма-Ата: Жазушы, 1967. С. 392–437; Утреннее эхо: Пьесы казахских драматургов. Алма-Ата, 1987. С. 15–50; М.О. Ауэзов. Собрание сочинения в 5 томах. М., 1973. Т.4. С. 165–204). “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында Сельвинский аудармасының машинкамен басылған нұсқасы бар (62-бума, 1–47-бб.). Бұл нұсқа мәтіні жарияланған мәтінмен бірдей.

“Еңлік – Кебектің” сөзбе-сөз аудармасында қойылған дата (1956 жыл) И. Сельвинскийдің аударуында шыққан “Еңлік – Кебектің” жариялану мерзімімен сәйкес келіп тұр. Республикалық орыс драма театрының 1956–1957 жылғы қысқы маусымындағы репертуарында “Еңлік – Кебек” қойылымы бар (режиссерлері – Гольдблат, Қуанышбаев). Бұл деректерге қарағанда, М. Әуезовтің өзі жасаған аудармасы мен И. Сельвинский аудармасы уақыт жағынан қатар деп айтуға болады. Бірақ текстологиялық салыстыру кезінде бұл екі нұсқаның мәтіндері мүлдем өзгеше екені көрінеді. Сельвинскийдің стилі де басқа. Әуезов аудармасының стилі өзінің орыс тіліндегі басқа материалдарының стиліне келеді.

М. Әуезовтің қайта-қайта оралып өндеген шығармаларының қатарына “Еңлік – Кебек” те жатады. Осы өзгерту, өңдеулер, трагедияның нұсқалары жайлы М. Әуезовпен бірге бірталай жыл қазақ театрының құрылу, қалыптасу жолында көп еңбек сіңірген Орынбек Бековтен бастап Қ. Қуандықов, Р. Нұрғалиев, Ә. Тәжібаев, А. Токпанов, т.б. мұқият талдаулар жасады. Қазір негізінде пьесаның 1922 жылғы және 1943 жылғы нұсқалары қаралады. 1922 жылғы нұсқаның көлемі үлкен, 17 кейіпкері бар, афишасында кейіпкерлерге арнайы мінездеме берілген. “Үш перделі, бес суретті қайғылы хал, ескі қазақ тұрмысынан тарихи әңгіме” делінген. 1943 жылғы нұсқаның көлемі анағұрлым кіші, төрт актылы, бес суретті, 14 кейіпкері бар.

Орыс тіліндегі нұсқаларды (Сельвинскийдің аудармасы мен Әуезовтің сөзбе-сөз аудармасы) қазақ тіліндегі нұсқалармен салыстырған кезде, екеуінің де 1943 жылғы нұсқаның негізінде жасалғаны анықталды. Оқиғалар түгелдей сол калпында, кейіпкер сөздері түгелдей дерлік алынған, көлемдері де қарайлас. “Еңлік – Кебектің” 1922 жылғы нұсқасында афишадағы әр кейіпкерге жан-жақты, нақты дерек берілсе, 1943 жылғы нұсқада бұл деректер қысқартылған. Сельвинскийдің аудармасында бес-алты кейіпкер түсіп қалғанмен, 1922 жылғы нұсқадағы кейіпкер мінездемелері біраз қысқарған түрде кездеседі. Ал пьеса авторы М. Әуезовтің өзі жасаған сөзбе-сөз аудармада аз ғана, 1943 жылғы нұсқаға сәйкес келеді.

1922 жылғы нұсқада:

“Абыз – әйел ардақтаған сәуегей қария. Құрметті шал. 80 жаста.

Кебек –Тобықтының атакты батырының бірі, ел аузынан аты түспейтін жаужүрек ел қорғаны, 28 жасында”.

1943 жылғы нұсқада:

“Нысан Абыз – кәрі ойшыл, ақылгөй, ақын, дана.

Кебек – жас батыр”.

Сельвинский аудармасында:

“Абыз – ақын, старый мудрец, наставник рода тобықты.

Кебек – молодой батыр из рода тобықты”.

М. Әуезов жасаған сөзбе-сөз аудармада:

“Нысан Абыз – старый мудрец, ақын-наставник.

Кебек – молодой батыр”.

1922 жылғы нұсқа Абыздың кемпірі Таңшолпанмен арадағы диалогтарымен басталады (Таңшолпан 1943 жылғы нұсқада жоқ). 1943 жылғы нұсқада пьеса мәтіні Абыздың өленді толғауынан басталады:

“Абыз мекені. Қоңыр, күнгірт үйде күнгірт сәуле. Ауыр мұңға батып Абыз отыр. Қолында қобызы. Жаңа ғана күй толғап тоқтаған.

А б ы з. “Көкейкесті”, “Көкейкесті” күй, не дейсің? Уа, не қыл дейсің? Тынбаған көңіл, талмаған көкей... *(Жымиып.)* Күшік!.. *(Қобызына жағын сүйеп, ырғала толғанып.)* Пак пәруәрдiгәр!.. Бе-еу! *(Ыңыранып, Асанқайғының күйіне үн қосып.)*

Құйрығы жоқ, жалы жоқ,

Құлан қайтіп күн көрер!

Аяғы жоқ, қолы жоқ,

Жылан қайтіп күн көрер!

Ащы зарлы Асан сен ең, алыстан сарын қосқан Нысан мен ем...

Тұнығым ылай болды,
Уа, тұнығым ылай болды,
Қуғыншым құмай болды.
Құтылар қайран жок,
Сор камар сыңай болды.
(Асанша толғап.)
Алданар жок, арман көп,
Кәрің қайтіп күн көрер!
Жарастық жок, жалын жок,
Жарым қайтіп күн көрер!

Барары жок, байлау жок,
Ерім қайтіп күн көрер!
Бәрінің де нәрің жок,
Елім қайтіп күн көрер?!”

Осы жер Сельвинскийдің аударуында:

“Жилище Абыза. В мрачную юрту едва пробиваются солнечные лучи. Абыз сидит в тяжелом раздумье. В руках его кобыз.

А б ы з. О песня-песня... “Тайные думы” — имя твое. О чем ты хочешь поведать, что мне делать велишь? Неутомимая жажда души, неутомимое стремление сердца... *(Усмехается горестно.)* Ах, бедняга! *(Прижавшись щекой к кобызу, поет, раскачиваясь, знаменитую песню Асана Кайгы.)*

Без гривы и без хвоста
Какая жизнь у осла?
Без рук и без ног — змея,
Скажи, как прожить могла?

Ты был певцом горькой судьбы народа, Асан, а я, Нысан, откликаюсь тебе издалека...

Передо мною мгла,
Кумай очертил мой круг.
От бед избавления нет, —
Одна лишь вражда вокруг.
Когда утешения нет, —
Как старцу в недуге жить?
Угасли костры любви, —
Как смогут супруги жить?
Победы в грядущем нет, —
Как воин тогда проживет?
Коль нет опоры ни в ком, —
Как проживет народ?

М. Әуезов жасаған сөзбе-сөз аудармада:

“Жилище Абыза. В серое мрачное жильё еле пробиваются

тускые лучи. Абыз сидит в тяжелом раздумье. В его руках кобыз. Он только что кончил играть кюй.

А б ы з. “Кокейкесты!” О чем поведаль ты, кюй “Кокейкесты?” Уа, что делать велишь?!. Неугомонное желание, неутомимое стремление (*улыбаясь*), шенок!.. (*Прижавшись щекой к кобызу, раскачиваясь поет.*) Паки парурардигер... Бе-еу! (*Тихо и протяжно поет песню Асана Кайгы.*)

Без хвоста, без гривы
Как смог жить кулан!?
Без ног, без рук
Как смог жить змей!?

Ты был Асаном — горькой печали, а я, Нысан, вторю тебе издалека...

Прозрачное мое помутнело... Уа-а!
Меня преследует кумай,
Нет пути избавления,
Кругом осажден бедой.

(*Поет как Асан.*)

Нет утешения, мечты бесконечны,
Как сможет жить старец?!
Нет согласия, нет пламени,
Как смогут жить супруги?!
Нет путей и отрады нет,
Как смогут жить мужи?!
Нет опоры в вас всех,
Как проживет мой народ?!

Осы үш мысалды салыстыру кезінде И. Сельвинскийдің М. Әуезовтің өзі жасаған мәтінді (сөзбе-сөз) пайдаланбағаны айқын көрінеді. Әуезовтің орысша аудармасы Абыздың кара сөзді диалогында қазақша нұсқаға өте жақын. Орыс ақыны Сельвинскийге “Көкейкесті” күйінің мұндағы орны, “Пәруәрдігер” сөзінің мазмұны аса айқын емес. Ол бұл ұғымдарды қолданбай-ақ аударған. Белгілі орыс ақынының келтірілген мысалдың өленді бөлігін аударуы Әуезов аудармасынан өлең құрылысы, көркемдігі жағынан жақсырақ. Бірақ оның “Құлан қайтіп күн көрер!” деген жолды “Какая жизнь у осла?” деп аударғаны тағы да Сельвинскийдің М. Әуезов дайындаған мәтінді пайдаланбағандығын, орыс тілінде белгісіз ұғымдарды (“құлан”) аударуда қате жібергендігін көрсетіп тұр. Орыс тілді оқырман тұрғысынан келгенде, Сельвинский аудармасы сапалы жұмыс.

Екі аудармада да қазақша нұсқадағы диалогтарды кейде көлемдірек, кейде қысқарак аударған жерлері кездеседі. Екеуінде де кейбір кейіпкерлердің сөздерін аудармай кет-

кен жерлері бар. Бірақ олар пьеса мазмұнына нұқсан келтіріп тұрған жок. Аудармалардың көркемдік деңгейін салыстырғанда, М. Әуезовтің репризаларды, кейіпкерлер сөзін аударуы қазақша нұсқаға жақын, дәл, қазақы диалогтың табиғи құрылымын өз деңгейінде берген. Пьеса мәтінінде кездесетін өлең сөзді бөліктерді аударуда Сельвинскийдің аударуындағы мысалдардың көркемдігі жоғары.

Сельвинский мен Әуезовтің орыс тіліндегі мәтіндерін салыстырғанда, жазушы шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына “Еңлік – Кебектің” орысша мәтіні “подстрочник” деп берілгенімен, автордың өзі жазып шыққан толыққанды көркем нұсқа екені анықталды. Пьеса мәтінінің стилі Әуезовтің басқа да “подстрочник” деп берген материалдарының, орыс тілінде жазған шығармаларының стиліне келеді.

Сельвинский Илья Львович (1899–1968) – орыс жазушысы. Симферополь қаласында туған ол жас кезінде актер, цирк палуаны, порт жүкшісі болады. 1929 жылы тері дайындау нұсқаушысы болып Қырғызстанға келеді. МГУ-ді бітірген, 1933 жылы “Челюскин” экспедициясына қатысты. Эксперименттік өлеңдердің, тарихи поэмалардың авторы. Жиырмамыншы жылдары әдебиеттегі конструктивизм ағымын ұстанушылардың жетекші өкілі болды. Өлеңмен жазылған романдардың, “Россия” трилогиясының авторы. Көркем әдебиеттің барлық дерлік жанрларында еңбек еткен.

Р. Әбдіғұлов

“Три желания” **(орысша үш нұсқасы)**

Бұл томға М. Әуезов пен К. Виноградскаяның (1905–1973) бірлесіп жазған “Три желания” киносценарийінің үш нұсқасы тұңғыш рет ұсынылып отыр. Киносценарийлердің аталған нұсқалары М.О. Әуезов қоры арқылы Москвадан әкелінді (РГАЛИ, № 2983. опись 1, ед. хр. 8).

М. Әуезовтің кино тақырыбындағы шығармалары (“Райхан”, “Песни Абая”, “Степной батыр”) елу томдық академиялық басылымға бұған дейін ұсынылған. “Райхан” фильмінің әдеби сценарийі 1939 жылы киносценарийлер байқауында жүлдеге ие болған және 1940 жылы осы киносценарий бойынша “Ленфильм” киностудиясында көркем фильм түсірілген (режиссері М. Левин). Ал “Песни Абая” фильмі алғашқы ұлттық көркем сценарий болатын.

“История кино СССР” кітабының сценарийлер мәселелері тарауында: “Тем более значительные заслуги первого поколения сценаристов-профессионалов – талантливых и преданных киноэнтузиастов этой профессии таких, как В. Туркин, Н. Зархи, В. Шкловский, Б. и О. Леонидовы, С. Ермолинский, Г. Гребнер, К. Виноградская и др. кинематографисты-литераторы, участвовавшие в создании многих лучших картин двадцатых годов” деп атап көрсетілген (История кино СССР. М.: Искусство, 1965. С. 303).

“Три желания” киносценарийлері 1941–1945 жылдар аралығында жазылған.

Ал М. Әуезов 1939 жылдардан бастап киносценарийлер жаза бастады. Оған Халық Комиссарлар Кеңесі мен К(б)П Орталық Комитетінің “Қазақстан әдебиеті мен өнерін ары қарай дамыту” атты қаулысы себеп болды. Осыған орай киносценаристер бригадасы ұйымдастырылып, оған мүшелікке Ондасынов, Әбішев, Өмірзақов, Шухов, Әуезов, Тоғыззақовтар енгізілді (Летопись жизни и творчества М.О. Ауэзова. С. 185).

М. Әуезов К. Виноградскаямен бірлесіп кино саласында жұмыс жасай бастағанда, ол орыстың белгілі әрі тәжірибелі киносценарисі болатын. “История кино СССР” кітабында ол туралы: “К концу двадцатых годов с выдающимся сценарием “Обломки империи” выступает Катерина Виноградская. Написанный в соавторстве с Ф. Эрмлером сценарий послужил основой выдающегося одноименного фильма, вошедшего в классику советского киноискусства. Кроме “Обломки империи” перу Виноградской принадлежит сценарий фильма “Бедствующий остров” (“Тайбола” по повести Вс. Иванова), поставленный А. Разумным.

Однако расцвет деятельности талантливой сценаристки приходится не на двадцатые, а на более поздние годы, когда ею создаются такие выдающиеся произведения сценарного мастерства, как “Партийный билет” и “Член правительства” (История кино СССР. С. 308) делінген.

М. Әуезов киноценарийлерді жазуда ерекше шығармашылық шеберлік танытқан. Ол белгілі сөз шеберлерінің кино өнеріндегі тәжірибесін зерделеп, кинодағы фабула мен сюжеттің байланысына назар аударды. 1941 жылдың қараша және желтоқсан айларында М. Әуезов сценаристер курстарына қатысып, Л. Траубертің лекцияларын тыңдаған. Сондай-ақ М. Әуезов “Лучшее кинопроизведение фольклорно. Фольклор – образец для киносценария” деп жазған. (Қолжазба қоры, 484-бума).

1944 жылы 5 наурызда М. Әуезовтің “Казахстанская правда” газетінде “Литература и кино” деген мақаласы жарық көрді (М.Әуезов. 50 томдық шығармалар жинағы. 21-т. 17–21-бб.). Онда қазақ кино өнерінің тәжірибесі жайында айта келіп, былай деген: “Кино справедливо гордится своей органической связью с народным творчеством. Оно всегда легче, лучше находило внутренний контакт, как наиболее народное искусство с народными истоками... Только такого воплощения ожидают от ближайшего будущего молодого казахского кино исторические темы: об Абае, Сырыме, Исатае, Кенесары, Амангельды. Темы о выдающихся творческих личностях Абае, Чокане, Биржане, Курмангазы, Джамбуле, темы эпоса, преданий, прекрасных легенд о Коркуте, Асан Кайгы, Алдар Косе, темы лирических и поэтических сказаний о Баяне, Кыз-Жибек, Хан-Шаим” (21-том. 20–21-бб.).

М. Әуезовтің “Литература и кино” деген мақаласы – өнер теоретигі мен іс жүзіндегі сценаристің тоғысқан сәті, кино элементі енудегі алғашқы қадамы.

Бұл тұрғыда Р. Абдулахатованың “М. Ауэзов и казахское кино” (Простор. 1977. №8), Б. Нөгербектің “Кино Казахстана” (раздел III. Ауэзов и кино. Алма-Ата, 1998. С. 98–41) деген еңбектерін атауға болады. Б. Нөгербек өз еңбегінде М. Әуезовтің киносценарийлері жайында былай деген: “...значение сценарных опытов М. Ауэзова трудно переоценить. В контексте развития казахского национального кино они занимают особое место”. Бірақ қазіргі таңда кинотанушылар тарапынан М. Әуезовтің сценарийі бойынша қойылған “Райхан”, “Песни Абая” фильмдері ғана зерттелген. Ал жазушының 50 томдық шығармалар жинағына енген “Степной батыр” (29-том), “Абай” (19-том) сценарийлерінің варианттары, “На крыльях песни”, “Три желания” сияқты сценарийлері зерттелмей қалды.

Айталық, жоғарыдағы аталған кітапта Б. Нөгербек былай деп жазады: “Экранные и экранно-фольклорные связи в кинонаследии Ауэзова – подобная научная проблематика не ставилась и не рассматривалась в теории кино” (Кино Казахстана. С. 100).

Өкінішке қарай, М. Әуезов пен К. Виноградскаяның “Три желания” киносценарийінің үш нұсқасы бойынша кино түсірілмеді. М. Әуезов Тынышев пен Эйзенштейннің тұжырымдамаларымен жақсы таныс болған (484-бума), оны өз тәжірибесінде кенінен қолданған. Соған дәлел ретінде жазушының “Три желания” сценарийлерін атауға болады.

Р. Қайшыбаева

“Қазақ әдебиетінің тарихы”. **Екінші том (XVIII–XIX ғғ. әдебиеті) (1948 ж.)”**

Әдебиет тарихының екінші кітабы жөніндегі бұл жобажоспар М. Әуезов мұрағатындағы 212-буманың 12–27-беттерінде сақтаулы тұр. Алғашқы парақтың жоғарғы бұрышында “11 майда алдым. Ғайнетдин” деген жазуы бар, ең соңында “М. Әуезов, И.Т. Дюсенбаев” деп қол қойылған.

Бұл жоба БК(б)П Орталық Комитетінің республикадағы әдебиеттану мәселелеріне арналған қаулыларынан кейін жазылды. Онда авторлар мен барлық шығармалық мұраларды ең алдымен тарихтық, қоғамдық-таптық салт-сана тұрғысынан айқындап, бағалау және авторлар мен мұралардың мәдениеттік сана қайшылықтары мен олқылықтарын тексеру көзделді. Бұхар, Дулат, Махамбет, Шернияз, Нысанбай, Шортанбай, Мұрат, Базар, Шокан, Ыбырай, Абай, Ақылбай, Мағауиядай жекелеген авторлардың шығармашылығы осы тұрғыдан қарастырылды. Осылардың ішінде Ораз молда, Өндірбай, Мәулекей, Кәшәфиддин, Ақылбек Сабал, Шәді, Қыпшақбайларды топтап, Низами, Науаи, Физулидей классик акындардың “Жүсіп-Зылика”, “Ләйлі-Мәжнүн”, “Ескендір”, “Фархад-Шырын” сияқты жыр-дастандарын жеке-жеке сөз ету көзделді. Бұл күнге шейінгі зерттеу-тексерулердегі табыстар, олқылық-кемшіліктер кеңінен қарастырылуы керек болды. Бұлар Қазақстан тарихының соңғы деректеріне, көршілес республикалардың әдебиет тарихының зерттелу тәжірибелеріне сүйене отырып, маркстік-лениндік ғылым тұрғысынан іске асырылатын болады. Дін мен үстем таптар санашылы болған акындар мұраларын ашу, сынау ұстанымы да қатты ескеріледі.

Т. Әкім

“Лекция (1948–1949 жж.)”

Бұл — М. Әуезовтің 1948–1949 оқу жылында Қазақ мемлекеттік университеті филология факультетінің студенттеріне абайтанудан оқыған лекциясының материалы. Оны сол кездегі ҚазМУ-дың 3-курс студенті, қазіргі филология ғылымдарының докторы, тілші-ғалым Шора Сарыбаев жазып алған. Лекция арнаулы курстың бағдарламасы негізінде жазылған.

Материал М. Әуезовтің 90 жылдық мерейтойы қарсаңында ҒМО-ның қолжазба қорына тапсырылды. Студент дәптерінің сыртқы мұқабасына “Спец. курс по Абаю. Ст. III-к. к/о. КазГУ Сарыбаев. 9/II. 1948. №1 (М. Әуезов)” деп белгі қойған.

Лекция жоспары “Абайға дейінгі әлеуметтік-тарихи жағдай”, “Әдебиеттік жағдай”, “Абаеведение”, “Абайдың қара сөздері”, “1891 ж. қара сөздері” бөлімдерінен тұрады. Лекция мәтінін Л.М. Әуезова, М. Мырзахметұлы құрастырған “Абайтанудан жарияланбаған материалдар” (Алматы: Ғылым, 1988) мен “Абайтану дәрістері” (Алматы: Рауан, 1994) жинақтарындағы лекция мәтіндерімен текстологиялық салыстырулар жасағанда ұқсастық, қайталаулар кездеспеді.

Бұл томға студент дәптеріндегі лекция мәтіні негізге алынып, толық жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

МАЗМҰНЫ

I. МАҚАЛАЛАР, ТЕЗИСТЕР	3
Позор торговцам судьбою и совестью народов!.....	5
Тагордың кемеңгерлігі	8
Поэма “Айман – Шолпан”	13
О казахской литературе.....	15
И.В. Сталин и дружба народов	18
Шангирей Букеев	25
Наши искания (К 7-летию Национального государственного театра)	30
Неиссякаемый источник благодарной радости	37
Тезисы к докладу о Чехове.....	43
Славнейший из людей	47
II. СӨЗДЕР, СТЕНОГРАММАЛАР	51
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Президиума АН КазССР о деятельности Научной библиотеки АН КазССР	53
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР 3 февраля 1950 года	56
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Бюро комиссии по литературам народов СССР при обсуждении произведений башкирских писателей.....	59
Выступление М.О. Ауэзова на заседании сессии отделения общественных наук АН КазССР по выдвижению кандидатов в действительные члены АН КазССР	62
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР при обсуждении доклада Н.С. Тихонова “Современная прогрессивная литература мира” и доклада А.Е. Корнейчука “О драматургии”	65

Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР по вопросам народного эпоса 26 мая 1953 года.....	69
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР, посвященном обсуждению докладов С.А. Герасимова, Б.Н. Полевого, Самеда Вургуна, Б.С. Рюрикова 14 ноября 1954 года.....	76
Выступление М.О. Ауэзова на совещании по подготовке доклада к пленуму СП СССР на Правлении Союза писателей СССР 8 февраля 1957 года	82
Выступление М.О. Ауэзова на региональном совещании по вопросам составления “Очерков истории советской литературы народов Средней Азии и Казахстана”	87
Выступление М.О. Ауэзова на заседании жюри по просмотру декадных спектаклей 8 июня 1958 года	97
Стенограмма заседания редколлегии по обсуждению очерка устного поэтического творчества казахского народа 19 июня 1952 года	101
Стенограмма заседания редакционной коллегии I тома “Казахской литературы” при Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР	115

**Әдебиет пен өнер саласы бойынша Лениндік сыйлықтар беру
комитетінде сойлеген сөздері**

Из стенограммы заседания секции литературы (2 февраля 1957 г.)	137
Из стенограммы совместного заседания Президиума комитета (5 апреля 1957 г.)	140
Из стенограммы заседания секции литературы (5 января 1959 г.)	142
Из стенограммы заседания секции литературы (от 13 февраля 1960 г.).....	144
Из стенограммы секции литературы (6 апреля 1961 г.)	145

III. ПІКІРЛЕР 147

Предварительный отзыв о диссертационной работе тов. Маловичко А.Л. на тему “Историко-биографическая пьеса в казахской советской драматургии” 149

Отзыв о диссертационной работе тов. Конратбаева Ауельбека на тему “Казахский лиро-эпос” 151

Отзыв (предварительный) о диссертации старшего научного сотрудника Казахского филиала ИМЭЛ тов. Джангалина М.О. на тему “К истории организации перевода и изданий произведений классиков марксизма-ленинизма в Казахской ССР” 155

Отзыв о диссертационной работе И. Султанова на тему “Из истории социалистического реализма в узбекской литературе” (Представлена на соискание ученой степени доктора филологических наук) 157

Отзыв о диссертационной работе тов. Саманчина Тазабека на тему “Молдо Клыч – первый акын-письменник”, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук 160

В Комиссию по проверке выполнения решения ЦК КП(б) Казахстана “О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук КазССР” 168

X. Жұмалиевтің 8-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” оқу кітабы туралы рецензия 172

IV. ПЬЕСАЛАР, СЦЕНАРИЙЛЕР 177

Қынаптан қылыш 179

Разящий клинок (Қынаптан қылыш) 231

Энлик – Кебек 285

Три желания (1-й вариант) 329

Три желания (2-й вариант)	341
Три желания (3-й вариант)	351
V. ЗЕРТТЕУ	361
“Қазак әдебиетінің тарихы”.	
Екінші том (XVIII–XIX ғғ. әдебиеті) (1948 ж.)	363
VI. ЛЕКЦИЯ (1948–1949 жж.)	375
VII. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	389

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

47-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:

С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*

Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 ¹/₃₂. Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 23,9.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 1181.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-189-0

9 786012 941890